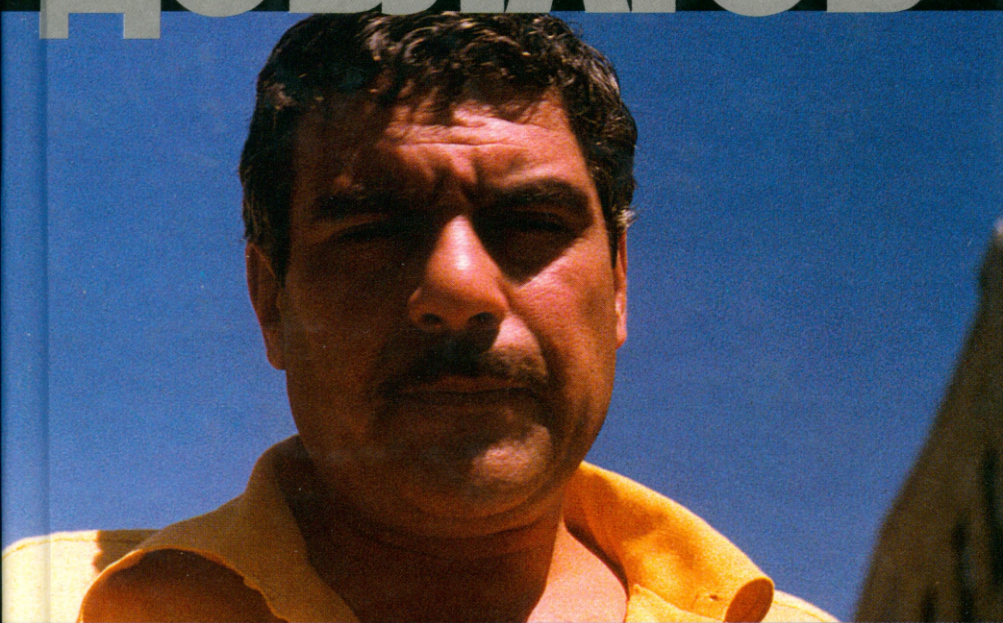


сергей  
**ДОВЛАТОВ**



*Эпистолярный роман  
с Игорем Ефимовым*

(1981)

P.S. Впередит  
(Хавя Он) курс  
справ

Дорогой Игорь!  
тоже, как вы замечали,  
у нас - две коробки  
а работают они по 8-10 часов

У нас - две коробки  
а работают они по 8-10 часов  
Поворот, это неуровнило.  
Она идет все лучше и  
на Livestry, так это - все  
мама - 300 в месяц +  
9 дней, отправляю нацу в "Соко"

Поздно, многолюдно, с коррес  
те, отправляю нацу в "DAI"  
Водовушка  
дурно, многолюдно, с коррес  
те, отправляю нацу в "DAI"

Поздно, многолюдно, с коррес  
те, отправляю нацу в "DAI"  
Водовушка  
дурно, многолюдно, с коррес  
те, отправляю нацу в "DAI"

Поздно, многолюдно, с коррес  
те, отправляю нацу в "DAI"  
Водовушка  
дурно, многолюдно, с коррес  
те, отправляю нацу в "DAI"

6 ноября.  
со мной, с Уригоренко.  
даже - с Уригоренко.  
Он сразу Зосина - наобзод.

Дорогие Ефимовы!

Посылаю для ознакомления три первых номера газеты. Рассказывать подроб-  
ности - нет сил. Положение все еще шаткое и трудное. Глупости и мерзости в  
Обращении - навязаны. Таковы были условия. Надеюсь, все поймете. Надо было вы-  
бираться: либо расхотиться по домам, либо - эти условия. Расходиться до слез  
обидно. Уцелеть без помощи Седыха - невозможно. К Меттеру возврата нет - о-  
жулик. И так далее.

Народ кругом - говно. Жить со всех сторон. Жизнь - отвратительна.  
Гриша с Леной купили наборную машину. Взять того же Гришу - единствен-  
ный хороший человек в микрорайоне - и тот бездельник и невежда.  
Вайнберг в разговоре со мной произнес:  
"Газные там славянисты курят вам дидирамбы..."  
У меня от смеха хлынул из носа чай...  
Всех ненавижу.

Любящий вас

(Долларов.

P.S. Обратит внимание  
декабрь В. Шидрица.  
за суббоду написал  
привлечение Брайтон  
шубкиши. Докатился

Оптимизм  
Ваш С Д  
113

Моя тигерь, но смея  
звездь, русской колони  
Модя без конца остани  
улиц. Завора идет  
ки"

Спасибо за адрес.  
Блок Максима звонил  
Моя "Ардиса" в 4-м  
-125 долл. в неделю.

Игорь! Ужасно, что не дохо  
Марьямовы говорят, что не дохо  
Знаю. Напишите ей у нас  
с любовью ей самой.  
рада.

Напишите перельману. Он  
Ким Моден помош. ( )  
Вот один адрес: Mr. M. Zaichik,  
Nevejakov 102, apt. 14, Jerusalem.

Это некий Марк Зайчик. За  
делом на взр. радио. Вы его  
чет помните. Он Вас знает и гит. Он  
чет помните. Он Вас знает и гит. Он  
ларов советует обратиться к вам.  
Так далее. Напишите ему что-то удач  
нее: "Сергей когда-то поговаривал мне фану в

Сергей Довлатов  
**ЧЕМОДАН**



**С. ДОВЛАТОВ**



**ЗАПОВЕДНИК**

**СЕРГЕЙ  
ДОВЛАТОВ**

**ЕВИДУМАЯ  
НИГА**

## **ИГОРЬ ЕФИМОВ О СЕРГЕЕ ДОВЛАТОВЕ**

*(цитата из книги «Четыре горы»)*

«Что может быть слаше, чем видеть себя печально непонятым, печально благородным, печально влюбленным, печально отвергнутым, печально выпивающим, печально остроумным, печально недооцененным, печально умудренным! Именно такой образ-автопортрет подсоветского Чайльд Гарольда создал Сергей Довлатов. И каждый русский читатель мысленно восклицает, читая: «Да это же я, я, я!»

## **СЕРГЕЙ ДОВЛАТОВ О САМОМ СЕБЕ**

*(цитаты из этой книги)*

«В общем, жизнь полна  
каких-то теоретических возможностей.  
Действительность же пока убога».

\*

«Народ кругом — говно.  
Камни летят со всех сторон.  
Жизнь отвратительна».

\*

«Хотя вообще-то я сильно разложился, я это чувствую.  
Я здесь веду себя хуже и терпимее ко всякой мерзости,  
чем в партийной газете...  
Буду заниматься литературой, а на работе  
— изворачиваться, обманывать начальство, как в Союзе...  
Народ вокруг — довольно поганый.  
И сам я — хорош!»

\*

«Вообще, моя мать считает, что у меня плохой вкус.  
Может быть, это так и есть.  
Во всяком случае, я долгие годы  
подавляю в себе желание  
носить на пальце крупный недорогой перстень».

«Девяносто процентов моих знакомых в Нью-Йорке —  
воры и подлецы.  
На этом фоне циники, или, скажем, бездушные эгоисты  
кажутся людьми вполне достойными».

\*

«На второй минуте он сказал:  
«Оба мы с вами не гении»,  
и мне это как-то не понравилось.  
Есть в таком заявлении какая-то неприятная правда».

\*

«Пьянство мое затихло,  
но приступы депрессии учащаются,  
именно депрессии, то есть беспричинной тоски,  
бессилия и отвращения к жизни.  
Лечиться не буду и в психиатрию я не верю.  
Просто я всю жизнь чего-то ждал:  
аттестата зрелости, потери девственности, женитьбы,  
ребенка, первой книжки, минимальных денег,  
а сейчас все произошло,  
ждать больше нечего,  
источников радости нет».

\*

«Хотите верьте, хотите нет,  
но мне проще подарить человеку 300 долларов,  
чем дать ему их взаймы на неопределенный срок,  
потому что в этом случае ты, с одной стороны,  
не знаешь, можно ли рассчитывать на эти деньги,  
а с другой стороны, не получаешь кайфа  
от сознания широты своей натуры».

\*

«Как все-таки ужасно,  
что у нас такая ненормальная родина,  
было бы у нас дома что-то вроде  
какой-нибудь засраной Италии,  
как бы мы замечательно жили».

\*

«Две вещи как-то скрашивают жизнь:  
хорошие отношения дома  
и надежда когда-нибудь вернуться в Ленинград».

## ИГОРЬ ЗАХАРОВ ОБ ЭТОЙ КНИГЕ

Ровесники, земляки и старинные приятели, Сергей ДОВЛАТОВ и Игорь ЕФИМОВ еще в 60-е годы были участниками ленинградской литературной группы «Горожане».

В конце 70-х оба писателя эмигрировали; Довлатов обосновался в Нью-Йорке, а Ефимов сначала работал в Анн Арборе (Мичиган) редактором в «Ардисе» у Карла Проффера, а потом основал собственное издательство «Эр-митаж» в Нью-Джерси.

Их более чем десятилетняя (1978—1989) американская переписка — настоящий эпистолярный роман, «ошеломительная книга», «читающаяся на одном дыхании», причем «стилистически, художественно материя писем неотличима от лучших страниц довлатовской прозы», а «его блистательный, безжалостный юмор сверкает в каждом письме».

Трудно поверить, но два с лишним года эта книга не могла найти своего издателя — многих смущала «обидная неправда про живых людей, порой — и обидная правда, а иногда — прямая клевета, на которую Довлатов в художественном азарте был вполне способен». (Подробнее об этом говорится в одном из приложений к книге.) Но не напечатать такую блестящую книгу — это, по-моему, большее преступление перед читателями.

ИГОРЬ  
**ЕФИМОВ**

*Эпистолярный роман  
с Сергеем Довлатовым*

сергей  
**ДОВЛАТОВ**

*Эпистолярный роман  
с Игорем Ефимовичем*



УДК 882-3.2.7

ББК 83.3Р

Д 58

Ефимов — Захарову

*В ответ на Ваш вопрос “кто есть кто?” — для облегчения понимания текста переписки — сообщаю: у Довлатова было три жены — Ася Пекуровская (от нее дочь Маша), Тамара Зибунова (про детей — не знаю) и Лена Довлатова (у них есть дочь Катя и родившийся уже в Америке сын Коля); жену Ефимова зовут Марина Рачко, их дети — Лена (старшая) и Наташа. Остальные пояснения лучше бы дать в Именном указателе.*

18.10.2000 года

## Довлатов — Ефимову

Вена, 16 декабря 1978 года

Дорогие Игорь, Марина! Спасибо за письмо. Получили ли вы мое, на адрес Карла [Проффера]? Я туда вложил два письма, Игоря уже не заставшие. И еще, что делать с копией «Бедности народов»? [Рукопись книги, вышедшей в следующем году под названием «Без буржуев».] Может, она срочно необходима?

У нас все по-прежнему. Вадик [Бакинский] сказал корреспонденту радио, что на него было семь покушений. Прямо Лев Троцкий!

У нас было интервью в консульате. Я чиновнику не понравился. Он привязался к моей дурацкой татуировке. Долго и неприязненно расспрашивал об аресте. Им смертельно надоели диссиденты. Особенно фальшивые. Кроме того, мне объяснили, что я олицетворяю средний тип международного преступника. И даже конкретно похож на важных австрийских бандитов югославского и венгерского происхождения.

Да, еще такое событие. Отличилась Глаша. Покусала австрийских детей. Нужно три раза повести ее к доктору. И каждый раз платить деньги.

Кирилл Владимирович [Косцинский, он же Успенский] без вас совершенно распоясался. Без конца меня обижает. Публично сказал, что я — альфонс. Моя терпимость не поспекает за его остроумием. Сегодня едет в Швейцарию, гад!

Я наблюдал жуткий скандал в доме Успенских. Суть была в том, что Наталья Илларионовна ходит полуодетая из ванной в комнату. Кирилл привел довод, что он, будучи телесно мерзок, не ходит голый и другим этого не позволит.

Хозяйка Барбара Михль, оказавшаяся чудной девкой, запретила Лене [Лапицкой] играть на пианино. (Соседи наверху возражают.) Для меня это большая радость.

Салон Рудкевича [представителя «Посева» в Вене] хиреет день ото дня. Приезжал глава НТС, Поремский. Он мне не понравился. Мировоззрение времен Антанты. И дикие мысли о перевороте в СССР.

Без вас тут жить скучно. Надеюсь — увидимся.

Да, собирается ехать Бобышев. Осудивший в стихах эмигр. Бродского. «Сейчас ты в заграничном том пределе, куда давно глаза твои глядели». Обнимаю вас и люблю. Привет Наташе.

Довлатов.

## Довлатов — Ефимовым

Вена, 1 февраля 1979 года

Дорогие мои, здравствуйте!

Книжки получил, огромное спасибо. И Карла благодарите.

Оба «Глагола»... дал некоей Агаджановой. Она — жена Перельмана, филолог. Выглядит плохо, но имеет диплом. Знает трудные слова. В разговоре упоминает Жирмунского и Бялого. Попробует написать рецензию. Если получится здорово — в «Континент». Если не очень — в «РМ» [«Русскую мысль»]. Уфляндом же я сам займусь. Хочу написать про него микроскопический очерк для «Эха». Как бы литературный портрет с цитатами. Нечто художественное. Плюс небольшую заметку в «Русскую мысль». Развернутый анонс. Вообще-то я к газете охладел. Там некий Рафальский (он же М.Сергеев) изругал «Эхо» и всех его участников. Обзор у него заканчивается словом «экскременты». А стиль такой: «...Конечно, Марамзин, возможно, прав...» Хуже (для Марамзина) и выразиться невозможно. Он ненавидит таких оборотов... Да, еще я написал им гадость про Андрея Вознесенского. Не опубликовали...

У нас все по-прежнему. Скажите бабушке (имя-отчество забыл, простите), что мать голубей кормит.

Приезжала на двое суток фрау Барбара Михль... Вполне... Мама гостила у Натальи Илларионовны. Лена аккомпанировала Платону Швецу в Мюнхене. «О, как я стал взволнован!..» (В.Ерофеев, «Москва — Петушки», глава третья). Тем не менее починить водогрей за свой счет отказалась. Такова загадочная австро-венгерская душа. «Фантастиш, фантастиш!», а раскошелиться — так нет...

Мы улетаем 22-го. Глаша обойдется чуть ли не в триста долларов. Это почти все наши деньги. Лишь бы добраться благополучно. Мать хворает.

Я купил за 700 шиллингов неисправный магнитофон. Будучи идиотом.

Экземпляры «Невид. книги» я послал: на радио Либерти [«Свобода»] с благодарностью, Терновскому с неким прицелом, Марамзину с дружеским чувством и не без прицела же, дяде Леопольду, о чем жалею, и Вадиму Делоне. И все.

Игорь, Марина! Я знаю, как вы перегружены. У меня в одном старом рассказе учительница спрашивает у двоечника: «Волга впадает в Каспийское что?». Я вам буду задавать такие же вопросы. Чтобы отвечать, если найдете время, совсем коротко.

Итак. Что делать с копией «Бедности народов»? Выслать, привезти, взять себе?

Отозвался ли «Континент» на Маринину рецензию? Есть энтузиасты, хотят написать. Так чтобы я мог регулировать поток восхвалений...

Леша [Лев Лосев] не пишет, наверное очень занят. Скажите ему, что мы улетаем 22-го. Если не успеет ответить, я дам о себе знать из Нью-Йорка. Ему большой привет.

Должен ли я что-нибудь написать Карлу, поблагодарить? Или это назойливо?

Ну, будьте здоровы. Все будет хорошо. Особенно — у вас. Привет вашей бабушке и дочкам. Карлу и его жене.

Ваш С. Довлатов.

## *Довлатов — Ефимовым*

*Вена, 5 февраля 1979 года*

Дорогой Игорь, здравствуйте!

Посылаю вам рецензию на Уфлянда. (Или что-то в этом роде.) Я ее отослал Марамзину, подразумевая либо «Эхо», либо «Свободу». А может, и то и другое. Для «Континента» жидковато. Дворяне из «РМ» не оценят. Короче, опытный Володя сам решит.

Филолог Агаджанова что-то пишет. В качестве не уверен. «Глагол» — трудный материал для рецензирования, согласитесь. Я ей посоветовал держаться ближе к обзору.

У нас все по-прежнему. Мать здорова. Алкоголизм совершенно заглох.

С «Гранями» я не поладил. Это богадельня. Ответили через два с половиной месяца. В советской манере. «Рассказ необычайно талантливый» (дословно). А потом сказано — использовать не можем. С чем-то он (рассказ) перекликается. Может, с Вашей статьей будет удачнее...

Только что вынул из ящика письмо от Марины. Ответ на другой стороне. Обнимаю Вас.

С. Довлатов.

Р.С. Экз. рецензии сохраните, может пригодиться. С.

\* \* \*

Дорогая Марина!

С Володиной затеей я уже примирился. И уже не возражаю. (Если Игорь да Леша не против.) Хотя по-прежнему боюсь выходить за рамки литературы. Для меня это всегда кончалось позором...

Как я могу обижаться на Лешу? Я перед ним в безнадежном долгу. И рассказы мои он всем навязывал. И копей мне наделал. И с книжкой, я уверен, нажимал. Насколько я догадываюсь, Проффер ею восхищался уме-

ренно. А душевное тепло и сердечный экстаз — личное дело каждого. Если бы Леша предоставил мне свою жену и квартиру и к тому же страстно меня целовал — все равно это чепуха по сравнению с тем, что он сделал...

О «Метрополе» я слышал. То, что он доброкачественный, — не сомневаюсь. Как и одноименная ресторация. Тем не менее есть в этой затее какая-то неуловимая говнистость. Что-то советское в оттенке жеста. По радио сказали: авторы «Метрополя» жалуются, что эмигрантских писателей не за художественность ценят, а за идеи. И что эмигрантов всячески рекламируют... Да какому эмигранту снилась популярность Аксенова и Вознесенского? Шаховская в «РМ» о Битове целую эпопею сочинила. Как раз заметна дискриминация противоположная. Об этом часто говорят Марамзин и Делоне. К «тамошним» неизмеримо больше любви и внимания. Да это и можно понять...

Простите за трюизм, но что это за деление — «советская литература», «эмигрантская литература»... «Лужская правда», «Майкопская правда»... А теперь еще какие-то промежуточные Битов с Аксеновым...

Да главное и не это. Я «Метрополь» не читал. Уверен, что талантливо. И даже смело. Может быть, даже какой-то новый рубеж смелости. Но при том убежден — это не правда, не вся правда. Это, в лучшем случае, усовершенствованное сальто-мартале недомолвок и аллюзий. (Почти цитирую Игоря, «РМ».)

Тут из Германии по радио выступал Окуджава. Позор! Взрослый мужчина невнятно бубнил о красотах Баварии. О серьезных вещах — ни звука. Это ли не рабство и галера? Сейчас помыслить жутко, что можно было так существовать...

Еще раз, простите за банальные рассуждения. Кстати, половина авторов «Метрополя» завтра будут эмигрантами...

Мы улетаем 22-го. Я не пью. Всем огромный привет.

Ваш С.Д.

## *Довлатов — Ефимовым*

*USA, NY, 9 марта 1979 года*

Дорогие Марина, Игорь (Бабушка, Лена, Наташа)

Спасибо за письмо. На душе у меня просто жутко. В Н. У. ожидало болезненное личное переживание. Подробностей касаться не следует. Итак я обегал весь город. Всех допрашивал. Совершенно уподобился Федору Павл. Карамазову. Конечно — поделом. И заслужил. И сам виноват. Но все равно очень тяжело и больно. Давно я так не мучился. С Аськиных [Пекуровская — первая жена Довлатова] времен. Вроде бы, от горя человек становится лучше. (Кажется, это пошлость.) И вообще, для хорошего человека — любое несчастье — расплата за его собственные грехи. (И это, кажется, тоже пошлость.) Простите меня за ненужную откровенность. Но я вас всех очень люблю и очень без вас скучаю.

Есть тут англ. курсы. Есть убогая лит. жизнь. Какие-то безымянные писатели (Любин, Заяц, Скачинский) хотят меня туда втянуть. Вероятно, буду халтурить на радио Liberty. И пытаться закончить ремесленные курсы. (Есть и такие.) Есть курсы механического рисования, что-то вроде дизайна. Сейчас мне не поступить — язык! Настроение ужасное. Лена много работает. Мама здорова. Катя переводит мне фильмы с телевизора.

Книжку пришлите. Адрес на конверте. В принципе мы ищем квартиру. Но бандероль вашу я успею получить. Всем огромный привет, Карлу, Леше. Ваш С.Д.

P. S. Бурихин уехал в Германию. Адреса его не знаю. Адрес Кирилла: Snerubinistrasse, <...> WIEN, AUSTRIA.

С.Д.



## Довлатов — Ефимовым

17 марта 1979 года

Дорогие Марина, Игорь!

Мне очень стыдно за то письмо. Не принимайте к сведению.

Жизнь пока в тумане. 4 раза в неделю посещал англ. курсы. И еще украшаю тусклый литер. пейзаж русского Нью-Йорка. Немного выступаю, почти бесплатно. Мне очень симпатизирует Поповский. Он здесь единственный серьезный человек. Да, заработал 300 долларов на радио.

Два экз. книжки [английский перевод «Невидимой книги»] получил! Огр. спасибо. Полиграфически — так себе, красная с золотом. И какой-то дурацкий рисунок. Зато внутри качество издания — лестное: сноски, notes, даже рост мой указан. Есть смешные ошибки. Сноска «Охапкин» имеет похоронный знак — [здесь нарисован крест].

Если полагаются мне дополнительно экземпляры, шлите сюда, во Flashing. Даже если мы передем (вряд ли), сосед — наш знакомый.

Марина, Вашу рецензию охотно напечатает Седых. Потребуйте у Марамзина четкого ответа. Если не «Континент», то лучше всего — «Н.Р.С.». Журналы — бесплатно и долго. «Русскую мысль» не читают в Америке. Седых заплатит ничтожно мало — 20 долларов.

Игорь! Объясните мне такую вещь. Три издательства («Руссика», «Альманах» и «Третья волна») вяло хотят издавать мою очередную книжку. Все три издательства — плохие. Ни денег, ни престижа. И все-таки. Должен ли я сначала показать Карлу, что у меня есть? Наиболее сносное — подборка рассказов о журналистике.

И последнее. Не желают ли мои переводчицы снова мною заняться? Перевести что-нибудь для амер. журналов? Как их разыскать?

Может быть, есть поручения в Нью-Йорке? Как у вас со снабжением (шутка). Обнимаю вас

С.Д.

## Довлатов — Ефимову

22 марта 1979 года

Дорогой Игорь!

Книжку получил, огромное спасибо. Сразу же перехожу к делу (Америка!).

Я тут дважды выступал. В составе некоего устного журнала «Берег». Заправляет им — Поповский. Все прошло удачно. (См. рецензию в «НРС».) Так вот. Каждый раз подходили человек тридцать и спрашивали, где можно приобрести мою книжку. К очередному выступлению в Джуиш-центре «Элизабет» Поповский решил пригласить кого-то из магазина «Руссика», чтобы они поставили лоток. Оказалось, что в «Руссике» всего два экземпляра. Магазин «Волга» — лавочка на краю света. Туда и звонить не стали.

Нельзя ли обратиться к Карлу с просьбой-предложением? Я получаю 100 экземпляров. Продаю их за 3,5 доллара за штуку. (Такая цена в «Руссике».) Обязуюсь через три месяца выслать 350 долларов, или меньшую сумму плюс нераспроданные экземпляры.

Я тут становлюсь популярен в низменных кругах и как бы украшаю устный журнал. Наш администратор — Консон, бывший киевский водевилист — даже мечтает разогнать всех участников, включая Поповского, и стать моим личным импресарио. Тогда я получал бы не двадцать, а двести долларов за выступление. Но мы аморализма не допустим.

В Нью-Йорке, если приглядеться, довольно много всевозможных затей и затейливых возможностей. Может быть, я рискну не становиться грузчиком или доор-меном [привратником, швейцаром]. Есть всякие соображения...

На всякий случай прилагаю расписку.

## РАСПИСКА

*Мною, Довлатовым С.Д. получено от Карла Проффера 100 (сто) экземпляров «Невидимой книги». Для розничной продажи. Обязуюсь через три месяца выслать 350 долларов, или меньшую сумму плюс — соответствующее количество нераспроданных экземпляров.*

*С.Довлатов.*

Игорь, машинку мою поломали в самолете. Я ее кое-как починил. Но плохо. Отсюда — грязь.

Если моя просьба смехотворна, объясните коротко. Спасибо. Всех обнимаю.

<...>

**P.P.P.P.S.** Если ответите в течение недели, то по этому адресу — Flashing. Если позже, тоже по этому, все дойдет.

**C.**

## Довлатов — Ефимову

22 марта 1979 года

Дорогой Игорь!

Извините, что обращаюсь под копирку. Сразу же перехожу к делу. В Америке создается новая газета. Вероятно, я буду иметь к ней отношение. Возможные скептические доводы мне известны. Я их долгое время разделял. Что же меня убедило в практической целесообразности этой затеи? В чем индивидуальность новой газеты? Каковы деловые предпосылки?

Нынешние русские газеты обращены к эмиграции вообще. В поле их зрения — Россия, главным образом. Новая газета обращается к третьей эмиграции. К людям, приехавшим навсегда. Пытающимся найти свое место в амер. жизни. В поле зрения новой газеты — Америка. И амер. проблемы. Чем и определяется характер газеты. Характер — в основном — деловой. Юридические консультации всех направлений. Социальные рекомендации. Описание амер. структуры. Трудоустройство. Жилье. Правовая сторона. И так далее. Будет и политика, и культура, и спорт. Политика в нормальном среднем русле «РМ» и «НРС». Культура — с тенденцией к юмору (наиболее демократическая форма). Реклама и проч.

Читатели здесь есть. Неудовлетворенность русской прессы огромная.

Деньги на издание есть. Дают богатые американцы. Уже работают амер. лозер [юрист, адвокат] и бухгалтер. Есть бизнес-менеджер, американец. Все это очень серьезно, я даже удивился. Разумеется, деловой стороной занимаюсь не я.

О чем я прошу и умоляю?! Пришлите что-нибудь свое. Бесплатно. Полгода мы работаем бесплатно. В дальнейшем предполагаются гонорары.

Пришлите что-нибудь. Я обращаюсь лишь к тем, у кого нет бездарных вещей. Обратитесь к талантливым знакомым. Настоятельно прошу. Мы обещаем вставку с очень лестной характеристикой. Если это фрагмент, укажем:

«Целиком выходит там-то...» Или готовится к печати. Если это кор. рассказ, то — «Из сборника такого-то...» Тоже — о стихах... Буду очень ждать. Все меня считают легкомысленным, и правильно. Но сейчас я действую очень трезво, увидите. Не откликнитесь — запью!

Буду очень ждать. Объем — как можно больше. Но благодарю и за одну страницу.

Газета будет выходить на 24 полосах. (На меньший объем америкрианцы не дают капусты.) Раз в неделю. Условное название — «Новый американец». Первый номер — через 1,5 месяца. Жду!

Ваш С. Довлатов.

P.S. «Записные книжки писателя» — это не я выдумал такое нахальство. Это — Поповский... У меня было просто «Записные книжки».

P.P.S. Мне тут позвонил человек, фамилия — Любин. И сказал: «Я писатель Любин. Из Ленинграда. Вы меня знаете?». Я сказал: «К сожалению — нет». А он говорит: «Да, вы могли меня не знать. Потому что я писал очень серьезную прозу...»

Целую. С.

P.P.P.S. Бабка Нора все вспоминает Наташу.

С.

**ВПЕРВЫЕ В ЭМИГРАЦИИ!  
УСТНЫЙ ЖУРНАЛ «БЕРЕГ»**

**в Доме дружбы Америки и Израиля, 136E 39 St Манхаттан  
В СУББОТУ 17 МАРТА В 6 ЧАС. ВЕЧЕРА.**

**ПРОЗА, ПОЭЗИЯ, ЮМОР, КИНО, СПОРТ  
ПРОГРАММА:**

- 1. ПОСЛЕДНИЕ СТИХИ А. ГАЛИЧА**  
— читает Татьяна Брохина.
- 2. ВСТРЕЧИ С АКАДЕМИКОМ А. САХАРОВЫМ**  
— М. Поповский.
- 3. «ЧТО ДЕЛАТЬ, ИЛИ ШОТА ПИЧХАДЗЕ В АМЕРИКЕ»**  
— Юлия Троль.
- 4. «ЗАЧЕМ НУЖНА РЕКЛАМА?»**  
— Борис Палант.
- 5. КИНОФИЛЬМ**  
— комментирует режиссер.
- 6. СПОРТИВНОЕ ОБОЗРЕНИЕ**  
— Евгений Рубин.
- 7. «ЗАПИСНЫЕ КНИЖКИ ПИСАТЕЛЯ»**  
— Сергей Довлатов.

**Программу журнала ведет  
ВАДИМ КОНСОН**

**Цена билета \$5.00  
Справки и заказ билетов  
по тел.: 840—7171, 569—5171.**

## *Ефимов — Довлатову*

*24 марта 1979 года*

Дорогой Сережа!

О делах:

1. Сегодня же отправляю запрос Горбаневской по поводу Марининой рецензии. Если в «Континент» не попала, пошлем Седых.

2. С Карлом говорил. Он с приветливо-виноватым видом сказал, что если Вы в силах ждать как минимум 18 месяцев, то присылайте. У Ардиса планы, действительно, непомерные, и втискивать что-то новое он будет только в исключительных случаях.

3. Адрес переводчицы Вашей (главной из двух): Katherine O'Connor, Foreign Languages, Boston University, Boston Mass 02215. Думаю, теперь, после выхода «Инвизибл бук» [«Невидимая книга» по-английски] Вы вполне можете подбивать ее (их) на новые труды и вместе искать места для публикаций.

4. Литературный Нью-Йорк я немного знаю. Любина и Скачинского сделал своими врагами — послал им отказ Ардиса за своей подписью и со своими — мягчайшими! — объяснениями. Любин после этого прислал Карлу письмо, каких я и в «Звезде» от отвергнутых графоманов не получал.

5. «Невидимая книга» существует уже и в твердой обложке, скоро пришлю.

О нашей жизни:

Все хорошо, просто замечательно, если не считать того, что все Ваши героические возгласы в Вене — готов болванки катать на заводе! — оказались пророческими в отношении меня. Если не болванки, то ящики с книгами — таскать, паковать бандероли, отвозить почту — это примерно половина рабочего дня. Вторая половина — работа на наборной машине. Где-то в промежутке — 10 минут собственно редакторской работы. Обсуждение с Карлом разных текущих проблем. (Сказать к его чести,

он делает то же самое, плюс огромный объем деловой переписки, возни со счетами, головоломной бухгалтерии с налогами.) Пишу Вам об этом по секрету, потому что Вы один из немногих, кто может поверить, что мне это действительно по душе, что я просто истосковался по такому вот разумному, эффективному, понятному мне, реальному делу. Но для очень многих — как уехавших, так и оставшихся — это будет лишь поводом для злорадства. Не хочется.

**О Вашей жизни:**

Судя по Вашим письмам (а порой — и по отсутствию их) — дело неладно. Всегда грустно слышать о Ваших Бахусовых подвигах, а когда к этому добавляются еще сердечные горести и семейная смута — совсем нехорошо. Хочется влезть на кафедру и закатить проповедь часа на три. Да не поможет, это ясно. Разве что одно можно сказать: в этом полушарии красивых оправданий и извинений у нас всех остается гораздо меньше, чем было в Ленинграде.

Всего Вам доброго, Сережа, сердечный привет родным, от Марины — тоже.

**Ваш И.**



## Довлатов — Ефимову

31 марта 1979 года

Дорогой Игорь! (Марина, дети!)

Только что Катя достала Ваше письмо. Спасибо. Очень рад за Ваши дела (стиль). Насчет злорадства эмигрантов — ошибаетесь. Тут иная психология. Даже если бы Вы очистили Карлу ботинки, низшие соотечественники твердили бы: «Хитрый Ефимов там жил неплохо. И тут купил половину издательства...» Логика пересудов очень затайлива. Вспомните Ленинград. Слухи о богатстве Иосифа Бродского, Марамзина и т.д. Твердую «Невидимую книгу» — алкаю. Как подлинный стилист, ассоциативно перехожу к запоям. Пью я все меньше. Точнее — все менее много. Прилагаю график: [нарисован график]

Пить здесь абсолютно не с кем. Все это не актуально.

Я целиком погрузился в эту затею с газетой. Дело очень серьезное и перспективное. Даже и в финансовом отношении. Я буду вести литер. страницу — «Робинзон» и писать очерки — эмигрантские судьбы.

В Нью-Йорке очень интересно жить. Много смешного.

Да, 11-го, в среду, я буду трендеть по «Голосу [Америки]». А в течение этой недели — по «ВВС». В обоих случаях буду упоминать «Ардис», Вас, Лешу и книжки. Рец. на Уфлянда — у Марамзина. Ее же отдельно прочту в «Голосе».

На «Свободе» заработал 300 долларов. И еще на 700 написал заявки. Там хорошо платят, но люди вялые и рассеянное по миру начальство (Мюнхен, Вашингтон),

И последнее. Мы не сегодня-завтра переезжаем. Но — отвечайте (если будет время) по этому адресу. Распоряжения и на почте и соседу — даны.

А новый адрес я знаю лишь (ненавистное слово) — визуально.

Мы переезжаем в хор. район, а главное — школа хорошая, лучшая в Нью-Йорке.

Обнимаю всех.

С.

## *Довлатов — Ефимову*

*Март 1979 года*

Дорогой Игорь!

Очень хорошо представляю себе Вашу ироническую улыбку. Клянусь, все очень серьезно и на мази. Деловой частью занимаются Рубин и Метгер: Рубин (не Грубин!) — изв. моск. журналист. Метгер — племянник нашего знакомого. Оба — деловые, трезвые люди. Евреи. И порядочные. Дайте кусок из «Бедности народов»! Любой, любого объема!

Нет ли чего-то у Карла? Чтобы напечатать предварительно. С указанием и т.д. Из «Метрополя»? Из чего угодно талантливого?

Простите, что обременяю. Но это реальный шанс для меня заняться серьезным предприятием.

Ваш С.Д.

## *Ефимов — Довлатову*

*2 апреля 1979 года*

Дорогой Сережа!

Иронических улыбок по поводу новой газеты от меня не последует. Я уже понял, что, имея начальный капитал и энергичных людей, здесь можно запустить любое издание. Есть сомнения в выбранном направлении — именно для третьей волны, да про Америку. Во-первых, нехорошо отделяться: все мы русские, выброшенные судьбой из своей земли — кто раньше, кто позже. Во-вторых, американская пресса так подробно описывает Америку, что соваться сюда — руки отдавят. Не станете же вы работать для тех нескольких сотен, которые не в силах выучить английский? Существующая неудовлетворенность русской прессой — это как у Чехова в «Даме с собачкой»: «...сидит он у себя в Конотопе или Жиздре и ничего, а приедет в Ялту: ах, скучно». (Цитирую даже не очень близко к тексту.)

Теперь о моем участии. Я бы с готовностью и о деньгах бы не заикался (что с вас взять, голоштаных), но право же нет ничего, что подошло бы, а писать новое — времени нет. «Бедность народов» закуплена «Посевом» так крепко, что даже гонорар со «Свободы», которого я очень ждал, ушел сначала туда. Просить их о разрешении нет смысла. Директор Рар объяснил мне, что публикации в периодике не помогают, а очень вредят продаже книги: человек прочтет несколько отрывков в «Континенте» или еще где и воображает, что он уже «достаточно ознакомился». У меня нет оснований ему не верить.

Зато я могу предложить идею. Где-то я прочел объявление о том, что Солженицын организовал «Всероссийскую мемуарную библиотеку» — архив, куда все желающие могут слать свои мемуары. Может быть, обратиться к нему, вдруг есть уже что-то интересное. Их адрес: <...>

Рад, что Вам понемногу становится интересно в Нью-Йорке. Про выступление в НРС — читаем. Мои же успехи

и слава пока свелись к тому, что я попал в местную газету как победитель очередного еженедельного турнира по бриджу. «Метрополь» вышел только сегодня, и я очень прошу Вас передать П.Вайлю, что вряд ли мне удастся прислать ему экземпляр просто так на рецензию. Это первая партия — очень мало и дорого (кажется, 20 д.)

Кланяйтесь семье, удачи Вам.

Ваш Игорь.

## **Довлатов — Ефимову**

*4 апреля 1979 года*

Дорогой Игорь!

Извините, бумага кончилась. Пишу на клочке.

Сообщаю новый адрес:

S.D. 105—3864 RD. apt. 1N. FOREST HILLS, N. Y. 11375. USA.

Тел. 459-21-78.

Книжки, 2 толстые и 50 тоненьких, получил. 15-го начну торговать. Нас с этим убогим «Берегом» пригласили в Филадельфию, Бостон и Канаду. И в десяток эмигрантских логовищ Нью-Йорка.

Будьте добры, сообщите новый адрес Леше. И, пожалуйста, как можно скорее. Он ведь собирался в Нью-Йорк. Мы не виделись больше двух лет.

Надеюсь, у Вас все хорошо.

Газетные дела подвигаются. Купили чудную печатную машину и сняли офис. Плохого человека Седых намерены разорить...

Я тут зашел в русский кн. магазин Мартьянова. Попросил Уфлянда и Довлатова — взглянуть. Старик Мартьянов бодро закивал и вынес мне Алданова и «Кюхлю».

Обнимаю вас всех.

Ваш С. Довлатов.

## Довлатов — Ефимову

19 апреля 1979 года

Дорогой Игорь!

Вы живете в башне из слоновой кости (чему я очень завидую). В одном Нью-Йорке 38 тысяч человек, говорящих исключительно по-русски. (И прибывает ежегодно 4—6 тысяч.) Из третьей эмиграции англ. языком (на уровне газеты) владеет человек 700 (интеллигенция). Остальные пользуются (в лучшем случае) жаргонами: такси, магазин, парикмахерская. Т.е. — по роду занятий.

Почему нельзя выпускать газету для третьей эмиграции? Есть же газеты для рыбаков, курильщиков, отверженцев анального эротизма.

В мемуарную библиотеку конечно напишу. Карл, я так понял, не захочет дать что-то из готовящегося к печати? Отрывок? Стихи?

Вайль огорчился, что не пришлете «Метрополь» (м.б. с возвратом?) Они хотели создать ему (Метрополю) рекламу.

Лимонов оказался жалким, тихим и совершенно ничтожным человеком. Его тут обижают...

Кирилл прислал жуткое письмо об Ане. Хотите, перешлю Вам? Оно не конфиденциальное. А просто вопль...

Будьте добры, сообщите Леше мой новый адрес и телефон (459-21-78).

Обнимаю всех.

Сергей.

P.S. Приезжала Люда [Штерн]. Кажется, я ее разочаровал. Вместо APPOINTMENT получился DISAPPOINTMENT (каламбур).

## Довлатов — Ефимову

21 апреля 1979 года

Дорогой Игорь!

Извините, что мучаю письмами. Марамзин сообщил, что Бетаке не нравится рецензия. И что Максимов знает, что Рачко — ваша жена. А рецензия хорошая. В ней есть очень важное для меня соображение — можно ли упоминать реальных людей. Раз так, пошлите Седыху. Писатель он странный. У него редкий тип бездарности — полноценная, неуязвимая и кропотливая бездарность. Все грамотно, все на месте. «Тяжелая дубовая дверь со скрипом отворилась...» Кроме того, он побил своеобразный рекорд. Шестьдесят лет печатается, издал 14 книг, и ни единая не переведена.

Я так ругаю его потому, что он хамски срезает Лене расценки.

Обнимаю Вас. И Ваше семейство. Надеюсь, все здоровы.

Да, есть похвальба. Мне позвонил Бродский, сам. Хвалил рассказ в 19-м «Континенте». Сказал, что будет говорить с переводчиком. И заниматься моей очередной книжкой по-английски. Конечно же сказал: «Ардис не считается». (Карлу не передавайте.) В заключение сказал: «Кажется, мы 20 [лет] были на Вы?». Что хуйня. Мы лет двадцать на ты. Что с гения возьмешь? Даже такой звонок сумел отравить.

Обнимаю вас всех

С.Д.

## *Ефимов — Довлатову*

*29 апреля 1979 года*

Дорогой Сережа!

В нашей «башне из слоновой кости» царит такая деловая свистопляска, что времени хватает лишь на деловую переписку. Поэтому отвечаю с омерзительной краткостью и сухостью, отнюдь не соответствующими моему к Вам отношению.

1. 38 тысяч человек, говорящих исключительно по-русски, вряд ли так уж жадны до чтения. Кроме того, оперативный Седых, видимо, прослышав про Ваши планы, заметно увеличил деловую информацию в своей газете. А вот чего действительно не хватает в эмигрантской прессе и на чем можно было бы сыграть — юмор и сатира. Все так озабочены судьбами России и мира, что не дай Бог кому-нибудь усмехнуться. Только язвят друг друга нещадно, но ведь это не замена. Тем не менее у Карла спрошу еще раз.

2. Вайлю «Метрополь» послан — сам проверял.

3. Бедный, бедный, обиженный всеми Лимонов. Впрочем, кажется, и Иди Амин в юности натерпелся от английских капралов, и Харви Освальду жилось несладко, если рванул из США в СССР, и одна 16-летняя девчушка здесь в Америке сильно, должно быть, скучала, раз решила себе скрасить утро понедельника стрельбой из снайперской винтовки по родной школе. А кстати, прочли Вы журнал «Ковчег» № 3 с его очередным опусом?

4. Кирилл и нам написал про свои мытарства тоже. Зато в делах у него как будто просвет. Наверное, и правда, пора им уже отдохнуть друг от друга. Но тут получается, что на его шее остается тогда Н.И. — тоже не подарок.

5. Рецензия про Вас послана в НРС. (Кстати, Марина обиделась, что Вы обратились с этим ко мне, а не к ней.) Я написал Седых, чтобы сокращения согласовал с Вами. Одновременно послал ему интервью о Набокове, которое Карл дал «Голосу Америки». Если НРС не



возьмет, можете взять для своей газеты. Кстати, в списке опубликованных книг на обложке «Далекие, близкие» [А.Седых] один английский перевод упомянут.

6. С «Континентом» вообще трудно. Сообщаться можно только через Марамзина. Лешу они год мурьжили с рецензией на Битова и довели до того, что он послал им ругательное письмо

Всего Вам доброго, сердечный привет Лене и всем, Шарымова пусть хранит брошку до прямой okazji.

Ваш И.

## Довлатов — Ефимову

4 мая 1979 года

Дорогой Игорь!

Это письмо ответа не требует. Хотя в нем имеется просьба. С этого и начну. У Леши валяется моя рукопись — «Наследник». Там 75 стр. Половина из них — дрянь. Однако нужно же что-то писать. А там готовое начало. Я Леше намекал, чтобы выслал. Но Леша как-то особенно занят. Кроме того, Вас я, извините, меньше стесняюсь. Нельзя ли в потоке издательских отправлений выслать эту рукопись мне? Без единого сопроводительного звука. Это первое.

2. Не уверен, что Седых опубликует рецензию. Отношения неважные. Я его глупо и широко дезавуирую. Утверждаю, что его слог непритязательностью граничит с пустотой. (Поверьте, они безобразно ущемляют и эксплуатируют Лену.) Можно ли дать рецензию Глезеру в «Третью волну»? (Замечу, Глезер — ненавистник Лимонова). И вообще, человек с размахом. Устроил здесь конференцию. В здешних масштабах очень представительную.

3. Хочу изложить коротко новости и поветрия. Здесь явно назревает расцвет и триумф последней эмиграции. Сюда едет масса народу. Через год у них все харьковские проблемы будут решены (котлеты, штиблеты...) И тогда понадобится культура. Если бы Вы знали, как они реагируют даже на жалкий самодельный «Берег». Сообщаю также, что пятьдесят невидимых книжек были раскуплены за десять минут. С толчеей и конфликтами. (Есть свидетели.) Разумеется, деньги я сразу же потратил. Но конечно же пошлю их Карлу в срок, обусловленный распиской. То есть, скоро. И тогда попрошу еще. Простите, я отвлекся.

Центр эмиграции явно перемещается сюда. «Время и мы» переезжает сюда, не таясь. И Глезер перебирается с Монжероном, хоть и темнит. Уверен, что и Марамзин в раздумьи. (Хвостенко уже здесь.) Тут публика, деньги. И еще — пространство. Так обстоят дела...

4. Газета все еще на деловой стадии. Я на это время отстранен. Мне дали единственное задание, и я все испортил. Первый номер реально ждем в конце июня.

5. Снова о Лимонове. Он действительно забытый и несчастный человек. Бледный, трезвый, худенький, в мятом галстучке. Фигура комическая. Говорят, его издал Проффер. И правильно. Гладилин пишет еще хуже. А Седых — тот вообще. А Наврозов? А Львов? Мне решительно нравятся (из последней волны): Хазанов (читали?), Зиник, Гусаров, Марамзин и Ерофеев, конечно. Максимов уважаемый, но далекий. По-моему, там главная сила в количестве. Как-то подавляюще длинно написано. И на множество голосов — Платонов, Шолохов... Как-то нет явного собственного лица. Попросту — нет стиля...

6. Я на грани попыток соваться в массовые амер. издательства. Есть две рукописи. Есть два показательных фрагмента на английском. (Перевели два техасских аспиранта. Ученики Кузьминского (!?!). Есть англ. «Невидимая книга» — визитная карточка. И два изложения. Надо действовать. Это сложно. Множество неудачных примеров. Все равно, надо.

7. С Леной помирился. Поздно уже разводиться. Все же она лучше других. Здешние барышни такие практичные. Тип беспризорного гения не в почете.

8. Бродский хвалил мои последние рассказы: «Конт.» № 19, «Время [и мы]» — 36, 38. Теперь будут еще в «Эхо» — 5, «Время» — 40, 41, «Конт.» — 20. После этого надолго затихну. До новых сочинений. Дрянь печатать не хочу. Да и не имеет смысла. (В Союзе — имело.) Ни славы, ни денег, один позор. Еще одно преимущество запада. Нет стимула к бездарности.

9. Пошлите Вайлю «Метаполитику». Они пишут все лучше и лучше. Мне кажется, это уровень «Лурье-Соловьев-Гордин». О Ерофееве просто замечательно. Реагируют анализом, да еще и стилистикой.

Простите, что отрываю время. Мне Вас крайне не хватает. Я, кажется, очень поглупел. Целую Марину, девочек и бабушку. Пусть Марина не обижается. Я ее очень чту. За то, что она не внушает мне ужаса.

Огромный привет Леше, Нине и Карлу. Преданный Вам С. Д.

10. P.S. Да, спасибо за толстые англ. «Невид. книги». Мои ли они? То есть, мне ли бесплатно принадлежат?

С.

## *Ефимов — Довлатову*

*6 мая 1979 года*

Дорогой Сережа!

Я снова говорил с Карлом о материалах для газеты. Он готов помочь и поделиться тем, что у него есть. А есть у него большой железный ящик, в котором стоят папки со всякими писаниями — нужными и не очень, опубликованными и только планируемыми, известных авторов и анонимов. Он подвел меня к нему и говорит: выбирай. Легко сказать. Это же надо сесть, внимательно просматривать, отбирать, потом показать отобранное ему, потом отвезти в ксерокс. Работы не меньше, чем на два дня. А где их взять, эти два дня? Короче, за всем этим богатством надо кому-то приехать и самому с ним работать. Почему бы не Вам? Приезжал тут журналист Лев Штерн, сказал, что поездом до Толидо стоит 64 доллара в два конца, да от Толидо до нас автобус долларов 5. Получите заодно свою английскую книжку в твердой обложке — недавно получена. На всякий случай наши телефоны: 971-23-67 (служ.) и 971-29-68 (дом.). Всего доброго,

Ваш И.

## Довлатов — Ефимову

10 мая 1979 года

Дорогой Игорь!

Спасибо за письмо.

О Железном ящике Карла буду помалкивать. Представляете, что скажет Охупкин? «Агенты КГБ держат нашу поэзию в железном ящике...» Карлу спасибо. У вас побывать я очень хочу. И побываю когда-нибудь...

Газету намерены выпускать с июля. Очень много тормозов и препятствий. Это гораздо дороже и сложнее, чем выпускать журнал. И, вообще, совсем иное дело. Большинство помех устранено. Осталась почти единственная. Нужно обеспечить себя рекламой. (Это — треть газетной площади.) Без этого американцы не представляют себе дела. Лично я изобрел подписку-страховку, невиданное в амер. жизни явление. Потом расскажу. Если получим сто рекламных заявок — немедленно выходим...

Рецензию Седых набрал. Не знаю, когда пойдет. Вообще, тут необычайно узкий круг, набитый интригами и шорохами. Все расскажу когда-нибудь. Ваш Поповский тоже гусь изрядный. Хотя лично мне он симпатизирует и даже помогает.

Жить здесь тяжело, но безумно интересно.

Перельман оказался хитроумным зямой.

Бродский позвонил, наговорил комплиментов и сгинул, обещав издать меня в «Даблдей», «Рэндом Хауз» и «Саймон энд Шустер»...

Шарымова присвоила четыре стула, которые подарил мне Глезер. Ладно, ничего. Она же невеста. Ей нужнее. Мы очень бедные. Спим на матрасах, т.е. на полу. Питание хорошее. Другого просто нету. Из-за газеты не иду работать...

Обнимаю всех.

С.

## Довлатов — Ефимову

19 мая 1979 года

Дорогой Игорь!

Высылаю Карлу деньги. Вы писали о 140 дол. Если что-то не сходится, известите. И вообще, коротко, одной фразой сообщите, дошли ли. А то буду чуточку нервничать. Если Карл хочет, пусть вышлет еще экземпляры. Дальше вот что. Разрешите поделиться мыслями о здешней книжной торговле. Мысли, как всегда — не оригинальные. Если вдруг что-то покажется интересным, дайте знать Карлу.

Возьмем как говорится, того же меня. Где бы я публично ни оказался, два-три-десять человек спрашивают: «Как приобрести ваши сочинения?». Я говорю: «Пошлите чек в «Ардис», или в «Руссику». Неизменно реагируют: «Ну... Чек... Это долго...» Местные русские не привыкли к чековой системе. И не привыкнут. Магазины же русской книги (не советской, а изданной здесь) — нет. Магазины в привычном смысле — витрина, некоторый шик, фото Ахматовой... В какой-то мизерной Австрии — есть. В центре города, два этажа, красиво. И не прогорают же. Сколько же в Австрии русских? Две тысячи. Ну, еще туристы... А здесь — десятки тысяч. Магазины «Руссика» и даже Мартьянова (не говоря о «Волге») — это затхлые чуланы конторского типа в глубине зданий. Без витрин, без прилавков, как говорится — без ни хуя. Их почти невозможно обнаружить. Люди же книгами интересуются. Даже очень. Причем, самые неинтеллигентные, — интеллигентные читают Апдайка (не купив, а взяв у амер. знакомых).

Что лично я намерен сделать? (И сделаю.) Я пытаюсь издаться в трех местах. У какого-то лондонского славянина (называется «Оверсиз» или «Оверсайз»), затем по-английски, что сложнее. Немного содействует Поповский. Еще один американец из Техаса. Он перевел три рассказа. Главное же, вернее — самое реальное — другое.

Мне предложил один русский торгаш издать «Соло на ундервуде». Издать за его деньги. Мне в качестве гонорара — 500 экземпляров. Дальше вот что. В Нью-Йорке больше ста одних только продовольственных русских магазинов. Не говоря о прачечных, бьюти салонах и т.д. Он на машине развезет книжку, даст владельцу магазина полтинник с экземпляра и, ручаюсь, за месяц 50 штук в каждом магазине будут проданы. Меня тут знают и ценят, причем как раз в абсолютно неинтеллигентных кругах. Именно эти круги выписывают и русские журналы. У них же имеются деньги.

Я прекрасно знаю, что у вашего издательства другой класс, другие цели. Другие каналы, другой потребитель. Знаю, что Карл продает библиотекам, университетам, видимо — и организациям, занимающимся переправкой «за бугор». (Кстати, Вероника Штейн говорила, что моя книжонка истощилась, и они [International Literary Center — американская организация, занимавшаяся засылкой русских книг в СССР] хотят купить еще экземпляры для отправки.)

Вернемся к Профферу. Он же, хоть и в третью очередь, но коммерсант. Не обидно ли упускать 5 000 (как минимум) — покупателей. Пусть задумается. Разве это фантастика — открыть крошечный (но симпатичный и в хорошем месте) магазин? Продавец, директор, курьер в одном лице с окладом 300 долларов в месяц — есть. Это я. Открывают же эмигранты с полугодовым стажем магазины, фотоателье и прочие бизнесы на Бродвее. Не так это сложно деловому человеку. И не безумно дорого. Подумайте.

Дальше. Газетные дела продвигаются. Не так быстро, как хотелось бы, но продвигаются. Решены все главные проблемы, кроме двух. Вернее, даже одной. Это реклама. Не реклама будущей газеты, а реклама — в будущую газету. И не только русская, но и американская. Это очень трудно — получить рекламу в несуществующую газету. Как бы залучить кота в мешок. Тут я вроде бы что-то напутал со смыслом. Но в этом роде. Без рекламы наши благодетели не согласны начинать. Это было бы не по-американски. И вообще, много деталей, о которых расскажу при встрече.

Огромное спасибо за рукописи.

Марине — огромное спасибо за рецензию. Видели? Марк Александрович [Поповский] долго и плотомядно рассказывал о каком-то их с Мариной совместном путешествии в автобусе. Хотите, расскажу, как я заглянул в его подсознание. Мы спускались по лестнице. Я шел впереди. Затем Поповский. Его жена Лиля отстала. Тогда Поповский, думая, что я уже вышел на улицу, задрал голову и крикнул:

— Лисичка! Песик ждет тебя, гав, гав, гав, гав!..

Все — будьте здоровы и счастливы. Детям и бабушке привет. Леше и его семейству — тоже.

Слухи о моем алкоголизме преувеличены. Они здесь пьяных не видали. Им бы кинуть взгляд на моего братца!

Ну, все. Обнимаю.

С.Д.



## Довлатов — Ефимову

23 мая 1979 года

Дорогой Игорь! Здравствуйте!

Надеюсь, Карл передал Вам бандероль и журналы.

Мы говорили с ним бегло о книжных делах. Карл вроде бы заинтересовался. А главное — никакого риска. Высылайте мне каталог. Отметив залежавшиеся книги. Я обвожу те, которые, по-моему, найдут сбыт. Затем производим эксперимент. Высылаете, допустим, сотню. Долларов на пятьсот. Я нашел человека, который этим займется. Он филолог из Москвы, Косман, 25 лет. Работал в такси, есть машина. Торговать не рвется, просто заинтересовался. Мне кажется, очень порядочный человек. Сдержанный и трезвый... Развозит книги по магазинам и т.д. Через неделю исследуем результат. Условия, Карл говорил, таковы. Если средняя книга — 5 долл., то 40%, которые вы готовы потерять — 2 дол. Доллар — владельцу магазина. Доллар — Мише Косману. Я, бескорыстный энтузиаст, вообще ни при чем.

Дальше. В отдаленной перспективе — абсолютно реальное дело — магазин. Еще раз повторяю, традиционного вида и в хорошем месте. Люди опытные (Вероника Штейн, например) говорят, что это реально. Вот бы Карл надумал перерасти в славянское издательство. Тут много (больше, чем русских) поляков и украинцев. У поляков две газеты. И живут они тоже колониями. Славянский магазин — тем более реально. Но это в перспективе. А сейчас, если Карл не раздумал, шлите полный каталог. Отметьте книги уже распроданные. И те, что хорошо продаются и без нас. Я его сразу же верну. Хотите, приложу расписку на 500 или больше долларов. За Мишу Космана полностью отвечаю. И мою книжку пришлите, если желаете. Надеюсь, чек получили...

Второе дело. Тут есть некий филолог, переведший на английский лучшую (мне кажется) пьесу Вампилова — «Двадцать минут с ангелом». Просил узнать, может ли

это заинтересовать Карла. Если сейчас — нет, то отметьте, что такой перевод имеется.

Местная организация помощи отказникам спрашивает, как там сборник поэтический Бориса Календарева. Его наконец посадили. Спросите у Карла, пожалуйста.

Игорь! Я специально не даю Ваши координаты. Предлагаю действовать через меня. Не из тщеславия. А чтобы облегчить Вашу жизнь. Мне Вы можете ответить коротко. И даже резко. Я же им все передам в убедительно многословной форме.

Посылаю газетную вырезку. Надеюсь, она повеселит Марину и Леночку. Будет случай, покажите Леше.

Я отдал в «Руссику» «Соло на ундервуде». И еще кое-что предпринимаю.

Да, главное забыл. В Техасе некий Деннисон написал обо мне диплом. И прислал экземпляр. 52 страницы. 9 месяцев работал. Переплел в коленкор. Я его медленно читаю по-английски.

Обнимаю вас всех. Леше и его семейству огромный привет. Карл, Лена говорит, очень помолодел.

Ваш С. Довлатов.

## Довлатов — Ефимову

25 мая 1979 года

Дорогой Игорь!

Я неоднократно заверял Вас, что просьбы кончились. И каждый раз что-то всплывает. Что я хотел бы узнать? Еще в ленинградскую пору Леша сообщил мне, что Карл намерен вставить в английскую «Невидимую книгу» один или два рассказа из подборки «Компромисс», про журналистику. Затем он передумал. (И правильно сделал.) У меня сложилось впечатление, что эти рассказы были переведены. А потом уже их забраковали. Но вот О'Коннор сообщила Люде, что она — не переводила. Может быть — вторая дама? Мне бы эти рассказы (рассказ) на английском очень пригодились. Если они существуют. Если нет — тоже ничего. Мной усердно занимается один дипломник из Техаса. Он славист, а главное — начинающий и, как меня заверили, талантливый писатель. Я мог бы дать ему перевести, но конечно же глупо выполнять двойную работу. Короче, узнайте, будьте добры, существует ли перевод. Есть — хотелось бы его получить. Нет — мой техасский друг переведет.

Газетные дела резко продвинулись. До первого мы покупаем две наборные машины (ибо с первого июня они дорожают на восемь процентов). Фирма обязуется доставить их в течение 60 дней. Это значит, что за 2 месяца надо решить все оставшиеся проблемы, чтобы машины потом не стояли. У Седыха много тайных врагов. Сейчас они толпой ринулись к нам. Во главе с делягой Кухарцом из «Руссики». Я знал в Ленинграде этого Кухарца. Он — книжный маклак. И отчасти — бандит. Кроме того, нас поддерживают еврейские (не ортодоксальные) комьюнити. Беседовали с самим Кохане. Это страшная фигура. Теоретически можно попросить его убить Седыха и особенно — Вайнберга.

Максимов и прочие тоже заверили, что помогут. Очень способствует делу то, что ко мне, как выяснилось, все

хорошо относятся. (Не смейтесь.) Видно, есть в моих писаниях какая-то усредненная привлекательность. В субботу иду на деловой обед к Ржевскому и Гулю. Там же будут какие-то археологические люди из первой волны — Елагин, Голлербах... «Старик Елагин нас заметил...» Вероника Штейн заверяет, что они хотят каким-то образом, в гроб сходя, меня благословить. Если бы Вы знали, до какой степени в Нью-Йорке отсутствуют писатели (русские). Самые гениальные — Гарри Табачник, Гиршман и Волин. Крупные своеобразные таланты — Маргулис, Любин и Скачинский. (Маргулис пишет «во-обще», через дефис.) Моя репутация на уровне Библии и Корана. Поповский же велик настолько, что многие даже не верят в его существование.

Если Вы пришлете мне «Метаполитику», я быстро напишу рецензию в НРС. Это не будет копия той, в «Русской мысли». Я напишу, как про Уфлянда, что-то вроде эссе. Про Вас. И отчасти — про книжку. Главным образом — про Вашу диссидентскую библиотеку в Ленинграде. А то недобрые люди (Ручкан) считают, что Вы были чересчур осторожны. (Может ли осторожный человек доверить алкоголику и болтуну пуд нелегальщины?) Так и напишу в НРС. Рецензия на Уфлянда набрана. И скоро, вероятно, пойдет. Но все мое проходит со скрипом. Я затеял было напечатать тут «Победителей». Седых говорит: «Читатели не поймут». Я уж не стал рассказывать, что эта байка была напечатана в «Крокодиле» тиражом в 6 000 000.

Обнимаю вас всех. Будьте здоровы. Надеюсь, скоро увидимся. Хочу взглянуть на железный ящик Проффера.

Ваш С.Д.

## Ефимов — Довлатову

3 июня 1979 года

Дорогой Сережа!

Никаких переводов Ваших рассказов — намечаемых или исполненных — здесь не обнаружено. Так что отдавайте все в руки техасского ковбоя-довлатоведа. Судя по всем слухам и историям, Кухарец должен быть пострашнее Кохане. Что касается старой эмиграции, то Марина последние два месяца набирала исполненный Елагиным перевод поэмы «Тело Джона Брауна» — получилось около 400 страниц. Так что, как видите, люди тоже пишут — не гуляют.

Ваш протеже Миша Косман постыдно слинял, как только дошло до дела. Давайте искать другие варианты. Например, я часто вижу объявления в НРС: «Кино на ферме Рова». Что это за ферма (фарма)? Что за люди ею управляют? Бывает ли там русская публика? Может, предложить владельцам устроить киоск в вестибюле? Мы присылаем им книги, а им только продавать, да грести денежки. Может, с киоском народ станет бойчее и на фильмы ходить. Напишите про это.

«Метаполитику» пришлю не столько ради рецензии, сколько ради того, чтобы снабдить экземплярами всех преданных — то есть хороших — то есть понимающих — читателей. Если же соберетесь писать про нее, хорошо бы в сноске указать адрес Стратконы, а то люди даже не знают, где заказывать. Кстати, получил недавно одобрительную рецензию на нее из Швейцарии от игумена Геннадия (он же Эйкалович). Меня это обрадовало — значит, православных не коробит. Всего доброго Вам,

Ваш И.

## Довлатов — Ефимову

6 июня 1979 года

Дорогой Игорь!

Книжки получил, спасибо. Только я не совсем понимаю. То ли это — мне, как еще 20%. То ли я их могу загнать и выслать 60%. И то, и другое сулит некоторые барыши. Данке шен.

О делах:

1. Чек, как я понимаю, дошел.

2. Драгоценность и журналы — тоже. Шарымова с драгоценностью рассталась неохотно. И не потому, что собралась присвоить. Брошка — это повод к общению. Пригласительный билет. Повод к общению с Карлом, с Вами. А получилось, что всего лишь — со мной. Лишил ее заботы на уровне сфер. Ее здесь не любят. И направление антипатии такое: «Чего она всюду лезет?!»

3. Миша Косман отпал. И черт с ним. Тут все хором говорят, что затея с магазином — идиотизм. Что с этого начинал Кухарец («Руссика»). Что многие пытались. Что книги просто украдут. И т.д. Косман — вялый плешивый человек, напугался и отпал. Я же продолжаю считать эту затею реальной. Скептики не учитывают темпа и качества эмиграции. Давайте поступим так. Отложим до выпуска газеты. (О ней чуть позже.) Принцип высылки книг такой. Нужны издания, о которых все слышали, но приобрести в России не могли. То есть условно — Ахматова, Пастернак, Цветаева, Булгаков, Зощенко, Шукшин, Аксенов и т.д. Вагинов, Ремизов, даже Гумилев с Искандером — не товарные книги. Набокова знают. Нас с Бродским (хорошо звучит!) — тоже. Как местных жителей. Принцип ясен...

4. Теперь о газете. Мы сняли офис на Бродвее. Таймсквер, 1. В небоскребе. Правда, на 7 этаже. Это по ленинградским меркам — угол Невского и Литейного. Заказали телефон, визитки, бланки и прочую канцелярщину. Приобрели в рассрочку дивную машину, которая втрое

умнее меня. В общем — начали. Все очень рискованно и прекрасно. У нас минимальные стартовые деньги — 25 тысяч. Это — восемь номеров, два месяца. Но в нас чрезвычайно заинтересованы разные компьютеры и лица. От любавичских евреев до укр. националистов. Мы знаем, что «раннинг [gunning, т.е. действующий] бизнес» оперативнее. Его легче сохранить. Легче получить амер. рекламу. И т.д. Будем выживать. Газета — профитная. То есть — наша собственность. Творческая часть пока работает бесплатно. Бизнес-менеджеру готовы платить. (И вынуждены.) И Лене будем платить. Она переходит к нам от Седыха. Скоро пришлем вам флаерс [рекламные листовки] (несколько) и рекламные купоны. Надеюсь, Карл даст рекламу. Это будет выгодно. Потому что деньги очень нужны, а места не жалко (пока). Вы уплатите за пять, допустим, инчей [дюймов], а мы дадим на полстраницы. Плюс зарисовку об издательстве, которую я с удовольствием напишу. Дальше. Мы дадим объявление, что ваши книги можно заказать у нас в редакции. И за наличные купить. (У нас в офисе встроены полки.) Будем вашим маленьким филиалом. Дадим интервью с Вами, с Карлом, с Наташей... На ваших отношениях с Седыхом это не отразится. Он по закону не имеет права отказаться давать объявления... И еще. Газета, как Вы понимаете, дает миллион преимуществ (Ленин был прав.) В том числе — разовьются отношения с магазинщиками. Тогда снабдим их вашими книгами. Дай Бог...

5. «Серебряный век» — это мой товарищ, учтивый и застенчивый средних лет еврей — Гриша Поляк. Работает в типографии. Издает не для коммерции. Просто любит Вагинова и Ремизова. И еще нескольких писателей такого же смутного ряда. Издательство помещается у него на столе. Адреса почтового не знаю. Звонил жене, Гриша на работе, она без него просила воздержаться. Он завтра мне позвонит, и я вдогонку пришлю его адрес.

У меня все хорошо. О личной жизни и думать забыл. Бутылка виски четыре дня стоит в холодильнике. Завтра выпью. (Сейчас вечер, пятое, в начале письма — завтрашнее число, Катин день рождения. Она родилась в один день с Пушкиным. Представляю себе, что о подобном совпадении говорил бы, а главное — думал Охупкин.)

Если наша газета лопнет через три месяца, все равно это будут самые счастливые три месяца моей жизни...

Обнимаю вас всех. Мой отец наконец-то получил вызов. (Его поперли с работы.) Сестрица в Риме... Огромный привет Нине и ее семье. Леша, кажется, в отъезде. Лев Штерн, как и все сотрудники НРС, тайно льнет к нам. Уже есть слухи, что мы взяли деньги у КГБ. Это хорошо. Обыватель (подписчик) будет думать, что раз — КГБ, значит, все поставлено солидно. А выйдет первый номер — слухи отпадут...

Ваш «красавец и хохмач»

С.Д.

P.S. Только что узнал, заглянув в НРС, — открылся магазин «Русская книга».

P.P.S. Адрес «SILVER AGE»: Mr. G.Poliak, PO Box 384, REGOPARK N. Y. 11374. Насколько мне известно, у Гриши выходят еще 2 книги Вагинова — проза. Мне кажется, он хороший человек и порядочный. С.Д.

P.S. Огромное спасибо за какие-то добрые слова обо мне в письме к Марку Александровичу. Поповский так оскорбительно удивился, что Вы со мной дружите!..



## Довлатов — Ефимову

26 июня 1979 года

Дорогой Игорь!

Спасибо за «Метаполитику». И за пленки.

Рецензию напечатаю в собственной газете. Скоро.

Пленки оказались знаете чьи? Моего папаши. Растет на глазах.

Игорь, колоссальная просьба. Первый номер газеты мы сопровождаем театральными эффектами. В частности, напутствиями от знаменитых людей. Дали Иосиф, Барышников, Коржавин и т.д. Попросите Карла написать одну фразу. То, что ему ближе. Что-то о новом русском издании, о новом очаге русской культуры и пр. Напишите за него одну фразу, буквально — одну.

И еще. Мы хотим уже в первых номерах выявить свои контакты. Показать звездные ориентиры. Как бы подготовить небольшой материал об «Ардисе»? Вы пришлете? Или мне написать? Если мне, дайте сведения и цифры. Что, где, когда, сколько? Может, есть фотография?

1 июля, воскр., в 10 PM [р.т., т.е. вечером] по четвертому нью-йоркскому каналу будем 8 минут трендеть о газете. В обозрении Тома Снайдера. Называется передача — Прайм-Тайм Сэндэй. У вас Нью-Йоркское телевидение есть?

Копелев на обороте ужасен. Вообще, «Кумир» — очень плохая, мне кажется, книга.

С газетой деловой период окончен. Наступил творческий. От Седыха косяком бегут авторы. Он поставил условие: тем, кто печатается у нас, дорога в НРС закрыта. Напугался один Поповский. В Москве не боялся, а тут... Кусок говна — Субботин — диктует ему, где печататься, где нет.

Вообще, жизнь настала интересная. Весьма.

Я купил револьвер, спастись от Вайнберга, мера излишняя.

Мои рассказы о журналистике переводит Аня Фридман. Что-нибудь знаете о ней? По-русски все они говорят одинаково плохо. Эту Фридман прислал Иосиф.

Всем огромный привет.

Леша не пишет совершенно.

Ваш С.Д.

P.S. Мои ли одиннадцать «Невид. книг»?

P.P.S. Я тут обедал с Фотиевым и Раром. Оба мне не понравились. Рар — весьма. Примиряет с ним то, что он очень хвалил Вашу книгу о бедности. А то — злой неумный вояка.

## Довлатов — Ефимову

27 июля 1979 года

Дорогой Игорь!

Спасибо за напутствие.

Газета выйдет 4-го сентября, в праздник. Все так затянулось, потому что делается солидно. По-американски, насколько это возможно.

Заниматься всем этим безумно интересно. Особенно, когда дела налаживаются.

Сначала мы будем делать еженедельные 32 полосы. В перспективе (год, два) — ежедневные 16. С амер. приложением. Помимо этого, мы — книжная лавка. Наконец, издательство: публицистика, документальные вещи «за бугор».

Книги «Ардиса» будем продавать и рекламировать. Разрешите предложить следующее. Вышлите нам свое рекламное клише. Плюс одну большую хорошую фотографию. (Проффер с женой, или весь коллектив за работой.) И еще каталог (у меня нет), откуда можно почерпнуть сведения. Не только об изданных книжках. О возникновении издательства, о перспективах... Я напишу панегирическую страницу. Причем, так. Денег у нас мало. Места достаточно. Выйдет номер — получите счет. Карл уплатит за три, четыре инча (24,32 доллара). А мы дадим полстраницы. Заметьте, денег вперед не просим.

Вообще, с рекламой у «Ардиса» непонятное дело. Книжка Уфлянда вообще нигде ни разу не была упомянута. Карлу ли не знать, что такое реклама. Причем русские книги раскупает, в основном, третья эмиграция. То есть — наши читатели, а не Седьха. (Так говорит Кухарец.)

Скажите Карлу, первый номер будет — 25 000 экз.

Жду клише и фото. Надеюсь, все здоровы. Вчера звонил Леша — очень грустный. У нас все хорошо. Обнимаю бабушку, Марину и девиц.

Преданный Вам С.Д.

## Довлатов — Ефимову

20 августа 1979 года

Дорогой Игорь!

Большое спасибо за вырезку. Да здравствует высокодуховный штат Миннесота! Куда смотрит нью-йоркское бук-ревью?! Бродский говорит, что хвалил им меня и рекомендовал написать...

Драгоценности у Алешковского изыму. (И чем раньше, тем лучше.)

Жду коллективное фото «Ардиса». Плюс ваше рекламное клише. Плюс какие-то исторические сведения. Или каталог, включающий упомянутые сведения.

О газете расскажу при встрече. Думаю, начнем в сентябре. Все еще миллион проблем.

Огромный привет бабушке, Марине и девочкам.

У нас две недели жила теща К.В. [Косцинского] Это было ужасно: ноздри, страсти, вопли, обиды, любовь и безумие... Кирилл все же герой! Я бы ее изувечил. Я и так раза четыре, схватившись за голову, убежал из дому. Чтоб ее не изматюгать.

Аня чудовищно повела себя с Лапицкой. Чуть ли не обокрала ее. Точнее, живя в ее доме со своим котом (двуногим), разломала хозяйские вещи. Лапицкая уплатила несколько тысяч шиллингов. И от Рудкевича Анин котяра трижды говорил с Союзом и не уплатил.

Больше сплетен не знаю.

У нас все сносно. Есть даже сбережения — около двух тысяч. Ищем хорошую квартиру. Как здесь говорят — трехбедренную [игра с английским three bedrooms].

Переписка с Лешей возобновилась. Он прислал набор Еремина — китайскую грамоту. Будем искать дешевый принт. Бродский раздобудет денег. Карлу, наверное, это не следует говорить. А может, я ввязался во что-то неблагоприятное?

Всех обнимаю.

Ваш С.Д.

## Довлатов — Ефимову

27 августа 1979 года

Дорогой Игорь!

Каталоги получил. Спасибо!

За Вами: фото, минимальные человеческие сведения об «Ардисе», рекламное клише. (Нельзя же рекламировать все 300 книг одновременно.)

Да, чуть не забыл. Из Иерусалима звонил мой старый приятель. Его фамилия — Зайчик. Он сказал, что его друг с очень распространенной евр. фамилией (которую я забыл), поэт и прозаик, хочет послать Вам (вам) свои книги для продажи. Зайчик хочет, чтобы я составил протекцию. Я не знаю, как это делается. Стихов этих не читал. Если бы и читал, то вряд ли бы одобрил. Я даже не знаю, хорошо или плохо для Вас, если кто-то посылает свои стихи. Мне кажется — плохо. Сам Зайчик — хороший человек. Но это не имеет никакого отношения ни к стихам, ни к «Ардису».

В общем, я слегка запутался.

Пакет у Алешковского я забрал. Там брошка, какая-то шапочка, рукопись и бинокль. И еще — 10 книг Гладилина. Все это надежно спрятано.

Алешковский назвал роман Лимонова: «Записки из чужого подполья». Действительно, у Лимонова очень похоже на «Тропик рака». Читали?

А самого Лимонова Юзеф назвал «цитрусский писатель Лимонов».

Я анонимно послал такое объявление в «Новое русское слово». (Поверьте, Седых жалеть не надо. Он хитрый и жестокий человек):

Вышла в свет новая книга мемуаров Андрея Седых

«От Бунина до Вайнберга».

Готовится к изданию следующий том

«От Набокова до Нарокова».

Изд-во

«Мнимые величины».

С газетой масса сложностей. Но она выйдет. И если не сразу прогорит — будет чудо.

Люда [.....] как Вам известно, стала писательницей. Это очень хорошо. У нее возникли комплексы и человеческие проблемы.

Бродский не очень изменился. Всем говорит, что лучший в мире роман — «Циники» Мариенгофа. Я прочитал, вполне рядовая книга.

Простите за сумбур.

Ваш С.Д.

P.S. Всем привет. Когда, наконец, будете в городе-спуте?

## *Довлатов — Ефимову*

*29 августа 1979 года*

Дорогой Игорь!

Фотографию и вырезки получил, спасибо!

Как человек исключительного занудства, продолжаю:

Есть ли у вас рекламное клише?

Заинтересован ли Карл в рекламе на беспрецедентно льготных условиях? А именно:

Мы даем вашу рекламу еженедельно. Плюс — восхваляем издательство. Счет же высылаем на какие-то жалкие тридцать долларов...

Учтите, первый номер-экспресс выйдет тиражом 25 000 экз. И разошлется по конкретным адресам. (По адресам «Руссики».) То есть, попадет людям, которые читают...

Теперь личный вопрос. Имеется ли у вас такой сервис — с пленки на бумагу? Здесь это стоит чуть ли не 50 центов — кадр. Я смутно припоминаю какие-то разговоры о 10 центах с негатива. Сообщите коротко, будьте добры. Нет — что-то придумаю здесь. Или куплю фильмоскоп.

Последнее. Благодарю, что рекомендовали мне в сотрудники — Пчелкину. Прием временно окончен. Наши пороги обивают доктора филологии.

Я все же написал ей длинное, и кажется, бесполезное письмо.

Гарант ей, во-первых, трудно устроить. Во-вторых, не дай Господь его получить. Это значит, ни одна контора в Штатах ей не поможет. Я до сих пор жалею, что просил гарант у ненормальной Лены...

Корректно закликаю Марину приглушить слухи о Лениной отзывчивости. Хватит с нее (с Лены) одного паразита — меня. За что расплачиваюсь — а именно, не убиваю ее кавалера. То есть, не рублю сук (простор ассоциациям!), на котором сижу.

Всего доброго. Обнимаю вас всех.

Ваш С.Д.

## **Ефимов — Довлатову**

*2 сентября 1979 года*

**Дорогой Сережа!**

Мои девочки начинают хихикать еще до того, как я успеваю распечатать конверт с письмом от Вас. И Вы их почти никогда не разочаровываете — спасибо. Еще мы получили «Третью волну» с портретом и записью речи. Очень смешно, но, конечно, злодей Глезер мог бы и убрать все «вот» и прочие паразитические образования, которые вообще-то Вам не свойственны.

Про клише ничего определенного Вам ответить не могу. Карл уехал в Европу, я тоже уезжаю на неделю, да и кажется, что издательство эту форму рекламы не использует. Мы фирма маленькая и не можем вести «массированный артобстрел» — берем покупателя «прицельно».

Заведение, которое печатало мои пленки, берет по 13 центов за кадр. Однажды оно отказалось печатать: пленка была слишком плохого качества. Они находятся в получасе езды от нас, поэтому, честно Вам скажу, мне это хлопотно. Зато даю Вам их адрес. Надеюсь, что Вы уже убедились: в Америке все дела лучше делать по почте. Пошлите заказ, чек на примерную сумму, обещание доплатить, если понадобится — и они все Вам сделают в лучшем виде.

To Bard Roe. University Microfilms. 300 N. Zeeb Rd. Ann Arbor. MI 4810.

Всего Вам доброго, приветы родным.

**Ваш Игорь.**



## **Довлатов — Ефимовым**

*23 сентября 1979 года*

Дорогие мои, здравствуйте!

Начну с злополучного выступления у Глезера. Я действительно тогда напился. Настолько, что поспал возле Рокфеллер-центра. Затем излил весь этот бред. В ходе речи чуть не упал с эстрады. В президиуме сидел развязно. Махал приятелям в зале. Делал знаки относительно — продолжать. Рядом сидел укоризненный хмурый еврей. Оказался югославским диссидентом Михайловым. Начал (Михайлов) выступление словами: «Я ничего не понимаю». Потом мне сказали, что он все свои выступления начинает именно так. За что Иосип Броз Тито намерен его судить...

Глезер — хулиган. Халиф прозвал его грубо — взбесившейся мандавошкой...

Газета (извините за резкие повороты) обязательно выйдет. Теперь уже действительно — скоро. Хотя наделано много глупостей. И много денег фугануто зря. Американский опыт достается тяжело...

Мать, в общем, здорова. Нашла каких-то знакомых. Читает. Увлекается супер-маркетом.

Лена много работает. Зарабатывает тысячу в месяц <...>

Была здесь Люда. Честно попросила высоко оценить ее рассказы.

Катя очень выросла. Не читает. Заочно полюбила эстрадника Джона Траволту.

Приехала моя сестра. Это та, которая спрашивала, рекомендую ли я ей прочесть «Героя нашего времени». У нее и ее жениха от глупости и молодости все хорошо. Они без конца целуются, что людям моего возраста — неприятно.

В Нью-Йорке — Синявский. Он добрее и симпатичнее, чем мне казалось. С Максимовым установилась бурная переписка, что несколько ослабило мои комплексы.

У Охупкина в Ленинграде — неприятности. Был обыск. Жену выгнали с работы. Мы тут организовали некоторый шум. Поддержали Марамзин и Максимов. Будет небольшой платный вечер. Пошлем ему вызов и барахла.

Меня наверное издаст (за малые деньги) «Оверсиз». Это будет лагерная книжка. А про журналистику хочет издать Поляк. Затеял интригу с амер. конторой «Вэн-тидж» (Выигрыш?). Не знаю, чем кончится.

Кухарец мои записные книжки издавать не хочет. Говорит — мало. Может, Бахчанян нарисует для объема картинку...

В общем, жизнь понемногу налаживается. Есть какие-то неясные предложения от «Голоса». Иногда что-то заказывает «Либерти». А главное — я записался на курсы ювелиров. С понедельника. Это три часа по утрам. Не помешает...

Ручкан ведет себя глупо. Обычная для Ленинграда смесь гонора и приниженности. Ходит, выбирает себе религию. Диван и кресло получил у любавичских евреев. Телевизор дали баптисты. В душе же он — православный. Приобрел крест — 8/12. (Восемь на двенадцать.) Главный же религиозный фанатик Нью-Йорка — Игорь Синявин — человек редкой мерзости.

Видел Соловьева. Мы, оказывается, соседи. Жаловался на цензуру и отсутствие элементарных свобод.

Вы, конечно, знаете о болезни Успенского. Егò ужасно жаль. В свете этого Анька тем более — гнида. И теща — говно, поверьте, экспансивное молодежавое говно. Она, видите ли, плавает в океане...

Короче. Я на подступах к малым заработкам. Возможностей применения русского журналиста (стиль!) здесь больше, чем кажется. Местная (все еще убогая) русская цивилизация на подъеме. Точнее, перед бумом. Как только я почувствую, что Игорю пора в это врезаться, начну вас информировать.

Кто еще вас может интересовать? Шмаков приветлив и загадочен. Никаких его явных успехов не видно. Тайные же — вызывают неловкое чувство. Я все еще имею предубеждение к гомосексуализму.

Марамзин ведет себя идеально. Долго рассказывать — в чем. Кроме того, в Париж ездила (вернее, летала) одна

наша знакомая, и Володя не пытался ее даже изнасиловать. Не говоря — побить. Чем глубоко ее обескуражил, и, кажется, разочаровал.

Когда будете в Нью-Йорке?! Если мы к тому времени передем, звоните в «НРС» (265-55-00, 265-57-82). Лена почти всегда знает, как меня найти.

Обнимаю вас.

Довлатов

P.S. Спасибо за фотографию. Она экспонируется на видном месте.

Ваш мешочек цел.

Клише «Ардиса» получил.

Иосиф мне очень помог с переводчиком. И еще кое в чем. Он болен. С.

## Довлатов — Ефимову

31 октября 1979 года

Дорогой Игорь!

Пишу Вам без очереди.

а. Потому, что Вы не отвечаете.

б. Потому, что накопилась информация...

Тут состоялся вечер Бродского. Впечатление прямо-таки болезненное. Иосиф был ужасен. Унижал публику. Чем ее же и потешал. Прямо какой-то футуризм. Без конца говорил, например: «...В стихотворении упоминается Вергилий. Был такой поэт...» И так далее. Зло реагировал на аплодисменты. Прямо как Жан Татлян. Допускал неудачные колкости...

Мне он сказал: «Вы единственный человек здесь, которому я рад. Остальные — полное говно». То же дословно было сказано Алику Рабиновичу, Збарскому, Грише Поляку и т.д.

Стихи же — как обычно...

Мне, по указанию того же Бродского, дают с января работу в Коннектикуте. Преподавать русский начинающим. Я там побывал. Участвовал в американской гулянке на 40—50 человек. С водопадом, бесконтрольным джином и оттенком разврата. Эти сутки были очень знаменательны в познании амер. жизни. Как австрийский бордель в знании Запада. Все это заслуживает особого длинного рассказа.

Определился я на курсы дизайнеров. Кажется, уже писал об этом. Тест сдал неожиданно хорошо. Вот-вот начнутся занятия.

Коме того, с февраля обещали постоянную работу в Нью-Йорке. Что куда привлекательнее. Ибо в Лене с годами появилась неожиданная жовиальность. Уехать в Коннектикут боюсь. Она просто выйдет замуж.

Трогал Вашу книгу у Штейнов. Выглядит хорошо. И портрет хороший, живой и без многозначительности. (Представьте себе на этом месте лицо Битова или Вахтина.)

У Вероники же произошла такая сцена. Мы трогали Вашу книгу по очереди с неким Леонидовым. Мы еще не были знакомы. Он сказал:

— Это философия, я не потяну.

Тогда я возразил:

— Это доступная книга. А в философии я и сам профан.

Тогда он внимательно посмотрел на меня и говорит:

— Вы — Довлатов?

Как-то сразу догадался...

Прочитал я наконец Сола Беллоу. По-русски. Издано в Тель-Авиве. «Планета м-ра Сэмлера». Книга выдающаяся.

Английский мой развивается вяло. Разговариваю я так.

Например, звоню:

— Мэй ай ток ту мистер Гопкинс?

В ответ раздается:

— Мур-мур-мур-мур-мур венздей...

Это значит — Гопкинс будет в среду.

Из фразы понимаю одно слово. Молюсь, чтобы это было существительное или глагол...

Жена Ручкана, очень невзрачная (что положительно характеризует Ручкана), чудесно устроилась. По специальности, 25 000. Боря очень повеселел. Он сочинил нечто такое, что Вы определили бы так «непонятные глупости».

Из всех литературных знакомых самые нормальные здесь — Вайль и Генис.

Об остальных расскажу при встрече. Материал имеется.

И наконец. У меня есть реальная возможность отношений с Голливудом. Очень неопределенная и, конечно, в результате — почти безнадежная. Но шанс есть. И организует это человек не пустой. Бешено сочиняю заявку. Очень хотелось бы с Вами (вами) повидаться. Леша опять не пишет. Зато стали доходить письма в Союз. И оттуда.

О'Коннор переводит мой большой рассказ. Сама предложила. Другой перевела Фридман. Очень хорошо. Иосиф пытается сунуть его в «Нью-Йоркер». Где-то в Техасе действует еще один малый. Говорят, на стене его висит карта Коми АССР.

И еще, я побывал в ФБР.

В общем, жизнь полна каких-то теоретических возможностей. Действительность же пока убога.

На «Либерти» все не очень удачно. Весьма напоминает улицу Ракова. [На этой улице в Ленинграде располагался Дом радио]. Новое же русское слово (и не новое, и нерусское) чуть выше «Лен. Правды», чуть ниже «Сов. Эстонии».

Эх, усесться бы в кресло, эх, в бывшей квартире Рытхеу и поговорить. [Квартира в доме на канале Грибоедова № 9, в которой Ефимовы жили перед эмиграцией. До Ефимовых в этом квартире жил писатель Юрий Рытхеу с семьей.]

## Довлатов — Ефимову

28 ноября 1979 года

Дорогие мои, здравствуйте!

Утратив чувство собственного достоинства, пишу опять. Мы переехали. Вернее, перешли в ближайший корпус с матрасами на головах. Теперь у нас большая квартира. Можно всем одновременно поссориться.

Тел: 459-78-88. Адрес снаружи [т.е. на конверте].

Меня все беспрерывно обижают.

Перельман не отвечает. И не печатает мой рассказ, который сам же униженно выклячил.

Горбаневская, подозревающая всех в отсутствии комплексов, тоже меня наобижала. (А заодно и Лену.) Сказала мне: «Лично я не испытываю по отношению к твоим рассказам большого энтузиазма». Мне энтузиазм и не требуется. Просто у меня лежит записка от Максимова: «Присылайте все, что есть. Мы все тут ваши поклонники». Однако передвинули меня невесть куда.

А Горбаневская, между прочим, еще у нас с Аськой многократно живывала. При этом унижала меня (за интерес к фильму «Девять дней одного года, которые потрясли мир»), Асю (за наличие импортных вещей) и Асину маму, которая этого вполне заслуживала.

Шмаков тоже меня обижает. Он говорит: «Вы копошитесь, а надо действовать!» Он, конечно, человек сложный, и даже гомосексуалист, но что значит действовать — я не понимаю. Как действовать, если Степулковский из Лондона молчит, и даже «Руссика» меня не хочет издавать?

А я, между прочим, заканчиваю книжку. Заглавие — «Наши». Подзаголовок — «Семейный альбом». Это 14 рассказов о моих близких родственниках. Косвенный автопортрет, через родных и близких.

Я прочитал три выдающихся книги: «Избранное» Розанова, «Тропик рака» Миллера, а главное — «Планета м-ра Сэмлера» — Беллоу. Если не читали — прочтите.

4-го декабря начинаются занятия на моих курсах. Обещали дать стипендию.

Ваш С.Д.

## Довлатов — Ефимову

Январь 1980 года

Дорогой Игорь!

Сообщал ли я Вам об альманахе, который делают Шмаков с Поляком? (На фирменной бумаге которого из экономии пишу.)

Издание к юбилею Бродского (40 и 25). Называться будет либо «Шум времени» (из Мандельштама), либо «Часть речи». Кстати, что Вам больше нравится?

Они собрали достойный материал. Критериев было два — солидность, а также нрав юбиляра.

В результате собралась такая компания:

Ходасевич, Берберова, Лифшиц [Лев Лосев] (перевод статьи Иосифа), Татьяна Яковлева впервые обнаруживает письма Маяковского, Шмаков о Барышникове, Еремин, Рейн, двое американцев и т.д. Да, еще неопубликованные стихи Цветаевой и пр.

Направлений тоже два, одно юбилейное, второе — ретроспективно-академическое.

Короче, не захочет ли Карл дать отрывок из «Бледного огня» в переводе Цветкова (Вашего соседа)?

Игорь, и Шмаков, и Гр.Поляк — снобы. То есть, ничего рискованного, самодеятельного и позорного не будет. Пусть бы Карл согласился. И Цветков тоже.

Мне нравятся его стихи, и Грише тоже, но Лифшиц сказал, что Бродскому они не очень. Хотя, видимо, дела обстоят несколько сложнее. Иосиф, мне кажется, не любит соизмеримых авторов. В следующем же номере альманаха Поляк охотно поместил бы его стихи. А пока очень заинтересован в «Бледном огне». Сделайте что-нибудь...

Как человек американский коснусь взаимообразия. Газета наша выходит, окончательно и бесповоротно. Деньги есть. Седых дает нашу рекламу, четыре раза по полполосы. Некрасов, Максимов, Турчин, Коржавин и прочие именитые люди надавали материалов.

Напоминаю, это еженедельник, 24 полосы. Мое положение в газете неожиданно стало очень выигрышным. От займа я уклонился, как неимущий. Функции же со-



хранил. И зарплату, если таковая возникнет, начну получать раньше всех. (Вообще, здесь хорошо живется либо очень богатым, либо совершенно нищим. Кажется, это пошлость.) Газета появится в феврале. На этот раз уже точно — увидите.

Планы я составил, условные макеты сделал. В первом же номере, если начальство мое не перенесет) будет громадное рекламное клише «Ардиса», плюс фото (где Вы перечисляете сотрудников справа налево, начинаете с себя и кончаете Проффером), а также страничка об «Ардисе» по газетным вырезкам и моим личным чувствам.

Далее. В одном из первых трех номеров будет нечто в присущем мне легкомысленном духе о «Метаполитике» и «Буржуе». Два абзаца о книгах и кое-что про Вас. Обещаю, ничего постыдного. Ибо Вы не Халиф и не Глезер (слава Богу!).

Пожалуйста, сообщите данные, как заказать книги, адреса я могу узнать, и даже знаю, а вот стоимость — нет. И вообще, нужен стандартный канцелярский текст. Я это дело присобачу в конце рецензии.

Карлу за огромное клише пришлем ничтожный счет. Пусть имеет в виду, газета будет распространена. У нас есть больше 2000 адресов. Хоть и бесплатно, а дойдет к живым людям. Есть у нас агент в Израиле, еврейские орг-ции заверили, что помогут и т.д.

Игорь, все будет именно так, как я пишу.

Я вообще стал необычайно благоразумным. Не бросаю курсы, и языка, и дизайна, с увлечением пилю, строгаю и шлифую всякое говно. И еще, повесть заканчиваю. И газету делаю. Мне верится, что второй год в Америке принесет что-то хорошее.

Приезжайте. Живите у нас. Мы прошли испытание семейством Алешковского и выдержали его с честью.

Гриша Поляк — единственный приличный и даже замечательный человек в Нью-Йорке. Он живет рядом с нами и не велит мне пить.

Итак. Узнайте что-нибудь о Набокове. И сообщите, пожалуйста, данные Ваших книжек. Через месяц получите первый номер газеты.

Всех обнимаю

Ваш С.Д.

Поручите Леночке ответить, если так уж заняты. С.

## Ефимов — Довлатову

Январь 1980 года

Дорогой Сережа!

В тот же день, когда пришло Ваше письмо, позвонил Поляк, так что я знаю об альманахе почти все. Приветствую и поздравляю. Что же касается деловой помощи, то о «Бледном огне» лучше пока забыть. Миссис Набокова имеет такой твердый нрав и строгий вкус (не всегда безупречный: настаивает, например, чтобы имя одного из персонажей было переведено как можно ближе к английскому звучанию, то есть, чтобы было не Харли, а Херли), что мы до сих пор не можем получить ее добро на публикацию даже отрывка Цветковского перевода в «Глаголе». Но даже если бы с ней все уладилось, мы вряд ли бы согласились — жалко разбазаривать готовую к печати книгу на журнальные публикации. (По этому поводу — с Алешковским — заработал уже несколько проклятий от Марамзина, теперь, наверное, получу и от «Серебряного века»).

Сережа, я люблю Ваши письма и храню их для потомства, поэтому будьте, ради Бога, осторожнее — не пишите, что Бродский и Цветков соизмеримые поэты.

С выходом газеты буду поздравлять, когда увижу первый номер, не раньше. На фото сотрудники «Ардиса» перечислены слева направо, вы, очевидно, перевернули негатив при печати. В крайнем случае, список можно перевернуть, это не проблема. А вот в присланном Вами снимке (он уже увеличен и висит в Ардисе), где вы — в позе народного обвинителя, а Иосиф — в позе подсудимого тунеядца, уже ничего изменить не удастся, так и останется.

Знаете ли Вы, что Довлатов — до сих пор единственный автор, который сумел напечатать рецензию на «Метаполитику»? Мне известны две другие рецензии, которые вот уже больше года не могут нигде пробиться. (Заговор!!!) Поэтому любую публикацию о себе — привет-

ствую. В конце надо написать, чтобы заказы слали на адрес «Ардиса» (надеюсь, помните), что «Метаполитика» (250 стр.) стоит 5 долларов, а «Без буржуев» (350 стр.) — стыдно за франкфуртских буржуев — 14.25. Еще можете добавить в свою информацию, что в 1980 Ефимов намеревается издать роман «Как одна плоть» (в «Ардисе», 150 стр.) и философский труд «Практическая метафизика» (сам набираю и сам оплачу печать, но где — еще не знаю).

Наконец, Сережа, мне бы очень хотелось, чтобы вы (газета) привлекли к участию сестру Володи Максимова, Екатерину Брейтбарт <...> Она обычно печатается в «Посевовских» изданиях, и я всегда ее читал с интересом, а последнюю статью в «Гранях» № 111/112 (про земство в России) так просто с увлечением. Рецензии ей тоже удаются неплохо, но она очень мнительная, немножко заторможенная чрезмерными требованиями к себе, поэтому ей лучше написать и заказать что-нибудь (можно сослаться на меня). Я знаю, что она посылала в «Грани» рецензию на «Метаполитику», но то ли они отказались печатать, то ли она сама забрала, — выяснить не смог. Спросите ее и об этом — мне просто любопытно.

Кажется, ничего не забыл. Сердечные приветы всем вашим от меня и Марины, всегда

Ваш И.

О Бродском для «Серебряного века» напишу и вышлю на днях.

## Довлатов — Ефимову

17 января 1980 года

Дорогой Игорь! Спасибо за текст, безупречный, как все, что Вы пишете. Поляк кланяется и благодарит.

Жизнь завертелась — чистое кино.

На курсах у меня обнаружили могучее прикладное дарование. Перевели из ремесленной в творческую группу. Воспитывают сурово, как юного Паганини. Шеф Милтон (дед его работал у Фаберже) произнес такую загадочную фразу:

— Ты обязан лепить даже во сне.

Все это меня несколько тяготит. Поскольку газета уже в наборе. И я не способен полностью отдаться моделированию клипсов.

Газету набираем. В первый же номер засажена громадная реклама «Ардиса». О вас и о Карле скоро напишу.

«Буржуя» я перечитал. С увлечением читает мама.

Теперь, что касается адресатов. У Гриши их мало. В основном, библиотеки и университеты. У Меттера (газета) — тысячи четыре. Но вроде бы не в руках, а через кого-то. Может, через Кухарца. В общем, если пришлете свою рекламу, я обещаю, что мы ее сунем в каждую бандероль первого номера.

Идея торговать книжками «Ардиса» не заглохла. Как только газета стабилизируется, я Вам напишу и все устроим.

Понимаете, очень мало времени. Радио «Либерти», наконец, после года унижений заказало мне цикл передач. Не смейтесь — о рабочем классе. Тема хорошая, поскольку бесконечная. Также я участвую в рубрике «Писатель у микрофона». (Параллельно с безумцем Аркашей Львовым.) В моей заявке есть «Ардис» и конкретно — Вы.

Шлю Вам копию моего ответа Перельману. (У него чистая ебанашь по сексуальной линии.) Шлю не как худ. произведение, а как свидетельство моей уравновешенности. И Марине покажите.

Когда Вы (вы) приедете? У нас огр. комната пуста. Не пугайтесь, что сравнительно далеко от центра. У соседей — автомобили. Подвезут.

Обнимаю вас всех и люблю.

\* \* \*

## ПИСЬМО ДОВЛАТОВА ПЕРЕЛЬМАНУ

от 14 января 1980 года

*Дорогой Виктор!*

*Юля Троль передала мне Ваше «Печатать его не будем». Я ужасно расстроился. Объясняю, в чем дело.*

*Откровенно говоря, в русских публикациях я сейчас не заинтересован. Не именно у Вас, а где бы то ни было. Да и печатать мне, в общем, нечего. Надо дописывать роман. Надо что-то зарабатывать. Надо делать газету. Реставрировать личную жизнь. И т.д.*

*Так что, ощущение странное. Как будто от незнакомого человека получил записку: «Прошу на мой юбилей не являться!»*

*Что же меня так расстроило (расстроило)?*

*Вы меня печатали неоднократно. Рассказы мои при оценке журнала неоднократно упоминались в положительном смысле. И вдруг «печатать не будем».*

*Чтобы написать такое, редактор должен быть лично и глубоко уязвлен.*

*Что значит — «печатать не будем». А если я напишу «Белые ночи»?*

*Значит, дело в личной обиде.*

*Эмигрантский круг тесен. Сплетников полно. Уже и Седыху что-то шептали, но он пренебрег. И Марку Поповскому. Ладно...*

*Я признаю за собой некоторую устную беспечность. Однако решительно не припомню, чтобы где-то, когда-либо допускал в Ваш адрес унижительные или враждебные акции. Разрешите Вас в этом торжественно заверить.*

*Я знаю, в каких условиях делается ежемесячный несубсидируемый журнал. Допускаю, что у Вас есть недоброжелатели. Догадываюсь о каких-то личных и творческих комплексах — удел всякого нормального человека.*

*И все-таки. Вы оттолкнули талантливейших Каганскую и Рубинштейн, Люду Штерн, знаменитую как раз тем, что за всю жизнь она не испортила отношений ни с одним человеком...*

*А приобрели, сами знаете что...*

*Подумайте. Вы же редактор, а не бубновый валет...*

*Журнал мне по-прежнему нравится. Ваш энтузиазм и мастерство по-прежнему вызывают во мне глубокое и дружеское уважение.*

*От души, поверьте, желаю Вам и Вашему журналу успеха и процветания.*

*Ваш С. Довлатов.*

## Довлатов — Ефимову

17 января 1980 года

Дорогой Игорь!

Сегодня утром отправил Вам письмо. (В котором благодарил за отрывок, полученный накануне.) Вечером читаю новую записку. С обещанием прислать что-нибудь о Бродском... «Сплошная мистика», как говаривал один беллетрист, заметив в транспорте доступную женщину.

«Бледный огонь» — черт с ним. Это Гришины дела. Проклятий не дождетесь.

А вот от Марамзина я получил довольно бестактную записку. (Может, уже жаловался, не помню.) Он пишет: «Прозы у «Эха» на три года вперед. Нужны статьи...»

Я ему ответил: «Прозы и у меня на три года вперед. Статью же рекомендую заказать Абраму Терцу».

За аналогию «Бродский — Цветков» извините. Даже не знаю, как это вырвалось. Фотография же моя с Иосифом послана как отчасти юмористическая.

Госпоже Брейтбарт напишу сегодня же. Сошлюсь на Вас. Попрошу у нее рецензию на Вас. Но если больше 4-х страниц, то худо. Тогда надо делать целую полосу. А это не по-газетному. (Рецензия на целую полосу.) У нас всего две полосы — чисто литературных. Посмотрим...

Про Вас я обязательно напишу. И про Карла. Как вы думаете, не обидится, если это будет не вполне серьезно?

Когда Вы приедете? За всю жизнь я только с двумя людьми мог беседовать, не выпивая. С Вами и Лешей. И оба далеко.

Команда у нас в газете довольна яркая. Схема — из «Золотого теленка».

Боря Меттер — типичный Остап.

Женя Рубин — Пониковский.

Я — Шура Балаганов.

Леша Орлов — Козлевич.

Помните Лешу Орлова? Это приятель Марамзина из «Строительного рабочего». Меттер его удачно назвал «Тол-

па из одного человека». Мы без конца ругаемся. А Меттер с Рубиным даже подрались, шумно и неумело. После чего у обоих распухли щеки.

Денег у нас (вернее — у них) — тридцать тысяч, как я уже писал. Есть надежда получить еще.

Газету сразу же вышлю.

Всех обнимаю

С.Д.



## Довлатов — Ефимову

Январь 1980 года

Дорогой Игорь!

Пишу отрывисто, в спешке и даже — безумии. Газета появится 8-го февраля. 24 полосы. 5-го будет наше объявление у Седыха. А затем — в среду, четверг и пятницу. В пятницу же и выйдет первый номер.

Я сделал полосу об «Ардисе». То есть — фото, рекламное клише и байка про Карла. Из-за нее Вас и беспокою. Прочтите. Если Вам покажется, что Карл может обидеться — сообщите. Идет полоса в 3-м или 4-м номере. Так что успеем предотвратить. Если же Вам покажется, что нормально, то Карлу давать не стоит. Пусть увидит всю полосу. Скелет ее такой: [начерчен макет полосы].

Игорь! Про Вас я обязательно напишу. И рекламу дадим на «Метаполитику» и «Буржуя». Это не долг, а потребность. Просто нет времени. Про Карла оказалось легче. Мы бегаем с 8 утра до часу ночи. Доставка (будущая), материалы деловые, вся терминология набора и печати — чужая. Вся техника газеты — незнакомая. И еще надо править. Все пишут очень плохо. Или длинно. Или вообще не пишут, как Шарымова, а только звонят и мучают. Сегодня Женя Рубин упал в обморок в наборном цехе. У него язва, а он целый день не ест, мы все гоняемся за рекламой и т.д. Боря Меттер дважды побил машину, он плохо водит, а наши читатели аж в Бруклине, надо договариваться с распространителями...

Приехали Серманы. В пятницу вечером я к ним заеду. Т.е. — завтра.

Я вас обнимаю.

С.

P.S. Как только выйдет 1-й номер, Гриша Поляк займется организацией книжного магазина.

## ВОСПОМИНАНИЕ С ЛЕГКИМ АКЦЕНТОМ

В жизни я перенес немало горьких разочарований. Расскажу о самом мучительном.

Зимой 78 года я узнал, что в Ленинграде находится Карл Проффер. Знаменитый Карл Проффер. Глава крупнейшего издательства русской литературы на Западе.

Выяснилось, что я могу его повидать.

Я не просто волновался. Я вибрировал. Я перестал есть. И более того — пить... Я ждал.

Ведь это был мой первый издатель. После шестнадцати лет ожидания.

Я готовился. Я репетировал. Я просто-таки слышал его низкий доброжелательный голос:

— Ах, вот ты какой! Ну прямо вылитый Хемингуэй!..

Встреча состоялась. Он ждал меня. И я вошел...

На диване сидел вялый мужчина в «приличном» костюме. Он дремал.

— Здравствуйте, — сказал я.

Мужчина с заметным усилием приподнял веки. Затем опустил их.

— Вы издаете мою книгу? — спросил я.

Проффер кивнул. Точнее, слегка качнулся в мою сторону. И снова замер, обессилев полностью.

— Когда она выйдет? — спросил я.

— Не знаю, — сказал он.

— От чего это зависит?

Ответ прозвучал туманно, но компетентно:

— В России так много неопубликованных книг...

Наступила тягостная пауза.

Внезапно Проффер чуть напрягся и спросил:

— Вы — Ерофеев?

— К сожалению — нет, — ответил я.

— А кто? — слегка удивился Проффер.

Я назвал себя. Я сказал:

— Моя фамилия — такая-то. Я узнал, что вы хотите издать мою книгу. Меня интересуют сроки.

Тогда он наклонился и еле слышно произнес:

— Я очень много пью. В России меня без конца заставляют пить. Где я ни окажусь, все кричат: «Пей!». Я пил ужасное вино. Она называется: «Семь, семь, семь». Я не могу больше говорить. Еще три фразы, и я упаду на пол...

«Боже мой! — твердил я, уходя. — Это мой единственный издатель! Этот вялый тюфяк — мой первый и единственный издатель!»

Прошел год. И я узнал, кто такой Проффер. Я вам хочу сообщить:

Блестящий профессор русского языка и литературы. Автор двух книг и бесчисленных научных статей.

Издатель-энтузиаст, спасший от гибели сотни произведений многострадальной русской литературы.

Процветающий книготорговец, наделенный вкусом, отлично знающий рынок и способный им управлять.

Американец, предпочитающий русскую литературу — своей, отечественной.

Муж красавицы Эллендеи и отец троих детишек. (А казался таким вялым.)

Ну что тут скажешь? Бывают люди...

Книжка моя все-таки появилась в «Ардисе». По-русски и по-английски. Может, единственное, что останется после меня на свете.

Не считая бесчисленных дочек...

С.Довлатов.

## **Ефимов — Довлатову**

*5 февраля 1980 года*

**Дорогой Сережа!**

Эссе про Карла — милое и занятное. Сомнение вызывают три момента:

а) «вялый тюфяк» — все-таки обидно; может быть — «не умеющий пить», «не оценивший портвейна «Три семерки»?

б) случайно ли взята фамилия Ерофеев? Дело в том, что именно с этим автором у семьи были всякие осложнения эмоционального порядка. Могут принять за язвительный намек.

в) Американец, предпочитающий русскую литературу — своей, — это во-первых, неверно, а во-вторых, вообще неизвестно, что Карл предпочитает в литературе. В русскую же он был соблазнен Набоковым — может, это и использовать для характеристики?

Прилагаю также список моих знакомых, которым можно послать газету. (Естественно не включил тех, кто должен быть в Вашей записной книжке.) Собираетесь ли вы рассылать в библиотеки университетов? По-моему, это необходимо сделать. «Новое русское слово» я видел в нашей библиотеке.

«Как одна плоть» — это то самое, откуда был вырезан рассказ «По дороге с работы» (про детство с двумя тетками и пр.)

У нас все хорошо, если не считать беспокойства за оставленных друзей (матери послал четвертый вызов — все тщетно), поклон Вашим, с дружеским приветом,

**Игорь.**

## Довлатов — Ефимову

10 февраля 1980 года

Дорогой Игорь!

Пишу в некотором беспамятстве. Газета вышла. Продается в неожиданном темпе. В пятницу утром — 4 500. Мы заказали еще две тысячи. И сразу же продали. Обстановка прямо сенсационная. Из всех русских мест звонят:

«Привезите хоть сто экземпляров. А то разнесут магазин». Я не выдумываю.

В «НРС» ужасная паника. Звонят и туда беспрерывно: «Где купить новую газету?» И т.д.

Все это немного странно. Технические проколов в газете очень много. Есть позорные. И тем не менее. Может быть, фон очень выигрышный для нас...

Мы тоже в панике. Развозка, доставка — все это не продумано. Таскал на себе.

Делался номер в жуткой спешке. Мы с Рубиным 40 часов провели в наборном цехе. Женя по своему обыкновению лишился чувств под утро.

Мы теперь, не смейтесь, герои и звезды русской колонии Нью-Йорка. Люди без конца останавливают на улице. Завтра идем на «Голос Америки».

Спасибо за адреса.

Сестра Максимова звонила, подписалась.

Блок «Ардиса» в 4-м номере.

Мы выписали себе зарплату. Пока — 125 долл. в неделю.

Игорь! Ужасно, что не доходят вызовы. Шарымова говорит, что у нее есть каналы. Напишите ей сами. Для удовлетворения ее снобизма. Тогда она постарается.

Напишите Перельману. Он нескольким людям помог. (Хоть они говно.)

Вот один адрес: Mr. M.Zaichic, <...>, Jerusalem, ISRAEL.

Это некий Марк Зайчик. Зав. отделом на изр. радио. Вы его не помните. Он Вас знает и чтит. Он может помочь. Напишите ему сами: «Довлатов советует обратиться к

Вам... » И так далее. Напишите ему что-то уважительное: «Сергей когда-то показывал мне вашу прозу». И т.д. Простите за цинизм. Могу и я написать. Но Ваше письмо будет эффективнее.

Все три поправки в «Карла» внес. Мы готовим вам деловое письмо. Будем, если согласитесь, делать магазин «Ардиса» на Юнион-сквер, 1. Это хорошее место. Здесь выступал Троцкий.

Газету рассылаю друзьям. Но медленно. Это тоже не продумано — увы! Она довольно серая. Успех ее — загадка. Может, дело в тоне... Или в постыдном уровне «НРС».

Седых и Вайнберг действуют подло и грязно. Т.е. действует Валера. При элегантном невмешательстве Седых. Мы очень сопротивляемся. В критическом случае наш менеджер Джо Рандаза, итальянец, обещал застрелить Вайнберга. Угроза эта реальна.

На курсы продолжаю ходить. Там успокаиваются нервы. Мать здорова.

Катя изучает в школе предмет — «Сексуальная жизнь». Недавно принесла рисунок цветными фломастерами. Изображен хрен, с подробностями внутри, даже мне неизвестными.

В библиотеки газету рассылать собираемся. Со второго номера. Т.е. два номера сразу.

Обнимаю вас. Приезжайте. Извините за стилистику спертого дыхания.

Ваш непьющий приятель

С.Д.

P.S. Приезжал Успенский. Выглядит хорошо. Говорит, завел себе американку.

Приехал Бобышев с малознакомой (ему) женой. Очень недобрый.

Как бы Вас повидать? С.

## Довлатов — Ефимову

Февраль 1980 года

Дорогой Игорь!

Как второй номер? Получили? Вроде бы, лучше первого?

В третьем — полоса «Ардиса». Сразу же вышлю. Покажите ее Карлу. С такими комментариями.

1. Подобная реклама в «НРС» стоит 600, если не больше. Пусть заплатит нам двести.

2. Если не захочет, пусть вышлет книг на эту сумму, демократических и общеизвестных, со скидкой 40%, как для Кухарца.

3. Если и этого не захочет, пусть вышлет мне в долг 15 английских тонких и 35 тонких же русских невидимых книг. Я их в минуту продам. (Хотелось бы тоже получить их со скидкой.) Расписку немедленно вышлю. Срок — месяца два.

Пусть Карл учтет такие соображения:

1. Я уполномочен вести любые деловые интриги от корпорации.

2. Наш тираж (второго номера) — 12 000. То есть охвачен практически весь русский Нью-Йорк. Около тысячи рассылаем в другие города.

3. Наша газета нравится третьим эмигрантам. И качество ее растет. Четвертый номер (который уже готов) весьма приличный.

4. Поляк готовит деловое письмо Карлу. Будем торговать вашими книгами.

5. Отчего вы не прореагировали на сообщение о том, что меня печатает «Нью-Йоркер»? Прилагаю копию их письма. Оригинал висит на стене под стеклом. Покажите ее Карлу. Чтобы он слегка меня зауважал. Если он не захочет с нами дружить и отклонит наши предложения, строгий немецкий Бог его покарает.

Я получил 1 000 долларов аванса из «Нью-Йоркера», впервые в жизни сам купил себе одежду необычайно фраерского пошиба. Хотел даже купить перстень, но Лена пригрозила разводом.

Сегодня в Австрию прилетает (!!) мой папаша.

Предприняли ли Вы что-то с вызовом для матери? Хотите, я напишу Сотниковой или Зайчику? Или пойду в Хиас? У нас с ним дружба на почве газеты.

Всех обнимаю.

Практичный и зажиточный

Довлатов



## Довлатов — Ефимову

10 марта 1980 года

Дорогой Игорь!

Я обнаружил в редакц. папках материал про Сокирко. Ни конверта, ни сопроводиловки. Ребята спрашивают, было ли это напечатано? Или Вы набрали просто так, для удобства?..

В след. раз посылайте на мой адрес. Или рассердились, что я не встретился с Карлом? Тут наша вина — 50 на 50.

Дальше. У меня иссякли «Невидимые книги», и русские, и английские. Надеюсь, у вас там есть? В ближайшие дни пошлю money-order или чек. Тут как раз завязываются отношения, и надо дарить...

В четверг придет барышня, которая что-то сочиняет для «Нью-Йорк таймс». Это Карл ей меня рекомендовал. Будет что-то спрашивать о писательских грантах. Я скажу про Алешковского, про Вас и про Люду. По Люду — не искренне. Но уж очень она теперь самолюбивая. Литература ее совершенно преобразила. Тем более, что Гена Шмаков, человек сложный и даже педераст, лжет ей, что у нее гофманианская манера.

И еще я буду снова выступать по «Голосу». И снова Вас хвалить и уважать.

У нас по соседству живет Дима Бобышев с женой-американкой. Он стал добрее и терпимее. Только антисемитизма сдержат не может. Но тут я его понимаю. В здешней среде это трудно.

Обнимаю Вас. Не сердитесь.

Мой папаша в Риме. Это чревато для меня большими расходами. Как с вызовом для мамы?

Ваш С.Д.

## Довлатов — Ефимову

15 марта 1980 года

Дорогой Игорь!

1. С Карлом произошло вот что. Он назначил встречу. Я всех собрал. Все пришли. Хотели торговать, дружить и чокаяться. Карл позвонил, что не может. Договорились на следующий день. Кажется, он снова не пришел. Хотя это было уже не важно. Поскольку я внезапно загудел. Я очухался через неделю, проклятье! — как выразился бы Со-снора. Не сердитесь. Пакетик у меня. Хотите, вышлю его, застраховавав?

2. Я все еще хочу торговать с «Ардисом». Хотя Карл, говорят, реагировал прохладно. А зря. Мы продаем 12—14 000 экз. Дела идут хорошо. Газета преобразается, заметили? И т.д.

Гришка занят своим альманахом, а также — Ходасевичем, Аксеновым, Чайновым и тем же мной. Нечего его ждать. Все очень просто. Давайте сделаем пробный заход. «Ардис» посылает лично мне двести книг. Десять названий. По двадцать штук. Цена есть в рекламном клише. Я обязуюсь в течение 3-х месяцев выплатить 60%. Рекла-лама и доставка — наша забота. Вот проект расписки:

*Я, Довлатов С.Д., представляю интересы газеты «Новый американец» и обязуюсь в течение трех месяцев выплатить издательству «Ардис» 60% стоимости книг, взятых мною у «Ардиса» для продажи.*

*/С. Довлатов/*

Надо вставить сумму, и привет.

Если что-то я допустил вольное или непрофессиональное — сообщите. А лучше, пришлите книги. Помните, я брал у вас своих — 50 шт. И все обошлось.

Заверьте Карла, что я порядочный.

А вот примерный список:

1. Аксенов. Железка. 5 долл. 20 шт. = 100 д.
2. Ахматова. Четки. 3 долл. 20 шт. = 60 д.
3. Бабель. Заб. произв. 7.50 20 шт. = 150 д.

4. Бродский. Конец и Часть. 9 долл. 20 шт. = 180 дол.
5. Булгаков. Мастер и Маргарита. 5.50 20 шт. = 110 дол.
6. Войнович. Иванькиада. 4 долл. 20 шт. = 80 дол.
7. Гумилев. Костер. 2.50 20 шт. = 50 дол.
8. Довлатов. Нев. кн. 3.50 20 шт. = 70 дол.
9. Мандельштам. Ег. марка. 5 дол. 20 шт. = 100 дол.
- 10 Набоков. Лолита. 7 дол. 20 шт. = 140 дол.

Итого, общая стоимость — 1140 долларов. 60% = 684 доллара.

Игорь, дорогой, поверьте, я это делаю совершенно бескорыстно, для газеты. И не столько ради денег, а ради престижа. Дела у нас идут хорошо.

«Нью-Йоркер» прислал аванс — 3 000 долларов. Научите, как бы всем этим разумно воспользоваться. Во что-то превратиться. Кем-то стать. Не временно, а навсегда.

Я сейчас зарабатываю 300 долларов в неделю. Но в любую минуту опять стану нищим.

Да, и еще. У меня кончились экземпляры. Скоро закажу у вас по-русски и по-английски. Все раздарил. Надеюсь (увы?) еще имеются?

Игорь, не откладывайте с торговым экспериментом. Обнимаю вас и Марину. Деткам привет.

С.

P.S. Я написал книжку о своей родне. Как бы сделать, чтобы Вы прочли? Не «Ардис» — именно Вы. Там много поверхностного веселья. С.

## Довлатов — Ефимову

Март 1980 года

Дорогой Игорь!

Времени нет совершенно. Способен издавать лишь деловые крики.

1. Посылаю фото Сокирко. Очерк всем понравился. Пришлете что-то еще — будем рады. Любой отрывок.

2. С книгами почти все хорошо и благополучно. Спасибо за 50%. И за хлопоты. Вышло лишь одно недоразумение. В счете 11 названий. В коробке же было десять. «Забывтый Бабель» отсутствует. Остальное на месте. И мои 100 штук дошли. И 15+15. А Бабеля нет. В счете же, повторяю, есть. Копию этого счета высылаю. Разберитесь, пожалуйста.

3. Получили ли Вы нашу газету? С каким опозданием? Как она Вам?

4. Книжки (и себя, и Ахматову с Гумилевым) начинаю продавать тотчас же. Готовлю объявление и крошечные рецензии. Удобна ли такая форма: «Новый американец» открывает книжный магазин издательства «Ардис». Или: «Новый Американец» представляет издания «Ардиса»?..

5. Выхода «Нью-Йоркера» очень жду. Буду добиваться гранта. Говорят, это реально.

6. Очаровательная Ан. Фридман повергла меня в любовь и запой. Сейчас оправился. Лена вернулась.

7. Люда разорвала отношения со всеми, кто лишь частично признает ее гениальность.

8. Деньги за свои 15+15 вышлю сразу. Остальные в срок. Нужна ли расписка? Вышлю сразу же, как только утрясете Бабеля. Все же — 150 долларов.

9. Отец прислал мне из Рима три блока сигарет «Интер». Болгарских. От безысходности я их начал курить. Меня дважды приняли за наркомана. А из одного банка любезно выпроводили: «Здесь травку не курят». И еще. Одна моя знакомая (с толстыми ногами) сказала: «Ты был, и

меня не застал». Я спросил: «Откуда ты знаешь?». А она говорит: «В лифте пахло твоими русскими сигаретами».

Вот что мы покинули!!!!!!!

10. Тут одного грузинского еврея якобы спросили: «Ну, как ты устроился в Америке?» Он сказал: «Да никак пока не устроился. Все еще работаю...»

Обнимаю Вас (вас).

С.

## Довлатов — Ефимову

Март 1980 года

Дорогой Игорь! Высылаю деньги за мои книжки, русскую и английскую (15+15). Копию счета и money order. И заодно, юбилейный портрет Вашего любимца\*.

Вчера отослал длинное письмо. Ответа почти не жду, сознавая Вашу титаническую занятость. Как там Бабель, забытый родиной и Вами.

Обнимаю.

Ваш С.Д.

Дорогой Игорь! Высылаю деньги за  
мои книжки, русскую и английскую (15+15).  
Копию счета и money order. И заодно, юбилей-  
ный портрет Вашего любимца.  
Вчера отослал длинное письмо. Ответа  
почти не жду, сознавая Вашу титаническую за-  
нятость. Как там Бабель, забытый родиной и  
Вами.  
Отписываю Вам С.Д.



\* Понятия не имею, почему Сергей приписал мне любовь к постояльцу Мавзолея (И.Е., 18.10.2000).

## Довлатов — Ефимову

7 мая 1980 года

Дорогой Игорь!

Среди моих книжек попалась дефектная. (Загляните в конец.) Надеюсь — единственный экземпляр. Прошу заменить.

Торговля идет довольно вяло, но все же идет. Продано долларов на 300—350. Сейчас я подготовил и сдал большую рекламу. И еще, в субботу и воскр. буду общаться с публикой. А Лену посажу торговать.

Звонило издательство «Фаррар, кто-то и Страус». Хочет что-то издать.

След. номер газеты выйдет на 32 страницах. Так что дела продвигаются.

К нам вселился Марк Серман. Передает вам привет. Вроде бы он симпатичный.

Привет бабушке, Марине, деткам, а также негритянскому окружению.

Интервью с Вами (4 стр.) сдал. Копию сделать не успел. Вышлю копию гранок. Не беспокойтесь. Все будет согласовано. Материал идет через номер.

Обнимаю вас всех.

Довлатов.

## Довлатов — Ефимову

13 мая 1980 года

Дорогой Игорь!

Посылаю Вам оригинал. Идет в 16-м номере. Постарайтесь не очень редактировать. Некий Игорь Бирман (или Берман) сочинил рецензию на «Буржуев». Хочет послать ее в «Континент». Он звонил, вроде бы — из Вашингтона. Я спросил — положительная ли рецензия. Он сказал — аналитическая. С элементами критики. Этот Бирман, утверждает Лева Штерн, очень важная шишка в экономике. Важнее его только один — Каценельбоген (или что-то в этом роде). Так вот. Что Вам лучше, чтобы он послал в «Континент» (это полгода ждать, да еще, может, напрасно). Или тиснуть у нас?

А если рецензия плохая, мы унизим автора, то есть Бирмана. Или Вы сами его растопчите.

Газета с 14-го номера будет замечательная. Увидите. Вайль и Генис — чудо, а не работники.

В 15-м номере — 3 полосы о Бродском. Там есть и Ваш кусочек.

Обнимаю.

С. Довлатов.

P.S. Скоро расплачусь за все книги.

P.P.S. Гриша кланяется.

P.P.P.S. Грише Ваша рукопись очень нравится. Вроде бы, он хочет спросить, нельзя ли разбить на две части. В два номера. А то — многовато. А может, напечатает сразу.

С.



## *Ефимов — Довлатову*

*16 мая 1980 года*

Дорогой Сережа!

Спешу отпасовать вычитанный материал обратно. Там несколько уточняющих справок — не длиннее причастного оборота. В остальном все изложено толково. Я только не понял самой первой строчки. Это подзаголовок? рубрика? И в том, и в другом случае — коробит. Надеюсь, исправления примете — тогда впишите сами для наборщика поаккуратнее.

Рецензию на «Буржуев» (любую) — приветствую. Не понял только: если этот Бирман хочет послать в «Континент», зачем звонил вам? Во всяком случае, в «Континенте» не пройдет, потому что Максимов книгу (заключительную часть) просматривал и она его покорила своей объективностью (слишком мягко — про авторов сборника «Самосознание»). Впрочем, если рецензия недобрая, так, может, именно поэтому и пройдет? Пусть автор решает сам.

Рад Вашему повышению, рад подкреплению — Вайль и Генис. Выслали ли они мне ксерокс романа Аксенова? Пожалуйста, надавите.

Грише скажите, что я не против разрезания на два куска, если он абсолютно уверен, что альманах не заглохнет и второй кусок таки появится. А вообще-то лучше в одном.

У нас намечилось путешествие: на неделю (в начале июня) в Вашингтон, где мне устроили лекцию в институте Кеннана (4-го). Поедем на машине, втроем, по дороге навещая знакомых. Но вы, к сожалению, не по дороге.

Обнимаю, приветы семье и особенно Кате, которой, кажется, Америка очень пошла на пользу.

Ваш Игорь.

## Довлатов — Ефимову

3 июня 1980 года

Дорогой Игорь!

Приношу Вам свои извинения. Ваши поправки несколько запоздали. Все было уже заверстано. Надо было много резать и клеить. Принципиальные вещи я исправил. Вкусовые же пришлось оставить. Менять «сороковой год» на «1940-й» было уже затруднительно. Не сердитесь.

Кроме того, есть опечатки. Мало. Но все равно — обидно...

Мы намерены тиснуть еще одно произведение Соловьева. Хоть он мне и противен. Я помню Ваши соображения. И даже нахожу в этих соображениях моральную ошибку. Вы говорили: «Можно защищать легальную проституцию. Это не значит, что можно устраивать дома бардак». По-моему, это неправильно. Человек, выдвигающий нравственную установку, обязан развивать ее применительно к себе. И к своим дочкам. (Упаси Бог Катю, Лену и Наташу от такой судьбы). Лично я не одобряю проституцию. Особенно теперь, когда не пью.

Нельзя говорить: «Пусть будет свобода мнений, но только в другой газете». Это не демократично. Надо истребить Соловьева каким-то другим путем.

Простите за мысли.

Мои дела так хороши, что просто не верится. Или я не привык. «Нью-Йоркер» вышел. Есть и другие предложения. Иосиф очень много помогает. И относиться стал получше. Старая истина — кому сделал добро, того начинаешь любить.

Лену выгнали с работы. Это не страшно. С августа мы ее берем. Если не лопнем. А чтобы не лопнули, пишите нам. Нельзя ли все-таки опубликовать кусочки из гришинной рукописи (забыл, как называется)? С указанием, что полностью это будет в «Части речи»? Подумайте.

Гришин альманах вышел. Кажется, очень неплохой. Особенно в ретроспективной части. Он Вам пришлет экземпляр.

**Игорь, напишите хотя бы кратко. Ибо все комплексы на месте. Напишите, как прошла лекция. Нельзя ли опубликовать ее русский вариант?**

**Как последние номера газеты? Вроде бы, получше? Обнимаю всех.**

**Довлатов.**

**P.S. Огромное спасибо (видимо, Карлу) за вырезку из журнала «World Literature Today». Это маленький отзыв на «Нев. книгу» в Оклахомском издании. С.**

## **Ефимов — Довлатову**

*14 июня 1980 года*

Дорогой Сережа!

Не могу найти Вашего последнего письма и поэтому отвечаю вразнобой и, наверное, не про все.

Газета, действительно, в последних номерах расцвела — и тексты, и оформление. Местный русский народ тоже хвалит. Рассказ в «Нью-Йоркере» прочел наш сотрудник Фред, сказал, что очень смеялся. Так что реальных причин для комплексов остается все меньше, и тем яснее выступает их беспричинно-глубинно-душевная сущность. Чтобы показать, что Вы не один мчитесь по дороге славы, вкладываю фотографию: я в Вашингтоне между Поповским и Михайло Михайловым на вечеринке, данной в нашу честь.

Отрывки из «Дневника книгочехя» в газете печатать не надо. Буду присылать постепенно кусочки из того, что готовится у нас к печати — это лучше для всех. В Вашингтоне мне сказали, что Игорь Бирман — человек со странностями, но жена его подходила ко мне после лекции и говорила комплименты. Да, еще для хвастовства: в «Посеве» № 4 хорошая рецензия на «Метаполитику» (Катя Брейтбарт), а из Парижа пришло письмо, в котором поклонник моей прозы некто Гурвиц пишет, что провел со студентами занятие на тему: «Любовь в изображении Толстого, Достоевского и Ефимова».

Всего Вам доброго, приветы семье, Грише, редакции, а Вайлю и Генису скажите, что, несмотря на все их замечательные статьи, скоро прокляну, если не вернут ксерокс Аксенова.

**Ваш Игорь Ефимов.**

## Довлатов — Ефимову

23 июня 1980 года

Дорогой Игорь!

Спасибо за фотографию. Поповского досадливо отрезал. Остальных приколосил к стенке. Михайлу я тоже знаю. Сидели рядом в президиуме. Я принял его за обычного еврея. И даже стряхивал пепел в его ладонь. (Там у него лежала специальная бумажка.) Свое выступление он начал так:

— Не представляю себе, о чем я должен говорить...

Потом мне сказали, что он начинает так все свои выступления...

Поздравляю с успехами.

Петя и Саша (бандиты и алкаши) копию «Ожога» выслали. Волнуются, насколько ценны их замечания. Помните, что их самый любимый гений — Мамлей [Ю. Мамлеев]. Я как-то раз шел с ним и с женой Вайля по 42-й улице. И меня толкнул негр. Я стал ему объяснять, что он плохой. Собралась толпа. А Мамлеев ходил вокруг и повторял: «Хорошо-то как...»

У Гриши, естественно — просьба. Бобышев отдал Вам рукопись Юры Кублановского. А Бродский сейчас везде говорит, что Кублановский — гений. Гриша же своей вязкостью добился общения с Бродским. Вырвал у него два стихотворных автографа. Так вот, Гриша хочет дать его подборку в след. номере. Просит штук двадцать. На Ваше усмотрение. Бобышев не возражает.

Гришин альманах публике нравится. Есть даже проблески сенсации, которые я намерен искусственно развить. Бродский отнесся сложно, но положительно. Изъявил готовность украсить нашу фиктивную редколлегию. Неизвестный, который пишет лучше, чем рисует и валяет — тоже. Вместо плейбоя Шмакова.

Газета вроде бы — улучшается. Хотя даже уровень «Недели» пока — метафизический идеал.

Осенью у меня, вероятно, будет контакт с приличным издательством. Я скроил из шести рассказов — повесть, дописав авторский лист.

И даже пережил вспышку некоторого чрезмерного благополучия. А именно, две женщины (Фридман и О'Коннор) рассорились, борясь за право над этой книжкой трудиться. Аня сказала Кате: «Вы — Макиавелли!». Катя же ответила: «Но мой перевод — люче!»

Рассказ в «Нью-Йоркере» похвалили многие знаменитости. Я дал им еще один.

Дочь уехала на лето в провинцию. Настроение хорошее. Всех обнимаю.

С. Д.

P.S. Деньги Карлу пошлю чуть ли не завтра. С.

## Довлатов — Ефимову

8 июля 1980 года

Дорогой Игорь!

Здравствуйте!

Грише все передал. За Кублановского — спасибо. Дадим в ближайших номерах.

Игорь Бирман дал рецензию... на книгу Поповского. (Что касается — на Вас, то ждет реакции Максимова. Не дождется.)

Могу Вас утешить — рецензия ничтожная, кокетливая и глупая. Тем не менее ее дадим, в ожидании экономических шедевров. Этот Бирман, вроде бы, манерный самоуверенный дурак. Прочтите — убедитесь. Хуже Кузьминского.

Игорь! Я послал Карлу деньги, все, кроме 212 долларов за 100 «Невидимых книг». Эти 212 отошло на днях. Ему же послал заказ, опять 200 штук, 20 названий, по 10 экз.

Очень жду, потому что идут заказы повсюду.

Не помню, хвастал ли я, что дал 2 интервью по-английски. Для 13-го канала телевидения и для какой-то третьестепенной радиостанции. Женщина с телевидения так хохотала, что упала на пол. Клянусь. И дальше разговаривала, лежа на полу. И все потому, что я сказал ей, что в Ленинграде у меня было больше знакомых американцев, чем в Нью-Йорке.

Книги продаются быстро. Но, как Вы догадываетесь, деньги я сразу же трачу. Потому и расплатился лишь сейчас. И то — укладываюсь в срок.

У нас все, как будто, хорошо. Некий Габи Валк, израильский книжный деляга, собирается к Вам. Может, я приеду с ним.

Всем большой привет.

Да, у нас поселился абсолютно сумасшедший Глезер. Все засыпал пеплом. Наводнил жилище картинами, вызывающими у мамы гадливый ужас. Домой звонил в Париж (не хуже Рейна). Наконец сказал Лене: «Едем со

мной во Францию. Я увезу тебя из этого болота!» Из кармана у него постоянно вываливается большой французский пистолет.

В редакции обстановка хорошая. Вайль и Генис — замечательные работники. Боря Меттер говорит, что в Нью-Йорке его мучают два кошмарных сновидения. Первое — что он снова в Ленинграде. Второе — что Женя Рубин вернулся в редакцию.

Я закончил две книжки. Одна — про мою родню («Свои»). Вторая — про низы российского общества. Она составлена из 28 радиопередач. Ее, наверное, будет переводить Лиза Таккер, дочка какого-то знаменитого Таккера.

Где печататься — совершенно не знаю. На Максимова обижен, Глезера — презираю. Своя же газета воспринимается как самиздат. Не доставляет удовлетворения.

Нельзя ли опубликоваться в «Глаголе»? Или у вас там одни подсоветские авторы?

Всех обнимаю.

Ваш С. Довлатов.



## Довлатов — Ефимову

Июль 1980 года

Дорогой Игорь!

Книги получил. На этот раз все точно. Оставшиеся деньги — 212.50 — вышло завтра, клянусь! Честное слово, времени нет.

Передо мной внезапно извинился Дар. Сожалеет, что наводнил Ленинград призывами меня избить. Это было. Два года назад ко мне подошел богатырь Холоденко и сказал:

«Дар велел ударить тебя по физиономии. Только не пишет, за что».

В общем, Дар извинился. Я был очень расстроган. Теперь мы переписываемся. Посылаю ему газеты и книжки. Он довольно бедный. Но по-прежнему вздорный. В академический Гришин альманах дал эссе о похоти. Печатать нельзя. Я взмолился, чтобы прислал другое. Умоляю его написать мемуары о Твардовском или Абрамове.

Я дал большое интервью журналу «Сатардей ревью». (Извините за метр и рифму. Видимо, таково состояние моей души). Баба из журнала явилась по наколке Карла. Спасибо ему. Зато я ей сказал вот что. Она спросила:

— Говорят, советское правительство много делает хорошего литераторам.

Я сказал:

— Проффер в миллион раз больше сделал для русских литераторов, чем советское правительство.

И вообще — был афористичен.

Читали «Эхо» №1? Там замечательная статья Бродского.

Иосиф мне всячески содействует. Даже странно.

Всем большой привет. Обещали что-то прислать для газеты. (?)

Игорь, все нет времени написать о «Буржуе». Можно для начала перепечатать рецензию на «Меаполитику» из «Русской мысли»? Хочу свою образованность показать.

Где-то недавно читал о Вас много хорошего, А, в «Современнике». Если у Вас нет, могу прислать.

Всех обнимаю.

С.Д.

## **Ефимов — Довлатову**

*15 июля 1980 года*

Дорогой Сережа!

Посылаю Вам статью из Литературки и ответ на нее, данный Эллендеей в интервью «Голосу Америки». Уверен, что Вы сумеете использовать материал. Для меня во всей этой истории есть два отрадных момента. Первое: что о ее приезде начальство действительно не знало (не было ни слежки, ни особого шмона на выезде), то есть миф о всеведении КГБ еще раз был опровергнут. Второе: что из ста человек, встречавшихся с ней, и из тысячи, знавших о ее приезде, не нашлось ни одного энтузиаста, который побежал бы и тут же настучал. Видимо, начальство узнало уже задним числом просто из слухов.

Еще посылаю рекламку новой фирмы, которая организовалась здесь под нашим с Мариной руководством. Покажите Грише и всем, кому это может быть интересно. В газете пока рекламировать не надо (хотите напечатать собственную книгу! сделаем в лучшем виде! лучшим стилем!), но потом, если дело пойдет, — попросим.

Всего доброго, надеюсь, что книги уже дошли,

всегда Ваш Игорь.

## **Ефимов — Довлатову**

*28 июля 1980 года*

Дорогой Сережа!

Посылаю два отрывка из Аксенова: про скульптора и про литературный банкет. Можете печатать, указав в конце, что книгу можно заказать в Ардисе (выходит в октябре — ноябре), и наш адрес по-английски.

При случае спросите, пожалуйста, переводчиков, не заинтересует ли их провинциальный автор И.Ефимов. Нужно перевести сто страниц прозы с гарантией, что, по крайней мере, Ардис опубликует их не позже 1982 года.

Всего доброго, сердечные поклоны,

всегда Ваш Игорь.

## **Довлатов — Профферу**

*29 июля 1980 года*

Дорогой Карл!

Книгу Окуджавы хотим. Десять штук. Спасибо.

Вы пишете: «См. новый каталог». У меня его нет. Если можно — пришлите.

Не собираетесь ли быстро издать Высоцкого?

Игорь сообщил Вайлю, что послал мне комментарий Эллендеи относительно советского хамства. Я не получил.

Кроме того, Ефимов обещал прислать что-нибудь свое. Не могли бы Вы, используя служебное положение, ускорить эти дела?

Газета развивается, подписка идет. Рекордное число подписок за неделю — 127. На 4 000 долларов.

Андрей Седых всем говорит про меня: «Хоть бы он запил!» (Я больше 4-х месяцев не пью. И теперь уже вряд ли буду.)

Ваш С. Довлатов

## *Ефимов — Довлатову*

*7 августа 1980 года*

Дорогой Сережа!

Борьба с американской почтой продолжается.

Посылаю:

1. Материалы битвы Эллендеи против «Литературки». Жаль, что пропала фотография. Не сохранилась ли у Вас наша групповая, чтобы вырезать оттуда?

2. Два отрывка из «Ожога». Можно упомянуть, что выйдет у нас в октябре-ноябре, «заказы шлите по адресу..., 10.50+1 доллар за пересылку».

3. Рецензию Марины на книгу Роберта Кайзера. Книга наверняка уже есть у Левы Полякова или у других участников — можно взять, чтобы перепечатать фотографии.

4. Рекламку нашей распродажи.

5. Рекламку новой фирмы, которая возникает здесь под нашим с Мариной руководством.

Также спросите, пожалуйста, переводчиц, которые дерутся за честь Вас переводить, — не заинтересует ли их провинциальный автор И.Ефимов. Нужно перевести 100 страниц прозы с гарантией, что Ардис опубликует не позже 1982 года.

Всегда Ваш Игорь.

## **Ефимов — Довлатову**

*10 августа 1980 года*

Дорогой Сережа!

Надеюсь, все материалы, наконец, дошли до Вас. (Посланы 7 августа, спешил хэндлинг, на редакцию.) Завтра отдельным конвертом вышлю еще небольшую, печальную заметку: о ленинградском коллекционере литературных фотографий, Михаиле Балцвинике, чья коллекция легла в основу нашей «Фотобиографии Цветаевой». Он покончил с собой этой весной.

В связи с обилием посылаемого материала хочу обратиться с просьбой к газете выплатить нам небольшой гонорар «натурой», а именно — напечатать в двух номерах (подряд) наше объявление. Выглядеть оно должно так:

**ХОТИТЕ ИЗДАТЬ  
СОБСТВЕННЫЙ РОМАН?  
ПОЭМУ? ПЬЕСУ? ИССЛЕДОВАНИЕ? МЕМУАРЫ?**

В новой фирме ЭРМИТАЖ это обойдется вам  
не дороже 15 долларов за страницу.

И не позже чем через 4 месяца вы получите на дом ящики с полным тиражом ваших книг (500 экземпляров? 1000? 1500?) плюс список адресов 30 крупнейших магазинов, торгующих русскими книгами во всем мире, куда вы сможете рассылать свое издание для продажи по любой цене, какую сами найдете справедливой и приемлемой.

Обращаться: HERMITAGE, 2269 Shadowool Dr., Ann Arbor MI 48104 USA, tel (313) 971-2968

Думаю, это можно втиснуть в ваш обычный размер: 2 дюйма × на две полосы.

До свидания, всем поклоны.

**Ваш Игорь.**

## Довлатов — Ефимову

12 августа 1980 года

Дорогой Игорь!

Наконец-то я все получил. Два конверта с напутанным адресом и повторную Эллендею. Спасибо.

1. С Эллендеей все ясно. Дадим, сохранив ее акцент.

2. С «Ожогом» тоже порядок. Хотя мне не очень понравилось.

3. Марине за рецензию спасибо. Фотографии раздобудем.

4. Теперь насчет рекламы (распродажа и бизнес). Они довольно большие. Корпоранты, предвижу, будут хмуриться. (Рекламы сейчас довольно много. И все — платная. Ей — зеленая улица. Площадь живого текста соответственно уменьшается.)

Но.

Я объясню, какой Вы нужный человек. Буду красноречив. Варианты таковы. Либо корпоранты поддадутся и напечатают все целиком. Либо потребуют сократить. (В таком случае, нельзя ли убрать образцы шрифтов?) Либо они будут желать хотя бы частичной оплаты.

Варианты я расположил по убыванию качества. О результатах сообщу немедленно.

5. Переводчиц у меня — две. Аня Фридман и Катя О'Коннор. Имеется также рекомендованный Бродским кокаирист. Но он пропал. Лиза Таккер, дочка знаменитого Роберта Таккера (чем он знаменит — не имею понятия), вроде бы отказалась действовать бесплатно, авансом. Ане я напишу сегодня или завтра. Буду искренне славословить Ваше творчество. Катю Вы знаете, очевидно, лучше, чем я. Это Людкина приятельница. Переводила «Невид. книгу». Лучше бы ей написал Карл. Поскольку Аня на мне заработала 2 000, а Катя — ни шиша.

И еще один момент. Их внимание ко мне объясняется просто — успехом в «Нью-Йоркере». И тем, что «НЙ» попросил еще рассказы. И где-то еще мерцает «Вог». А так — обе довольно вялые. И не заинтересованные. Но это я так, из общего пессимизма.

Ане пишу тотчас же.

6. Двух тысяч у меня, естественно, нет. То есть, они почти были. Но приезд избалованного отца и «Книжная лавка» меня разорили.

У Лены есть тысячи полторы. Но когда я с ней мягко заговорил, она вдруг затуманилась. Это не от скупости. У нее какие-то планы с жильем.

Мне очень жаль.

Газетные дела идут неплохо. Вроде бы начали окупаться. Но все это пока зыбко. И дважды мы едва не погибли.

Появилось много врагов. Даже странно. Седых — просто негодяй. Субботин и Вайнберг — исчадья ада, хуже Козлова с Воскобойниковым.

Вообще, говна здесь не меньше, чем в Ленинграде. Что приводит к философским обобщениям.

Ваш друг Поповский... Ладно, не буду.

Парамонов — рехнулся. Люда тоже. Юз играет амнистированного малолетку, будучи разумным, практичным, обстоятельным, немолодым евреем. Кухарец — уголовный преступник. <...> Что творится на «Либерти» — затрудняюсь описать. Какие-то люди в гамашах, гольфах, с проборами в центре головы. Несущие в эфир чудовищную галиматью. Всерьез говорящие об интервенции. Причем, некоторая роль уделяется кавалерии. Ужас...

Бобышев сказал, что не может печататься в альманахе под названием «Часть речи». Утверждает, что Бродский повсюду запретил его, Димину, славу.

Кстати, даже Соловьев не так ужасен. Ужасен, конечно, но менее, чем Парамоха.

Единственные нормальные люди оказались в «Новом американце». И еще — Гриша Поляк. Хотя и он — балбес.

Вот так. Обнимаю всех.

С.Довлатов.



## Довлатов — Ефимову

Август 1980 года

Дорогой Игорь!

Все материалы получил. Огромное спасибо. Объявление Ваше дадим. И не два раза, а сколько пожелаете. С эмблемкой.

В объявлении имеется неясность. Вы пишете: 15 долларов за страницу. Это — за все? Набор, печать и брошюровка? И обложка? Тогда подозрительно дешево. Книжка в 100 страниц — 1 500 долларов? Не верится.

Еще я бы советовал уточнить зависимость цены от тиража. (Вы пишете: 500? 1000? 1500?). Все знают, что печать сейчас дорогая. Куда дороже набора. (Из-за бумаги.) Мы дадим пока так, а Вы, если хотите, составьте более обстоятельный вариант. С таким крошечным объявлением проблем не возникнет...

Дальше. Есть тут некий Моргулис. Поверьте мне, не самый гнусный человек. Хлестаков, балбес, невежда, однако — симпатичный. Он — бывший затейник из Киева. Конечно, врет, что писал для Райкина и Утесова. Примазался к здешним баптистам. И даже немного выдвинулся. Через него проходит много духовных книг. В большинстве — очень наивных и даже глупых. Но — толстых. Миша постоянно кому-то заказывает набор. Главным образом — жуткому прохиндею Бересту. (Может, слышали.) Мошенник и сквалыга. Далее — простите за ценные советы. Моргулис будет что-то просить для своей газеты «Литературное Запорожье» [Литературное зарубежье]. Дайте ему что-нибудь. Напишите, что знакомы с его публикациями в «НРС». Заставьте себя написать две лестных строчки. Моргулис страшно тщеславен. А я Вам здесь придал ореол мистического величия. Он же Вам [пришлет] заказы. И увидите — очень денежные. В расчетах он совершенно честен (чего не скажу о моем друге — Глезере. У него тоже бывает работа). Кстати, буду сейчас Глезере звонить. У него что-то есть. В частности — мои «За-

писные книжки» с рисунками Шемякина. И кажется, очередной номер журнала «Третья волна». Не думайте, что я себе противоречу. Глезер не жулик. Но разбросанный и довольно причудливый человек. Норовит расплачиваться литографиями, багетом, штуками холста. Будьте с ним жестки. Работу выполняйте долями. (Оплатил — получил.)

Я буду всячески пропагандировать Ваш бизнес. Как я понял, это — семейное дело. Кстати, позвоните Люде. Она хочет заказывать книгу у Вайнберга. Хотите, я ей позвоню?

Желаю Вам (вам) удачи и процветания.

Будьте здоровы.

Ваш С.

## **Ефимов — Довлатову**

*16 августа 1980 года*

Дорогой Сережа!

Спасибо за подробные и частые письма. Постараюсь быть таким же обстоятельным.

Действительно, в объявлении не совсем было ясно, что речь идет о машинописной странице в 1800 печатных знаков. Я по телефону попросил Лену исправить, надеюсь, она уже передала. И с таким уточнением я стою на своем: книгу в мягкой обложке тиражом около тысячи экземпляров изготовлю не дороже, чем по 15 долларов за страницу, а может, и дешевле. Чтобы было ясно, как я все это представляю, вкладываю еще две рекламки — не для опубликования, а лично Вам для ознакомления.

С Глезером говорил. Его стиль — штурмовщина. К 15 сентября мы, конечно, ничего сделать не можем. Мы и композер-то получим не раньше. Но в нормальных темпах сотрудничать, конечно, готовы.

От Моргулиса письмо получил. Вышлю ему такую же рекламку и письменные объяснения. Льстить не буду.

Про деньги не думайте, мы, кажется, выкарабкиваемся. О переводчицах тоже особенно не беспокойтесь, потому что я начал писать такой захватывающий роман на 600 страниц, что через два года сами будут проситься. И дальше, как в песне: «Скажешь мне — приди, а я плевать не захочу».

Всех Вам благ, сердечный привет,

**Ваш Игорь.**

## Довлатов — Ефимову

21 августа 1980 года

Дорогой Игорь, здравствуйте!

Объявление Ваше набирается. Рецензия на «Кайзера» скоро пойдет. И т.д.

Еще раз поздравляю с деловым начинанием. Позволю себе комментарий.

1. По существу, конкурент у Вас — один. Это — Вайнберг. Он берет чуть дороже, или столько же. Плюс — обещает бесплатную рекламу а «НРС». И вообще, притягательна сама эгида такого модного печ. органа.

Остальные:

а. Берест — знаменитый жулик, скупердяй и невежда. Корректуру читает с экрана. Набирает с украинским акцентом.

б. Скорняков — небрежное, доморощенное качество.

в. Габи Валк — дешево, но за океаном. Отрицательный эффект расстояния.

г. В. — агент КГБ, чего и не скрывает.

д. Мои бывшие приятели «Энифототайп» — адски дорого. И т.д.

2. Вашу чрезмерную щепетильность — знаю. И все же хочу предложить. Вы можете обещать заказчикам 1-2 бесплатных, а затем — несколько льготных реклам в «Новом американце». (Напоминаю — расходятся 12 000 копий. Все хвалят. Некрасов и Максимов — с пеной у рта.) Плюс, если книга хоть минимально стоящая — рецензию. Ее состряпает Марина, или тот же я. Или Вайль с Генисом. Ради такого дела постараемся.

3. О «Современнике» я Вам писал 1,5 месяца назад. Вы промолчали. И я весь комплект подарил, если не ошибаюсь — Грише. Вспомню, заберу и отошлю немедленно.

Это кварталный журнал. Издается в Канаде. Его редактирует Саша Гидони. Человек многообразной и путанной репутации. Вагин говорит, что он продал Огурцова и компанию. Гидони же утверждает, что продал

именно Вагин. Там сотрудничают Парамонов, Болдырев, Вертлиб, Синявин. И всяческая отрицаловка. В общем, революционеры из «Бесов»...

4. Напоминаю, Люда вот-вот отдаст рукопись Вайнбергу. Там 200 страниц. Позвоните ей. Хотите, я позвоню? Без Вашего согласия не решаюсь.

Будьте здоровы. Огромный привет бабушке, Марине и девицам.

Ваш С.Д.

## Довлатов — Ефимову

4 сентября 1980 года

Дорогой Игорь!

Мы получили рецензию Бирмана. Она — уважительная, с бесчисленными мелкими придирками. Но в целом — похвальная. Сам Бирман — человек невыносимо утомительный. Вне экономики — крайне безвкусный. Кроме того — стилист и пр.

Рецензию скоро дадим. Если захотите, сможете возразить.

Как Ваш бизнес? Дает ли что-нибудь Моргулис?

И последнее. Распорядитесь, чтобы выслали 5 «Забытых Бабелей». Спасибо.

С газетой все еще множество проблем. Вернее, проблема одна — деньги. Как-то выкручиваемся...

10-го прилетает сочувствующий нам Аксенов.

Катя решила поселиться у наших друзей в Массачусетсе. Там дочка ее возраста. Мы решили ее на год отпустить. Всех обнимаю.

С.

P.S. У меня скоро выйдут «Записные книжки». Сразу же пришлю. С.

## **Довлатов — Ефимову**

*12 сентября 1980 года*

Дорогой Игорь!

Поздравляю Вас с «Метафизикой». Мне кажется, Вы ее ждали более взволнованно, чем другие книги.

С Людой говорил. Люда в некоторой обиде. Говорит, Вы обещали прислать шрифты и условия. И не прислали. Она уже двинула рукопись Вайнбергу.

Гриша намерен заказать Вам альманах. Буду его укреплять в этом решении.

Моргулис хочет развязаться с Берестом и перекинуться к Вам.

Глезер — очень уж немыслимый партнер. Однако какие-то сумбурные плоды его деятельности — налицо. В понедельник открываются музей и галерея. К открытию (за три недели) он выпустил три книжки — Бажанова, свои чудовищные вирши и мои зап. книжки.

В Н-Й-ке полно знаменитостей. Приехал Аксенов — очень симпатичный. Приехал Шемякин — навсегда.

Будьте добры, напомните «Ардису», чтобы прислали 5 «Бабелей». Дополнительно Булгакова — получил. Скоро начну расплачиваться.

Рецензия Бирмана скоро пойдет. Марина — прошла. Спасибо.

Огромный привет семейству.

Ваш С.

## **Довлатов — Ефимову**

*16 сентября 1980 года*

Дорогой Игорь!

Что это значит: «В издательстве идет компания по борьбе с должниками»?

Почему это я — должник? За первые книжки я абсолютно расплатился.

В лавке находятся:

1. 17 названий по 10 штук. (591.70).
2. «Мастер и Марг.» (10+20 шт.) 34.25+68.70
3. Окуджава. 10 шт. (68.75).

Самая давняя из этих посылок — от 7 июля.

Последняя — от 10 сентября.

Кредит, насколько я знаю — 3 месяца

Так хули же? (говоря языком Алешковского.)

Дальше. Торговля идет вяло. И я хочу на всякий случай узнать — каковы правила возврата? Можно ли вернуть нераспроданные книги? На каких условиях? И так далее.

Повторяю, это я на всякий случай. Надеюсь — расплатиться в срок. Или чуть позже.

Еще раз напоминаю — пришлите десяток Ваших листовок. Буду их умно распространять.

Рекламу в газете дадим еще.

Глезер выпустил мои записные книжки. Задумано это было как изящный маленький сувенир. Получилась неопрятная брошюра. Я сначала расстроился, затем плюнул.

Всем огромный привет.

Приедут Аксеновы — кланяйтесь им.

Обнимаю.

Ваш С.Д.



## **Ефимов — Довлатову**

*28 сентября 1980 года*

Дорогой Сережа!

Насколько я знаю, книги возвращают даже те, кто уже уплатил за них, но не смог продать, — правда, сначала запрашивают разрешение и теряют на этом какой-то процент. Если Вы не сможете расплатиться в срок, никто Вас в долговую яму не потянет, просто не будут слать следующие партии.

А нашу рекламу с готовностью и признательностью высылаю. На словах можете добавить, что мы, очевидно, сможем брать на себя не только изготовление книг, но и распространение. (Я подбил одну местную пару этим заняться, буду ими руководить.)

Над книжкой мы и наши друзья Подгурские хохотали в голос, теперь послали [дочери] Лене. Профферам тоже нравится.

Работаем с Аксеновым над набором «Ожога», скоро закончим. Профферы на время дали ему свой «джип», которым он позавчера пытался задавить полицейского, а вчера так отпарковал, что наутро служба «тоу-эвей» уволокла его в свой гараж, откуда надо будет выкупать.

Всего доброго, приветы уменьшившейся семье.

Ваш Игорь.

## Довлатов — Ефимовым

22 октября 1980 года

Дорогие Игорь и Марина!

Посылаю вам маленький заказ. Вернее, это — просьба. Поскольку работы мало, а значит, она — невыгодная. И довольно причудливая.

Сразу же заявляю — дружба тут абсолютно неуместна. Работа делается по стандартным ценам.

Вот, что мне нужно. Гриша хочет выпустить мой «Компромисс» раньше, чем он выйдет на английском в «Фера и т.д.» Я составил из шести рассказов — повесть. Пришлось дописать несколько страниц. Увязать все курсивом. (Его уже набрала Лена.) И так далее. У Гриши есть набор, эти рассказы опубликованы. Нужно лишь сделать изменения и вставки. Я нашел у вас шрифт, полностью адекватный тому, что во «Время и мы». Вы его называете «Юниверсал-10». Прямой, светлый. Здесь такой шрифт называется — готик, рубленый, прямой, светлый.

Ширина набора и расстояние между строк — как у Перельмана. Возьмите любой журнал «Время и мы». Посмотрите — как там. Обычная перельмановская страница.

Работа состоит из:

1. Пять небольших отдельных вставок. Отмечены зеленым крестиком. Между ними следует делать интервалы. Чтобы я мог разобраться и отделить.

2. Один большой кусок. От слов: «В Тарту мы приехали...» До: «...и пытался сжечь его труп. А ты?». Отмечено красным.

3. Несколько отдельных слов и фамилий. Это я буду клеивать. Заглавные буквы отмечены снизу: = . Отмечено черным крестиком.

Простите за занудство.

Машинописных страниц тут — 12-13. Может, чуть больше. Как только вы это уточните, сразу пришлю чек.

Если я что-то неясно объяснил, звоните по коллекту. Я всегда дома, кроме понедельника и вторника. Да и в эти дни вечером — дома.

Всего доброго. Спасибо. Как газета?

Ваш С.Д.

P.S. Простите, что оригинал довольно неразборчивый. Перепечатывать — нет сил и времени. Надеюсь — разберете. Если что, звоните, пожалуйста. С.

Так: [верхняя строчка не пропечатана] 10 пунктов, расстояние между строк — 12 пунктов, ширина набора — 22,5 пункта. Или — 3 3/4 дюйма.

С.

## *Довлатов — Ефимову*

*23 октября 1980 года*

Дорогой Игорь!

Позавчера отправил Вам маленький заказ. Вернее — просьбу.

Надеюсь, получили?

Так вот, кажется, я упустил одну вещь. Посылаю дополнительно эту страницу. Ее следует набрать, как все остальное. То есть, Юниверсал-10, прямой, светлый. Или, как здесь говорят — готик рубленый, прямой, светлый, десятый. Набор — 10/12/22,5 picas. То есть, обычная страница «Времени и мы».

Игорь, получив все это, сообщите, хотя бы очень коротко — мол, дошло. Там кое-что — в единственном экземпляре.

И твердо сообщите, сколько надо уплатить.

Всем огромный привет.

Да, основной в Нью-Йорке поставщик заказов — Моргулис. Основной — потому что регулярно издает толстые божественные книги. Он все еще имеет дело с Вайнбергом и Берестом. (Оба — негодяи.) Я его всячески убеждаю перейти к Вам. Недавно Вайнберг испортил ему одну книгу. До этого испортил дважды книгу некоего Баскова. Он же — Бредов. Работал в научпопе.

Так что, надеюсь, Моргулис рано или поздно с ним расстанется.

Обнимаю.

С.

## *Ефимов — Довлатову*

*26 октября 1980 года*

Дорогой Сережа!

Было очень приятно получить Вас в качестве первого заказчика (правда, у нас уже есть еще один — на 750 долларов). Надеюсь, все сделано как следует. Я не мог понять исправление в слове «эдази», поэтому на всякий случай добавил один вариант вместе с заготовками для врезок. Жаль, что Вы не послали мне ксероксы страниц — я бы вогнал вставляемые куски, перенабрав страницы с другим интервалом. Именно такой вариант я сделал для куска «эстонский букварь». Вообще же, очень рад, что Вы начали самоиздаваться. Ждать наших дорогих издателей нет никаких сил. Я, очевидно, тоже свой маленький романчик издам сам.

Спасибо, что продолжаете печатать объявление, но пока надо сделать перерыв. В Детройте мне удалось найти двух эмигрантов с запасом энергии и капитала, которые под моим руководством затевают книгоиздание и книготорговлю. В связи с этим я смогу обеспечивать своих заказчиков также и нормальным регистрационным номером, рекламой и системой распространения. Поэтому текст рекламы надо будет несколько изменить — займусь этим через месяц.

Газета нам всем нравится, интонация в ней установилась — приятная и своя, знакомая. У меня есть идея рекламного порядка. Здесь, в Детройте еврейское комьюнити устроило выступление для Аксенова, потом для меня, заплатило деньги, организовало распродажу наших книг в фойе. Почему бы Вам не спланировать рекламную поездку по таким комьюнити в крупных городах (Чикаго, Кливленд, Питсбург, Цинциннати — надо выбрать по карте), с выступлениями, с продажей книг и старых номеров газеты, с оформлением поездки. Надо списаться с еврейскими центрами и распределить так, чтобы потратить не больше недели и покрыть весь Средний Запад, и к нам заедете.

Сердечный привет семье и общим друзьям,

всегда Ваш Игорь.

## **Довлатов — Ефимову**

*5 ноября 1980 года*

Дорогой Игорь!

Огромное Вам спасибо. Все сделано прекрасно. Насколько я понимаю, Вы дали мне заметную скидку. Не буду преувеличивать своего возмущения этим фактом. С благодарностью принимаю.

Спасибо также за рекламные идеи. Они весьма разумны. Вне Нью-Йорка мы пользуемся большим успехом. Поскольку там живет интеллигенция.

Газета продолжает существовать. Выкарабкиваемся из долгов. И я, и Лена работаем бесплатно. Лена набирает 12 часов в день. Плюс три часа на дорогу. Это ужас!

Я тоже очень занят. Всякими нетворческими делами. Одна переписка забирает часа три в день.

Никуда не езжу. Раза три отказался выступать. Просто нет времени. И ничего не пишу для души. Наверное, это очень глупо. Особенно, если газета в результате лопнет.

Посылаю 48 долларов.

Будьте добры, узнайте, получил ли Карл 291 доллар 70 центов. От него — не дожدهшься, а я нервничаю. Мой долг «Ардису» — 300 долларов. После этого лавку закрою. Убыточно и хлопотно.

Еще Карлу спасибо за материалы. Надеюсь использовать. Всех обнимаю.

Ваш С. Довлатов.

## **Довлатов — Ефимову**

*22 ноября 1980 года*

Дорогой Игорь!

Реклама «Ожога» попала на глаза администрации. После этого неловко требовать, чтобы ее дали бесплатно. Ибо Ваша мягкотелая готовность платить — зафиксирована. Получилось бы, что я наношу финансовый ущерб собственной газете.

Прошу Вас в следующий раз посылать такие вещи на мой домашний адрес. Тогда я все сделаю бесплатно или за гроши.

Поймите, я говорю это не из дружеских чувств. Мне неловко перед Карлом, да и перед Вами.

Разобравшись окончательно в здешних издательских делах, я уяснил, как мне повезло в свое время с «Ардисом». Сейчас, печатаясь в «Ньюйоркере» (приняли второй рассказ и заказали еще три), находясь в перспективных отношениях с «Фаррар, Страус и Джиру», я не могу издать книжку в 132 страницы с готовым набором и готовой обложкой. То есть — стоимостью в 1000—1100 долларов. И с гарантией постоянной рекламы этой книжки в «Новом американце».

И так далее.

И еще. Нельзя ли как-то подтвердить, дошли ли 291.70? Я не за деньги беспокоюсь, а за репутацию. Оставшиеся 300 вышлю скоро. Недели через полторы.

Обнимаю Вас и Ваше чудное семейство. Привет Наташе!

Ваш С.Д.

## **Ефимов — Довлатову**

*13 декабря 1980 года*

Дорогой Сережа!

Книга Ваша сдана в печать, но, как всегда, не обошлось без разочарований.

Включение фотографий стоило бы 80 долларов, поэтому я их забрал и высылаю обратно.

С транспортировкой они меня надули: она не была включена в смету, а из-за спешки я не успел созвониться с ними и уточнить. Но так как это моя ошибка, я с Вас за это ничего не возьму — спишу (в собственной памяти) как расходы на обучение.

А вот за что хочу содрать — это за качество набора. Они объяснили мне, что когда текст (из-за толщины бумаги) так выступает над поверхностью страницы, да еще с таким близким обрезом к буквам, фотовспышка даст тень, которая будет выглядеть черной, неровной рамочкой вокруг текста и которую им придется убирать вручную. За это они потребовали еще 50 долларов. Итого с Вас: еще сотня.

Самое обидное, что вчера, наконец, позвонила еще одна типография и предложила смету на 70 дол. меньше. Но теперь уже поздно.

Обложку я велел печатать темно-коричневым на песочном фоне.

Всего Вам доброго, спасибо за чудные дни в Нью-Йорке,

Ваш Игорь.



## Довлатов — Ефимову

14 декабря 1980 года

Дорогой Игорь!

Высылаю недостающий полтинник. Если в ходе производства расходы увеличились — сообщите.

Вас тут часто вспоминают. Примерно в таком духе: «Оказывается, Ефимов вполне нормальный человек!»

Югославский диссидент Михайлов прислал статью. Объем — 85 (!) страниц. Требуется напечатать ее целиком, без сокращений. Но лишь после того, как ее опубликует «Континент».

В газете дела идут хорошо. Боря заказал «Компьюграфик» за 20 тысяч. Мы переходим в другую типографию. Там дешевле и лучше.

Шемякин предложил написать о нем книгу. Сулит огромные барыши. В разговоре употребляет такие обороты: «Моя концепсия бытия».

Я в испуге отказался. Вы, конечно, тоже не хотите?

Мы с ним обсуждали всех, кто способен выполнять заказную работу. Я назвал Марамзина. Но и Володя не захочет.

Дело это совершенно реальное. Будет контракт, иллюстрации и пр. Пугает, в основном, самомнение Шемякина, который будет мешать и давить.

Вдруг Марина заинтересуется?

Приезжал Давид Маркиш, сын Переца и брат великого переводчика и знатока античности — Симона Маркиша. Давид выпустил 11 (одиннадцать) романов на 6 (шести) языках. Я прочитал в «Сионе» его русское произведение. Оно — ничтожно. Таковы загадки капиталистического мира.

Как идут дела с «Компромиссом»? Определились ли сроки?

Всего доброго. Привет семейству.

Ваш С.Довлатов.

## **Довлатов — Ефимовым**

*23 декабря 1980 года*

Дорогие Игорь и Марина!

Спасибо за поздравление. Вас — также. Всех обнимаю и люблю.

Статью получил. Название очень хорошее. «Феникс Петербурга» — куда хуже. И даже, я бы сказал — кошмарно.

У меня был знакомый — артист Корнев. Сыграл Ихтиандра по Грину. У него был приятель — артист Харитонов. Харитонов в шутку назвал Корнева — «корень зла». (Что не слишком остроумно.) Корнев же в ответ назвал Харитонова — «Харитон добра». (Что уже совершенно невообразимо.) Так вот, «Феникс Петербурга» звучит как — «Харитон добра».

А «Из Ленинграда в Петербург и обратно» — хорошо.

Ваше объявление дадим сразу после Нового года. А то — все заполнено и готово.

Книжку надо доставить по моему адресу. Весь тираж. Хитрый Гриша сказал: «Пусть лежит у вас». То есть, как бы — уступил.

Статью еще не прочел. Но уверен, что понравится.

В Калифорнию я, наверное, поеду. Там будет возможность рассказать о газете. И еще какое-то мое сообщение. Что-то насчет западного рынка. Хорошо бы, вы (Вы) приехали. Можно будет прогулять какое-нибудь заседание.

Баптист Моргулис, с которым Игорь недавно познакомился, сказал мне такую фразу: «Вот вы, Сережа, надо мной все шутите, а люди, которые меня не знают, мне верят...»

Вайль и Генис шлют приветы. Они сидят на кухне и пьют бренди. Что довольно обременительно.

Ваш С.Довлатов.

## Довлатов — Ефимову

14 января 1981 года

Дорогой Игорь!

Пишу в ужасной спешке. Сегодня надо отправить около тридцати писем.

1. Статья идет не немедленно ввиду перегрузки. Материалов очень много. Все переключается из номера в номер. Но пойдет и т.д. Раньше мы вымогали статьи, а теперь шлют сами — Панин, Федосеев, Михайлов, Синявский, Лосев и т.д. Это хорошо.

2. Мой финансовый партнер — Гриша — взбунтовался платить за доставку. Сказал, что будет Вам звонить. Если не договоритесь, я заплачу. Если договоритесь, как он хочет — пополам, то Вашу половину я Вам потом отдам тайно от Гриши. Не сердитесь. Я считаю, что уплатить должны мы.

3. 50 долларов за мерзость печати — высылаю. Боря присовокупляет чек на 110 (+5) долларов. (Не знаю — за что.)

4. «Новая газета» поместила две статьи о моем антисемитизме. Как ни странно, это доставляет мне всяческие неприятности.

5. Безумный Марамзин звонил из Парижа и 45 минут ругался.

6. Безумный Максимов вернул Пете и Саше статью об Аксенове, которую называл «украшением номера». За то, что мы напечатали Каминскую. Он этого даже не скрывает. Хотя Петя и Саша — всего лишь секретариат. Кстати, они были против Каминской. Мать, мать, мать...

7. «Компромисс» очень жду. Уже лежит куча заказов. И предстоят два выступления.

Всех обнимаю.

Ваш С.Довлатов.

P.S. Игорь, мне кажется, Вы огорчились, что Вам не сообщили о конференции. [Конференция «Русские писатели на Западе», проводившаяся университетом Лос-

Аджелеса весной 1981 г.] Я хочу только сказать, что в механизме этого дела — сплошной хаос, произвол и бардак. Знаете, как я попал в приглашенные? Здесь был ничтожный юморист — Д<...>. Попросил дать ему бесплатно рекламу. И сказал: «Я могу устроить, чтобы Вас (то есть — меня, Довлатова) пригласили в Калифорнию». Я сказал: «У меня нет времени». Но рекламу ему дал. Не ради Калифорнии, а из жалости. Печатать его мы все равно не будем, он — пошлый. И вдруг приходят документы. Так что, это делается, как в Союзе. Кто-то кому-то позвонил и все.

Обнимаю Вас, Марину, девочек и голубоглазую бабушку. Кирилл прислал бодрое и веселое письмецо. Аню Зиновьеву видели на БИ-БИ-СИ мои друзья. Говорят, она хорошо работает и неплохо устроена.

Все. Привет.

Довлатов.

## Довлатов — Ефимовым

24 января 1981 года

Дорогие мои, здравствуйте!

1. Посылаю 300 для Карла. Пусть всячески извинит задержку.

2. Могу ли я заказать:

а. «Невидимую книгу» по-русски. Сколько есть. Однако — не более 50. Естественно, в тонком переплете.

в. «Невидимую книгу» по-английски. Двадцать штук. В тонком же переплете.

3. Максимов отказался печатать статью Вайля и Гениса об Аксенове. (До этого считал ее «украшением номера».) Все это — из-за статьи Каминской. Бесчувственные Вайль и Генис требуют у него половину гонорара.

4. «Ньюйоркер» приобрел еще три моих рассказа. И заплатил авансы. Так что, я раздал долги, отправил все посылки. Жаль только, запить не могу.

5. Игорь! кажется, мы с 1-го марта начнем ежедневную газету. Тьфу, тьфу, тьфу... Один безумный человек покупает нам типографию. Будет жуткая война с «НРС». Боря заказывает оружие в полиции.

Обнимаю всех.

Ваш С.Д.

\* \* \*

### ПИСЬМО ДОВЛАТОВА МАКСИМОВУ ОТ 14 ЯНВАРЯ 1981 ГОДА

*Дорогой Володя! (Когда-то Вы разрешили мне пренебречь Вашим отчеством. Хочу использовать это разрешение в удобной для меня ситуации.)*

*Дорогой Володя! Вы завернули Вайлю и Генису статью об Аксенове. Резоны, изложенные Вами, удивляют своей мелочностью.*

*Я не буду говорить о демократии. О свободе печати. О злополучном плюрализме. Об автократии и толерантности.*

*Я хочу спросить — знаком ли Вам механизм газетной работы? Письмо Дина Каминская написала — мне. Готовил его к печати — я. Редакционную вставку написал я (убедившись в том, что Вы, действительно, пользовались советскими источниками).*

*Вайль и Генис — литературные критики и очеркисты. По совместительству — выполняют техническую работу. Не скажу, чтобы они бешено возражали против материала Каминской. Он их просто не заинтересовал. Показался невнятным, частным и малоинтересным.*

*Что они должны были сделать? Уволиться в знак протеста с работы? Выкрасть и уничтожить статью Каминской? Что?*

*За что Вы лишаете их готовой и долгожданной публикации? Ради чего лишаете Аксенова первой глубокой статьи о нем, «Континент» — замечательных сотрудников, публику — несомненного эстетического удовольствия?!*

*Я думаю, чувства, которые Вами завладели — мелкие. Это идет вразрез со всем, что мы о Вас знаем и думаем.*

*Попробуйте следовать Вашей же логике. Получится — абсурд. Например, можно ли печатать в «Континенте» автора, сотрудничавшего в «Октябре»? Ведь «Октябрь» похуже «Нового американца». Или — нет?*

*Неизменно благодарный Вам и любящий Вас.*

## *Ефимов — Довлатову*

*5 февраля 1981 года*

Дорогой Сережа!

Посылаю несколько рассказов [Евгения] Попова. Надеюсь, они Вам подойдут. Между прочим, я отобрал те рассказы, которые в книгу не включены, — просто, чтобы дать человеку напечатать побольше. (Это не значит, что они похуже, — он пишет так ровно, что отбирать пришлось почти механически, опираясь на хронологию.)

Нашу публикацию в газете видели, остались довольны. Но объявление можно пока перестать печатать: во-первых, толку нет, а во-вторых, у нас заказов выше головы, ибо Ардис перевел меня на половинный рабочий день с тем, чтобы основную массу наборной работы делал ЭРМИТАЖ. Обе стороны довольны.

Меттеру передайте, что «мой человек» Ай-Би-Эм заказ на фонты переправил по инстанциям и не расположен проявлять добавочное рвение.

Ваше письмо Максиму очень порадовало Профферов, да и нас тоже, хотя — тревожно. Одна надежда, что террористы, посланные Вайнбергом, столкнутся с террористами, приехавшими из Парижа, и перестреляют друг друга.

Всех благ газете и семейству,

Ваш Игорь.

## Довлатов — Ефимову

7 февраля 1981 года

Дорогой Игорь!

За книжку [«Компромисс»] — огромное спасибо. Изъянов в ней достаточно, и все — по моей части. Есть дважды повторяющийся абзац. Есть в двух рассказах — одинаковая шутка. Заказов приходит довольно мало. Хотя на выступлениях покупают много. Гриша — тюфяк и засрапец. Да еще развелся с женой. <...>

Ваша (ваша) статья очень понравилась. С рекламой получилось вот что. Ее заранее дали в литературном приложении. Которое мы делаем раньше, за неделю. Кроме того, художник возражал против нарушения «дизайна». Надеюсь, Вы не рассердились. Вводка кончается запятой по недосмотру алкоголика Вайля и мудака Гениса. Там было продолжение насчет «Эрмитажа». Они его отрезали, а запятая осталась.

Книжки от Проффера дошли. Посылаю 87 долларов.

И еще — 55 за доставку. Не удивляйтесь двум чекам. 7 долларов — это какая-то странная, загадочная и ни с чем несообразная Гришина доля. Я этой цифры не понял и голову решил не ломать. А Вам, я надеюсь — все равно.

Игорь! Будьте снисходительны к моей патологической аккуратности, черкните открытку — мол, деньги получил.

Пришлите что-нибудь свое. Может, есть набранный отрывок из «Плоти». [Роман Ефимова «Как одна плоть»] Для приложения. Или — что хотите.

Мы Вас (вас) очень любим и уважаем.

Тут был Леша. Очень симпатичный, но уж слишком высоко он поднялся над всей мировой рутинной. При нем как-то стыдно быть ниже Шекспира.

Марину обнимаю. Люди говорят — ее часть в статье [«Из Ленинграда в Петербург и обратно»] еще лучше Вашей.

С. Довлатов

P.S. Очень рад за Вас в связи с приездом Вашей мамы. С.



## **Довлатов — Ефимову**

*12 февраля 1981 года*

Дорогой Игорь!

1. За книжку еще раз — спасибо.

2. Гришу обеспокоили зажатые Вами копии. Что значит — несколько, пять или сорок? Гришу смущает засорение библиотечно-университетского рынка. Меня не смущает, я торгую исключительно с публикой. И с частными заказчиками. Причем, весьма безуспешно. Продал экземпляров тридцать, раздарил и того больше.

3. Получили ли Вы 55 долларов? А Карл — триста (последний долг лавки) и 87 за мои личные книжки?

Всех обнимаю. Сейчас 4 утра.

С. Довлатов.

## *Довлатов — Ефимову*

*21 февраля 1981 года*

Дорогой Игорь!

Мы тоже, как Вы заметили, объявили наборный цех. Хотя заказы не идут. Боря просил сообщить Вам: если появятся излишки, мы готовы сделать, уплатив комиссионные.

У нас — две хорошие дорогие машины. А работают они по 8—10 часов в сутки. Говорят, это неправильно.

Дела идут все лучше и лучше. Мне начали платить 75 долларов. Плюс 150 на Liberty, так что — все нормально. И Лена зарабатывает 200. И Катя — 30. И мама — 300 в месяц + фудстемпы. Короче, отправляем старуху в Париж (!) на 9 дней.

Годовщина наша в «Соколе» прошла бурно, многолюдно, с корреспондентами, телевидением и пр. В «Daily news» появились наши огромные фотографии. Говорят, это все полезно. Я пока что умираю от переутомления. Лена — абсолютно зеленая.

Обнимаю все семейство. Маме огромный привет.

Ваш С.Д.

P.S. Выберите небольшой (хотя бы) кусок из «Плоти». Страниц 12—18. Оч. ждем. С.

## **Ефимов — Довлатову**

*2 марта 1981 года*

Дорогой Сережа!

Все Ваши (не Ваши уже) деньги получены и переданы Ардису. Высылаю Вам отрывки из двух книг, готовящихся к изданию — Кублановский и Ефимов. Так как Кублановский уже ушел в типографию, печатать его надо раньше, а с Ефимовым можно и погодить. Биографические справки — необязательно, но рекламные приписки — как обычно.

Мама моя, видимо, будет доставлена ХИАСом прямо в Детройт, так что ехать в Нью-Йорк повода не будет. За это время побывал в Новой Англии, жил у Штернов, так что имел возможность выслушать другую сторону. (Жюри удаляется на бессрочное совещание.) [Речь идет о размолвке между Довлатовым и Людмилой Штерн.]

Всего Вам доброго, всегда Ваш,  
Игорь.

## Довлатов — Ефимову

14 марта 1981 года

Дорогой Игорь!

За Кублановского и — тем более — Ефимова — огромное спасибо. И за Эйкаловича, которому Вы дали наш адрес. А также за Михайлова. Его статья о Ленине и нем. деньгах — замечательная.

В. Некрасов (двойник Успенского, только менее обаятельный) пишет, что «Емельяныч» обижен. Что он — раним. А также, что я должен извиниться. Нечто фантастическое.

Игорь и Марина! Читали ли вы у нас о смертной казни? Не могли бы коротко отозваться? Это самая актуальная тема в Нью-Йорке.

Игорь, головки [фонты для наборной машины] почему-то не идут. Что весьма нас задерживает.

И последнее: меня выгнали с «Либерти». Повергнув в крайнюю нищету.

А так — все нормально.

С Людой я помирился, и даже чересчур. Запретив себе обсуждать ее литературный талант. Люда опасна, как всякий повзрослевший романтик.

Вас же обнимаю и люблю неизменно. И вы относитесь ко мне хорошо. А то кругом — волки. Парамошке недавно хотел разбить морду. Это случилось как раз на «Либерти». Меня держал Юрасов (есть такой хороший человек), очень смешно уговаривая: «Здесь нельзя. Нас и так презирают чехи и румыны. За то, что мы пьем и скандалим...»

Обнимаю. Детям, бабушке и маме — привет.

Ваш С. Довлатов.

18 марта. Игорь! Сегодня вернулось это письмо (забыл наклеить марку). Новая информация отсутствует. Нельзя ли что-то предпринять с головками? А то — есть заказы, а работа стоит.

С.Д.

## **Довлатов — Ефимову**

*29 марта 1981 года*

Дорогой Игорь!

Вашу прозу скоро опубликуем. Она понравилась даже авангардистам-мамлеевцам Вайлю и Генису. Что странно.

Материалов о смертной казни достаточно. И все плохие. Включая, разумеется — Шрагина.

Относительно фонтов — не грустите. Не грустите, что решили оказать нам услугу. А наоборот — большое спасибо.

Мы их ждем с благодарностью, а не с проклятиями.

С «Либерти» меня вытеснили как либерала. Это не аллитерация и не парадокс. Там идет антилибералистская кампания. До меня вытеснили Цукермана и Леву Наврозова.

Книги издавать пока воздержусь. Нет денег. «Компромисс» не продается.

Газета, вроде бы, совершенствуется. И удешевляется. На днях поменяем типографию. А вообще, будем покупать свою.

Обнимаю Вас и все семейство. Где мама?

Ваш С.Д.

## **Довлатов — Ефимову**

*11 апреля 1981 года*

Дорогой Игорь!

Круглые штучки получил — огромное спасибо. Лена уже что-то набирает.

«Плоть» стоит в номере. Любовную вводку сочинил я.

Посылаю Вам несколько копий, чтобы Вы знали, как я живу, как меня терзают сумасшедшие люди из Франции и т.д. Мне необходимо, чтобы какой-нибудь умный и приличный человек был в курсе. Следующее письмо Марамзину, если он не оставит меня в покое, я начну так: «Володя, ты — кретин, садист и жалкий максимовский подпевала!». А Некрасову так: «Прекрати терзать меня, безграмотный офицер!». Потому что мне надоело!

Обнимаю вас всех.

С. Довлатов.

## Довлатов — Ефимову

21 мая 1981 года

Дорогой Игорь!

Спасибо за каталог [изд-ва «Эрмитаж»]. Поздравляю!

Я бы очень хотел, чтобы Ваше издательство стало крупным и преуспевающим. Я думаю, что мы бы всегда могли обо всем договориться и быть друг другу полезны.

Отрывки для приложения ждем. Там же, надеюсь, будут и Ваши данные.

Теперь, что касается — издаться в будущем году. Мне кажется, целесообразнее всего издать «Зону». (Городские рассказы очень среднего качества. А «Пушкинский заповедник» не дописан и дописывать нет времени, там всего 75 страниц.) «Зону» же можно опоясать таким нехитрым приемом — выдумать солдатское письмо страниц на 12, давать его кусками между рассказами и растянуть на всю книжку. На манер хемингуэвских курсивов в книжке «В наше время». Получится что-то вроде «Компромисса», то есть — единство места и действующие лица, переходящие из отрывка в отрывок. Плюс фрагменты солдатского письма, цементирующие всю эту сомнительную постройку. Я готов за две недели все это проделать.

Насчет переводов следует говорить отдельно. Один из рассказов «Зоны» куплен «Нью-Йоркером», еще три имеются на английском языке, и с ними вопрос решается. В издании книжки уже отказали «Фаррар, Страус...» и «Кнопф». Рукопись находится в «Рэндом», и отказа пока нет. В общем, разберемся. А по-русски «Зону» издавайте на здоровье, буду очень рад.

Да, еще меня бескорыстно смутил размер Вашей скидки — 35%. Насколько я знаю, стандарт — 40%, некоторые издательства и книжные торговли (Камкин) дают и 50%. Что бы это значило? Впрочем, Вам видней.

Всем большой привет. При встрече расскажу массу смешного про конференцию.

Ваш С. Довлатов

P.S. Самым пристойным на конфер. был Лимонов.

## Ефимов — Довлатову

30 мая 1981 года

Дорогой Сережа!

Наша главная новость: Профферы не вынесли обиды и увольняют нас. Причина: оставаясь в Ардисе, мы будем красть производственные и торговые секреты и использовать их для Эрмитажа.

Марина ждала именно этого, но я все же был поражен. Хотя не стоило бы: ведь на моих глазах несколько месяцев назад они планировали здесь удушение РУС-СИКИ, подговаривали Аллоя не продавать тем свои книги, замыслили конкурирующий магазин в Нью-Йорке. Ментальность мелкого гангстера полностью восторжествовала. Я уже говорил Вам, что в них очень много советского (как-то получилось, что общение с русской литературой не добавило им ни широты взгляда, ни глубины души, а заразило чертами партийного чиновника): подозрительность, скрытность, планы, в три раза превосходящие возможности, штурмовщина, презрение к собственным обещаниям, презрение к загубленным надеждам людей, доверившихся им, и т.д. Теперь, для завершения картинки, добавилось последнее: шпиономания. (Среди их мечтаний: украсть список подписчиков «НРС»: то-то добавилось бы у Ардиса покупателей!)

Вторая главная новость: хотя Вы, в своем «русобобском угаре», презрительно отзывались о журнале ПОСЕВ, писатель Солженицын (да-да — А.И.Солженицын) читает его и вот что написал в письме в редакцию (цитирую из их письма): «... в № 3 просто восхитил меня очерк Марины Рачко — сильное перо! большое чувство меры, лаконичная выразительность». И надо же, чтобы это пришло в годовщину нашей свадьбы! (В газету это не вставлять, а знакомым — рассказывать).

Наконец, про наши издательские дела.

Сережа, поверьте, мне нравится «Зона», но читатель устал от лагерной темы. Я не смогу распродать книжку, а



значит, и не смогу издать за свой счет, если там будет только «Зона».

Во-первых, у нас времени еще очень много. Окончательное решение о составе и объеме мы должны принять не позже ноября-декабря. Повторяю: можно даже ничего не выдумывать, если душа не лежит, давать рассказы как есть. Но если силы и охота появятся, обдумайте две моих идеи.

Для «Зоны»: идея объединить рассказы солдатским письмом неплоха, но прикиньте как запасный вариант — товарищеский суд (обвиняемому припоминают одно, другое, а дальше, как говорят киношники — наплыв и...).

Для «Пушкинского заповедника»: защита диссертации «Пушкин в народном сознании». (Вариант названия: «Дикий тунгус»; «Ныне дикий тунгус».) Кстати, и для всей книжки «Дикий тунгус» звучит заманчиво.

Все это не очень срочно, так что обдумывайте, не торопясь.

Всем поклоны, жму руку,

Ваш Игорь.

## Довлатов — Ефимовым

4 июня 1981 года

Дорогие мои, здравствуйте!

То, что вы расстались с Карлом, в практическом смысле, наверное, худо, а в метафизическом — естественно и нормально. Куда ни кинь, выходит — «Практическая метафизика». Если уж «Эрмитажу» суждено развиваться, то это должно было произойти. Надеюсь, вы уцелеете.

Украсть список подписчиков «НРС», кажется, возможно. Вернее — купить. Боря хотел это сделать, но я его отговорил. (Для вас бы — согласился.) Но вы, будучи приличными людьми, не захотите. А то — можно обсудить.

Реальнее и пристойнее — другое. Я могу спросить относительно наших подписчиков. Их — 3200 с чем-то. Притом, мы — еженедельник, почти журнал, что уже ближе к вашей продукции. Хотите, я поговорю?

Мы еженедельно рассылаем 1 000 лишних копий по имеющимся адресам. Есть 800 адресов в Канаде и так далее. Может быть, это секрет, но Саша Минчин (?) — автор книги «Псих» — дал Боре детройтские адреса, кажется — 2 000... Сообщите, что вы думаете об этом.

Дальше. Мой русофобский угар не простирается так далеко, чтобы я не помирал от зависти, читая отзыв Солженицына. За десять лет из известных мне людей Солженицын упомянул только двоих — Клепикову и Марину. (Это шутка.)

И все-таки, следующий очерк пришлите нам, мы украсим его солженицынской цитатой. Поздравляю.

Теперь — что касается «Зоны». Товарищеский суд, конечно, лучше, чем письмо. Письмо — искусственно и чересчур литературно. Да и растягивать его надо на 12—13 кусков, — слишком условно. А суд — здорово. Даже странно, что Вы (раньше я обращался к вам обоим на вы, а теперь к Вам, Игорь, на Вы) это придумали мимоходом.

«Заповедник» же не окончен, вернее — едва начат, его не надо связывать приемом, там героя, вероятно, зарежут на поляне 6-го июня на глазах у Андронникова и Сулейменова. Или что-нибудь в этом духе.

Игорь, вероятно, 20-го мы с Метгером и Поповским (ну и тип! Вы его мало знаете) будем в Детройте. Очевидно, заглянем в Анн Арбор (без ночлега). Тогда и поговорим, если желаете.

Новости имеются такие. Вайнберг купил «Новую газету», вернее — отдал за мудака-Женю долги. Теперь он будет их набирать, распространять и так далее. Это довольно плохо. Однако не катастрофично. У нас, вероятно, и даже весьма вероятно, будут осенью деньги, тысяча 150. Будем делать ежедневную газету. Еженедельник — клубная затея, «жить с него» нельзя. То есть, можно, но очень бедно. В общем, начнем. Бог даст, как сказал бы Дима Бобышев, о котором готовлюсь рассказать смешные вещи. На одном из банкетов в Калифорнии Бобышев сидел рядом с Н.Н. <...> Тот изъяснялся в обычной красочной манере. Дима сказал:

— Ругаясь матом, вы оскверняете Богородицу.

Н.Н. рассердился и закричал:

— Ебу тебя вместе с богородицей!

На что Дима сдержанно ответил:

— Оскверняя же Богородицу, вы оскверняете Россию.

На что Н.Н. еще громче заорал:

— Россию — тем более ебу!

В такой академической обстановке проходила конференция.

Весьма симпатичным, и даже трогательным человеком показался мне Синявский. Я.К. <...> — развязен и пошл. Кроме того, довольно заметно украл наушники. Да еще осмелился мне при этом подмигнуть.

Лучше расскажу при встрече...

А теперь желаю произнести сентиментальность. Мне ужасно не хватает в Нью-Йорке людей, которые меня давно знают. Не потому, что здешние не знают, какой я хороший. А потому, что не знают, какой именно. Это очень мучительно — наживать репутацию, не важно — хорошую или плохую, но соответствующую натуре. Недавно один вполне хороший человек сказал (без меня):

«Довлатов ждет (он даже сказал — выжидает), когда мы ему предложим хороший процент». Не важно, в какой это было ситуации, при каких обстоятельствах, но я жутко расстроился. И все происходит от неведения. Вот что такое — новая жизнь. Она как раз и тяжела тем, что приходится заново себя насаждать, чтобы нести ответственность только за действительные недостатки, а не за мнимые. Откуда им, действительно, знать, что я не обману и не схитрю в делах?! Что я, может быть, что-то другое сделаю, похуже, но свое. А я к тому же не пью и таким образом, стал уже вполне морально приемлем. И мне обидно.

Поэтому я без вас скучаю. И даже рад, что так получилось с Карлом, скорее переберетесь в Нью-Йорк. Здесь тоже есть очень дешевые типографии, просто Гриша — абсолютный тюфяк.

Обнимаю вас и люблю.

С.Д.

## Ефимов — Довлатову

15 июня 1981 года

Дорогой Сережа!

Спасибо за готовность помочь. Но списки пока не нужны: мой опыт показывает, что от индивидуумов отдача ничтожная. На ваших же (Нов. Ам.) подписчиков будем действовать прямо через газету. В связи с чем и посылаю рекламный материал (последовательность придумана мною — конечно, Вы можете изменять, добавлять, урезать):

1. Фотография всей команды. (Имена на обороте.)

2. Интервью с И.Ефимовым.

3. Краткая аннотация о Сулове и два его рассказа.

4. Краткая аннотация о Руфи Зерновой и рассказ «Ведьмы».

5. Кр. аннотация о С. Аверинцеве и отрывок из его статьи.

6. Список наших книг, вышедших и выходящих в ближайшее время (пока не следует упоминать Владимова — там возникла заминка).

Мне бы хотелось, чтобы материал пошел в печать в июле — не раньше. А то на весь июль мы уезжаем в Нью-Хемпшир и не сможем быстро откликнуться на поток заказов (шутка).

Рад, что Вам понравился прием с товарищеским судом. Но следующий абзац не совсем ясен: даете Вы в книжку рассказы о заповеднике (пусть в том виде, как сейчас)? Или Вы хотите до конца упиться этой ситуацией: издатель (кажется, впервые в жизни) просит у Вас для книги уже написанные вещи, а Вы упираетесь?

В Нью-Йорк мы перебираться пока не будем, но по вас тоже скучаем и будем рады повидаться.

Всегда ваш Игорь.

## **Довлатов — Ефимову**

*8 июля 1981 года*

Дорогой Игорь!

С первым же Вашим рекламным комплектом случилась накладка. Даже целый комплект накладок.

1. Фотографию не дали, потому что ее изуродовал наш фотостат. (Прилагаю.) Получилось бы черное пятно. Наша полиграфия не впервые бунтует против Вашего облика.

2. К рассказу Суслова приставлено окончание другого рассказа. Виноват кретин Генис. Перед Сусловым мы извинились.

3. Кораблик-эмблему тот же Генис забыл поставить на обеих страницах, чтобы привязать Суслова к интервью и рекламе.

Короче, простите. Что я могу еще сказать?

Зернову и Аверинцева я лично буду курировать.

Игрушки скоро пойдут. В течение двух недель. Я написал вводку.

Я Вам позвоню, как только пройдет испуг и смущение от нашей халтуры.

Жизнь нелегка.

Ваш С. Довлатов.

## Довлатов — Ефимовым

9 сентября 1981 года

Дорогие Ефимовы!

Спасибо за книжку [«Как одна плоть»], а также — поздравляю! Полиграфически она ничего себе, только сверху поля обрезаны. Я ее скоро прочту и напишу что-то вроде рецензии. Хотя времени нет абсолютно, главным образом из-за неопишуемого бардака в редакции. Из 16 сотрудников я — единственный аккуратный человек. Год назад спрашиваю Орлова:

— Леша, если ты ни черта не помнишь, отчего бы тебе не записывать в книжку?

А он отвечает:

— Что я, сумасшедший, чтобы записывать?..

Кажется, я это уже рассказывал.

Про Джефферсона [Роман Ефимова о Джефферсоне (неоконченный) был напечатан в газете «Новое русское слово» в 1982 г.], я уверен, хорошо написано. Если говорить цинично (не творчески), то вообще это хорошо — русский эмигрант написал об амер. истории. Более того, нам требуется вещь с продолжением. Но общество категорически хочет детектив в расчете на Брайтон. Я же — ненавижу детективы и никакую Агату Кристи никогда не мог прочитать до конца. В качестве компромисса редколлегия соглашается на научную фантастику (которую я еще больше ненавижу). Я не думаю, что смогу убедить сослуживцев — печатать с продолжением историческую повесть. Но попытаюсь, ведь газета наша — с интеллектуальными претензиями. Если не получится, то как Вы смотрите — дать отрывок? Страниц на 15? Или Вы не хотите разобщать?

Одновременно я пытаюсь внедрить в качестве детектива с продолжением историю Кирилловой [Косцинский] посадки. Но тоже вряд ли удастся. Помимо всего прочего, есть и такой момент — мы стараемся литературные материалы давать безнаборные, у нас единственная

наборщица с полной нагрузкой + компьютерщик для рекламы и заголовков, и девицы не успевают, кроме того, половина из них (являющаяся одновременно моей половиной — остроумие) — беременна и зелена лицом.

Короче, я попытаюсь, а Вы сообщите насчет отрывка.

Вы пишете — вычитать корректуру. Имеется в виду — в рукописи или в гранках? Рукопись мать прочтет с удовольствием и, разумеется, бесплатно. Но, видимо, я что-то путаю от усталости, недосыпания и бардака.

Простите за сумбур.

Ваш С. Довлатов.

P.S. Игорь, Вы только что звонили, но я все же отправляю письмо. Ждем Вас и обнимаем. С.



## Довлатов — Ефимову

25 сентября 1981 года

Дорогой Игорь!

По зрелому размышлению я думаю, что:

1. Издавать две повести в единой обложке — не следует. Это немного дискредитирует обе повести. Возникнет маленький конкурс. Одна получится лучше, другая хуже. Это будет шаг к сборнику рассказов.

2. Я почти уверен, что коммерчески одна повесть — рентабельнее. Книжка толщиной в 130 страниц обойдется издательству в 1000, как минимум, долларов, не считая набора, возни с макетом и обложкой, и стоит она может через год от 6 до 7.50. Книжка же толщиной в 260 страниц обойдется на 60% дороже, а ставить цену больше 10 долларов — нахальство. Может, я неправильно считаю....

3. Я бы хотел начать с «Зоны», как с более завершеного сочинения. Толщина — около 130 страниц. В зависимости от количества тетрадок, насколько я понимаю, число страниц бывает кратным 8, 16 или 32. Так что, объем можно растягивать и сокращать.

4. При оформлении я хочу использовать лагерно-сюрреалистические пейзажи Бори Свешникова, который живет в Москве, но возражать не станет. Вы можете их посмотреть в каталогах нонконформистов и в «Аполлоне» Шемякина. Обложку тоже можно соорудить из Свешникова плюс толстые черные буквы или даже реверс.

5. «Заповедник» же, если Вы не утратите к нему интереса, выпустим через год после «Зоны». Надеюсь, «Эрмитаж» будет существовать, и даже не надеюсь, а уверен.

6. Если все это не вызывает у Вас принципиального протеста, то вот несколько строчек для каталога:

Сергей Довлатов. ЗОНА.....Цена?  
(130 стр., мяг. обл., когда?)

Традиция русской «каторжной» (или лагерной) прозы характеризуется выдающимися именами — Достоевского, Солженицына, Шаламова. В их бессмертных произведениях каторга, лагерь неизменно изображались с позиции жертвы.

В коротком романе Довлатова «Зона» главным действующим лицом является лагерный надзиратель, с точки зрения которого и представлен ход событий.

Это дает возможность автору по-новому взглянуть на многие факты, дать им неожиданную оценку и сделать парадоксальные выводы.

С. Довлатов начал печататься, лишь эмигрировав на Запад, выпустил три книги по-русски и по-английски, редактирует популярный еженедельник «Новый американец».

7. Теперь — что касается условий. Я понимаю, что Вы не сможете мне заплатить. Условия, мне кажется, должны лежать в несколько иной плоскости. Допустим, Вы могли бы предоставить мне какое-то количество экземпляров в качестве гонорара, а я бы обязался не продавать их, а только дарить. Какое-то количество экземпляров я мог бы по условиям приобрести у «Эрмитажа» по себестоимости, с тем же обязательством — не продавать. Эти две цифры — авторские экземпляры и книги по себестоимости — можно варьировать: 50 + 50, 30 + 60 и так далее. Как Вы сочтете нужным.

8. И последнее, вернее — предпоследнее. Я бы хотел сохранить права на иноязычные варианты. Я все еще не теряю надежду издаться как следует по-английски, и, по мнению Бродского, шансы должны расти.

9. Последнее же в том, что кусок из «Зоны» будет до конца года в «Ньюйоркере» в качестве рассказа (каковым он и является), и еще два куса читает редактор. Там ко мне довольно хорошо относятся, они даже написали Бродскому благодарственную записку, как моему рекомендателю, и я думаю, что сложностей с авторскими правами не будет, тем более что, наверное, можно всем этим делом пренебречь.

Вот, собственно, и все.

Очерк про Вас — сочиняю, медленно.

Против Джефферсона целиком общество возражает, нужен детектив или что-то вроде Орвелла, русская тема плюс напряженный сюжет. По-прежнему ли Вы не хотите давать отрывок?

Обнимаю. Всем девицам огромный привет.

Из новостей — я решил добиваться гранта. Начал с безнадежного — с Гугенхайма. Если получу, назову ребенка — Гуго. А если будет двойня, то Гуго и Хайм.

Ваш С. Довлатов.

## Ефимов — Довлатову

3 октября 1981 года

Дорогой Сережа!

Господь с Вами — уговорили.

Будем в 1982 издавать «Зону». Но с условием, что и «Заповедник» — постараться дописать для нас на 1983 г.

Срок — середина лета, начало осени. Но хотелось бы, чтобы готовая рукопись была задолго до этого, чтобы втиснуть набор в образовавшееся «окно». Кстати, много ли из этого печаталось у Перельмана? Устраивает ли его шрифт и формат? Можно ли нам сэкономить немного, использовав частично его набор?

Как это Вы говорите, что мы не заплатим? Вам будет причитаться 10% с проданного экземпляра, что (при цене 7.50) должно дорасти до 750 дол. Но если хотите, я могу вместо этого отдать Вам сразу 200 экз. с разрешением продавать где угодно и как угодно? Устраивает?

Иностранные права, конечно, Ваши. Однако буду признателен, если в аннотациях при английских публикациях отрывков будет упомянуто, что книга запланирована в Эрмитаже.

Итак, с книгой все ясно.

«Джефферсон». Думаю, не печатать его в газете — правильное решение. Если не забудете, заберите экземпляр из редакции, а я в следующий визит его увезу. Или просто отправьте мне. Дошел ли до Вайля и Гениса посланный мной пакет с книгами?

Шарымова прислала мне чек за «Как одна плоть» и адрес заказчика. Я, конечно, ей признателен, но если узнает Проффер, он меня просто подождет: я не имею права продавать эту книгу, заказы надо направлять только в Ардис. (Все остальные мои книги можно теперь заказывать у меня.)

Вкладываю небольшое объявление. Сколько стоило бы опубликовать его в газете? С деньгами очень туго, но если недорого, я бы поднатужился.

Поклоны растущей семье,

всегда Ваш, Игорь.

## Довлатов — Ефимову

8 октября 1981 года

Дорогой Игорь!

Рад, что Вы согласились издать «Зону» отдельно. К лету, разумеется, все будет готово. А «Заповедник» — строго через год.

200 экз. меня совершенно устраивают.

У Перельмана была напечатана треть «Зоны». Насколько можно использовать его набор, сейчас говорить трудно — все будет переделываться. Когда работа будет закончена, я отмечу совпадающие куски и пошлю Вам хорошие оттиски из «Времени и мы».

Теперь — насчет указания, что книга запланирована в «Эрмитаже». В «Ньюйоркере» от 19 октября идет, наконец, мой рассказ (не лагерный). А до конца года обещали пропустить лагерный, из «Зоны». Я навел справки и выяснил, что давать указания такого рода в «Ньюйоркере» не принято и даже услышал шутку, что за такую рекламу «Эрмитажу» пришлось бы очень дорого платить. Настаивать я боюсь, чтобы не услышать: «Мы и так печатаем тебя неохотно, а ты еще лезешь с капризами».

Вайль и Генис пакет получили.

С объявлением дела обстоят так. Положение в газете тяжелое, дружба с администрацией трещит по всем швам, Метгер окружил себя проходимцами, и так далее. Короче, просить о бесплатном объявлении сейчас неудобно. Нужен компромиссный вариант. Формально один квадратный дюйм стоит 8 долларов, как и в «НРС». Объявление занимает  $6 \times 4 = 24 \times 8 = 192$ . Формально же при объявлении, даваемом свыше 5 раз, дюйм стоит 7 долларов, а свыше 10 — 6 долларов. Наши рекламщики снижают цены до половины. Короче, могли бы Вы уплатить 50? Есть другой способ. Если бы Вы написали хоть какую-нибудь заметку о политике или экономике, то мы бы в качестве гонорара велели Боре дать рекламу.

Жаль, что я не могу решить этот вопрос сам и в одну минуту. Но это так. Вообще нашу контору разрывают вся-

ческие страсти, в основе которых лежит затянувшаяся бедность. Но это все в письме выходит очень длинно.

«Джефферсона» вышлю, забрав у Пети. Если бы Вы знали, в какой бешеной форме я уговаривал их напечатать в антологии «Пенелопу» [рассказ А.Битова], но они совершенно нестигаемые, и, к сожалению, не с идеальным вкусом люди.

Жду распоряжений относительно рекламы. Не сердитесь. Демократия превратила меня в абсолютно бесправного человека. То же самое, кстати, говорит Эдвард Коч.

Обнимаю всех.

С. Довлатов.

## **Ефимов — Довлатову**

*12 октября 1981 года*

Дорогой Сережа!

Раз все будет переделываться, нет смысла связываться с кусками из «Времени и мы». Наберем сами — чисто и красиво.

Конечно, в «Нью-Йоркер» соваться с моими рекламными пожеланиями смешно — забудьте.

То же самое и с рекламой на английском языке. Тем более, что она меньше всего уместна в «Новом американце».

То же самое и с нестигаемым Вайльгенисом — была бы честь предложена.

У нас все идет нормально, дело движется. Недавно написал на полях набора одного профессора, что нельзя писать «его язык отличался богатством слов». Он послушался, исправил: «его язык отличается богатством языка».

Поклон семье, дружески,

Игорь

## ***Ефимов — Довлатовым***

*26 октября 1981 года*

**Дорогие Лена и Сережа!**

**Что за печальные слухи доходят до нас о новом расколе в газете? О, эта русско-еврейская неспособность к поискам компромисса! Ничему не поверим, пока не получим отчет от вас самих.**

**Лена, профессор, о котором я говорил, на днях вышлет гранки своей книги. Умоляю, не правьте стиль. Я уже сделал что мог, но невозможно же переписывать за него всю книгу. Только грамматика! Книга выйдет не под нашей маркой, так что для нас главное — чтобы набор был качественным.**

**С Вами и Норой Сергеевной я договаривался по 40 центов страница. Ему сказал, что по 60 ц. Итого Вы должны получить 100 дол., я — 50. (Мне ведь еще врезать исправления.)**

**Всех обнимаю,**

**Ваш Игорь Ефимов.**

## **Довлатов — Ефимовым**

*6 ноября 1981 года*

Дорогие Ефимовы!

Посылаю для ознакомления три первых номера газеты [«Новый свет»]. Рассказывать подробности — нет сил. Положение все еще шаткое и трудное. Глупости и мерзости в Обращении — навязаны. Таковы были условия. Надеюсь, все поймете. Надо было выбирать: либо расходиться по домам, либо — эти условия. Расходиться до слез обидно. Уцелеть без помощи Седыха — невозможно. К Меттеру возврата нет — он жулик. И так далее.

Народ кругом — говно. Камни летят со всех сторон. Жизнь отвратительна.

Гриша с Леной купили наборную машину. Взять того же Гришу — единственный хороший человек в микрорайоне — и тот бездельник и невежда.

Вайнберг в разговоре со мной произнес: «Разные там славянисты курят вам дифирамбы...»

У меня от смеха хлынул из носа чай...

Всех ненавижу.

Любящий вас

С. Довлатов.

P.S. Обратите внимание на детектив В.Шифрина. Это я за субботу написал для привлечения Брайтонской публики. Докатился. С.

P.P.S. Ваш друг М.Поповский — ужасен. Хотя надо отдать ему должное — ужасен со всеми: с бедными, с богатыми, с евреями, русскими, ветеранами, христианами, со мной, с Седыхом и даже — с Григоренко. Он старец Зосима — наоборот. С.



## Довлатов — Ефимову

20 ноября 1981 года

Дорогой Игорь!

Я Вам дважды посылал газеты для ознакомления. Надеюсь — получили. Обложки все подряд неудачные. Пятый номер будет лучше.

Положение неясное. В нем много загадочного, как в хорошем, так и в чудовищном смысле. В письме рассказать невозможно.

И вообще, я обращаюсь к Вам по другому поводу. Лена с Гришей купили пополам IBM. Гриша оказался совершенно невозможным партнером. Расшифровывать не буду, но поверьте — он — антипартнер. Озорно поблескивает глазами и хитрит так мелко, что это вызывает лишь раздражение. Как Вы догадываетесь, я готов быть либо в дружеских отношениях с человеком, то есть, в отношениях, заведомо исключающих хитрость, либо, что называется, в деловых, когда немного хитрят обе стороны. Но с Гришей деловые отношения тоже невозможны. Правильно сказал Иосиф: «Мишель дает деньги, я — громкое имя, Лосев выполняет работу, а на каком этапе нужен этот поц?!» [Михаил Барышников дал деньги на издание собр. соч. Бродского в издательстве «Серебряный век». Собрание не вышло.]

Короче, Гриша угрожает отказаться от машины, если Лена не снизит расценки до полутора долларов за книжную страницу (больше 2 000 знаков). Если они разойдутся, Лене одной придется выплачивать рент — 10 долларов в день. Мы ей, разумеется, даем какую-то халтуру. Но и к Вам есть просьба. Если Вы и Марина не успеваете справиться с каким-то заказом и вынуждены его отклонить, то имейте, пожалуйста, Лену в виду. Для нее приемлемы любые расценки, которые Вы сочтете нормальными. Она работает аккуратно и быстро. Она же со своей стороны будет иметь Вас в виду как посредника с типог-

рафией. То есть, получив заказ, рекомендовать Вас и Вашу типографию. В общем — ясно.

Очерк про Вас обязательно напишу, как только рассеется хаос.

Да, еще один вопрос. Не хотите ли Вы под своей маркой издать книжку Сагаловского. Вы, наверное, помните его по нашим публикациям. Наум пользуется большим успехом в демократических кругах. Его томик, я думаю, продавался бы в русских колониях. Набор мы ему, вероятно, сделаем бесплатно. За типографию он заплатит. Как насчет распространения и марки?

Звонил ли Вам непонятный человек, написавший книгу про скульптора Антокольского? [Феликс Аранович. Его книга об Антокольском вышла в «Эрмитаже» в 1982 г.]

Обнимаю Вас и Ваше семейство.

С. Довлатов.

## Ефимов — Довлатову

24 ноября 1981 года

Дорогой Сережа!

Ни одного экземпляра «Нового света» мы не получили, ничего про новую газету не знаем. Подписчики здесь в большой растерянности, на их провинциальный вкус вся история с разрывом выглядит довольно дискредитирующей, так что завоевывать доверие заново будет нелегко.

Деловой союз с Гришей — на это, по-моему, можно было пойти только в каком-то мазохистском порыве. Думаю, надо принимать всю ренту на себя, а у него только брать заказы с выплатой вперед. Я всегда помню про ваши нужды, но ведь мы работаем на машине втроем (еще одна русская девочка, которую Проффер вот уже второй месяц переманивает от нас, постепенно наращивая высоту сулимых золотых гор), а при такой интенсивности завала заказов пока не предвидится. Не написать ли Вам Профферу? Он так меня ненавидит, что может согласиться давать Вам заказы за ту же цену, что и нам — 1.60 за тысячу знаков. Правда, предупреждаю: рукописи будут направленные, нуждающиеся в корректуре; ручной правки и авторских исправлений — полным полно и бесплатно, а деньги получать не легче, чем с Гриши. (Вот уже третий месяц не могу получить причитающиеся мне 800 дол.)

В связи со всем этим: сохраняется ли заказ на 6 фонов, сделанный Леной по телефону? Или нужно от него срочно отказаться?

В каталог, в раздел «книги других издательств» я включаю альманах «Часть речи» № 1 и «Компромисс». Но удастся ли мне получить у Гриши требуемые экземпляры с 40% скидкой? Или лучше вообще не связываться?

Аранович, написавший про Антокольского, звонил, с ним ведем деловые переговоры, спасибо. О включении Сагаловского в наши планы и под нашей маркой можно поговорить, если он пришлет подготовленный сборник.

Насколько я помню, он пишет довольно неровно — надо посмотреть, что он захочет включить туда. И уж конечно только при условии, что набор осуществляем мы.

Еще одна досадная новость: тот профессор, которого я уговорил послать Лене корректуру, в последний момент слинял, а я не могу его заставить, потому что книга идет не под нашей маркой.

Посылаю полный текст некролога про Борю [Борис Вахтин умер в Ленинграде осенью 1981 года] — как видите, в «Новом русском слове» потеряли конец. Вообще же, не зная ничего о положении дел в «Новом свете», я послал сейчас довольно много материалов в другие места. Надеюсь, Вы не рассердитесь, как я не сердился и не сержусь на друзей, сохраняющих нормальные отношения с Проффером.

Поздравляю с включением в энциклопедию. Хочется сказать, как в анекдоте: «почему это Вы везде, а я — нигде?»

Всех благ, обнимаю все семейство,

Ваш Игорь.

## Довлатов — Ефимову

26 ноября 1981 года

Дорогой Игорь!

Жаль, если Ваши соседи принимают меня за гангстера. И разве их не смущает то, что со мной ушли из редакции еще семь человек, почти весь штат. К Седыху «на поклон» я тоже не ходил, хотя об этом много говорят и пишут с изощренными нюансами и подробностями. Я позвонил ему и сказал, что мне нужно с ним поговорить. Седых ответил: «Заходите, голубчик». Я сказал, что хочу попытаться сделать еще одну газету, но для этого необходима реклама в НРС. Что я прошу его об этом, и вне зависимости от ответа буду писать в газете то, что сочту нужным. Он наговорил мне комплиментов и дал рекламу. Вот и все. После этого я добился зарплаты (200 чистыми) себе и еще троим людям, хотя Гальперин не стоит и полтинника, вместо него можно взять четверых обозревателей и платить им по 50 долларов гонорара. У нас получают по 50 долларов за статью еще четыре человека, из которых двое — Поповский и Шарымова — оскорбляют меня почти ежедневно. Батчан же, заметки которого я переписывал в течение года, сказал недавно Дэвиду Дэскалу, что газету не может редактировать человек с моим знанием английского. Рыскину Лена год носила бутерброды в редакцию, и в результате он недавно божился в компании, что Катя не моя дочка, а представьте себе — Аксенова. И так далее.

Профферу я уже написал сдержанное письмо. Даст заказы — хорошо, нет — обойдемся. Разумеется, я не обижаюсь, что Вы дали материалы в НРС и Моргулису, это совершенно правильно, а в дальнейшем я надеюсь что-то у Вас получать, если Дэскал не будет препятствовать рекламе. О Вахтине Вы написали очень хорошо, особенно вся неформальная часть относительно его умения влиять на закулисную борьбу в ССП, записки же Виньковецкой мне кажутся нескромными и сентиментальными.

По поводу «Части речи» и «Компромисса» Гриша ведет длительные и туманные переговоры с «Руссикой», внятного ответа на Ваш вопрос он не дал, его телефон (212) 699-56-53. «Компромиссы» у меня есть, я могу Вам прислать 30—40 штук, а может, и больше, сколько надо.

Заказ на шесть фонтов сохраняется, огромное спасибо. Лена оставляет машину себе, работа вроде бы есть. Да и крепнувшая, увы, дружба с Вайнбергом сулит некоторые перспективы.

Насчет Сагаловского — так. Набор ему Лена сделает бесплатно, поскольку я очень ему благодарен. Речь идет о том, чтобы быть посредником между готовым макетом и типографией, получив комиссионные. В конце концов фирму ставить необязательно, что-нибудь придумаем, а вот типография у Вас, кажется, самая дешевая в США. Но это — со временем.

Газеты Вы получили, бандероли идут страшно долго, первые номера очень плохие, пятый и шестой уже лучше. До пятого я выслал, шестой пошлю в среду.

Мы все пребываем в адском труде, я встаю в половине пятого, у меня еще две передачи на радио, Лену тошнит каждые 15 минут, роды стоят очень дорого, сбережений, естественно, нет.

Семьдесят процентов упреков в свой адрес я отмечаю. Несмотря на все разговоры о том, что я продался дьяволу, Седыху и так далее, наша газета, единственная, смогла напечатать ответ Михайлова критикам (№ 5, 6, 7), единственная напечатала интервью Синявского, единственная публикует Белоцерковского и Шрагина, хотя я Вам скажу — демократы тоже хороши.

Всех, кто меня порицает — ненавижу, а вас всех люблю и обнимаю. Говорил ли я Вам, что в результате дружбы с Метгером мы должны банку (я и Лена) десять тысяч, которые по Бориной просьбе взяли якобы на образование и отдали ему для газеты и которые он отказался возвращать. Затхлый Перельман тем более их не вернет. И так далее.

Всем большой привет, Наташе, маме.

Ваш С. Довлатов.

## Довлатов — Ефимову

21 января 1982 года

Дорогой Игорь!

Уже год, как я пишу без черновиков, из-за этого письма выходят сумбурные и невразумительные. И это — в том числе. Мне кажется, оно не требует ответа. Просто я хочу согласовать с Вами некоторые планы.

За всю мою жизнь я получал разумные литературные советы только от двух человек. Это — Вы и некая Хэйли Элькен. Хэйли была редактором на «Ленфильме» и говорила по-русски с сильным финским акцентом. Именно плохое формальное знание языка придавало ее речи особую внятность. Она говорила: «У этого героя неправильная психология. Он не должен сказать — так. Он должен сказать — так». Остальные либо сразу заговаривали о Боге, либо, как Марамзин, советовали: «Читателя надо поддѣбнуть», либо, как Бродский, твердили: «Главное, это — кураж!» Короче, я Вам очень доверяю. А главное, мне чаще всего понятно, что Вы хотите сказать.

Дело в том, что мне жутко опротивело все, связанное с газетой. Ситуация такова. Нами правит американец Дэскал, еврей румынского происхождения. (Уже страшно!) Он не читает по-русски и абсолютно ничего не смыслит в русских делах. Это — самоуверенный деляга, говорит один, не слушает, отмахивается и прочее. Довольно хорошо знакомый тип нахального малообразованного еврея. То, что он не знает русского языка — с одной стороны, хорошо. Это дает простор для маневрирования и очковтирательства. С другой стороны, его окружает толпа советников, осведомителей, интерпретаторов и банальных стукачей. Стучат в трех направлениях. Первое — Довлатов не еврей, армянин, космополит, атеист и наконец — антисемит. Это крайне вредный стук, потому что наш босс рассчитывает получать деньги на газету от еврейской организации, и кажется — уже получает. Второе — что я ненавижу диссидентов, издеваюсь над ними и так

далее. Третье — Довлатов завидует таким великим писателям, как Ефраим Севела и Львов, и еще — Солженицын, борется с ними, не публикует и так далее. Если б я окончательно разложился в моральном плане, я бы мог говорить боссу что-то вроде того, что Солженицын и диссиденты — главные антисемиты нашей эпохи и прочее. Но это — слишком. Хотя вообще-то я сильно разложился, я это чувствую. Я здесь веду себя хуже и терпимее ко всякой мерзости, чем в партийной газете. Но и стукачей там было пропорционально меньше, и вели они себя не так изощренно. Боря Меттер, например, оказался крупным негодяем. Орлов — ничтожество и мразь, прикрывающийся убедительной маской шизофрении. Он крайне напоминает распространенный вид хулигана, похваляющегося тем, что состоит на учете в психоневралгическом диспансере.

Практически командуем в газете мы троим, Петя, Саша и я. К сожалению, мы абсолютно разные люди (при их многочисленных достоинствах). Они — молодые формалисты, веселые, с хорошими зубами, без проблем. В мелочах довольно бессовестные, но в серьезных делах соблюдающие некоторые правила. Они прекрасно ко мне относятся (в своем понимании), верят, что я еще способен достигнуть некоторых футуристических успехов, и вообще — приличные люди, но никогда не испытывавшие и тени сомнения в собственной правоте и в абсолютном совершенстве.

Тем не менее образовалась правящая олигархия, несколько сократившая всяческую демократию. Без этого невозможно было справиться с хаосом и кипучими амбициями второго состава. Поповский выдвинул ультиматум, который принят не был, после чего Марк Александрович надулся и ушел. Думаю, что пишет обо мне изобличительную статью для «Новой газеты». Но это — ладно.

Короче, мне все опротивело. В принципе, я мог бы уйти. Тем более что Дэскал рано или поздно выгонит меня. Я мог бы — а). Пойти в «Новое русское слово», то есть сменить, как говорится, шило на мыло, лапшу на вермишель. б). Добиваться преподавательского места, это возможно, но это — переезды, негарантированные заработки и т. д. в). Продолжая халтурить на радио (что тоже



ненадежно, в любую минуту эта халтура может кончиться или прерваться, что уже не раз случалось), заняться американскими делами.

И вот — я перехожу к главному. Три публикации в «Ньюйоркере» (третья появилась вчера) открыли передо мной некоторые возможности, которые я совершенно не использую. Хотя самые знаменитые американские люди — Солсбери, Мейлер, Воннегут — отнеслись к рассказам вполне хорошо, во всяком случае — они так говорят. Все толковые русские, от Козловского до Наврозова, говорят, что я — идиот. Что мне нужно выпустить книжку в хорошем американском издательстве. Теоретически у меня есть агент. Он позвонил в «Ньюйоркер», связался с Анн Фридман и просил ее сделать синопсис к «Компромиссу». А дальше начинается кошмар. Аня — страшная копуша. Она каждый рассказ переводит ровно год. Катя О'Коннор вообще пропала. У нее какая-то особо сложная личная жизнь. Вообще, мне страшно не везет с переводчиками. То есть, переводят они вроде бы хорошо, но настолько медленно, что все становится бессмысленным.

Я хочу в ближайшие три месяца:

1. Добиться от Ани заявки на «Компромисс» и дать ее в пять хороших издательств. Это дело придется оставить Ане, отказаться от нее на этом этапе уже нельзя, хотя я знаю, что обыкновенную сраную заявку на полторы страницы она будет переводить полгода, клянусь.

2. Выпустить с Вами «Зону» по-русски. Затем подготовить этот злосчастный синопсис, приложить к нему в качестве главы рассказ из «Ньюйоркера» («По прямой»), плюс у меня есть еще два рассказа оттуда, переведенные студентом, их можно дать для ознакомления в качестве как бы — подстрочника, перевод, я думаю, плохой. И тоже дать это все в пять хороших издательств. Вместо резюме у меня есть вырезка из какой-то дурацкой энциклопедии, в которую меня по благу включил Лосев.

3. У меня есть около ста радиопередач на русские темы. То есть — больше 400 страниц текста. Это, так сказать, книжка о России, причем не о верхнем слое, как у Смита и Кайзера (правительство, Евтушенко, диссиденты, распределители), а совсем наоборот. Это — низы общества, простые люди, мой цикл на радио так и называется

ся «Ординари рашенз», «Простые люди России», «Простая Россия», что-то в этом духе. Три радиоскрипта отсюда переведены одной энтузиасткой, я думаю — плохо. Их можно опять-таки дать в качестве подстрочника. Надо только узнать, профиль какого издательства соответствует такой затее.

Таковы планы. Не знаю, что из этого выйдет. В газете обстановка крайне мерзкая. Одна Шарымова чего стоит!

Теперь насчет «Зоны». Я знаю, насколько важно превратить это в единое целое. Важно не столько для русского издания (хотя и для русского издания целое — лучше), что же касается американских издательств, то они просто говорят — сборник рассказов можно издать только после трех романов. Даже их любимый Чивер начинал с романов.

Ваша затея насчет суда очень правильная и таит некоторые драматические возможности. Я «Зону» перечитал. Там — 13 рассказов. Они делятся на четыре группы, довольно обособленные. Четыре группы соответствуют четырем группам персонажей. Это — я (то есть, лирический герой), затем — солдаты, зеки и офицеры охраны. Это значит, надо сплести четыре мотива. Можно начать с рассказа «По прямой», который несколько выделяется качеством и заканчивается тем, что героя препровождают на гауптвахту, то есть, отдают под суд. Дальше можно написать эпизоды суда и другие промежуточные разделы, что-нибудь в псевдодокументальном духе, с обнажением хода «литературного процесса», то есть — с открытой лабораторией и нескрываемыми приемами. Чтобы рассказы, ставшие фрагментами книжки, — оставались беллетристикой, а связки, набранные, допустим, курсивом, были документальные, в свободной манере, произвольные и откровенные. Сейчас так очень многие пишут, так что это не покажется манерным, автор как бы участвует в повествовании и пр. Как у Воннегута в «Бойне». Короче, я взялся. Сегодня вечером уже что-то буду писать. Специально днем посплю.

Только что звонила паскуда Наталья (зав. редакцией) и сказала, что потеряла письмо, которое я писал два дня со словарем по-английски для одного хрена в «Сохнуте». Что я должен сделать? Выгнать ее, нищую, покинутую

худосочным Батчаном, голодную вечно, в драной кацавейке?! При этом грубит непрерывно, и одно лишь выражение ее лица вызывает во мне бешенство.

Игорь! Всех обнимаю. Буду заниматься литературой, а на работе — изворачиваться, обманывать начальство, как в Союзе.

Народ вокруг — довольно поганый. И сам я — хорош!

Ваш С. Довлатов.

## Ефимов — Довлатову

29 января 1982 года

Дорогой Сережа!

Атмосфера нью-йоркской литературно-газетной жизни несомненно вскоре станет темой Вашего нового романа. Похоже, в ней есть все, что нужно: Кафка, Зошенко, Достоевский, Сологуб и т.д. Все Ваши планы на жизнь имеют правильный принцип: наступать в разных направлениях, не подвешивать все свои надежды на какую-то одну ниточку. Но Вы ни словом не упомянули про «Один на ринге» — или как теперь называется этот большой роман? Неужели думаете, что я обижусь, если Вы будете печатать его в РУССИКЕ или даже в АРДИСЕ? Да, Бог с Вами — не ставьте меня на одну доску с ревнивыми параноиками. Но мне бы хотелось знать о Ваших литературных планах и успехах хотя бы для того, чтобы использовать это в рекламе. «Зону» ждем.

Посылаю несколько наших новых книжек и каталог. Аксенова — для Вайля и Гениса. «Илюшины разговоры» [Дины Виньковецкой] — Лене, чтоб знала, как разговаривать с гениальным ребенком (шансы на это — на гениальность — довольно велики). Езерскую — Вам, ради фотографии Бродского и интервью с ним.

Всех Вам благ и удачи, дружески,

Игорь.

\* \* \*

### ПИСЬМО ДОВЛАТОВУ ОТ К.ВОННЕГУТА

от 22 января 1982 года

Дорогой Сергей Довлатов,

*Я вас тоже люблю, но вы разбили мое сердце. Я родился в этой стране, бестрашно служил ей во время войны, и тем не менее мне ни разу не удалось продать свой рассказ журналу «Нью-Йоркер». И тут появляется вы — и раз! у*

*вас тут же покупают рассказ. Что-то здесь очень нечисто, на мой взгляд.*

*Если ж говорить серьезно, я вас поздравляю с прекрасным рассказом и поздравляю «Нью-Йоркер» с тем, что они наконец-то напечатали по-настоящему глубокое и общезначимое произведение. Как вы уже наверняка обнаружили и сами, большинство их публикаций имеют своим предметом радости и горести верхнего слоя среднего класса. До вашего появления у них вряд ли можно было найти что-то про людей, которые, скажем, даже не являются постоянными читателями «Нью-Йоркера»*

*Буду рад видеть вас снова и прочесть ваши новые вещи. Ваши дарования нужны этой безумной стране. Нам повезло, что вы приехали сюда.*

*Ваш коллега,*

*Курт Воннегут.*

\* \* \*

Игорь! Может быть, это пригодится для обложки? Это написано о рассказе «По прямой», который входит в «Зону». С.

## Довлатов — Ефимову

20 февраля 1982 года

Дорогой Игорь!

За книжки — большое спасибо. «Аристофанину» [изданный в «Эрмитаже» сборник пьес В.Аксенова] ребятам передал, вызвав саркастические улыбки. Из Виньковецкой, если можно, дадим кусочки с указанием, где приобрести. Шрагину бандероль передам.

Мой роман теперь называется — «Пять углов». Кстати, я его недавно переписал. Вернее, редактируя, перепечатал с фото пленки. Там около 500 страниц. Петя и Саша читали и говорят, что роман хороший, но обязательно нужно дописать еще одну часть, где бы действие происходило уже на Западе. Сюжет, если Вы помните, заключается в том, что автор и герой постепенно совмещаются в одно документальное лицо, и это лицо — писатель. Так вот, в «Невидимой книге», которая сейчас является последней, 4-й частью романа, герой писателем еще не становится. Раньше я хотел закончить все это куском про заповедник, и в этом заповеднике героя умертвить, но теперь я согласен с Петей и Сашей. Про заповедник будет отдельная повесть, а роман надо дописать. Чем я вскорости и займусь.

Особого интереса к моим рукописям никто не проявляет. Карл спрашивал несколько раз, но вяло. Так что предложением это назвать нельзя. Дэвид в «Руссике» уверенно сказал — все издадим. Но он жуткий прохиндей. Лишних дел я с ним иметь совершенно не желаю. Я думаю, что и в газете-то долго не протяну. Тем более что она становится все гнуснее. Давидка требует сионизма, раздобывает где-то чудовищные материалы и заставляет их публиковать. Мы уже почти не сопротивляемся. Но уже сейчас неловко ставить под этим свою фамилию. А дальше будет хуже.

Короче, если «Зона» не принесет Вам убытков, давайте займемся романом. Правда, я не знаю, может ли быть рентабельной такая толстая книга, но это уже Ваше дело.

«Зону» я готовлю. Все будет закончено к 1 мая. Посылаю Вам двадцать страниц, по ним уже можно судить о фактуре. Если Вы одобряете такое построение, то отложите эти 20 страниц куда-то в сторонку. Прежде, чем Вы приступите к набору, давайте согласуем технические моменты — формат, ширину набора, кегль. У Езерской, например, по-моему — широковатый набор, и поля сверху слишком узкие. И еще у нее глупо выглядят в оглавлении подзаголовки: интервью с таким-то, интервью с таким-то. Мне кажется, надо было просто дать фамилии. Но это уже не имеет отношения ко мне никакого.

Там у меня в «Зоне» беллетристику, видимо, надо набирать обычным шрифтом, прямым, а письмо к издателю — курсивом и поуже.

Но это мы все потом обсудим. Пока что, я Вам позволю из редакции через неделю, а Вы скажете, нравится Вам или нет. Если нет, то переделаем.

Всего доброго. Всех Ваших обнимаем.

С. Довлатов.

<...>

Как вам мои первые страницы? Высылаю следующий отрывок.

P.S. В нашей русской колонии попадают чудные объявления.

Напротив моего дома висит объявление:

**ТРЕБУЕТСЯ ШВЕЙ!**

Чуть левее, на телефонной будке:

**ПЕРЕВОДЫ С РУССКОГО И ОБРАТНО, СПРОСИТЬ МАРИКА...**

## *Ефимов — Довлатову*

*8 марта 1982 года*

Дорогой Сережа!

На этой страничке просто пример того, как будут стыковаться два вида набора. Формат книги: 5,5 × 8''; зеркало текста 25 × 39 пайкас (Вы, конечно, уже знаете, что это такое). Напишите, устраивает ли.

Большой роман издать, конечно, хочется. Но нелегко. Давайте вернемся к этому разговору месяца через три, когда я приеду в Нью-Йорк. Надеюсь, к тому времени я с большей определенностью смогу сказать Вам о сроках. Ведь это самое главное. Вы же пока обязательно вытребуйте у Карла письменное разрешение включить в роман «Невидимую книгу». Ведь копирайт на ней — Ардиса. Это Вам понадобится, где бы Вы ни издавали (в том числе и по-английски). Натравите на него своего агента. Я предвижу, что крокодил-Проффер будет очень неохотно разжимать челюсти, будет врать, что издает сам.

Всего доброго, поцелуй семье,

Ваш Игорь.



## Довлатов — Ефимову

*1 апреля 1982 года*

Дорогой Игорь!

В силу многолетней традиции начинаю с извинений. Тут ко всем моим неприятностям случился запой, и я чуть не умер, с конвульсиями и прочими делами. Видимо, лекарство продолжает действовать, или организм потерял закалку, в общем, чуть не помер, это был сущий кошмар. Американский запой ху[же] нашего, хотя всего много, и это-то и губит. Там был фактор материального истощения, когда уже никто не одалживает, и это действовало как тормоз. Здесь же нельзя остановиться, все есть и не кончается.

Продолжение рукописи высылаю только сейчас + слабый зирокс передней обложки, в действительности обложка — яркая, простая и эффектная. Я мог бы выслать ее оригинал, но если Вам не понравится, то чего зря высылать.

Меня смущает одна мелочь: не будет ли набор широкват, а внутренние поля, следовательно — узковаты, и тогда при чтении люди будут книжку сильно (и с раздражением) раскрывать, энергично проводя сверху вниз согнутым указательным пальцем. И тогда книжка вскоре развалится на две части. Примите это к сведению, хотя, наверное, уже приняли.

Ну, пока все. Сил еще очень мало. То, что творится у нас на бывшей работе — описать невозможно — все друг на друга подали в суд, всего перекрестных вариантов — около двадцати, но мотивы однородны — воровство, обман, мошенничество.

Все. Обнимаю. Не сердитесь, как не сердились и раньше. Всем привет.

С. Довлатов.

## Ефимов — Довлатову

9 апреля 1982 года

Дорогой Сережа!

Да, новости печальные. Тем более что и оправданий для запоев становится все меньше: кругом успехи, нормальная семейная жизнь. Видать, Город Желтого Дьявола засасывает.

Обложка очень славная. А какого цвета? Хотелось бы также взглянуть на рисунки Свешникова.

Поля у книги будут достаточно широкие, не беспокойтесь.

Не могу скрыть от Вас — меня огорчило замечание, оброненное Вами в разговоре по телефону. Конечно, я знал, что Проффер поливал и поливает меня за глаза (начал задолго до разрыва), так что практически у меня уже нет надежды когда-нибудь получить работу в американском университете. Конечно, я знал, что все его обвинения (против меня, против Леши, против Вас и против десятка других) похожи на обвинения, выдвигавшиеся месье Пьером против Цинцинната Ц.: черствость, бездушие, необязательность, неблагодарность. Но у меня была иллюзия, что где-то, время от времени эта волна клеветы должна наталкиваться на моих друзей и встречать хоть какое-то (пусть слабое и безнадежное) сопротивление. Что друзья могут по крайней мере сказать, что Ефимова даже враги не могут поймать на вранье, а Проффер лжет всегда, если только у него есть надежда не быть пойманным с поличным.

Судя по всему, ничего такого Вы не сказали (с кем был разговор? с Полем Дебрецени?).

Больше того: через неделю я узнаю из газеты, что у Вас нет среди американцев лучшего друга, чем мистер Проффер. Плохи тогда Ваши дела в Америке. Не от этого ли «друга» Вы бежали, когда он пытался встретиться с Вами в Нью-Йорке? Не он ли так и не смог вытянуть Вас на разговор во время конференции на Западном

побережье? А может, Вы просто почувствовали после визита в Северную Каролину, как страшно иметь его в «не друзьях»?

Я не сержусь, но все это мне горько. Похоже, что я и перед друзьями скоро должен буду оправдываться: зачем так обидел доброго и доверчивого профессора.

Ну, хватит об этом.

Надеюсь, увидимся в конце мая. Жму руку,

Ваш Игорь Ефимов.

## Довлатов — Ефимову

12 апреля 1982 года

Дорогой Игорь!

Как это ни странно, Ваше письмо обрадовало меня, поскольку в нем звучит человеческая нота, а именно — нота досады по отношению ко мне, что возможно лишь при общем дружеском, заинтересованном чувстве. Я же этого чувства добивался многие годы, дорожу и горжусь им чрезвычайно, и потому едва ли не в торжествующем настроении приступаю к оправданиям.

Нет ни одного человека в мире, в глазах которого менее, чем в Ваших глазах, я хотел бы выглядеть мелким, ловким и трусливым человеком. (Если окинете взглядом мои знакомства, то убедитесь, что я не преувеличиваю.) Что и говорить, я многое делаю бездумно, небрежно и претенциозно, что-то пишу и затем сожалею об этом, и так далее. Но в какой-то части своего поведения я могу оправдаться перед Вами. Я бы только просил, чтобы это письмо прочитала также и Марина, поскольку высоко ценю женскую чуткость, а на Марину рассчитываю особенно, и даже вроде бы и раньше прибегал к ее душевному посредничеству.

Клянусь Вам, я не помню, кто именно, но кто-то в общем потоке разговоров сказал примерно следующее: «Конечно, Проффер — гад, что сначала эксплуатировал, а затем уволил Игоря с его женщинами, но и Проффера следует понять, его доводы надо выслушать — как-никак Ефимов создал рядом с Карлом свое издательство, и чувства Проффера понятны...» Я, честное слово, не помню, кто это говорил, но не Дебрецени, и вообще — не американец, а русский, может быть, какой-нибудь Юз, или Люда, или Майя Аксенова, я не помню — кто, но хорошо помню, что это был русский язык, и что говорилось это не с осуждением в Ваш адрес, а с призывом к объективности.

Если бы я почему-либо счел возможным занять в этом вопросе объективную позицию арбитра, то, наверное,

согласился бы, что надо выслушать Вас, Проффера, выверить всяческие подоплеки и контексты, и тогда уже что-то решать. Но я такой позиции не занимаю, не хочу и не имею права занимать. Проффер мне не близкий, чужой человек, отношение же к Вам вполне однозначное и простое: я Вас люблю и уважаю как писателя и человека за талант, ум и порядочность. Сделав минимальное усилие (до чего Вы никогда не унижитесь), Вы бы тотчас убедились, что это отношение выразалось мной неизменно в беседах со всеми людьми, с которыми я считал нужным или возможным обсуждать Вашу личность. Я не помню, чтобы я проделывал это горячо, или, тем более — размахивая кулаками, но никакого другого чувства я никогда не питал и не выражал. Что не мешало мне подшучивать (как мне казалось, совершенно дружески) над какими-то Вашими чертами.

Что же касается Проффера, то я испытываю к нему чувство благодарности за «Невидимую книгу», которая ему не очень-то нравилась, и издав которую, или даже просто заявив в каталоге, Карл возвысил меня в собственных глазах и в глазах общества, помог мне выкарабкаться из почти беспрерывных запоев и уцелеть. Кроме того, я разделяю многие его внешние литературные соображения. И все. Он мне, повторяю, совершенно не близок, я его совсем не знаю, не делаю решительно никаких попыток сблизиться с ним в расчете на какие-то приглашения и блага, оказавшись в Мичигане, не пытался и не буду пытаться встретиться с ним, в разговоре с ним и с Эллендеей всегда испытываю чувство крайней неловкости, и так далее. В то же время я не избегал разговора с ним в Калифорнии, просто он не говорил ничего определенного. Если же Карл твердо и внятно предложит мне издать какую-нибудь книжку, я соглашусь хотя бы потому, что не хотел бы вызвать у него такую мысль: «Когда-то навязывал мне «Невидимую книгу» и трепетал, а сейчас — воротишь рыло».

Разумеется, мне гораздо интереснее выпускать книжку с Вами, потому что это совместное дружеское действие, можно все обсуждать и не стесняться, и даже эти, например, «письма к издателю», как бы они ни были глуповаты, никогда не были бы написаны в случае с Карлом — ну что я мог бы ему написать?

Разумеется также, что, согласившись издать у Карла книгу (чего, повторяю, он мне ни разу конкретно не предлагал), я сделаю все, чтобы нравящиеся Вам мои рукописи оказались в Вашем распоряжении.

Никогда после Вашего разрыва с Карлом ни он, ни Эллендея ни единым словом в моем присутствии не обмолвились о Вас. Если бы такой разговор произошел — неважно, в каком духе и тоне — то можете быть совершенно уверены, что, дождавшись первой же паузы, я бы выразил свое отношение к Вам, однозначное и уже упомянутое в этом письме. И мне бы совсем не потребовалось говорить, что «даже враги не могут поймать Ефимова на вранье», потому что такое заявление унижало бы Вас, Вы не школьник и Ваши достоинства неизмеримо выше элементарной правдивости, и так далее.

Я даже предполагаю, что Карл и Эллендея не случайно исключили в разговорах тему отношений с Вами, будучи уверены, что я не только не поддержу подобного разговора, но и выскажусь безусловно противоположным образом.

Изо всех сил напрягая свою память, зная свою неумную болтливость, я, тем не менее, не могу вспомнить ни единого случая, когда бы я, под влиянием словесной расслабленности или какого бы то ни было случайного чувства, допустил в Ваш адрес высказывания, которые можно было бы истолковать иначе, чем абсолютно дружеские и уважительные.

Что же касается моей идиотской лекции, то это попросту халтура от начала до конца. Когда я перечисляю тех, кого считаю мастерами, я называю имена писателей, известных американцам. Теперешнюю прозу Аксенова я вообще не читал, потому что не могу ее прочесть — изнемогаю от скуки. Второй том Чонкина гораздо хуже первого и вообще — «Железная женщина» Берберовой мне нравится гораздо больше, чем аксеновские вещи, да и у Синявского мне нравятся только «Гоголь» и «Пушкин», «Мысли врасплох» и «Голос из хора» — меньше, а проза, беллетристика, за исключением «Пхенца», вся не нравится — а ведь речь в этой лекции шла именно о художественной прозе. Но, повторяю, я выбирал знакомые аудитории имена.

Что же касается американских «друзей», то тут все еще проще. У меня вообще очень мало американских знакомых, а по сюжету я должен был назвать американцев, хорошо говорящих по-русски, вот я и назвал Аню и Карла, причем, Аня, действительно, наша приятельница, милая, добрая и талантливая женщина, Карла же можно назвать другом лишь в американском, формальном смысле — то есть человек, с которым я поддерживаю отношения. Кого же мне было еще назвать? Я знаком с несколькими славистами, но абсолютно шапочно, нахожусь в прекрасных отношениях с нашим домоуправом-супером, угощаю его водкой, но он не говорит по-русски, значит — противоречит сюжету лекции. Мне жаль, что я Вас огорчил, но кроме Ани и Карла никто не подходит. Ко мне хорошо относятся Солсбери, Кайзер и Воннегут (когда им удастся вспомнить, кто я такой), но их назвать было бы нескромно, хотя Солсбери и Кайзер говорят по-русски, Воннегут же не подходит ни по каким статьям.

Вы можете сказать, что халтурные лекции читать не следует, и я с Вами тотчас же соглашусь и, действительно, буду готовиться к таким выступлениям добросовестнее.

Хочу также зло напомнить, что когда-то Вы дружили с Карлом и защищали его от нападков, так же, как дружили с Соловьевым, и довольно тесно, а потом разочаровались в обоих, я же с самого начала не почувствовал в Карле близкого человека, и тем более — всегда ощущал наглядное и выразительное гнидство Соловьева, так позвольте же мне сохранить к ним свое безразличие.

Конечно, я обладаю нормальным запасом личной немужественности, даже трусости, и тем более — готовности к компромиссам, но Вы совершенно неправы, думая, что я ставлю свое отношение к Карлу в зависимость от тех благ, которые это может принести. У меня очень много недостатков, среди которых есть, как я убедился, и завистливость, и злорадство и отсутствие мужества, но у меня, и в особенности — у мамы есть такая, довольно заметная черта — мы не переносим, когда обижают наших знакомых, хотя сами мы их часто обижаем. Неодобрительное слово о моем папаше вызывает у мамы истерический припадок, при том, что они развелись в 44-м году и личность Доната — неизменная тема ирони-

ческих бесед у нас в доме. Я же, например, причинил Лене очень много зла, бываю с ней груб и говорю о ней много плохого, но даже оттенок неприязни к ней со стороны другого человека приводит меня в состояние бесконтрольное и близкое к помешательству. Все это относится не только к родным, но и к друзьям, и даже к знакомым, и даже к не очень хорошим, но знакомым людям, так что даже Шарымову я сам ругаю, а другим ругать препятствую. Кстати, она в чудовищном положении — без сожителя, который ее бросил, без жилья, без зубов, без денег и без работы.

Я не хочу сказать, что это — замечательное качество, но оно полностью исключает ситуацию, при которой кто-то высказался бы о Вас неодобрительно и не встретил самого энергичного протеста.

Я знаю, Вы не из тех людей, перед которыми надо прятать свои достижения и выпячивать неудачи, чтобы не возбудить в них горькой обиды. И все-таки, формулировка: «кругом успехи» не совсем ко мне подходит. «Ньюйоркер» очередной рассказ забраковал, гугенхаймовской степендии — не дали, а главное — я совершенно окончательно проиграл дело с газетой, которой отдал много времени и с которой связывал все свои планы. Газета мне в нынешнем виде и положении опротивела, но я не учел какой-то иррациональной связи и теперь уподобился спортсмену, который долго тренировался, затем разлюбил и бросил спорт, но организм его продолжает жить в режиме больших нагрузок. Кроме того, получилось так, что ультиматум Дэвиду предъявляли Петя, Саша и я, а когда Дэвид твердо отклонил наши требования, выполнять условия решил я один, а Петя и Саша остались в газете, хоть и убрали свои фамилии и, более того, выказали полное непонимание мотивов моего поведения, которое хоть и с большим опозданием и с многочисленными оговорками, все же являлось принципиальным. Скоро я приеду и расскажу все подробности.

Заработок на «Либерти» не регулярный и всегда может прерваться, что и случилось неоднократно, и один раз — на 14 недель, литература при всех моих «успехах» прокормить не может, и в результате я не совсем представляю, как зарабатывать на жизнь.



К этому можно прибавить кризис моих отношений и нахождение в гнусной здешней среде, ужас которой заключается в том, что всякая оплачиваемая гуманитарная деятельность является тут крайне дефицитной, и за право на такую деятельность люди готовы убить друг друга. Если позвонить десяти моим знакомым и предложить мою должность, то все десять немедленно ее займут, не сочтя нужным позвонить мне и узнать, в чем дело, что, собственно, и произошло с Перельманом, который не захотел в свое время посоветоваться со мной, уселся в мое злосчастное кресло, после чего лишился двенадцати тысяч долларов и был физически выдворен Меттером из редакции с помощью четырех полисменов.

Да и в семье у нас не так уж чудесно, потому что Катя — довольно большая свинья, подробности опять же расскажу при встрече.

Теперь — насчет обложки. В оригинале она выглядит хорошо — увидите. Цвет, думаю, либо черный с белым, либо красный с белым, но, желательнее — густые, плотные цвета, не розовый, не сиреневый, не серый, а именно, если возможно — черный или красный.

Что касается Свешникова, то произошел некоторый конфуз. Я был уверен, что он мой знакомый, но оказалось, что это ошибка. А он живет в Москве. И вообще, нужен ли он, тем более, что «Место и время» М.Хейфеца оформлено репродукциями Свешникова. Но это мы еще обсудим.

Это письмо я отправлю завтра, 13-го, во вторник, постараюсь отправить с почты каким-то ускоренным способом, потому что хочется быстрее изжить или ослабить Вашу досаду. В ближайшие дни я Вам позвоню, чтобы договориться о заезде из Миннесоты в Анн Арбор, я сегодня сдал на «Либерти» две передачи, одну из них впрок, чтобы быть свободным в понедельник — 19-го.

Если это письмо хотя бы частично рассеет возникшие тучи, буду очень рад. Если нет — предприму дальнейшие шаги.

Обнимаю Вас и Ваше семейство.

С. Довлатов.

## Довлатов — Ефимову

12 мая 1982 года

Дорогой Игорь!

В сопроводительной записке к материалам Вы допустили несколько психологических ошибок.

1. Вы не в состоянии написать ничего такого, что бы мне всерьез не понравилось. Я примерно знаю, чего от Вас можно и чего нельзя ожидать. Как и от Льва Толстого. Перечитывая «Анну Каренину», я не жду, что буду хохотать до упада. И т.д.

2. Даже если бы мне роман не понравился, то я не столь говнист, чтобы малознакомому иностранцу раскрывать глаза на творчество соотечественника и друга.

3. Вы не можете себе представить, до какой степени он [лит. агент] равнодушен к моим рекомендациям. Ведь его специальность — рынок. Качество — в нашем задушевном ленинградском смысле, его абсолютно не интересует, да еще — в тумане перевода.

Короче, рукопись будет передана без особых комментариев, они излишни. Скажу только, что Вы — известный русский писатель.

Сию минуту — не очень удачное время для передачи. Дело в том, что у нас с ним вышло подряд несколько отказов. Как только он заработает на мне очередные сто долларов, а это случится в течение недели или двух, поскольку в оборот запущено пять названий, действует же он энергично и пунктуально — так я сразу же дам ему Вашу рукопись. Увидите, это будет до двадцатого мая.

Теперь — «из другой оперы». Находясь в Бостоне, я видел Карла. Он вызвал меня на разговор, который продолжался час. Он сразу сказал, что Ваши претензии к нему — справедливы, что он действительно эксплуатировал Вас, не создал Вам никакой перспективы и т.д. Я спросил, допускает ли он, что отношения могут восстановиться. Он сказал, что если это произойдет естественно, то он будет очень рад. Ни единого неприязненного

слова в Ваш адрес произнесено не было. Он говорил, что сожалеет и пр.

Игорь, ради Бога, не подумайте, что я веду какие-то дурацкие мирные переговоры от Вашего имени, и вообще — влезаю в это дело. Человек захотел побеседовать со мной, а содержание этой беседы я считаю нужным Вам изложить.

Что же касается конференции, то Вас ожидает длинный рассказ. Скажу только, что Ильф непрерывно витал над этим мероприятием, союз меча и орала был учрежден, все были озабочены частично — судьбами России, частично — оплатят ли дорогу. На самом главном банкете в редакции «Партизан-ревю» Некрасов взял слово и сказал:

«Главная ценность подобных конференций в том, что мы, эмигранты, живущие на разных континентах, можем встретиться и выпить свои сто грамм. Что я могу обнять Эмку Коржавина и Сережу Довлатова, которого я люблю, несмотря на то, что он большой мудака...»

У американцев вытянулись лица.

Моргулис же, который проник на ту часть конференции, что проходила в Нью-Йорке, написал с интервалом в полчаса три записки в президиум:

1. «Почему не присутствует Солженицын?»
2. «Почему не присутствует Бродский?»
3. «Почему не присутствует Буковский?»

Каждый раз ему отвечали: «Такой-то был приглашен, но приехать не смог». Каждый раз Моргулис загадочно и понимающе улыбался и говорил: «Могу ли я опубликовать этот ответ в газете «Литературный курьер»? После чего садился и начинал быстро писать на колене, как Ильич.

Обнимаю Вас. До 23-го созвонимся.

С.Д.

## **Ефимов — Довлатову**

*3 июня 1982 года*

Дорогой Сережа!

Посылаю «Время и мы» № 64 и 65. Через месяц пришлю № 66. Очень прошу читать роман с карандашом и все грамматические и стилистические огрехи на полях пометать. А также вкусовые — у меня будет возможность многое переделать при выходе книжки.

Тревожусь, что нет от Вас вестей после Чикагского выступления. Уж не загудели ли Вы по новой? Очень бы не хотелось.

Пришли первые заказы из Парижа на мою листовку. Все книги по 10 экз., а «Заповедник» — 15.

Обнимаю, всем приветы,

Ваш Игорь.

## Довлатов — Ефимову

10 июня 1982 года

Дорогой Игорь!

У Вас должны быть стр. 1—52 включительно [книги «Зона»]. Посылаю 53—145. Всяческие поправки и сокращения облегчаются тем, что здесь 13 кусков + 14 писем. Содержание писем и содержание отрывков связано между собой лишь в нескольких случаях. Общего развития темы либо нет вообще, либо оно едва ощутимо. Короче, можно любой отрывок, любое письмо выкинуть, а также соединить любой отрывок с любым, или почти любым письмом, в общем — тасовать и переставлять, как секционную мебель. При всем при этом, некоторое содержание, я думаю, имеется. Идея такова, что лагерь — один из курьезов в общей системе курьезной и абсурдной жизни. Что-то в этом роде.

Посылаю также страничку текста для обложки.

Буду ждать Вашего отзыва.

Расценки и адрес получил — спасибо. Запрос в ISBN пошлю. Сагаловского выпущу в «Довлатовз», а затем переименуюсь. Иначе он обидится.

В отношениях с агентом возник некоторый просвет, я сказал Ане, чтобы она сообщила ему про Вас то-то и то-то, а рукопись Вашу отсылаю ему одновременно с этим вот конвертом. Копию записки — Вам.

Всем привет. Жду Ваших нападок.

С. Довлатов.

Записка агенту!

10 June

Dear Andrew —

Igor Yefimow is a very famous russian writer and deserving, I mean, to be a famous in America. He created the crime-novel about russians at the West. May be it's a big money?

Excuse my English and troubles.

Yours

S. Dovlatov.

## **Ефимов — Довлатову**

*18 июня 1982 года*

Дорогой Сережа!

Сознаюсь, рукопись открывал с некоторой тревогой. Все же очень уж необычный критерий стиля: чтобы слова [в предложении] начинались с разных букв. Но вскоре с радостью убедился — сработало! Фраза стала жестче, энергичнее, куда-то пропали фальцетные нотки, которые я помнил по-прежнему — пятнадцатилетней давности — прочтению. Пока весь материал существовал в форме рассказов, на каждой истории лежал тяжкий груз — чтобы и сюжет был, и глубинный смысл, и подтекст-шмоттекст. И многие не выдерживали под этим грузом, начинали трещать, тонуть. Теперь же все приняло гораздо более естественную форму. И все истории вплетаются в единую картину, в естественное воссоздание поразившего Вас мира — мира Зоны.

По-моему, книга получается замечательная, и я очень рад, что мы ее издаем.

Думаю, и резонанс будет немалый. Может быть, даже сподобитесь проклятий, может быть, даже и Максимов включит Вас в список «носорогов». Правку предвижу самую минимальную. (Например, очень буду просить убрать ругань в адрес Меттера и — замаскированного — Проффера. Не дворянское это дело вводить «личности» в литературу. Хоть многие в этом смысле сейчас распоясались, влепят личным врагам справа и слева.)

Все же это поразительно: чтобы издать «Зону» пятнадцать лет спустя после написания, понадобилось нам запустить собственное издательство.

Науму я послал письмо со сметой: 1500 дол. за изготовление 1000 экз. Книги на его адрес тоже послал — точно такую же подборку, как и Вам. Мой Вам совет: пусть продающий на всякий случай имеет стопку картонных карточек. Если какая-то книга окажется распродана или человек захочет заказать что-то из каталога,

пусть напишет свой адрес и заказ на карточке, заплатит продавцу деньги, а книги получит через десять дней по почте уже от нас.

Посылаю фотографии Николая Сергеевича [сын Довлатова].

Также вкладываю нашу новую листовку — для информации.

Да, забыл сказать: набор «Зоны» начинаем в ближайшие дни. Думаю, выйдет она не позже сентября. Я уже получил хороший заказ на нее от Вероники. Да и от многих других тоже.

Обнимаю, всех благ, дружески

Игорь.

## Довлатов — Ефимову

22 июня 1982 года

Дорогой Игорь!

Я страшно рад, что Вам понравилась «Зона», ибо чувствовал себя весьма неуверенно. Рассказы эти писались давно (1965—67 гг.), и даже будь я Моргулисом, я должен был за пятнадцать лет измениться, вырасти и т.д. Когда издавался «Компромисс», я знал, что 50% текста — это рассказы максимального для меня качества. В «Зоне» же нет ни одного рассказа такого уровня, как «Юбилейный мальчик» или «Чья-то смерть», и только «По прямой» немного выделяется из общей массы. Кроме того, «Компромисс» был совершенно непритязательным по части идей, а здесь есть «размышления» и всяческая ответственность. Раз уж Вы, человек интеллектуальный, все это одобрили, то можно радоваться. По-видимому, мешанина из писем и отрывков дала какой-то эффект, чему я очень рад. Осмелев и успокоившись, хочу выразить предположение, что «Зона» более значительное произведение, чем «Компромисс», или во всяком случае — менее незначительное, в ней есть претензия, и она теоретически может вызывать некоторые споры.

Проффера (от которого я только что получил письмо с просьбой содействовать в получении от Шарымовой долга в 580 долларов и которые он безусловно никогда не получит), а также Меттера я без сожаления выкинул. Страницы с правкой прилагаю. Вроде бы стыкуется нормально.

Остальную (совершенно ничтожную) правку сделаем в гранках. Обещаю, что поправок будет не более десяти, и ни в одном случае не придется перебирать абзац, а только в худшем случае — строчки, а чаще — заменить какое-то слово другим словом равной длины, или изменить знак препинания.

Напоминаю, что мы вроде бы решили уменьшить при печати формат на 10%.

Соображения насчет обложки, титула, форзаца выскажу, когда буду отсылать гранки. Недавно у меня по-



явилась довольно хорошая, «интеллигентная» и контрастная фотография. С нее будет мною сделан фотостат, титул я тоже пришлю готовый, и еще будет несколько мельчайших пожеланий.

Большое спасибо за фотографии.

Если в ходе набора (как это было с Петей и Сашей), у Марины будут возникать замечания, я их с благодарностью восприму. Особенно прошу ее обратить внимание на всякого рода проявления нескромности (что случается) и в более общем плане — на проявления дурного вкуса. Переписывая «Зону», я обнаружил, застонав от омерзения, такую фразу:

«Павел! — пожаловалась она ему на эти руки, на эти губы пожаловалась она ему. — Павел!..»

Вообще, моя мать считает, что у меня плохой вкус. Может быть, это так и есть. Во всяком случае, я долгие годы подавляю в себе желание носить на пальце крупный недорогой перстень.

Ну все. До гранок — все ясно. А возвращая гранки, пришлю дальнейшие пожелания.

Отчет о продаже книг в Чикаго — получите. Книга о Мессинге мне понравилась, вернее — я ее прочел с большим интересом. «Идеалист» [Дмитрия Михеева] как-то не захватил. «Три минуты» [«Три минуты молчания» Георгия Владимова] — блеск.

Да, я выявил еще одного Вашего, Игорь, поклонника, причем — умного и злого, как тигр. Это Бочштейн из НРС.

Глава из «Страшного суда» находится у агента. Можно дожидаться его отзыва через Аню Фридман (мне он никогда не звонит), или вот на всякий случай телефон его офиса (кстати, офис — пишется по-русски через одно ФЭ, о чем не подозревает Тойболе Лунгина): (212) 807-0888, зовут его Эндрю Вайле. Кажется, Эндрю переходит в другую контору, но на прежнем месте должны знать его новый телефон. Может, Игорь захочет позвонить. Человек он симпатичный и прямой, так что, если, не дай Бог — отказ, то без занудства, виляния и обидного сочувствия.

Адреса подписчиков «Нового американца» в Вашем распоряжении.

Обнимаю

С. Довлатов.

## Довлатов — Ефимову

30 июня 1982 года

Дорогой Игорь!

1. Торговля в Чикаго шла очень вяло, хотя народу было много, но дело происходило в субботу, в еврейском центре, негодии в этом случае запрещены, так что продажа шла почти нелегально. Продано всего лишь: 1 «Мессинг» (12), 1 Суслов (7.50), 1 Аксенов (11.50) и 2 «Зерновы» (7.50+7.50), итого — 46 долларов, из которых Вам принадлежит — 27.60, на кою сумму и прилагаю мани-ордер.

Не расстраивайтесь, что все так скудно. Книги в надежных руках Сагаловского и Арановича, они будут пытаться что-то сделать. Книги, которые у меня в Нью-Йорке, тоже никуда не денутся, и уж во всяком случае — будут аккуратно возвращены или перебазированы по Вашему указанию, тем более что здесь открываются два книготорговых дела — неким Осей Тахадзе (он репродуцировал сувениры и тарелки с Неизвестным и вроде бы прогорел), у которого хорошее помещение напротив «4-х континентов», и некой Бибкой Вольфсон, беглянкой из Израиля. Бибка — жила и не внушает особого доверия, а Тохадзе — честный и хороший человек. (Но прожектер и мудак.)

2. Уже сейчас напоминаю, чтобы не забыть, — если на «Зоне» будет воспроизведена моя фотография (как раз вчера мне передала Аловерт довольно интеллигентный снимок), то нужно хотя бы мельчайшими буквами, шестеркой, указать — «Фото Нины Аловерт». Фотографы очень самолюбивые.

3. С нетерпением жду гранок. Верну их в день получения, или на следующее утро. Тогда же будут высланы рекомендации по оформлению и т.д.

4. Сагаловский, увы, обнаружил типографию, где ему назначили цену за книжку — 1150 долларов. Так что, он передал макет им, и осуждать его не следует, он — бедный. Я был в этой типографии, выглядит все солидно,

на всякий случай посылаю Вам их карточку, вдруг что-то закажете у них.

5. Габи Валк, которого я Вам почти рекомендовал и который наверное будет просить у Вас книги, производит гнусное впечатление. Боже мой, что за люди нас окружают! А ведь мне когда-то Яша Гордин казался заурядным человеком. Здесь бы его путали с Христом, Магометом и Буддой. А также — Корчаком, Ганди и Сергием Радонежским.

Обнимаю Вас и Марину, и деток, и старших дам.

С. Довлатов.

## *Ефимов — Довлатову*

*27 июля 1982 года*

Дорогой Сережа!

Посылаю гранки. Ради Бога не возвращайте их ни в день получения, ни на следующее утро. Нет такой спешки. Вычитывайте внимательно. Все мои замечания — на полях. Думаю, что большинство из них Вы найдете справедливыми. Если станет обидно, всегда можно отыгаться на «Архивах Страшного суда».

Мы уезжаем в отпуск на две недели. Сначала в Вирджинию, где Штерны устроились на берегу океана, потом в Вашингтон. Вернемся 14-го августа.

Ездили в Чикаго, отвозили Арановичу его книгу. Посылаю Вам ее для ознакомления. Еще посылаю разговорник — как торговый образец.

Вчера узнали тягостную новость. У Карла обнаружили рак. Очень запущенный. Не операбельный. Правда, говорят, что с раком прямой кишки иногда живут долго. Но — сами понимаете... Как ни глупо, хочется выйти на перекресток и кричать: «Я не виноват!.. Я не желал ему этого!..» И это будет чистая правда. Как он ни бесил меня порой, никогда ни ему самому, ни его делу я не желал ничего плохого. И все же обычный стыд здорового перед тяжело больным в данном случае для меня оказывается особенно острым.

Всех Вам благ, приветы семье,

Ваш Игорь.

## Довлатов — Ефимову

6 августа 1982 года

Дорогой Игорь!

Я начну с дел, не относящихся к «Зоне». О болезни Карла я знаю, звонила Эллендея и плакала, а виделись мы буквально за три дня до этого, в Нью-Йорке. Потом звонил Карл, сказал, что говорит с того света, и что очень глупо себя чувствует, продолжая заниматься делами в такой ситуации, и действительно, поторопил Лену с набором.

Кто же может подумать, что Вы желали Карлу, да и кому угодно другому, такую кошмарную участь. Я как раз говорил ему, что Игорь, несмотря ни на что, с большим уважением относится и к его делу, и к его талантам. Вообще, это все ужасно...

Теперь — дальше. Агент Эндрю Вайле отказался заниматься Вашей рукописью и вернул мне ее со словами, что это «не его тип книги». Это довольно неприятно, потому что речь идет, видимо, не о художественных достоинствах — в этом случае можно было бы наплевать, потому что Эндрю не такой уж Эйхенбаум, что же касается рыночных дел, то в этом он должен что-то смыслить... Короче, рукопись высылаю. Насколько я Вас знаю, Вы не очень падете духом от этого известия, и не подумаете <...>, что я специально подговорил агента невзлюбить Вашу рукопись...

Теперь — о «Зоне». Спасибо за внимательное отношение к рукописи и за хороший набор. Опечаток меньше, чем позволяет советская норма для машинисток партийной печати (5 на странице). С большинством Ваших замечаний я согласился и как мог исправил текст, заупрямился же в одном, или максимум — в двух случаях.

Потом взялась за дело Лена, с госиздатовским пылом и во всеоружии крайнего пуризма, и наисправляла множество несущественных мелочей в области пунктуации,

ну и помимо этого, конечно, нашла десятка три ошибок. Мелочи я восстановил корректорским знаком: (- — - —), а правку Ленину на полях во многих случаях зачеркнул. Но все равно, в результате оказалось довольно много исправлений. И вот о чем я собираюсь Вас просить. Я боюсь, что во время правки, довольно многочисленной, набирающий (Вы или Марина) может сделать новые ошибки, так часто бывает при уже знакомом и надоевшем тексте. Я хочу просить Вас сделать еще раз копии и снова послать мне — не раздражайтесь, не дочитав до конца. Я бы очень не хотел выглядеть бесцеремонным и знаю, что это дополнительный труд, поэтому я настаиваю на том, чтобы оплатить это копирование (наверное — долларов 8—10), кроме того, оплатить пересылку первым классом. Если сроки поджимают, я прошу Вас отправить бандероль «экспрессом», это стоит долларов 8—9, которые я с удовольствием Вам верну, и тогда рукопись будет у меня на следующий день, и еще через день Вы ее получите обратно.

Я Вас умоляю отнестись снисходительно к моим авторским причудам, они довольно странные, некоторые серьезные ошибки, вроде того — уменьшается тень или нет — мне совершенно безразличны, а из-за каких-то сущих мелочей я дохожу до умоисступления. Лена крутится вокруг меня 18 лет и все не может уловить логики в моем отношении к опечаткам и всяческим ошибкам. Поэтому я ради старой дружбы прошу Вас совершить этот лишний труд, а я беру на себя все расходы, отчего в результате выиграет и издатель и автор.

Если же почему-либо такое дело — невозможно, я прошу Вас с исключительным вниманием прочесть всю правку, помня, что при повторном чтении найти ошибки труднее. Еще раз простите за муки...

Теперь — насчет оформления. Детали в отдельном конверте. Начну с простых и бесспорных вещей.

1. Передняя обложка — у Вас. Мне кажется, никакой белый ободок не нужен. Прилагаю красный эскиз. (Вложение № 1).

2. Посылаю заднюю обложку. О фотографии — чуть позже, в связи с проблемой цвета. (Вложение № 2).

3. Посылаю титул — все не слишком аккуратно сделано, как всегда у Пети с Сашей. (Вложение № 3).

4. Посылаю два корешка, чуть поуже и чуть пошире. Слова: Довлатов, Зона, Эрмитаж — не должны быть распространены по всей длине корешка, а должны группироваться:

**С. ДОВЛАТОВ — ЗОНА ————— ЭРМИТАЖ.**  
(Вложение № 4).

5. Посылаю разные штучки и обрезки на всякий случай. (Вложение № 5).

6. Моя большая фотография — потом узнаете зачем. (Вложение № 6). Это фотостат, готовый к печати.

Перехожу к сложностям. Вот три варианта решения проблемы — как увязать цвет с фотографией.

1. Сделать книжку черной, вернее, черно-белой. Это благородное и общепринятое сочетание, тысячи книг вышли в черно-белом обличи. Ваши доводы о том, что это напугает Брайтон — неубедительны, Вы же сами говорили, что книги продаются не в розницу, а по почте. Посмотрите, наконец, на черно-белую «Иванькиаду», вполне красиво.

2. Сделать обложку красной, причем — ярко-красной, то, что называется — брайт-рэд. Образец цвета в виде этикетки от кофе «Максуэл-хауз» прилагаю. (Вложение № 7). Тут возникает сложность с фотографией, даже помыслить о красной физиономии я не могу. Коричневая, бежевая или фиолетовая обложки внушают мне ужас. Нельзя ли сделать то, что Вы сделали с Руфью Зерновой, а именно — разместить фото крупно перед титулом, так иногда и даже часто выпускают книжки стихов в СССР. Фото же с задней обложки в этом случае, естественно, убрать. Для этого, если Вы выберете этот вариант, я и посылаю Вам большую фотографию, она выйдет с небольшими белыми полями. Конечно, кто-то скажет, что это нескромно, и это действительно нескромно, но ведь это сделает издатель, а не автор, кроме того, я выпускаю уже какую ни на есть, но четвертую книжку, в этом есть нечто программное, а я себе на этой фотографии кажусь интеллигентным, мужественным и трагическим художником слова.

3. Если сделать обложку красной, а фотографию черно-белой, это потребует дополнительно — 80—100 долларов, и я с удовольствием внесу эту сумму, а Вы, если хотите, дайте мне потом на эту сумму лишних экземпляров, исходя из себестоимости — доллара два примерно?

Вот три варианта. Надеюсь, какой-то из них покажется Вам приемлемым. Какие-либо цвета, кроме черного и красного, очень нежелательны.

И еще несколько мелочей:

1. Если Вы задумаете уменьшить формат процентов на 10—15, я не возражаю. Но и такой формат, как сейчас, кажется мне хорошим.

2. В сентябре я поеду выступать в Филадельфию — возьму книжки.

3. Адреса посылаю.

4. У нас все более-менее в порядке. Ребенок — тьфу, тьфу, тьфу — здоровый и симпатичный. Я Вам наверное уже хвастал, что ТИВИ-гайд предложил мне писать изблительные статейки о сов. прессе и обещал платить доллар за слово. Это не фантастические деньги, но звучит хорошо и пышно. У них 40 миллионов читателей, это самое массовое издание в Америке.

5. Чуть не забыл. «Архивы» я еще не читаю, хочу дождаться последней части, потому что книга может оказаться увлекательной, и даже должна, судя по всему, а я довольно плохо отношусь к перерывам в чтении. Я вдруг вспомнил, что ни одной книги в своей жизни не бросил, не дочитав. То есть, я иногда листаю и не начинаю читать, но если начну, то должен прочесть. Отыгрываться, как Вы пишете, на «Архивах» я не буду, но я надеюсь отнестись к ним так же внимательно, как Вы отнеслись к моей рукописи.

И последнее. В этом письме довольно много существенных для меня мелочей, поэтому прочтите его с карандашом и подчеркните то, что сочтете разумным и заслуживающим внимания.

Числа 17—18 я Вам позвоню, а может, Вы захотите мне написать, чтобы в поспешном телефонном разговоре не упустить какие-то детали.

Обнимаю.

Ваш С. Довлатов.



## *Довлатов — Ефимову*

*10 августа 1982 года*

Дорогой Игорь!

Посылаю для Вашего архива очередной радио-скрипт. У меня сейчас три еженедельные передачи. Все три я строчу за один день. Отсюда — халтурное качество. Извините, если что наврал. Погрешности разительны: «Записи Виньковецкой, оражающие мир глазами ребенка». Исправлять нет времени. Эфир — он эфир и есть...

Вчера отослал Вам громадный пакет. Надеюсь, он прибудет раньше этого письма.

Девиц обнимаю.

Ваш С. Довлатов.

## *Ефимов — Довлатову*

*16 августа 1982 года*

Дорогой Сережа!

О каком раздражении может идти речь? Конечно, мы не возражаем против второй корректуры. По крайней мере, на счету нашего издательства появится хотя бы одна абсолютно грамотная книга. 10 долларов за дополнительные хлопоты с готовностью от Вас принимаю.

### **ОФОРМЛЕНИЕ.**

Конечно, если это так для Вас важно, остановимся на черном цвете. Позвольте, однако, предложить еще одну альтернативу: передняя обложка — серым цветом. Посмотрите книгу Ульянова. Там текст сделан: 60% от черного, а фон — 20%. Мы можем сделать 40% или 60%. Цена будет та же, и все же серый не так отпугивает, как черный. Задняя обложка при этом будет черной.

Меня немного огорчило, что за два года у Вас не появилось ни одной новой интеллектуальной фотографии и Вы предлагаете ту же самую, что была на «Компромиссе». Если мы остановимся на ней, то я очень склонен упрятать ее внутрь (как в книге Зерновой).

Пожалуйста, сделайте для обложки прилагаемый мною номер (на отдельном листке) в таком же негативном виде, как Вы сделали кораблик.

### **РЕКЛАМА.**

Спасибо за адреса. Нам придется их немного переделать, но это не горит — до следующего каталога. В Филадельфии выступить с книжками — это очень хорошо. Суслов, которого я повидал в Вашингтоне, проделал блистательное турне и продал все, что у него было. Но что бы мне очень хотелось: чтобы ларек ЭРМИТАЖА появился на конференции, которая состоится в октябре в Вашингтоне и на которую съедутся все слависты. Мне звонил Чалидзе и предлагал совместно арендовать там

место. Я отказался, потому что мне это не по силам: далеко, отнимет много времени и сил. Но, может быть, Вам самому с ним договориться? Кажется, аренда стоит 150 или 200 долларов. Чтобы Вам не зависеть от автомобиля, я мог бы послать книги отсюда заранее, скажем, на адрес Суслова или еще кого-то. Обдумайте все и дайте мне знать.

Я до сих пор не получил номер «Времени и мы» (66) с окончанием романа. Как только получу — вышлю. Но если он попадется Вам на глаза раньше и Вы сможете начать читать — было бы хорошо.

Спасибо за радиорекламу. Накладки следующие:

а) Никогда никому не говорите, что в ЭРМИТАЖЕ работают двое. Во-первых, будут презирать, а во-вторых, это неверно: у нас есть нанятая наборщица, за которую мы платим государству налоги, и внештатный английский редактор и переводчик.

б) Губермана финансировал «Фонд спасения Игоря Губермана» (Китаевич), «Три минуты молчания» издал «Посев», а мы получили часть тиража на комиссию.

Мы чудно съездили — Вирджиния, океан, Вашингтон. При встрече расскажем. В последней декаде августа наша Лена будет гостить в Нью-Йорке, наверное, появится и у Вас.

Поклоны семье, дружески,

всегда Ваш, Игорь.

## Довлатов — Ефимову

19 августа 1982 года

Дорогой Игорь!

Спасибо за внимание и оперативность. Дальше по пунктам:

1. Червонец с благодарностью высылаю.

2. Выворотку номера Ай-Эс-Би-Эн я могу сделать только в понедельник, когда Вайль и Генис пользуются фотостатом. В понедельник же и отправлю все это — первым классом, а не экспрессом — поскольку Вы ничего не пишете о спешке.

3. Очередные номера «Время и мы» раньше всего появляются на «Либерти», в тамошней библиотеке. Но их разбирает начальство. Но я попробую вклиниться.

4. У меня перед «Зоной» идет что-то вроде предупреждения: «Имена, события, даты — все здесь подлинное...» Вы набрали это дело тем же курсивом, что и письма к издателю, и тем же форматом. Мне кажется, надо уже — на манер эпитафии — и каким-то другим шрифтом. Чтобы вам не возиться, а мне не нервничать из-за возможных ошибок при перебирании, я попросил Лену это сделать. Листок прилагаю к гранкам. Вариант с крупным шрифтом — лучше.

5. В Вашингтон поехать я почти наверняка не смогу. По следующим причинам:

а. Неловко появляться на конференции, на которую тебя не пригласили.

б. Не хочется иметь дело с Чалидзе — мужчиной сложным, капризным и загадочным.

в. Предприятие это, учитывая мои торговые качества, явно убыточное. Билет до Вашингтона и обратно стоит долларов сто, и место — даже пополам с правозащитником — 75. Это значит — надо продать книг долларов на пятьсот, чтобы хотя бы не потерпеть убытков. Не говоря о том, что это, как Вы справедливо заметили, отнимет «много времени и сил».

6. Читая гранки, я обнаружил несколько полноценных ошибок, но отметил и сущие мелочи вроде так называемых «марашек», следов от наклеенных полосок бумаги. Вы разберетесь, что исправлять, а что — не имеет значения. Обратите внимание на [следует перечень страниц].

7. Сейчас гранки будут читать мама и Лена, поэтому, возможно, что-то добавится.

8. Перехожу к болезненному моменту — обложке. Вы пишете: «Если для Вас это так важно...»

Русские книжки нужны мне для того, чтобы:

а. Дарить их знакомым с симпатичными надписями.

б. Пытаться всучить их заграничным издательствам. (На «Компромисс» пришло четыре заявки из европ. агентств.)

В обоих случаях мне важно, чтобы книженция имела вид художественного по жанру сочинения. Пока мне это ни разу не удалось. В «Невидимой книге» испорчена задняя обложка, да и передняя — не очень. «Компромисс» — отвратительно тускл, а «Соло на ундервуде» — просто брак. Так что, ничего особенного мне не требуется, я только не хотел бы, чтобы книжка напоминала издания, которые обнаруживаешь в случайных помещениях заткнутыми за газовый счетчик.

Я с горечью убедился, что в этом вопросе Вы находитесь в глубоком, упорном и необратимом заблуждении, причем не хотите даже выслушать человека, который:

а. Пять лет учился в художественной школе, той самой, которую окончил Шемякин.

б. Легко сдал экзамен на оформительский факультет к Акимову и пренебрег им в пользу журналистики.

в. Руководствуется вовсе не желанием обгорчить Вас, а искренней заинтересованностью в успехах Вашего издательства, единственным слабым местом в работе которого я и все известные мне люди считают именно оформление.

Теоретически это все не мое дело. Но в том, что касается моей обложки, я вынужден бороться и настаивать.

1. О сером цвете невозможно даже подумать. Серость — удел содержания, а не оформления. (Неужели Вы искренне считаете, что сочетание светло-серого с темно-серым — ярче и привлекательнее черного или красного с белым?) Невозможно также помыслить о комбинациях бледно-розового и светло-бежевого, не говоря уже о

вымазанной экскрементами обложке Езерской или сочетании красного с коричневым в обложке Зерновой (сочетания, от которого у Матисса случился бы мгновенный инсульт).

2. Хотелось бы выбрать между ярко-красным и густо-черным. Красный — предпочтительнее. Почему Вы его отменили, тем более, что фотографию Вы все равно хотите дать внутри (что меня вполне устраивает, так же, как впрочем, и отсутствие фотографии)?

3. Значит, идеально — красный, приемлемо — черный.

4. Что касается фотографии, то с этим действительно, происходят какие-то сложности. У меня на всех снимках — принципиально неинтеллигентный вид. Даже Марианна Волкова снимала — получился директор итальянского борделя. Но вообще, это даже приятно — давать одну и ту же фотографию на всех книжках. Так вышел Хемингуэй (полное собрание) у Скрибнера, а из людей, внушающих Вам глубокое уважение — Ефраим Севела.

Обнимаю Вас и прошу не сердиться. Враг поддакивает, а друг — спорит, как любил повторять Евгений Рейн, после чего обрушивал на меня водопад оскорблений.

Ваш поклонник и доброжелатель

С.Довлатов.

Привет женскому полу.

P.S. Письмо от Марины только что получил. Будем отвечать вместе с Леной, там вопросы к нам обоим, напишем завтра — послезавтра. Считается, что Лена очень занята. С.

P.P.S. Когда будете делать вторую корректуру, то есть — перебирать и наклеивать новые строчки и слова, посмотрите, пожалуйста, чтобы в них не было побочных ошибок.

Обнимаю.

С.

## Довлатов — Ефимову

30 августа 1982 года

Дорогой Игорь!

Я прочитал Ваш роман и нахожусь в довольно странном положении. Дело в том, что из всего Вами написанного, вернее — из всего того, что я Вашего прочел, эта вещь — наиболее удалена от моих читательских интересов. В ней, с одной стороны, нет (в основополагающем виде) остроумия и вразумительности научных работ, и нет, с другой стороны, и тоже в преимущественном количестве — исследования всяких мучительных чувств, на чем основана Ваша беллетристика. Этого нет не потому, что Вы что-то не осилили, не достигли, а потому, что были другие задачи, и следовательно — другой фундамент.

Вы, наверное, знаете, что я совершенно не интересуюсь детективами в чистом виде — вроде Агаты Кристи, вяло приемлю Сименона за душевную теплоту, и лишь бесстрастно готов констатировать мастерство какого-нибудь «Гиперболоида инженера Гарина», с которым Ваш роман имеет жанровую близость. Короче, все это мне не близко, хотя читал я Ваш роман, надо признаться, с каким-то механическим увлечением, ну и, разумеется, откликнулся на вкрапления замечательной прозы — что-нибудь вроде того мужчины, который специально надел пиджак и пошел за чайником, или как машина задела пуговицы выставленной на продажу одежды. Но в основном, читалось как-то холодно и бесстрастно, а значит, я не могу быть объективным как читатель, не любящий этот жанр. Не могу я также судить о качестве в свете поставленных утилитарных задач — написать динамичную, приключенческую историю, перевести ее и заработать деньги. Я не знаю, что здесь чревато деньгами, а что — нет. Короче, и об этом я судить не могу — а вдруг это принесет миллион...

Поэтому в общем плане я намерен высказаться коротко — что нравится и что не нравится, тем более, что

внести серьезные изменения Вы не захотите, и правильно сделаете.

Мне очень понравилось:

1. Вся эта история с кровью, попом и философией общего дела, а трактат этой самой Лейды — наиболее увлекательное и волнующее место в романе, Аверьян хорошо говорит и действует, вообще — этот круг мотивов и событий — очень здорово.

2. Мне понравилось, вернее — мною должна быть отмечена механическая увлекательность этого чтения, природа которого мне неизвестна.

3. Мне понравилось, вернее — опять же я должен констатировать — изобретательность, умение свести концы с концами в сложном организме при массе действующих лиц — никто не пропал, не повис, не остался без функции и мотива.

4. И наконец — всяческое профессиональное мастерство: ритм, пейзаж, детали, юмор, задетые пуговицы и пиджак для чайника. То есть — наличие прозы.

Не понравилось:

1. Сексуальные сцены. В них есть какая-то опасливая похабщина. Мне кажется, нужна либо Миллеровская прямота: «Моя девушка работала, как помпа», либо — умолчания, изящество, а главное — юмор. Всякие натяжения в паху, сладкие истомы, искрящиеся жгуты в крестцах, краснота, бегущая волнами к чему-то там — все это у меня лично вызывает ощущение неловкости.

2. Мне показалось, что в романе есть несколько колеблющихся уровней правдоподобия, скажем — Аверьян и докторша — на уровне жизни, а Умберто с его немислимым бассейном или «тестом на доверие» — это уже из Флеминга, где у автомобиля вырастают крылья, пистолеты стреляют маленькими водородным бомбами — то есть, фантастика. Таким образом, есть уровни бытовые, жизненные, и вдруг — кино про Джеймса Бонда.

3. Мне показалось, что Лейда и Сильвана разговаривают в одном социальном тоне, и обе напоминают Люду Штерн, и вообще — речения прогрессивной технической интеллигенции (о возрасте — товар не первой свежести). И т.д. Цимкер же и Умберто — живые и отличаются. Павлик — усредненный геолог, и речь его не выде-



лить из моря флотских, геологических и рабочих персонажей.

4. Еще мне показалось, что в начале 3-й части замедляется темп (первые 30 страниц 66-го номера).

Дальше я выскажу конкретные мелкие замечания по тексту — вдруг что-то пригодится, не говоря о 3—4 опечатках. [Следуют подробные замечания, большинство из которых было учтено при выпуске книги.]

Дорогой Игорь! Я чувствую себя очень глупо, как будто попросили высказаться о балете, а я не люблю балет — ни с Барышниковым, ни с Гришей Поляком в главной роли. Тем не менее я Вам от души желаю, чтобы все остальные отзывы были восторженными и чтобы Вы заработали уйму денег.

Если какие-то мои придирки Вас заинтересуют — буду очень рад.

С нетерпением ожидаю «Зону».

Игорь! Будете выпускать «Архивы» — найдите какую-нибудь картинку для обложки, хотя бы автопогоню, полистайте журналы, свяжитесь с Левой Збарским или Бахчаняном, Збарский — сноб, а Бахчанян сделает за гроши, или пусть какой-нибудь профессионал сделает рисунок тушью в голлербаховском стиле. Посмотрите каталоги русских нонконформистов (у меня есть парочка), может, найдете волнующую тревожную абстракцию...

Обнимаю.

С. Д.

## Довлатов — Ефимовой

31 августа 1982 года

Дорогая Марина!

Ваше письмо, главным образом, касается Лены, и я думал, что мы ответим вместе, но потом решил не связываться, ибо у моей жены очень вольное обращение со временем и пространством, однажды Лена написала письмо какой-то Фане в Ленинград и носила его в сумке полтора года, клянусь...

Кто бы ни набирал «Зону», ошибок было очень мало — спасибо. В слове трансцендентальный второе «н» кажется таким же лишним, как в слове «инцидент», но существует бремя казенной грамматики, и надо его смиренно нести. Когда-то Вера Панова объяснила мне, что в слове «дизентерия» ударение надо ставить так: дизэнтерия», доказав это с помощью словаря, и с тех пор это слово, которое раньше проскальзывало в моей речи легко и беззаботно, я произносил так, как она велела, объяснял всем, что так учит Вера Панова, и выражал готовность принести словарь, и это усложнило мою жизнь.

Некоторые исправления, сделанные Леной, я вычеркнул, чтобы не усугублять труды, поскольку речь шла о казуистических мелочах, но если Вы эти исправления все-таки сделали, то хорошо. Более всего меня смущают опечатки со значением — протез вместо протест, или ромен вместо ремень, и еще — выпавшие отрицательные частицы, но ничего такого в «Зоне», кажется, нет. Что же касается того, где ставить точку — внутри скобок или снаружи, то мне это абсолютно все равно. Вайль говорит, что у Довлатова — «волевая пунктуация».

Марина, если Вы помните Соломона Шапира, то у него недавно умерла мать. На еврейских обрядовых похоронах Соломон поругался с раввином, в частности, сказал ему: «Понаехало всякое говно из Ужгорода». Тогда раввин воздел руки и наслал на Соломона еврейские кары, но Соломон сказал по-английски: «Знаю я вашу

веру, электричеством в субботу пользоваться нельзя, а людей обжужливать можно...».

В газете «Новый американец» недавно запретили употреблять слово «свинина» даже в экономических статьях, хозяин Давидка сказал, что не надо травмировать читателя неприятными словами.

Наум Сагаловский пишет книгу: «Вечера на хуторе близ Лубянки».

Обнимаю и приветствую.

Синсирели энд вери трали йорс [искренне и глубоко преданный вам]

С. Довлатов.

## *Ефимов — Довлатовой*

*8 сентября 1982 года*

Милая Лена!

Очень бы хотелось помочь Вам. Но, как всякий нормальный эмигрант, я сильно боюсь финансовых бумаг, подписей, налогового управления, которое, по приказу нынешнего президента, собирается в ближайшее время выжать из уклоняющихся все недоплаченные налоги вместе с кровью и слезами. Кроме того, я совершенно не представляю, как именно должна быть написана такая бумага. Может быть, сделать так: Вы с чьей-то помощью готовите английский текст, посылаете его мне, а я уже решаю, грозит мне это чем-то или нет. Если нет — печатаю на своем бланке и подписываю.

Сереже передайте, что моя книжка ушла в типографию вслед за «Зоной» и что я благодарю его за всю проделанную работу (кое-что исправил по его пометкам).

Всех благ, всегда ваш,

Игорь.

P.S. А Карл не может написать такую бумагу? У него, по крайней мере, есть чеки на Ваше имя, подтверждающие факт работы.

Sept. 8, 1982

### TO WHOM IT MAY CONCERN

Starting September 1, 1981 Elena Dovlatova-Mechik is working for our Publishing Co. as a free-lance editor and proof-reader being paid on per page basis but not more than \$115.00 per week before taxes.

Igor Yefimov  
Director

## Ефимов — Довлатову

9 сентября 1982 года

Дорогой Сережа!

В последний момент вспоминал еще две назревшие проблемы.

**ПЕРВОЕ.**

Из разговора с Ржевским я узнал, что готовится большое русское сборище — чествование Седых. Я понимаю, что ни ходить туда, ни тем более торговать там нашими книгами Вам неохота. (Да и вообще не по чину это Вам — стоять за прилавком; кажется, с самого начала затея была утопическая.) Но нельзя ли найти мальчишечку, чтобы взял на себя это за 30% (10% — Вам). Мои девочки съездили в Детройт и перед киносеансом продали все же на сотню. А главное, хотелось бы ради рекламы. Там будет так много пишущей братии, что можно надеяться — кто-то раскачается дать заказ на набор (глядишь, и Лене перепадет), увидев наши яркие и безвкусные обложки.

**ВТОРОЕ.**

Назрела пора издавать книгу Неизвестного. У меня на нее уже набрались заказы. С ним все оговорено, план книги составлен. Будет примерно 30 репродукций с его гравюр к «Древу жизни» и 30 гравюр к Достоевскому. Осталось совсем немного: явиться к нему и в каком-то виде забрать их — в виде диапозитивов или копий или даже попросить фотографа переснять задешево-задешево. Мне очень не хочется ехать в Нью-Йорк ради одного этого. Не могли бы Вы как нью-йоркский представитель взять на себя? Если уж очень неохота с ним встречаться, не насиливайте себя — что-нибудь придумаем. Но если бы сделали, это была бы нам большая услуга.

Еще раз всем кланяюсь, дружески,

Игорь.

## Довлатов — Ефимову

15 сентября 1982 года

Дорогой Ингемар!

На юбилей Седыха я не только не хочу идти, но и вряд ли могу там появиться. Когда я полгода назад зашел в НРС, все сотрудники побледнели, Мила Шамкович покрылась коричневыми пятнами, а Бочштейн лишился дара речи настолько, что впоследствии, как человек, не лишенный благородства, вынужден был передо мной извиниться. На следующий день Седых называл это событие — «вчерашний триллер».

Далее. Гнида Валк сказал мне, что:

а. Возможно, там будут продаваться только литфондовские книги, а остальных книготорговцев не пустят.

б. Возможно, места для торговли будут платные.

Во всех случаях, там будет Гриша [Поляк] — как друг Литфонда, или — Оловянных («Лукоморье». Кстати, приличный человек), или Орликов с Валком. Кому-то из них я дам Ваши книги, и деньги с них получу сам. В том смысле, что никаких хитростей с их стороны не будет, и Вы получите 60%, а я — моральное удовлетворение, что меня вполне устраивает.

«Мальчишечки» же в нашем городе разъезжают в спортивных автомобилях, живут активной половой жизнью и носят на шее магендовиды размером с крендель.

Что касается моего «представительства», то в качестве торговца я, конечно, не силен. Я себя мыслил чем-то вроде полиграфического филиала, и надеюсь, что со временем Вы разрастетесь до того, что я смогу, по согласованию с Вами и за определенную мзду, выпускать какие-то симпатичные книжки, снабжать их обложками, предисловиями, комментариями, комплектом готовых (как положительных, так и разгромных) рецензий под разными именами и пр.

Рано или поздно я все равно что-то буду делать (и уже что-то делаю, лень рассказывать), поскольку есть машина, я умею верстать и минимально волоку в полиграфии.

Видно, у меня есть большое дарование к халтуре, потому что последние 10 недель пишу по три передачи на радио, трачу на эти три передачи 1 (один) воскресный день, и за последнее воскресенье написал 16,5 страниц, 7 — о Николае Клюеве, 5 — о телефонном обслуживании в СССР и 4,5 о фестивале на Брайтон-бич, на котором я не только не был, но даже не уверен, что он состоялся....

Ужас же моего финансового положения в том, что при среднем общесемейном заработке — 600 долларов в неделю, у нас, кроме маминого Эс-эс-ай [пособие по бедности], нет ничего стабильного, все может прекратиться в любую минуту.

Короче, я должен создать что-то зависящее только от меня... Однако штатную работу на «Либерти» — отклонил. Сейчас это уже невозможно — ходить каждый день на работу, тем более что единственный человек, нравящийся мне на радио своей приветливостью — А.Д., — является нацистом, его показывали по телевидению и писали о нем в газетах, так что старичок А.Д. даже на неделю ушел в подполье, сказав: «Эти евреи такие заядлые, могут прийти ко мне на работу и оскорбить меня...»

Что касается Неизвестного, то порядок действий, как я понимаю, таков. Нужно узнать, в каком виде у него существуют рисунки «Древа» и к Достоевскому (они могут быть — в виде оригиналов, слайдов, фотокопий, репродукций в каталогах и книгах о нем, и так далее). Затем, установив, что это такое, убедившись, что это линейная графика, не требующая фотостатов с растром, сделать либо уменьшенные копии в хорошем «Зироксе» (есть такая операция — «редьюст копи»), либо договориться с кем-нибудь из фотографов (боюсь, что это гораздо дороже, чем зирокс и даже фотостат, тем более что последний нищий фотограф — Нина Аловерт — подписала контракт на книгу о Барышникове и получила аванс — 10 тысяч. (П.Б. же не обсуждается, поскольку он украдет гравюры, не сделает фотографий и, кроме того, скажет Неизвестному, что мы с Вами гомосеки, агенты КГБ и ворует у Бродского метафоры и сюжеты.)

Сегодня же Эрнсту позвоню и все сделаю, если его безумие не выдвинет каких-либо помех.

«Зону» жду. Обнимаю всех.

Ваш С. Довлатов.

## *Довлатов — Ефимову*

*17 сентября 1982 года*

Дорогой Игорь!

Я говорил с **Неизвестным** — ситуация такова. Картинки к «Древу жизни» — штриховая, линейная графика — перо или жирный фломастер. Их можно отнести либо в хороший зирокс, где стоят огромные машины и копия стоит 50—60 центов, либо переснять с помощью фотографа, что гораздо дороже, я думаю — долларов пять, учитывая пленку и фотобумагу. Мне кажется, **Неизвестный** будет возражать против зироксов, он убедительно говорит, что репродукции должны быть хорошими.

Листы же к **Достоевскому** включают тоновые места, значит, во-первых, зирокс не годится, нужен фотограф + растровая сетка (фотостат) или — сразу фотостат с уменьшением.

Короче, я действую так. Из более-менее добросовестных людей, с которыми в принципе можно иметь дело, самый «дешевый» — **Марк Серман**, он, представьте себе, отлично фотографирует (как многие не выдающиеся кинооператоры). Я договарюсь с **Серманом**, поеду к безумному скульптору (кстати, насколько чудовищны его рисунки, настолько талантливы, мне кажется, его писания и устные рассказы), мы физически посмотрим, что это за листы, узнаем, нельзя ли долларов за 12 купить альбом всех этих репродукций (тогда можно пропустить их сразу через фотостат с уменьшением, минуя фотографа), **Марк** скажет — сколько стоит переснять то, что требует съемки (а именно, листы, которые есть только у самого **Неизвестного** и которые он не хочет выпускать из рук), затем я сообщу Вам объем работы, расценки и т.д.

Теперь вопрос — до какого размера уменьшать при пересъемке или копировании? До 5 на 8?

Если я что-то делаю неправильно, то есть, в неправильной последовательности — не пугайтесь. Я ничего не



буду предпринимать конкретного и ни на какие расходы не пойду, не получив от Вас указаний.

Значит — нудно повторяю — еду с фотографом к Неизвестному, смотрю материалы, узнаю, что можно выносить из дома, а что нельзя, после чего делаю калькуляцию и подробно сообщаю все Вам.

Лена Вашей справкой (насколько я знаю) не воспользовалась, получив аналогичную в каком-то другом месте, а Вашу — мы Вам для спокойствия вышлем следующим письмом, просто Лена сейчас гуляет с младенцем, который абсолютно прекрасен.

Всем привет и объятия,

Ваш С. Довлатов.

## *Ефимов — Довлатову*

*25 сентября 1982 года*

Дорогой Сережа!

С трепетом вкладываю в конверт сигнальный образец «Зоны»: примет ли Ваш утонченный вкус цвет обложки? Хотя все было точно оговорено и это тот самый цвет, в который Вы ткнули пальцем в книжке Зерновой, когда были здесь в гостях, все-таки тревожно: я верю в искренность Ваших эстетических терзаний и очень бы не хотел огорчить Вас. Ну?.. что?.. приемлет душа?.. Нет?..

Все остальное как будто в порядке: расположение текста на странице, формат, качество печати, бумага. Остальные 199 экз. придут медленной скоростью. Как Вы уже знаете, мы с Мариной едем в Вашингтон на конференцию и будем продавать книги направо и налево. Я рад этой книге. (Забыл в свое время написать, что из добавившихся кусков — отступление про лагерный язык — самый лучший.)

Спасибо за все хлопоты с Неизвестным. После Ваших писем и после разговоров с местными печатниками я понял, что единственный разумный вариант: просить у Эрнста оригиналы на три месяца. Что я и делаю в письме к нему. Если удастся, я постараюсь приехать на день из Вашингтона (между 14 и 17 октября), чтобы забрать их. Если нет — буду просить Вас осуществить эту операцию с тем, чтобы отправить все ко мне заказным-страхованным. Наверное, я не совсем ясно упомянул в своем письме, что все гравюры я видел у него, так что понимаю, о чем идет речь и что мне нужно.

У нас все нормально и спокойно. А вот наш друг Марк Подгурский так врезался во встречную машину, что его увезли в госпиталь, а машину — прямо на свалку (куплена всего три года назад новенькой). Но сам, кажется, отделался пустяками (сломанное ребро, стекло в глазу).

Всего доброго, поздравляю (все же грех жаловаться — выходит по книге в год), дружески,

Игорь.

## **Довлатов — Ефимову**

*4 октября 1982 года*

Дорогой Игорь!

Еще раз, теперь уже, так сказать — официально, на бумаге: огромное Вам и Марине спасибо, книжка, по моему, выглядит довольно симпатично, во всяком случае так, как мне хотелось, но даже всеобъемлюще ироничный Бахчанян, сам автор десятков обложек — похвалил и говорит, что похоже на русский авангард из собрания Костаки.

Ошибка единственная, пропущенная мной, Леной и мамой, на 60-й странице: «Америка для нас была подобно Карфагену или Трое...» А надо — подобна.

Я написал и сегодня буду читать передачу об Арановиче и его книге, она мне понравилась, хотя он ничего не нашел — ни барельефа с надгробья, ни — куда девалась Екатерина II.

С. Довлатов.

## Довлатов — Ефимову

14 октября 1982 года

Дорогой Игорь!

Я чуть было не прикатил в Вашингтон с Ильей Захаровичем [Серманом], главным образом для того, чтобы заверить в Сов. представительстве некоторые бумаги (моя мать получила наследство в Союзе), но по разным причинам эта поездка откладывается. Тем не менее я счел целесообразным отправить в багажнике машины, везущей Сермана, продукцию Эрнста Неизвестного.

1. Дело в том, что альбом его рисунков чрезвычайно тяжел и громоздок, обыкновенная посылка не годится, там какие-то лимиты на объем, нужно обращаться в какое-то другое, неизвестное мне учреждение, что-то вроде «Московской-товарной», где отправляют рояли и диваны. И стоило бы это дороже. Короче, я решил сунуть это в багажник, как следует упаковав, и отправить в расчете на то, что Илья Захарович, разумеется, к этому тюку не прикоснется. Вы, очевидно, на машине, книги распродадите и увезете чемодан.

2. Неизвестный взял с меня расписку в получении всех этих материалов, и поэтому я Вам их для порядка перечисляю:

а. Альбом из 29 листов.

б. Толстая книга.

в. 40 (сорок, подсчитайте) литографий.

г. Зирок общего вида «Древа жизни».

3. В Нью-Йорке вышел и довольно бойко продается бульварный журнал «Петух», который выпустил некий Консон, а верстку и оформление делал я. Посылаю Вам 40 экземпляров. Если захотите их продавать — желательно получить как минимум 1 доллар с экземпляра, два остаются «Эрмитажу». Причем так: 30 экземпляров положите на продажу, а 10 можете, если Вам не трудно, раздать симпатичным людям — славистам, вдруг подпишутся. Аксенову я выслал экземпляры по почте, Суслову

передал в руки. Так что, им не давайте, лучше — американцам.

Надеюсь, Вас не очень затруднит то, что Неизвестный прибудет не домой, а в Вашингтон, а также — возня с журналом.

Получил несколько одобрительных отзывов на «Зону» — от Копелева, Виктора Германа (это американец, просидевший 20 лет на Колыме) и от других, менее выдающихся товарищей, кстати, и Серман, в общем — похвалил. И Петя с Сашей. Любопытно отметить, что я послал книжку в 38 адресов, трем американцам и 35 — русским, письменно меня поблагодарили три человека: Виктор Герман, Анн Фридман и Эндрю Вайле — все трое американцы. 35 соотечественников, естественно, молчат.

Привет Марине, деткам и всем общим знакомым. Подтвердите каким-то образом получение груза.

Обнимаю.

С. Довлатов.

\* \* \*

## *Довлатов — Ефимову*

*Ноябрь 1982 года*

Игорь!

Я отослал «Зону» более чем по 50 адресам (людям, которые сами все равно не купили бы и не заказали — писателям и мыслителям), человек шесть, включая такого умного дядьку, как Дональд Фини, обещали написать рецензии, хвалили больше других — Копелев, Эткин... Обругал (пока) один Гладилин, сказал, что мало дерзости и нет «бешенства эксперимента». С.

## Довлатов — Ефимову

9 ноября 1982 года

Дорогой Игорь!

Посылаю Вам очередную халтуру на тему «Эрмитажа» [радио-скрипт «Русский политический детектив»]. Качество низкое. Единственный смысл этих передач (для Вас, поскольку я получаю за это 100 долларов) в том, что они широко обсуждаются в Союзе. «Свободу» поймать очень трудно, гораздо труднее, чем «Голос» и «Бибиси», но все равно, стоит одному человеку услышать, и назавтра все Ваши друзья в Москве и Ленинграде будут об этом знать. Я переписываюсь с 5—7 людьми в СССР и убедился, что передачи доходят, тем более что их повторяют, как правило, два-три-четыре раза.

Пусть Вам не покажется беспринципным то, что я написал об «Архивах» в связи с расхождением этого текста и предыдущих оценок, наоборот, я веду себя очень принципиально, принцип же заключается в том, что изнутри, по-товарищески, можно все обсуждать и говорить неприятные вещи, но вовне, наружу — следует представлять друзей в лучшем свете, поскольку все мои друзья заведомо и окончательно гениальные, и сомнение в этом я могу выражать только в разговоре с этими самыми друзьями. И наконец, для посторонних я не хочу сравнивать Ваш детектив с «Бесами» и «Преступлением и наказанием», что же касается детективов Тополя с Незнанским, и тем более — Любина, то Ваша книга в 4 000 000 раз лучше, хотя бы одним лишь отсутствием пошлости.

Далее. Если Вы хоть как-то заинтересованы в регулярном освещении новинок «Эрмитажа», присылайте мне, пожалуйста, новые книги, скажем — Елагина, я их присваивать ни в коем случае не буду, а лишь (очень бегло и аккуратно) перелистаю, а затем присовокуплю к небольшим залежам ваших книг, которые у меня хранятся и к которым я уже присовокупил Арановича, Озерную и т.д.

Короче, вышлите 2—3 последних книжки, они будут освещены и возвращены.

Я разослал около ста (может, больше) экземпляров «Зоны», получил как формальные, так и не формальные отзывы, двое американцев договорились со славистскими изданиями о рецензиях и т.д.

Ваша мама всем понравилась, а ее комплименты относительно «Зоны» доставили мне много радости, я воспринял Анну Васильевну в качестве прообраза широкой читательской аудитории.

Книга Вайля и Гениса [«Современная русская проза»], когда я ее перечитал уже в виде книги, понравилась мне меньше, чем в виде статей и отдельно взятой фактуры, жанр и категория ее все же очень неясны, в комментариях и справках заметен произвол и т.д. Не говоря о том, что книгой будут недовольны все пишущие люди, как бездарные, так и даровитые, даровитых они критикуют, а бездарных не упоминают. И вообще, чего стоит одна справка насчет Люды Штерн — «Л.Штерн, 1935 г. р. — пишет в традициях молодежной прозы...»

Но сделана (Вами) книжка очень хорошо, а облик книг становится все лучше, включая «Архивы», небось не дали свою фотографию бледно-розового цвета, это все мое влияние.

Как там наш «Петух»? Консон говорит, что журнальчик продается по нынешним временам не так уж плохо, тысячи полторы он распродал.

Всем привет. Обнимаю.

С. Довлатов.

## *Ефимов — Довлатову*

*15 ноября 1982 года*

Дорогой Сережа!

Спасибо за рекламу. Жалко лишь, что эти передачи, отзвучав, исчезают в межзвездном пространстве. Нельзя ли использовать их более эффективно? То есть, после радио посылать еще и в журналы или газеты («Континент», «Посев», «НРС», «Русская мысль»). Я знаю, что в рецензиях всегда нехватка. (Если решите попробовать, исправьте на 4-й внизу: «Архивы...» названы «Как одна плоть».)

Посылаю две наши новые книжки — Елагина и Армалинского. Рецензент получает их в подарок в личную библиотеку.

Жаль, что Вам не понравилась «Совр. русская проза». Нам она до сих пор нравится, и это тем более парадоксально, что главное внимание в ней уделено авторам, которых я просто не переношу — Синявскому и Зиновьеву (последний просто скучный и бездарный шут, с таким не дай Бог оказаться вместе в купе поезда), а писатель Ефимов существует лишь в подстрочных примечаниях. Вы сочувствуете Люде по поводу «справки», а она, не зная того, уже оплатила Вам за это псевдосочувствие, говоря: «Ну как это было можно сравнить Сережу с пятаком, который всем нравится». (От червонца — какая инфляция!)

С «Петухом» не знаем, что делать — это совсем не наша епархия. В Вашингтоне продали один экземпляр его, а кому еще предлагать — не знаем. Да и сил нет этим заниматься. Мои девочки читали — не смеялись.

И наконец, самое главное: движется ли повесть «Заповедник»? Хотя бы в уме? Хотя бы в смутных планах? Для подстегивания: уже идут заказы на нее.

Спасибо за хлопоты с моей маманей, она заболела Нью-Йорком.

Всего доброго, приветы родне,

Ваш Игорь.



## Довлатов — Ефимову

17 ноября 1982 года

Дорогой Игорь!

Посылаю Вам для архива 2 рецензии [на книгу «Зона»], одну (совершенно беспомощную, по-моему) написал Эйкалович под псевдонимом — Валин и послал ее Роману Гулю, который безусловно рецензию не напечатает. Я посоветовал в случае неудачи передать в «НРС», поскольку Седых сделал за последнее время несколько миролюбивых жестов, короче — там будет видно. Вторую написал профессор из Теннеси — Дональд Фини по договоренности с «Славик ревью», она получше и с некоторым пониманием. Между прочим, он коммунист, друг Воннегута и Мейлера, но в личном общении симпатичный и добродушный человек.

Обнимаю вас всех. Как идут дела?

Нас с Леной судят за те 10 000, которые мы брали для Меттера и которые успели превратиться в 12 600. Суд мы безусловно проиграем. Меттер — жуткий негодяй.

Ваш С. Довлатов.

## Ефимов — Довлатову

20 ноября 1982 года

Дорогой Сережа!

Все же рецензии неплохие. У Фини очень профессионально написано, и «Славик ревью» — читаемый журнал. У Эйкаловича очень трогательный конец («Эх, жаль мало страниц!»). Рано или поздно где-нибудь он ее пристроит.

Кстати, забыл написать в последнем письме, что сравнение моих «Архивов...» с «Гиперболоидом...» справедливо и правомочно, но я-то предпочел бы, чтобы меня сравнивали с Ле Карре и Грэмом Грином. Хотя, при Вашем равнодушии к детективам, Вы их небось и не читали?

Ваша тяжба по поводу 12 000 дол. — это кошмар какой-то. Как Вы могли поддаться Меттеру и влезть в такую аферу? Единственное утешение в этой истории: что американский закон не дремлет и обдурить дядю Сэма все еще не так просто.

Наконец, самое главное.

Меня попросили выступить в столице штата на митинге «Эмнисти Интернэшнл». Я собираюсь говорить о Рогинском и Азадовском. Не пришлете ли мне копии тех материалов, которые были о них в «НА». У Вас ведь, кажется, хранятся полные подшивки? Не осталось ли в редакции фотографий? Может быть, я успел бы увеличить их здесь и превратить в плакат. Если это затруднительно или очень плохо со временем, дайте знать. Я тогда попробую найти в местных библиотеках.

Вчера ездили в Детройт, смотрели фильм про Высоцкого. Интересно было увидеть на экране знакомых знаменитостей. Две истории там особенно запомнились: как Высоцкий приехал в 2 часа ночи к Аксенову в пору травы и предложил ему 1000 рублей в подарок, чтобы он «не менял свой образ жизни»; как он недели мучился из-за того, что обожаемый им киноактер Чарльз Бронсон, к которому он кинулся на веранде отеля, сказал, не оборачиваясь: «Го эвэй» [Go away = пошел прочь]. Фильм

возит Палей и, кажется, неплохо зарабатывает, зал был полон. Это не тот ли, который химичил с телевидением в Нью-Йорке?

Ночевали в шикарном новом доме у Либерманов, от них Вам большой привет.

Ну, и... «Заповедник»? Может быть, мне следует вогнать Вас в кабальную ситуацию, наподобие той, в которой был Достоевский с «Игроком»?

Да, еще: увидел сборник стихов и песен Высоцкого, изданный под редакцией А.Львова в издательстве «Литературное зарубежье» (Нью-Йорк) в 1981 году, директор — Берест. Это они всерьез? Издали что-нибудь еще?

Всех благ, победы в суде,

Ваш Игорь.

## Довлатов — Ефимову

24 ноября 1982 года

Дорогой Игорь!

Книжки (Елагина, Армалинского) получил, обе довольно хорошо выглядят, Елагин — лучше, по-моему, о Елагине я обязательно сделаю передачу, об Армалинском же писать — рука не поднимается, и стихи гнусны, и сам — поганый человек, да еще и в суд на меня хотел подать из-за какой-то непостижимой ерунды — кусок обложки его книги был воспроизведен в «НА», подоплека же — ущемленное самолюбие, короче, ну его к черту, а Елагин вполне пристоеен и даже, говорят, алкоголик. Еще одна просьба, я давно вставил в заявку книгу Суслова «Дорога к морю» (?), не могли бы Вы ее прислать, причем довольно быстро, передачу я сдаю через три с половиной недели, надо было раньше попросить. Книгу верну, как, впрочем, и Елагина с Армалинским. Суслов уже заявлен, если не пришлете, придется ехать в магазин «Черное море» или в «Руссику», кстати, почему ни «Зоны», ни «Архивов» в «Черном море» нет?

Радио-скрипты эти я решительно не представляю, где бы можно было напечатать («НРС», «Континент», «НА», «НГ», — все это отпадает). Кроме того, уж очень поспешно и банально они написаны, для эфира еще как-то сходит, а для вечности — позорно, если же под псевдонимом, то спросят — почему? Зачем посылаешь то, чего стыдишься? И т.д. Надо подумать, а лучше всего было бы — улучшить качество радиопередач, но тогда они сожрут все мое время, я сейчас делаю по 3—4 штуки в неделю. Кстати, к Новому году мне заказали большое (на полчаса) обозрение издательских дел, я Вам специально буду звонить, советоваться.

Книжка Вайля и Гениса мне нравится, даже очень нравится, но меньше, чем нравилась в рукописи, все-таки это не книга о русской прозе, а сборник статей, многие из которых кажутся мне замечательными, напри-

мер, о Владимове, но предмета целиком книга не охватывает, и не всегда есть соразмерность фигур, а то, что Вы не только занялись этой книгой (при явном невнимании авторов к Вашему творчеству), но и любовно ее редактировали, очень даже всеми отмечено и, более того, несколько поразило самих Вайля и Гениса. Мне очень нравится их стиль, их манера, и наши вкусы часто сходятся, но они до сих пор не понимают, что я нахожу в прозе Ходасевича (благородство личности) и за что презираю Мамлеева. То, что они всерьез пишут о Юрии Милославском, например, а Вас, как Вы тонко подметили, упоминают в двух сносках, очень показательно. Они от меня, от первого, услышали, что Лев Толстой — хороший писатель, и одобрили «Хозяина и работника» лишь после того, как я час рассказывал и комментировал содержание.

Я хорошо знаю, как Вайль и Генис читают и оценивают книги. Петя открывает неведомую ему дотоле книгу на 234 странице и говорит: «Смотри, Саня, тут написано — его щеки отливали синевой, какая банальность...» После чего они захлопывают книгу, навсегда причисляют автора к бездарностям, и выше сноски этому автору уже не подняться.

Тем не менее их книги тоже есть в моей заявке, и Вы увидите, как бешено я буду их хвалить в своей передаче, на 95% — искренне.

В «Русской мысли» был кусок про Владимова, там Ваша реклама, и еще — дописано три абзаца про «Зону», с похвалой.

«Петух» выбросьте к черту. Конечно, это — говно, задумано как бульварный листок, чтобы заработать деньги. Кроме того, мне хотелось исчерпать шанс, убедиться, что бульварный журнальчик тоже не рентабелен, однако он продается, и, к сожалению, придется продолжать. К сожалению — потому что возни много, а приносит все это — гроши, да и партнер (Консон) — несомненная гнида. Но бросать его — неудобно, сам же я его втравил и т.д.

25 ноября. (Продолжаю).

«Заповедник» пока не движется. Не пугайтесь. Литературные дела обстоят так. Я закончил такую семейную хронику, под названием «Наши», это история семьи + политика, война, государство и некоторая философия жизни. В общем, через семью показаны более крупные вещи. Я давно уже пишу это все, и сначала мне очень не нравилось, а потом я вдруг написал три более удачные главы: про отца, про брата и про Лену. И все это дело несколько выровнялось. Во всяком случае Петя и Саша говорят, что это — явно лучшее из написанного мной. Примерно то же говорит и Серман.

Дальше. Месяца четыре назад в Бостоне Карл с некоторой обидой заговорил о моих дальнейших изданиях. Я тогда сказал ему, что скоро будет готова книжка про семью, и я ему пришлю рукопись. В то время книжка мне не нравилась, и я решил, что Карл ее будет держать три года, а я как бы обижусь, и тогда вроде бы он будет передо мной виноват, книжка ему не понравится, но прямо он об этом не скажет, и, в общем, все будет хорошо. Я, действительно, не очень хочу издаваться в «Ардиесе» хотя бы потому, что мне неудобно просить Карла о двух корректурах, кроме того, я предвижу, что будет много непунктуального, а значит — нервного и мучительного. И вот теперь: Карл болен, книжка готова, но она не так плоха, и отдавать ее в неизвестность, только для того, чтобы формально что-то соблюсти — мне не хочется. Короче, я написал Эллендее письмо с вопросом, занимаются ли они новыми изданиями, и с просьбой — прямо и недвусмысленно мне ответить — что и как. Я надеюсь, что она захочет отложить наши переговоры или вообще освободит меня. Тогда я сразу пришлю Вам рукопись — ознакомиться.

Может, Вам это понравится больше, чем «Заповедник», и Вы захотите сначала повернуть эту книжку, она небольшая, 110—115 страниц (я еще не перепечатал до конца), а заказчики (даже если их больше трех) не прогадают. Если же этот вариант почему-либо исключен, или

если Эллендея попросит дать рукопись ей (надеюсь, что этого не случится), тогда я сразу берусь за «Заповедник», и за 2—3 месяца его добиваю. Времени, конечно, очень мало, я сижу с 6 утра до ночи: радио, «Петух», младенец Коля, папаша и т.д., но я все сделаю, как смогу — быстрее и лучше.

Рецензия Фини будет не в «Славик Ревю», я ошибся, а в каком-то «Ист еуропеан джорнел». Что-то в этом роде. Писал я Вам, что Фини — коммунист? Когда-нибудь расскажу о наших фантастических беседах...

Ле Карре я читал («В одном немецком городке»), но не помню там никаких элементов фантастики, детективов Грина я не читал, лучшее у него, по-моему — «Путешествие с тетей», это невероятно смешная книга. Не исключено, что А.Толстой был талантливее и того, и другого.

Подшивки «НА» у меня нет, дней пять назад я отвез весь комплект — к переплетчику, и вернут мне все это 15 декабря, это будет громадный том, с которого практически невозможно снимать копии. В редакцию «НА» обращаться бесполезно, я был единственным аккуратным человеком в коллективе, сейчас там ничего нельзя найти, попытайтесь позвонить Пете и Саше, комплект «НА» есть и у них (я им подарил в свое время, полный комплект, 118 номеров, вплоть до моего ухода). Фотографию Рогинского я не представляю себе, где можно раздобыть, а Костино [Азадовского] фото должно быть у Людки, хотя и у меня, кажется, есть, сейчас пороюсь в папках.

Нашел, посылаю.

Палая я знаю мало, видел два раза. К радио он отношения не имеет, там действовали Эмик и Юлик, два опереточных проходимца. Палей — один из «ближайших друзей Высоцкого», куда входят М.Сорокин, П.Леонидов и еще какой-то Валерий. Я их прозвал «Дети лейтенанта Шмидта». Шемякина тоже иногда называют в печати: «Ближайший друг Высоцкого художник Шемякин...»

Чарльз Бронсон — совсем однообразный актер, вроде туркменского Жана Габена, и еще напоминает Мишу Демиденко.

Кто такие Либерманы, в новом доме которых Вы ночевали, я не знаю. Уж не редакторы ли «Вога»?

Берест, действительно, год назад выпустил книгу Высоцкого под редакцией Аркадия Львова, но самое поразительное, что это — другой Аркадий Львов, совершенно другой человек, но тоже Аркадий Львов, и тоже некультурный, поскольку в сборник под его редакцией вошли почему-то тексты Вознесенского («Ода сплетникам»), Городницкого, Апухтина, Аполлона Григорьева и еще невесть кого. Текстов же Высоцкого слишком много, так что не все замечательные. У меня эта книжка есть, подарена Берестом. Могу отдать Вам.

На этом закругляюсь. Уже 2 часа ночи. Простите за сумбур и стилистику. Нет сил.

Всем привет.

Ваш С. Довлатов.

P.S. Мальчик Коля очень скрашивает жизнь, тем более что Катя около года не здоровается со мной.

Всех обнимаю. С.



## *Ефимов — Довлатову*

*30 ноября 1982 года*

Дорогой Сережа!

Книгу Суслова посылаю немедленно первым классом. Вкладываю туда же книгу Поля Дебрецени — Вам хорошая практика в английском чтении, да и про нее можно вернуть несколько слов на радио.

Сережа, наши игры с Ардисом чем-то напоминают чемберленовские хитрости в политике или ялтинскую конференцию. Я двадцать раз объяснял Вам, что одна из главных причин моего с ними раздора была их страсть подгрести под себя все рукописи, до которых дотянется рука, а потом сидеть на них, не печатая. То же будет и с рукописью «Наши». Предлагаемый Вами план был бы убийством моей репутации в мире славистской профессуры. «Этот, Ефимов-то, мало того, что предал своего благодетеля Проффера, так теперь еще и от тяжело больного и заживо продолжает рвать куски: вот книгу Довлатова отнял». За что Вы хотите меня вогнать в такую ситуацию? Неужели Вы не видите, что, написав Эллендее, Вы практически отрезали этой книге путь в «Эрмитаж»? И ради чего? Ради всех этих никому не видимых «тут я как бы обижусь и...»?

Конечно, если бы не было всех этих привходящих обстоятельств, я бы с удовольствием напечатал семейную хронику после «Заповедника». Или даже под одной обложкой. Теперь же подавайте мне окончание «Заповедника» — и никаких! Времени у Вас еще предостаточно, в крайнем случае немного отложим выход. А о «Наших» будем говорить лишь тогда, когда Вы получите от Ардиса ясный и недвусмысленный отказ.

В «Черном море» нет наших книг, потому что, задолжав с лета за Лунгину, они ничего больше не заказывают.

Либерманы — это Костя и Люда, те славные толстяки, которые привозили вас с Меттером к нам после выступления в Детройте.

Всего доброго, дружески,

Игорь.

## Довлатов — Ефимову

14 декабря 1982 года

Дорогой Игорь!

Простите, что не сразу отвечаю, как-то вдруг соединилось множество дел. Книжки получил, огромное спасибо. Передача о Сулове запланирована. С Дебрецени — сложнее, чтение по-английски все еще мука для меня.

Что касается «Наших» и Ардиса, то это не игры, как Вы обозначили, а привычная для меня неловкость в отношениях почти со всеми людьми, начиная с Люды Штерн и кончая Альфредом Кнопфом, который, между прочим, жив, первый раз был женат в 1914 году, второй раз женился в 1967, а про нынешнюю литературу сказал:

«Сейчас уже невозможно написать столь плохую книгу, чтобы ее нельзя было бы где-нибудь издать»...

Видно, я зря пустился в детали и откровенности, любой нормальный человек написал бы Вам следующее:

«Недавно я закончил новую книжку, которую еще осенью обещал Ардису. Если Ардис по каким-то причинам не станет ее издавать, я буду обращаться к другим издателям, и в первую очередь — к Вам. Что же касается «Заповедника», то он еще не готов, но я берусь за него 1-го января, и уверен, что за три месяца все сделаю...». И так далее.

Я уже говорил Вам, что Карл сыграл в моей жизни однозначно положительную роль, неоднократно выражал мне и Лене свое расположение, все неприятное о нем я знаю лишь с Ваших и Лешиных слов, что же касается меня самого, то единственное негативное ощущение — это чувство неловкости при общении с ним и в особенности — с Эллендеей, неловкости, испытываемой мною почти всегда и почти со всеми.

Никогда ни от одного американского слависта (а я переписываюсь и общаюсь реже или чаще с 20—25 профессорами) я не слышал о Вас ни одного дурного слова. Более того, сам Карл ни единого неодобительного сло-

ва о Вас мне не говорил, либо потому, что не считает меня достаточно близким знакомым для такого рода жалоб, либо потому, что ощущает, как болезненно неприятен мне был бы такой разговор, либо, наконец, просто ведет себя благородно.

Аню Фридман я пока не видел, она живет в часе езды от нас, но изредка мы говорим по телефону. Я сказал про Вашу книжку, но Аня заявила, что даже прочесть сейчас ничего не может, и это, наверное, правда: у нее грудной ребенок, и она чрезвычайно задерживает даже ту работу, которую выполняет по контракту с издательством за деньги, уже ею полученные. Мы все ее очень любим, она замечательно переводит, но она, например, скрыла от меня, что Кнопф уже месяца четыре просит ее написать развернутую заявку на «Зону», и Аня лишь сейчас берется за эту работу.

Ради Бога, не подумайте, что я зажимаю «своего» переводчика. Могу, если хотите, сообщить ее адрес, телефон и пр.

Недавно я получил 3 письма из Союза, без цензуры, через французское посольство — жизнь там совершенно ужасная. При встрече расскажу.

Расскажу и о суде надо мной и Леной по поводу 12 600 долларов. Суд еще не кончился и будет тянуться месяца три, я думаю, но уже сейчас это — интереснейший и ценнейший опыт в смысле познания Америки.

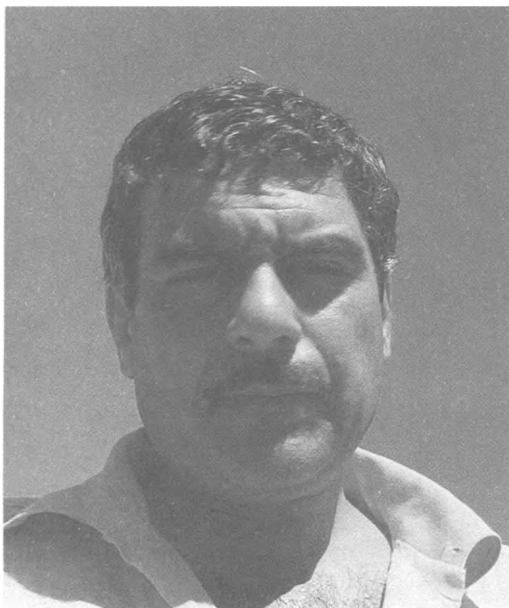
Будьте здоровы. Привет Вашим дамам, Наташе, матушке. У нас все более-менее прилично. Мальчику Коле я придумал длинное выразительное прозвище:

«Круглосуточно работающая маленькая фабрика по производству положительных эмоций».

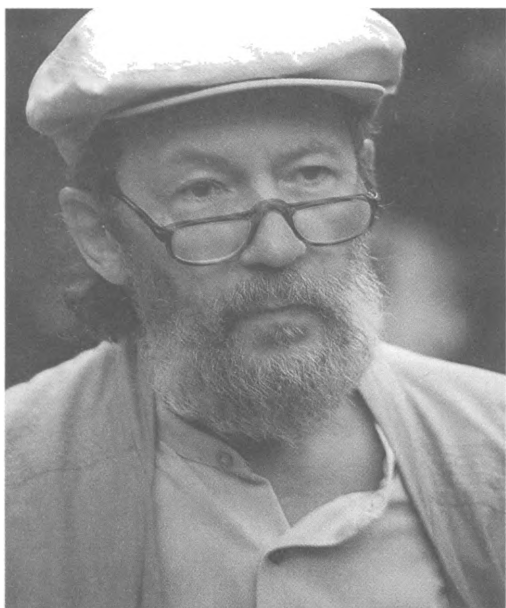
Да, хотите пари на 10 долларов? Держу пари, что Вы не сможете при хотя бы одном свидетеле прочесть Марине вслух стихотворение Армалинского, опубликованное на 23 странице его сборника!

Всех обнимаю.

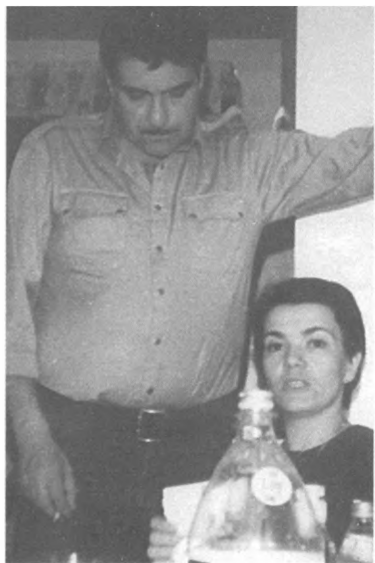
С. Довлатов.



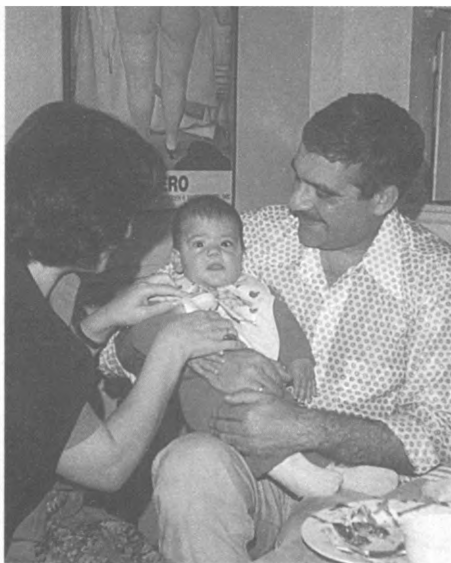
*«Так ли я прекрасен, как утверждает молва?» —  
написано на обороте этой фотографии Сергея Довлатова.*



*Игорь Ефимов, 1999 год.  
Фото Марка Подгурского.*



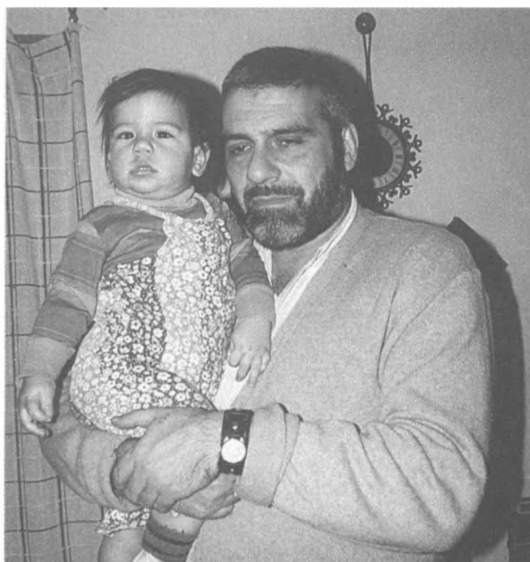
*Сергей Довлатов и его жена  
Лена. Нью-Йорк, 1980 год.*



*Довлатовы с сыном Колей.  
Нью-Йорк, 1981 год.*



*С Евгением Рубиным в редакции «Радио Свобода». Нью-Йорк, 1980 год.  
Фото из архива Евгения Рубина.*



*Довлатов с сыном Колей в 1982 году и в июле 1984 года  
в доме Бланков в Тинке, Нью-Джерси.*



*Игорь Ефимов, Сергей Довлатов и Валентин Турчин  
в доме Ефимовых в Энглвуде, Нью-Джерси. Весна 1985 года.*



*Игорь Ефимов в гостях  
у ссыльного Бродского  
в деревне Норенское.  
Октябрь 1964 года.  
Фото Якова Гордина.*



*Иосиф Бродский в доме Ефимовых  
в Мичигане, 1992 год.*



*Бродский в ссылке. Октябрь 1964 года.  
Фото Якова Гордина.*



*Спустя четверть века Яков Гордин вновь сфотографировал Бродского и Ефимова. Энглвуд, Нью-Джерси. Март 1990 года.*



*Яков Гордин, Игорь Ефимов, Иосиф Бродский и Анатолий Найман. Нью-Йорк, март 1990 года.*





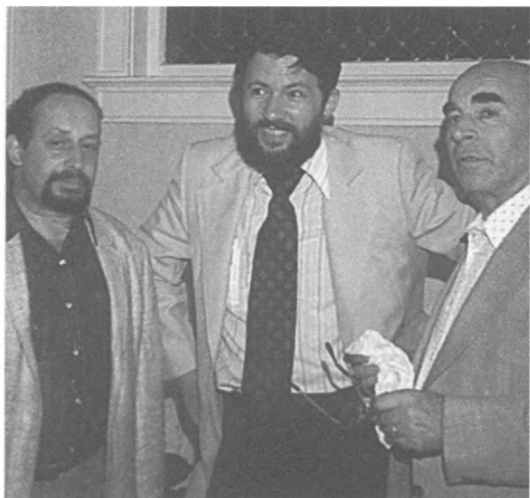
*Эрнст Неизвестный.  
Нью-Йорк, 1982 год.*



*Илья Сулов.  
Вашингтон, 1982 год.*



*Евгений Рубин и Павел Палей. Нью-Йорк, 1980 год.  
Фото из архива Евгения Рубина.*



*Михайло Михайлов, Игорь Ефимов и Марк Поповский. Вашингтон, лето 1980 года.*



*Эллендея Проффер. Мичиган, 1979 год.*



*Дмитрий Бобышев и Ефим Славинский, 1983 год.*



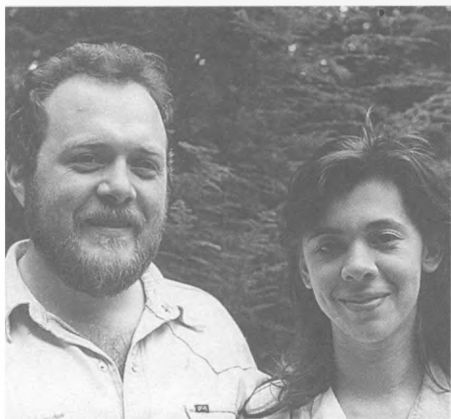
*Карл Проффер. Мичиган, 1978 год.*



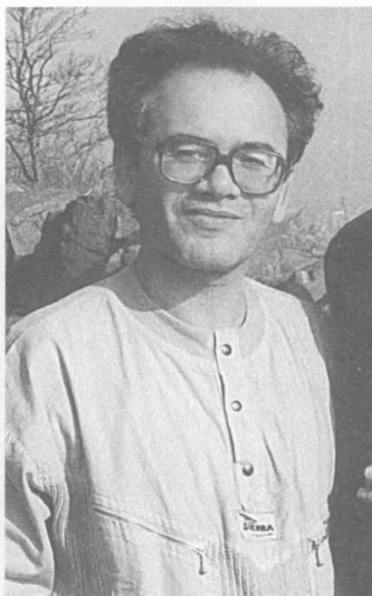
*Людмила Штерн в Москве  
в 1990-е годы.*



*Виктор Соснора (справа) в гостях  
у Ефимовых в ноябре 1987 года.*



*Миша и Ксана Бланк, 1986 год.*



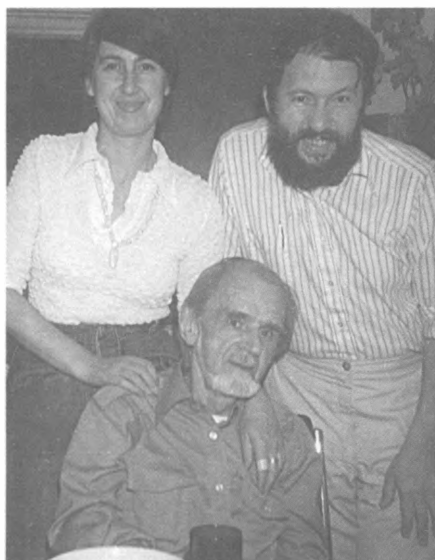
*Александр Кушнер  
у Ефимовых в декабре 1987 года.*



*Марианна и Соломон Волковы и Петр Вайль.*



*Лев Поляков, Анатолий Найман и Ася Пекуровская,  
первая жена Довлатова, в гостях у Ефимовых в сентябре 1988 года.*



*С Кириллом Косцинским.  
Мичиган, 1980 год.*



*Лев Лосев, 1983 год.*



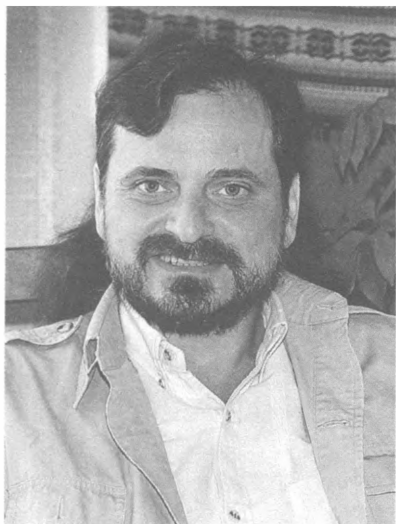
*Мария Розанова, Павел Литвинов и Андрей Синявский.  
Фото Марка Копелева.*



*Владимир Максимов.*



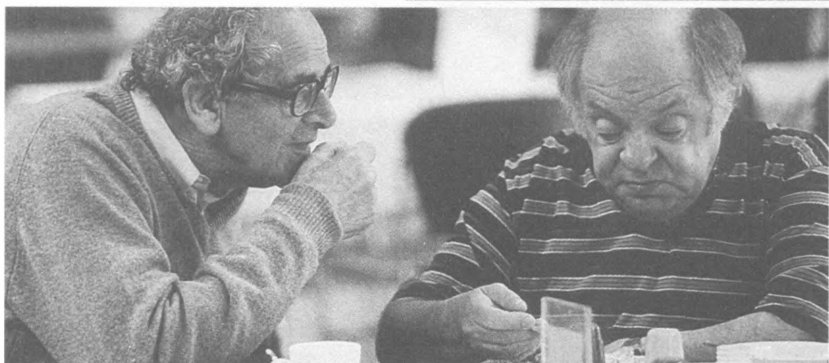
*Константин Кузьминский.  
Фото Марка Копелева.*



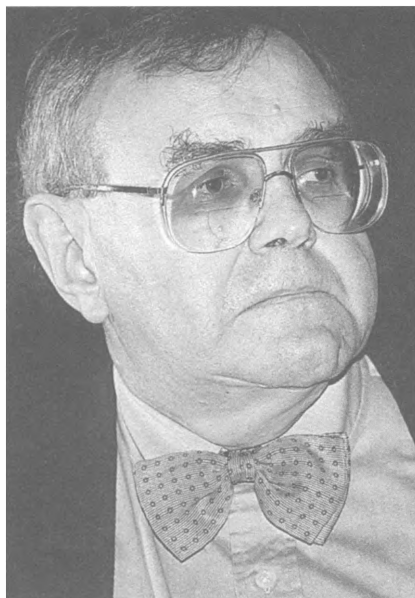
*Александр Генис.  
Фото Марка Копелева.*



*Петр Вайль.  
Фото Марка Копелева.*



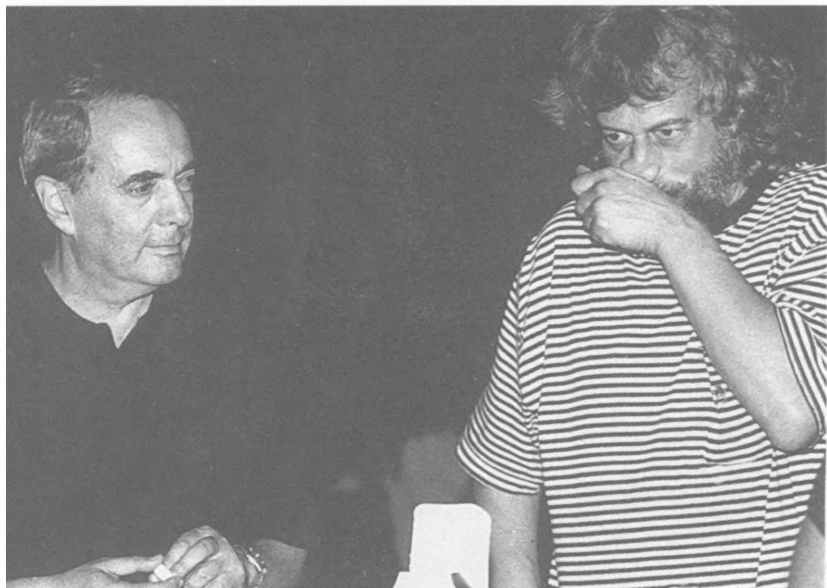
*Ефим Эткинд и Наум Коржавин.  
Фото Марка Копелева.*



*Борис Парамонов.  
Фото Марка Копелева.*



*Диана Виньковецкая.  
Фото Марка Копелева.*



*Анатолий Найман и Владимир Гандельсман.  
Фото Марка Копелева.*



*Андрей Седых,  
писатель и журналист.*



*Роман Каплан, владелец ресторана  
«Русский самовар» в Нью-Йорке.  
Фото Марка Копелева.*

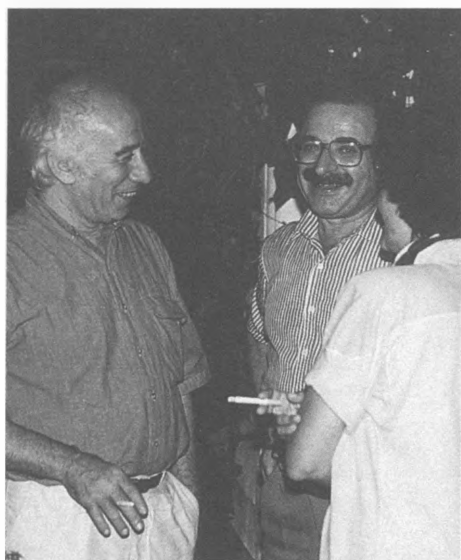


*Виктор Ерофеев и Василий Аксенов.  
Фото Марка Копелева.*



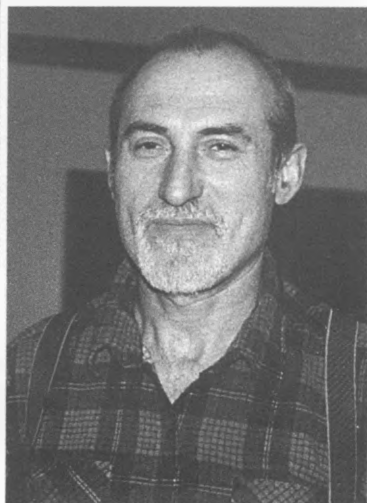


*Ефимовы с Аркадием Львовым, Владимиром Войновичем  
и Валентином Турчиным в Нью-Джерси в 1997 году.*



*Художник Вагрич Бахчанян  
и писатель Григорий Рыскин;  
лето 1990 года.*

*Художник Давид Мирецкий  
на своей выставке в 1990 году.*





*Вика и Миша Беломлинские  
у Ефимовых в Нью-Джерси  
в 1989 году.*



*Евгений Рейн с женой Надей  
у Ефимовых в Нью-Джерси  
в ноябре 1989 года.*



*Профессор Илья Захарович Серман,  
его жена Руфь Александровна Зернова, Марина Ефимова  
и Борис Парамонов летом 1990 года.*



*Валерий Попов  
в гостях у Ефимовых в Америке  
летом 1990 года.*



*Ефим Эткинд и Игорь Ефимов  
на Пушкинском симпозиуме  
в университете Индианы  
в июле 1998 года.*



*С Марамзиным и его женой Викой в Америке в сентябре 1999 года.*

## Довлатов — Ефимову

16 января 1983 года

Дорогой Игорь!

1. «Заповедник» активно переписываю, готово уже страниц тридцать пять, хотелось бы ко 2 апреля — закончить. Короче, я действую.

2. Недавно случайно перечитал с большим и принципиальным удовольствием Ваши «Записки книгочех». Как интересно, что при Вашем явном неприятии Розанова и Синявского, оптимальной для Вас и для них является схожая форма, а именно — свободное парение интеллекта. (Разумеется, я говорю только о форме.) Впечатление же у меня от «Записок» однозначное — «молодой, а какой умный...». Не могу не добавить (в качестве ложки дегтя), что слово «книгочех» ушло из русского обихода лет сто назад, надев онучи, запахнув поддевку и нахлобучив треух... Как просто и хорошо звучит: «Записки читателя»!

3. Я получил письмо от Игоря Смирнова (не еврея и писателя с большим носом и псевдонимом «Иг», а от Гаги, дружка Валеры Попова). Там есть некоторые любопытные сведения, а также — дело к Вам. Адрес Игоря:

Mr. Smirnov, <...>, München, West Germany.

Если Вы почему-либо не захотите ему ответить, то дайте знать. Я напишу ему сам и передам Ваш ответ.

4. Посылаю Вам второй номер «Петуха», который вышел в конце декабря, посылаю просто так, обратите внимание на полиграфию, а ведь у меня нет даже монтажного стола, единственное орудие — бритва. Журнал продается, окупается, а с третьего номера начнет улучшаться. Пока, к сожалению, журнальчик дрянной. Но это — единственный путь сейчас.

5. В Париже с февраля начинает выходить ежемесячный журнал «Европеец», которым заправляют Синявские, Шрагин, Турчин и Чалидзе, формат и объем «Посева».

Надеюсь, у Вас и у Ваших женщин все хорошо.

Коля вырос настолько, что подходит к моему столу, берет мои вещи и кидает на пол.

6. Как в добрые старые времена посылаю Вам два своих рассказа. Может, у Вас найдется время их прочесть. Один рассказ про моего брата, другой про Лену. Печататься мне по-русски негде, либо я сам не желаю, либо меня не хотят, а книжка выйдет неизвестно когда, так что прочтите в рукописи. Когда-нибудь, при случае, сообщите Ваше мнение, которым я по-прежнему чрезвычайно дорожу.

Обнимаю.

С. Довлатов.

## *Ефимов — Довлатову*

*21 января 1983 года*

Дорогой Сережа!

То, что «Заповедник» движется, — замечательно. Будем ждать.

Рассказы прочитал сразу (а это, согласитесь, верный знак отношения читателя Ефимова к писателю Довлатову). Оба понравились, особенно — про Борю. Там что-то такое сделано, что вдруг из пучка знакомых мне баек возникла законченность и драматизм. Про Лену тоже понравился, хотя немного страшно за Вас: писать про близких, продолжая жить с ними, — дело опасное, для отношений разрушительное. Короче, если Ардис отвергнет, книга «Наши» может выйти в 1984-м в Эрмитаже. Они, конечно, ранимы, как месье Пьер, но и нам жить надо.

Вслед за Вами взял и перечитал «Записки книжочья». Тоже очень понравилось. Особенно название. А форму афоризма-эссе еще и Монтень использовал.

Игорю Смирнову напишу приветливо, но печатать не буду: во-первых, литературоведение не продать, во-вторых, он структуралист.

«Петух» пусть себе кукарекает — в добрый час.

Журнал «Европеец» следовало бы переименовать в «Петиметр» (если Вы помните, что это такое). Думаю, что на примере «НА» Вы убедились в безнадежности коллегиального руководства. Они вскоре развалятся, и деспот Максимов будет торжествовать.

На «Архивы» начинают поступать приветливые отзывы. Самый восторженный — от безжалостного Поповского. А сегодня позвонил знакомый профессор-переводчик из Охайо и сказал, что от восхищения сел за стол и сразу перевел первую главу. Издатели, однако, молчат.

В Чикаго встретили даму-профессора (из нашей волны), которая почему-то дымится ненавистью к Довлатову — писателю и человеку; мы отказались разделить ее чувства.

Кстати, случился эпизод в процессе торговли. Кто-то спросил, а нет ли у вас Довлатова. Я говорю: «А вот же, вы только что держали в руках». «И верно, — говорить покупатель. — А я, знаете, как увидел эту страшную надпись, так инстинктивно и отложил». Это к вопросу об оформлении: будем эстетов ублажать или читательские массы приманивать?

Всем поклоны,

всегда Ваш, Игорь.

**ПИСЬМО ЕФИМОВА И. СМИРНОВУ**  
*от 21 января 1983 года*

*Игорь Смирнов, привет, привет!*

*И с приездом в мир чистогана. Сережа переслал мне твое занятное письмо с множеством жутковатых подробностей про дом родной. И как же мы там жили?*

*Из посылаемого каталога ты все узнаешь про наше издательство. Мы растем быстро, но все же еще не доросли до того, чтобы издать литературоведческую книжку для узкого круга специалистов. Еще не тянем. Но вот чем я могу помочь тебе (если тебе нужно): переслать твою книжку на рецензию в местные славистские журналы и альманахи. Или еще проще: вкладываю их адреса, чтобы ты сам мог это сделать. Думаю, для выхода на американский рынок это важно.*

*Сердечный привет, жму руку, дружески,*

*Игорь Ефимов.*

## Довлатов — Ефимову

25 января 1983 года

Дорогой Игорь!

«Заповедник», конечно, движется, но вообще-то мы крайне удручены и выбиты из ритма судебным процессом. Разбирательство идет полным ходом, откладывать дальше не было никакой возможности, и уже совершенно ясно, что выиграть и отвертеться мы не можем. Речь может идти лишь о сроках выплаты, о дозах, и о том, кому платить судебные издержки. Должен сказать, что американский суд не так прекрасен, как в фильме «Краммер против Крамера», в ходе его много казенного бездушия, формализм, а временами ощущается и чистая неприязнь к бедным, косноязычным эмигрантам. Обстановка более диккенсовская, чем я предполагал. Временами я ощущаю низость отдельных комбинаций, элементы сговора между адвокатом и судьей, и вообще, чувствую много недостойных хитростей в их поведении. Но проклятый английский язык мешает бороться. Мы вынуждены нанять адвоката, которому нужно уплатить от 2 до 3 тысяч, при том, что гарантий — никаких. Адвокат нужен не для раскрытия истины, а для процедурных и бумажных дел. Все это довольно отвратительно, поверьте.

«Ардису» «Наши» вроде бы понравились. Похвалили и затихли. Но в принципе сказали — будем издавать. Я подожду месяца 3—4 и решу этот вопрос.

«Петуха» не презирайте. Я скоро буду на это жить. Тем более что максимовские клеветы очень колеблют почву на «Либерти».

Получили ли Вы от меня копию рецензии Германа Андреева на «Архивы»? Вроде бы я послал.

От Синявских (при все их талантах) я хорошего журнала не жду. И дело не в пагубной (согласен) коллегиальности, ибо командовать будет Марья. Хуже то, что они находятся во власти страшного заблуждения, которое можно выразить так: мы — талантливые, и поэтому



наш журнал будет хорошим и рентабельным. Но Вы-то знаете, что сделать — 5% успеха, а 95 — продать. Человек, никогда и никому не отвечающий на письма, не может быть редактором журнала. Кроме того, следующий уровень демократических публицистов (за Синявским) довольно низок. Шрагин тягостно скучен и любит названия вроде: «Сколько это может продолжаться?», Белоцерковский — злобен, а наш друг Миша Михайлов, хоть и прекрасный, умный человек, но родной его язык все-таки — югославский, а не русский. Чалидзе — капризный, обидчивый грузин, и просто не будет писать от плохого характера, Литвинов — напористый, шумный балбес и так далее. Так что, надежд мало.

Книжку Неизвестного получил, спасибо, кстати, он мне тоже, кажется, выслал экземпляр. Передачу об этой книге включу в следующую заявку. На той неделе у меня идет Елагин.

Хорошим отзывам на «Архивы» очень рад, но вообще-то Ваши дела очень продвинулись бы в Нью-Йорке, издателей нужно обрабатывать, как это делал Лимошка [Лимонов], сейчас он выходит в «Рэндом-хауз» с напутствием Бродского. Правда, без аванса, но с гарантированными деньгами на рекламу. Из него делают «Русского медведя в Нью-Йорке».

Что касается дамы-профессора из Чикаго (не жена ли крысopodobного П.П.?), то могу лишь повторить слова грубого и нехорошего Демиденко: «Что бы ей такого сделать? На нижнюю губу положить и верхней прихлопнуть».

«Зона» оформлена хорошо. Одно время я вырезал из писем Эткиндов, Некрасовых, Синявских комплименты насчет оформления, набора и малого числа опечаток (2), и хотел все это Вам послать, но решил, что Вы уже и сами все поняли. «Заповедник» будет еще лучше выглядеть. Кстати, Неизвестному очень нравится вся полиграфия его книги, и только про цвет он сказал: «Жаль, Игорь не понял, что мой цвет — черный». Метафизика, бля...

С одной стороны, я бы очень хотел, чтобы Вы перебрались в Нью-Йорк, но с другой — все русские учреждения здесь — неслыханная, устрашающая помойка: «Либерти», «Новая газета», «НА», «НРС», — всюду монстры, ужас и кошмар. «Руссику» пропустил, это что-то не-

правдоподобное. Девяносто процентов моих знакомых в Нью-Йорке — воры и подлецы. На этом фоне циники, или, скажем, бездушные эгоисты кажутся людьми вполне достойными.

Обнимаю Вас и всех девиц. Агенту удалось пристроить 4 моих рассказа во второстепенные журналы с малыми (до тысячи) гонорарами. И еще меня пригласили в настоящий американский Пен-клуб, не тот, где командует Марк Поповский, а в Главный. Говорят, это дает возможность экономить на авиабилетах.

С.

## *Ефимов — Довлатову*

*27 января 1983 года*

Дорогой Сережа!

Помните, как в Союзе писателей доносчик, засадивший в лагерь писателя Клещенко, говорил ему за рюмкой: «Ну, ты хоть благодарен мне за то, что я тебя от фронта спас?» Так и Меттер через пять лет будет говорить: «Да ведь это я его с настоящей американской жизнью познакомил. Без меня бы он и в суд не попал, и описать бы его не смог». Но все равно — тошно.

Рецензию Андреева на «Архивы», посланную Вами, получил давно и уже кому-то подсовывал — спасибо.

Пишу же главным образом вот зачем: мне пришло в голову, что рассказу про Лену самое место в «Заповеднике». Хоть в первой части, хоть во второй. Там единственное смазанное место — жена. А так как Вам все равно не вырваться из тисков своей биографии, используйте его там, а? Все сразу станет глубже, человечней, убедительней. Да и «Заповедник» все же ближе к беллетристике, чем «Наши», не будет этого ощущения, что вот мол, жену не жалеет, живьем в мемуары запикивает. Подумайте, Сережа, не отметайте идею с порога.

Если и будем перебираться в Ваши края, то поселимся в часе езды от этого города-вертепа-бедлама — не ближе. Но пока непохоже. Слишком много удобства для нас в местной жизни, слишком трудно перестраиваться.

Обнимаю, желаю успеха и Правосудия,

Ваш Игорь.

## Довлатов — Ефимову

31 января 1983 года

Дорогой Игорь!

Рассказ про жену из «Наших» мог бы, наверное, слегка оживить «Заповедник», да и вплести его в ткань было бы не очень сложно, и все же это невыполнимо: в «Наших» появится дыра на месте жены и придется что-то дописывать — без жены семейный альбом не выходит; так лучше я допишу что-нибудь в «Заповедник», тем более что рукопись у Карла и поступила к нему как законченная. С другой стороны, я знаю, что жена в «Заповеднике» самое слабое место, и главные переделки идут по этой линии.

Я когда-то начал пересказывать Вам вторую часть «Заповедника», и Вы обидно рассмеялись, может быть, дело в том, что пересказ (не сюжета, а замысла, простите за пышное слово) выглядит глупо. Я хотел изобразить находящегося в Пушкинском заповеднике литературного человека, проблемы которого лежат в тех же аспектах, что и у Пушкина: деньги, жена, творчество и государство. И дело отнюдь не в способностях героя, это как раз неважно, а в самом заповеднике, который трактуется наподобие мавзолея, в равнодушии и слепоте окружающих, «они любить умеют только мертвых» и т.д. Я бы охотно изобразил Бродского, но мне не дотянуться до его внутреннего мира, поэтому ограничусь средним молодым автором. Жена (один из аспектов) полностью безжизненная, надо что-то придумать.

Будем очень рады, если Вы поселитесь в часе езды от Нью-Йорка. Тем более, что это значит — жить в самом Нью-Йорке. Я тоже живу в часе езды, например, от Вайля или от Брайтона.

Между тем, хоть я и живу в центре американской культуры, моя переводчица губит меня, нарушает все сроки, срывает идеи и планы. Издательство полгода назад заказало заявку на «Зону», вчера я позвонил Ане в Балтимор

и услышал, что она прочла 45 (!) страниц и что ей очень нравится. Выхода нет, потому что Анна Фридман — единственная доступная мне хорошая переводчица, все переводы других славистов (штук восемь) — отвергнуты редакциями и агентами. Кроме того, Аня, при всем ее романтизме, скорби и одухотворенной красоте, жестко отщипывает конкурентов, а сама родила дочку и не имеет времени для работы. Простите, что жалуясь.

Вчера прочитал в уставе Пен-клуба, что они защищают писателей, находящихся в тюрьме, — может, пригодится.

Меттер, конечно, отъявленный мерзавец. И вообще, город полон монстров. Большинство из тех, кого я знаю, жулики. Вы, как профессиональный интеллеktуал, должны знать какое-то объяснение всем метаморфозам, происходящим с людьми на Западе. Лгут почти все, это ужас.

Недавно я случайно беседовал с Кухарцом, и он сказал: — Знаешь, я верю в высшую справедливость. Если кто-то несет людям зло, с ним непременно случается какая-то беда, например, он заболевает раком...

Тогда я ему сказал:

— Валера, если бы такая справедливость существовала, то всю твою «Руссику» должна была скосить чума два года назад.

А он говорит:

— Ты что-то имеешь против Цветаевой? Не думал, не думал... [Издательство «Руссика» выпустило в 1979—1980 гг. несколько томов произведений Цветаевой под редакцией Александра Сумеркина, с предисловием Бродского.]

На «Либерти» тоже своего рода монстры. И вообще, я беру курс на достижение к 45 годам полной независимости, разумеется, не в метафизическом, а в примитивном — бытовом, денежном смысле. Я больше абсолютно не в состоянии никого выносить, за исключением тех, кого люблю.

На этом слове — заканчиваю.

Рецензия на Елагина — жуткая халтура.

Ваш С. Довлатов.

P.S. Если у Вас есть время что-то читать, посмотрите книгу Владимира Варшавского (Издательство им. Чехова, 1956 г.) — «Незамеченное поколение», а также «Комментарии» Адамовича и Глеба Струве — «Русская литература в изгнании», все это довольно интересно по созвучию с нынешними литературными делами. С.

## **Довлатов — Ефимову**

*8 февраля 1983 года*

Дорогой Игорь!

Мало кто способен оценить Ваши деловые качества лучше меня. Я не только имею вкус к порядку, но и борюсь за него художественными средствами. Главная тема моих писаний в самом общем смысле — попытка защититься от хаоса и безумия — через банальность, общие места и воспевания нормы.

Абсолютно ненавистный мне тип человека — неорганизованный, рассеянный, беспечный трепач да еще (как это часто бывает) со средними способностями. Вообразите себе тип Бродского, но без литературного дара...

Совсем недавно я, не сердитесь, объяснял кому-то: «Ефимов может поставить очень жесткие условия, но если уж вы до чего-то с ним договоритесь, то дальше все будет четко и прекрасно...»

Мне кажется, такая репутация является очень выигрышной.

Вайль и Генис в одной из своих статей, трактуя тему безумия, писали: «Попробуйте договориться с двадцатью разными знакомыми о встрече в семь часов вечера в будущий вторник на таком-то углу — ни один не придет...»

Работы у Лены — масса, на шесть месяцев вперед. К сожалению, это еще не говорит о нашем богатстве: расплачиваются клиенты неохотно, хотя расценки и так божеские, многие тянут, двое пытались всучить фудстемпы, один принес в качестве платы мой отвратительный портрет масляными красками, скопированный из «Зоны» и не похожий совершенно. Если бы не я, Лена вообще не получала бы денег за работу, я временами кого-то оскорбляю, а одного, бывшего узника сталинских лагерей, физически вышвырнул из дома.

В Нью-Йорке вышли еще два периодических издания, оба малоинтересные, «Петух» на их фоне как «Вехи».

Шрагин в Париже, совещается с Марьей Розановой, Эткингом, Любарским и Егидесом о новом журнале. Посмотрим...

Нью-Йорк — замечательный, потрясающий город, но хуже всех здесь лично мы.

Обнимаю Вас, будьте здоровы и успешны во всех Ваших делах.

С. Д.



## Довлатов — Ефимову

21 февраля 1983 года

Дорогой Ингемар!

Гриша тут ездил продавать книги, и я дал ему по три штуки — Ваших. Он загнал двух «Мессингов», одного «Губермана» и, не удивляйтесь, две «Зоны». Гриша упротсил меня дать ему три штуки, продал две, я Вам из них высылаю 60% (расчеты ниже), а Вы мне теперь должны 2 экземпляра «Зоны».

Мессинг (2 шт.) .....	24 доллара.
Губерман (1 шт.) .....	6 долларов.
«Зона» (2 шт.) .....	15 долларов.
<hr/>	
Итого .....	45 долларов.
<hr/>	
60% .....	27 долларов.

Я посылаю Вам чек, который нужно предъявить без особой задержки, потому что сейчас у меня на счету долларов 800, но мы взяли адвоката, уплатили ему аванс, и теперь ждем от него всяческих инвойсов [счетов] на всевозможные экспертизы, о, великий и могучий, правдивый и свободный русский язык!

Будь оно неладно, американское правосудие, все знают, что мы ни в чем не виноваты, все знают, кто может и должен платить, но адвоката брать приходится не для выяснения истины, а для процедурных дел, без которых проигрыш обретае стопроцентную неизбежность.

Обнимаю всех вас.

Довлатов.

## Ефимов — Довлатову

18 марта 1983 года

Дорогой Сережа!

Недавно получил подряд несколько сильных плюх.

Ну, в Кеннан не взяли — это понятно; там деньги, престиж, длинная очередь. Ну, одна профессорша отказалась принять мою рецензию на Трифонова в качестве доклада на крошечной конференции под Нью-Йорком, а вместо этого предложила мне выступить в качестве русского литератора вместе с Моргулисом, Антоновичем и пр. — и это понятно, у них свои критерии. Но потом эту же рецензию отказался напечатать Перельман (причем в своей манере — два месяца не отвечал, пришлось звонить самому). И наконец Максимов, которому я послал первые главы своих мемуаров-эссе-«путевых заметок», разразился письмом на четыре страницы, бестолковым и горьким, как вопли покидаемой женщины, с проклятиями «спертому духу Брайтон Бича», который и лучшую нашу интеллигенцию способен заразить гнусной идеей о наличии антисемитизма в русском народе.

Тут я глянул окрест себя и увидел то, о чем Вы давно говорите — что печататься-то негде. (Ведь даже «Дневник книгочехя» я так и не смог напечатать за три года.) Марамзин со своим «Эхом», похоже, заглох. Максимов всех проклял. Перельман хитер, скрытен и опасен как кастратор-прокруст. «22» слишком далеко — и от нас, и от читателя. Куда же податься?

Отсюда выплывает идея нового литературного журнала.

Роли распределяются таким образом:

С. Довлатов — главный редактор и художественный оформитель.

Е. Довлатова — наборщик и корректор.

«Эрмитаж» — изготовитель и главный распространитель.

То есть Вы вкладываете свой труд и талант, мы — труд и деньги, а доходы (после покрытия типографских расходов) делим пополам.

Если в принципе Вас идея заинтересует, мы должны будем разработать проект и систему нашего взаимодействия внутри него более детально. Пока — общие соображения.

Проблемы с авторами и материалами не будет. Сейчас висит в воздухе огромный слой — короткие повести и длинные статьи, — которые не годятся ни для издания отдельной книжкой, ни для публикации в газете. При наших с Вами связях в среде литературной братии мы сможем обеспечить подбор имен вполне пристойный. Особое внимание надо обратить на то, что у Вас получалось в «НА» лучше всего: на дискуссии, на сталкивание идейных противников. Читатель обожает литературные потасовки. Безумно не хватает мелких книжных рецензий. Может быть, следует даже начать печатать письма читателей с любыми отзывами на прочитанное. Но во всем этом решающее слово должно принадлежать Вам. Демократия погубила «НА»; у нас будет если и не диктатура, то просвещенный абсолютизм.

Приглашения участвовать можно послать Аксенову, Войновичу, Копелеву, Михайлову, Шрагину, Алексеевой, Буковскому, Кузнецову и многим другим.

В будущем набор можно будет использовать для выпуска отдельных книжек в «Эрмитаже». Первый номер я вообще не прочь открыть «Заповедником». И наоборот: в «Эрмитаже» всегда есть запас хорошей документальной прозы (как Аранович, Паперно, Поповский), которую можно использовать кусками для журнала.

Название?

Мне приходят в голову варианты:

## ГОНЕЦ ПОСЛАННИК

Объем: 288 стр. Частота: раз в 4 месяца. Адрес редакции — Ваш. Адрес для подписки и заказов — наш.

Деньги, необходимые для рекламы и выпуска первого номера, я мог бы выделить где-то в ноябре. Так что первый номер можно наметить на январь 1984-го.

Пишите, звоните,

Ваш Игорь.

## Довлатов — Ефимову

20 марта 1983 года

Дорогой Игорь!

Книжки (3 «Зоны») получил, спасибо. Гиршина [«Убийство эмигранта»] (которого лицемерно похваляю, заглянув в конец) получил тоже. Все полученные для обозрения книжки я, используя на радио, складываю в ящик с Вашей продукцией, так что никаких убытков фирме «Эрмитаж».

Надеюсь, с Вами связался автор чудовищной книги «Графоман», на которой Лена тем не менее заработала 1 500 долларов? Надеюсь, что и Вы слегка заработаете.

В течение двух-трех месяцев я с «Петухом» и дурацкой лекцией побываю в нескольких городах. Торговец из Чикаго — Сокольский — просил меня и даже умолял захватить 10 «Зон». Деньги за проданные экземпляры я Вам вышлю, как и раньше, в обмен на чистые экземпляры.

Со мной будут ездить Сичкин и Консон, женатый на крикливой мордовской женщине Гале. Галя будет продавать Ваши книги. Отчет получите.

Давайте официально договоримся, что Вы высылаете мне для «Либерти» все новые книги, а я их, обозрев, кладу в ящик и высылаю по первому требованию. Кстати, я Вам еще должен сколько-то долларов (лень смотреть) за пересылку мне ящика с книгами. Верну.

Нью-Йорк кипит журнально-газетными страстями, все мелко и несущественно.

Девиз обнимаю. Пора бы увидеться. Оказавшись в Детройте, если можно, заеду. Но с Детройтом пока не ясно.

Ваш С. Довлатов.

## Довлатов — Ефимову

21 марта 1983 года

Дорогой Игорь!

На «Либерти» мне передали скрипт Веры Хамармер, подручной Максимова, о «Зоне». Посылаю Вам его — неизвестно зачем. Для архива.

Обнимаю. «Заповедник» движется. Готов страниц семьдесят, все переписано от начала до конца, делаются попытки оживить героиню.

Да. Я заглянул в книгу Гиршина и неожиданно увлекся. Еще не прочел до конца, но мне уже нравится. Когда-то я отклонил его рассказы в «Новом американце», они и вправду «не газетные», но теперь мне бы хотелось ему позвонить или написать, потому что книжка хорошая вроде бы, если не испортится к концу. В общем, дайте, если можно, его, Гиршина, координаты — телефон или адрес.

Читали ли Вы «Мемуары» Шварца? Там замечательный очерк о Чуковском, называется «Белый волк».

Поляк готовит сенсационную книгу воспоминаний Яновского «Поля Елисейские», о первой эмиграции. Я один раз заглянул Лене через плечо в текст и увидел, что Цветаева названа «Дурехой», абзац же про Бунина начинается словами: «Как всякий эпигон...»

С другой стороны, Яновский действительно был знаком с Джойсом и всю жизнь дружил с якобы великим поэтом Оденем.

Две мои книжки он прочел, и впечатления выразил кратко:

«Очень много воды...»

Тем не менее он нам с Леной нравится, потому что он — один из немногих русских эмигрантов, которые за шестьдесят лет жизни на западе стали, наконец, похожи на интеллигентных иностранцев (Седых не стал).

Привет девицам. Будьте здоровы.

С.Д.

Теперь о Вашем проекте. Начну с положительных факторов.

1. Самое приятное во всей этой затее — делать совместно с Вами какую-то общую творческую работу.

2. Живого литературного издания в Америке, действительно, нет.

3. Убежден, что у Вас — приличная картотека и хорошие возможности для распространения.

Коснемся противопоказаний. Их больше.

1. Литературного журнала нет, но общий объем периодики — большой, при этом все еженедельники в той или иной степени тяготеют к литературе.

2. Раз в четыре месяца — странная периодичность. Для романа с продолжением (цементирующего) — плохо. И подписываться неохота, слишком большой интервал, лучше купить очередной номер, а в подписке — финансовая сила и прелесть.

3. Теперь насчет моей кандидатуры. Репутация у меня не для солидного журнала. Говорю это без кокетства, а с полной объективной мерой. У меня вполне хороши дела в американских сферах (настолько я туда проник), американцы меня считают уравновешенным, спокойным и понятным им человеком, с русскими же все иначе. Я отмечаю крайние точки (от «антисемит и подонок» до «выше Набокова»), дальше, насколько я могу трезво судить, репутация колеблется в пределах: ловкий-бойкий-циничней-талантливый-остроумный-несерьезный-цепкий-наглый-симпатичный-развязный и так далее. Я — не диссидент, не автор серьезных книг, не мелькаю в «НРС» и пр. Для демократического читателя Перельман гораздо более значительная личность — у него костюм и портфель — не говоря о Поповском, Шрагине или тем более Копелеве.

Но главное даже не это. У меня совершенно нет времени и нет желания что-либо организовывать, создавать, играть какую-то активную роль. Содействовать, участвовать — другое дело. Нет времени также и у моей несчастной жены.

4. Приносить ощутимый доход такое не может. Это надо посчитать с карандашом, но думаю, и так ясно. Так что

циничный, коммерческий подход (как с «Петухом») исключается.

5. У меня были какие-то еще два довода, но я отсутствовал полдня и забыл. Вспомню — напишу.

Да, одно вспомнил. Тульчинский (хозяин бурно развивающегося «Калейдоскопа») объявил, что будет делать литературный ежемесячник.

Теперь два конструктивных предложения. Оба — не бог весть что.

Первое. Может быть, начать с компромиссного варианта. А именно, с литературного сборника «Эрмитаж». Насколько я помню, «Эрмитаж» означает «уединение», «отшельничество», что-то вроде. Так что подходит. От уединения до изгнания не очень больше семантический интервал. Плюс — такое название хорошо для рекламы Вашей фирмы. Короче, зарядить что-то вроде альманаха, без спешки, а дальше — посмотреть, что из этого выйдет. И если окей, то развивать и преобразовывать. Много полезного может сделать Лосев, не взять ли его в компанию?

Дальше. Подумайте о формате. Допустим, 140 страниц формата «Посева»? Такой формат при цветной обложке дает возможность продавать журнал в русских магазинах и киосках. Подумайте. Книжный формат — незаметен.

Да, вспомнил еще одно противопоказание. Гонораров мы платить не сможем даже символических, авторы же распустились и обнаглели. Руссика, например, уплатила за участие в своем альманахе по 5 долларов за страницу, даже я, враг и негодяй, получил 70 долларов. В этом мне видится трудность.

Игорь, это письмо сумбурное, пишу его в два приема, сейчас вечер, и мне полночи сидеть над всякой хреновиной. Я еще подумаю и снова напишу. Помните, что ко всем нашим нагрузкам прибавился неутомимый, подвижный, капризный, крикливый, шумный и ужасный мальчонка.

Обнимаю вас всех.

С.Д.

## Довлатов — Ефимову

23 марта 1983 года

Дорогой Игорь!

Мне кажется, я Вас хорошо понимаю. Историю с Кеннаном, действительно, можно пережить — это дело блатное и хитрое. Из-за профессорши-славистки тем более не расстраивайтесь, для нее логично вообще предпочесть Моргулиса, который, видимо, ей сам лично сказал, что он, Моргулис, крупный, хороший и своеобразный писатель, лайк Тшехоф [как Чехов].

<...>

Максимов оказался интриганом и бабой. Я-то думал, что он вроде Демиденки с Кутузовым, или хотя бы вроде Пикуля, то есть, отчасти шпана, отчасти широкий русский тип, плаксивый, бесстрашный, похожий на солидного уголовника, но все оказалось по-другому. Я читал его жуткие письма, в которых сказано, что левый социалист Гладилин живет на средства американских налогоплательщиков и так далее. Он — мелкий, завистливый и абсолютно сумасшедший человек. Он мне писал раз двадцать, и все эти бумаги надо отдать психиатру.

Что касается «22», то им я как раз отдал четыре (не лучших) рассказа. Сашу Воронеля я не знаю, Нина очень похожа на Люду Штерн, только Люда — своя, а эта — чужая, тип бойкой, самодовольной, некрасивой еврейки в летах. А вот Нудельман — чрезвычайно приятный дядька. Как редактор ведет себя (пока) деликатнейшим образом, благодарит, согласовывает правку и т.д. Может, дадите им что-то? Все же какая-то циркуляция у них есть, а по духу это самое умное и мирное издание, либерально-демократическое, грубо говоря.

«Записки книгочехя» будут опубликованы не позднее 1 июня. Мы, несколько человек, предъявили Гришке письменный ультиматум — если он не выпустит альманах до 1 июня, то мы забираем все свои вещи. По набору и другим признакам я вижу, что альманах, похоже, вый-



дет, действительно, к 1-му июня. Я бы выпустил его за неделю, но Гриша — страшный поц, хотя добряк и симпатяга.

Что это за «мемуары-эссе-путевые заметки»? Нельзя ли их прочесть без практической цели, для удовольствия? Могли бы Вы мне прислать копию? Прошу не формально, а от души. То есть, надеюсь, что пришлете.

## *Ефимов — Довлатову*

*27 марта 1983 года*

Дорогой Сережа!

Главный аргумент против журнала — что у Вас нет времени и желания в чем-то активно участвовать. Значит, кончилась та стадия, когда Вы говорили об избытке сил и времени и искали, чем бы заняться. Честно говоря, все аргументы «против» я читал с некоторым облегчением, потому что и сам не представлял, откуда взять добавочных сил. Но все же мы идею не хороним, а откладываем до лучших времен.

То, что «Часть речи» снова зашевелилась, для меня приятная неожиданность. Усиьте свой ультиматум Григорию угрозой не только забрать у него все вещи, но немедленно передать их в «Эрмитаж». При готовом наборе мы могли бы выпустить в начале осени.

Главы, которые посылал Максимову, на днях пошлю, потому что нуждаюсь хоть в каком-то поощрении к продолжению писания.

Мы с Мариной очень были рады, что Вам понравился Гиршин. Его адрес и телефон: <...>

Читал ли я «Мемуары» Шварца? А кто первый откликнулся рецензией на них в НРС? Кто включил в каталог «Эрмитажа»?

Постараюсь не забыть и послать Вам вышедшую, наконец, книгу Эмиля Когана о Солженицыне «Соляной столп». Вы могли бы сделать про нее очередную передачу на «Либерти», если никто еще не сделал. (Узнайте.)

Дорогой Сережа, я был бы очень рад, если бы Вы хоть что-то заработали на продаже своих экземпляров «Зоны». Все-таки за сотню получите 700 долларов, и у меня будет чувство, что мой автор получил гонорар. Не посылайте мне никаких денег за них. А вот когда кончатся экземпляры и Вам понадобятся еще, будете покупать их у «Эрмитажа» с 50% скидкой.

Автор «Графомана» пока не объявился.

**Мы планируем большое путешествие «по друзьям» в июне. Маршрут примерно таков: Олбани, Дартмут, Бостон, Провиденс, Нью-Йорк. Будем уточнять даты, чтобы не разминуться.**

**Кланяйтесь друзьям и семье, дружески**

**Ваш И.**

## Довлатов — Ефимову

6 апреля 1983 года

Дорогой Игорь!

Со временем, действительно, происходит что-то странное. Когда-то я был алкоголиком, блядуном и умудрялся что-то писать, а теперь я не пью, погряз в мещанстве, а времени нет совершенно. Я встаю около шести и до самого позднего вечера только ем и работаю, с перерывами на какие-то неизбежные поездки и действия + Ленины заказчики и т.д.

Издательские хлопоты, составление всяких бумаг, материалы для всяческих паблик релейшинс — отнимают много времени (при моем английском), но это — человеческие заботы. Синописис на «Зону» представлен в издательство Кнопф, все решится в течение двух недель. Уверенности нет, потому что агент запросил слишком большой аванс, кнопфы возражают.

Отзовитесь хотя бы бегло на мою идею альманаха «Эрмитажа». Выпустим разовый томик, а дальше будет видно.

Когана, а главное — Вашу рукопись, пришлите обязательно. Эрмитажные книги хранятся на отдельной полке, все будет возвращено.

Книжная торговля в Чикаго по техническим причинам не состоялась. Я оставил 10 «Зон» Сокольскому по 60%. Деньги он пришлет либо Вам, либо через меня — Вам же. Что касается гонораров, то, извините за фраерство, но гонораров от русских издателей я не беру, для этого есть американцы, «Либерти» и так далее. Все и так еле живы, кроме подлецов и мошенников.

Рубин, наученный мною, но ни черта не усвоивший из моих рекомендаций, затеял вялую и невразумительную тяжбу с Седыхом. Пишет длинно, вежливо, с намеками, понятными лишь трем интеллигентам-велферовцам.

Общаться с людьми почти совсем невозможно, никто не в состоянии провести ни одного разумного и точного действия, на свидания являются произвольно, ничего не записывают, ничего не запоминают, обидчивые,

веселые, шутят беспрерывно. Может быть, это антисемитизм, но я не готов воспринять такое количество чистокровных евреев — ни одного человека, хотя бы на секунду усомнившегося в своем совершенстве. На протяжении многих лет мне было интересно только с Вами и с Лешей Лосевым, но вы оба живете далеко, а Леша еще и обижен на что-то — вроде бы я недооценил Алешковского, все остальные знакомства в Ленинграде — плод моего алкоголизма, а здесь — бескультурье и ужас, чувствую, как опускаюсь, причем, не с Монблана, а с буторка.

В Чикаго и Кливленде заработали с Консоном и Сичкиным по 500 долларов, провели двое суток в автобусе, насмотрелись на живую Америку, устали, едва пришли в себя. Сичкин очень добрый и веселый крашеный старик-Воробьянинов.

Гиршину написал.

Ребенок Коля объективно хороший, забавный и трогательный, но внимания требует — массу. Нянька приходит только на семь часов, она из Румынии.

Как всегда, имею просьбы. Я написал рецензию на книжку Дины Виньковецкой. Завтра прочту ее в студии, копию вышлю Вам. Еще одну копию я хотел бы выслать Дине, когда-то она прислала мне книжку, а я, кажется, вообще не ответил. Нельзя ли получить ее адрес?

Это не все. Пришлите мне, пожалуйста, адрес Либерманов из Детройта. Мы с Консоном и Сичкиным поедem туда выступать (если они захотят), и тогда я заверну в Ан Арбор.

Нужно ли выслать 90 страниц «Заповедника» (готовых), или Вы дадите мне месяц или полтора на окончание? Мне очень стыдно, но все затягивается. Дни летят, Ленины заказчики приходят по три раза в день, пьют кофе, едят мою колбасу и говорят Лене, что я не писатель, а говно.

«Петух» думаю бросать, потому что не оправдались надежды. Можно что-то делать в силу трех факторов: 1) за деньги, 2) ради творческого самовыражения, 3) в приятной компании. Ничего этого нет. Денег мало, творческого горения никакого, общество — так себе. Однако вышел четвертый номер, готовится пятый, бросить Консона неудобно.

Простите за сумбур. Наверняка что-то забыл.

Обнимаю вас. Маме, бабушке, девочкам привет.

Ваш С.Д.

## **Ефимов — Довлатову**

*12 апреля 1983 года*

Дорогой Сережа!

Спасибо за рекламу в «Петухе», спасибо за передачу о Виньковецкой. Все же повторяю снова: очень глупо, что Вы не печатаете свои передачи. Короткие рецензии всем нужны. Немного подправить и послать в «Континент», в «22», даже в «Посев» — вреда бы не было. Львов, я вижу, печатает все свои передачи.

С альманахом «Эрмитаж» связываться страшновато. «Глагол» в Ардисе расходился очень плохо. Материала, который жег бы руки и просился в печать, у меня нет. Деньги надо вкладывать свои, а они всегда — считанные.

Ваши картинки нью-йоркской жизни (в письмах) не только смешат, но и греют сердце: перестаем чувствовать себя оттертыми в тень провинциалами, начинаем воображать мудрыми отшельниками а-ля Руссо.

«Заповедник» пришлите, когда будет готов. Но если вдруг у нас возникнет аварийное окно в графике наборных работ — тогда попрошу срочно.

Просимые адреса:

Mr. & Mrs Vinkovetsky <...>

Luda & Kostya Liberman <...>

Будет очень славно, если приедете.

Обнимаю.

**Игорь.**

## *Ефимова — Довлатовой*

*12 апреля 1983 года*

Дорогая Леночка!

Спасибо большое за записочку. Теперь придется переделывать все в огромной книжище Свирского, в которой Игорь свою часть набирал верно, а я свою — неверно. Ну, хоть на будущее буду знать. Я вообще-то чувствовала, что с этим не все ладно.

Книжку, которую ты посоветовала, немедленно закажем.

Игорь прочел твою записку и сказал с заметным удовлетворением: «Террор! На всех страху нагнал!»

Надеюсь, что в июне приедем в Нью-Йорк, с Игорем и с Наташкой. А, может быть, и с Леной. Наконец познакомлюсь с Колей. Не собираетесь ли вы куда-нибудь умотать летом? Хотелось бы вас застать.

Еще раз спасибо, приветы всем твоим.

P.S. Сережа, только что прочла последнего «Петуха» № 4. По-моему, славно и очень смешно. Над некоторыми шутками Светлова и над той внучки Сталина смеялись просто до слез. Стихотворение из советской газеты тоже дивное найдено. И оформление симпатично. Неужели, действительно, на ладан дышите? Я тут начинаю агитацию на подписку, к тому же он и без того нравится. Но жаден еврей. И высокомерен. Мой совет — пошлите Либерманам в Детройт. Они люди читающие, смешливые, денежные, и к тому же — энтузиасты. Они могут помочь.

Я думаю, что в Детройте, во время Вашего выступления, мы будем продавать книги, Ваши и прочие. А потом заберем Вас к себе. Ну, это Вы с Игорем все обсудите.

Не терпится посмотреть, что получается с Заповедником.

Всех целую. Пишите.

Марина.

## Довлатов — Ефимову

19 апреля 1983 года

Дорогой Игорь!

Сразу, чтобы не забыть — адрес Нудельмана («22»), имени-отчества не знаю, «господин Нудельман»:

R. Nudelman, <...> ISRAEL

Главы и статью о Трифонове немедленно прочел [«Писатель, расконвоированный в историки» в журнале «Время и мы» № 71 (1983)]. Главы хорошие, много смешного, читать интересно. Я только не заметил (видно, просмотрел, а перечитывать нет времени), как и почему герой соглашается ехать в Чехословакию, вопреки историко-гражданскому стыду. Еще — мелкое замечание старого версификатора: для изображения еврейской картавости достаточно показать ее два или три раза, а дальше читатель механически воображает это сам. Это я насчет Кирпотина.

Статья же о Трифонове меня чрезвычайно заинтересовала и удивила. Я считал Вас более безоговорочным поклонником Трифонова и, честно говоря, обрадовался, увидев, что это не совсем так. Замысел же, условно — «Технология лояльности» — потрясающе интересный и важный. В разговоре со знакомыми я тысячу раз говорил, что у любого официального писателя (левого, смелого, честного и талантливого) могу обнаружить состав преступления, то, что открыло ему дорогу в печать. Но я это все утверждал голословно, иногда даже не прочитав хулимых мною произведений. А Ваша статья читается, не боюсь пошлого выражения — как детектив, она доказательная и совершенно не злорадная, нет того, что писатель средней известности находит, ликуя, червоточину у писателя более знаменитого и признанного. Никакой желчи я не обнаружил, наоборот — чувствуется неформальная дань уважения, но, конечно, и резкости достаточно, без этого такая статья не имеет смысла. Конечно, существует идея Бродского насчет того, что ло-



яльность — категория эстетическая, и такая идея художественно меня волнует, но она чересчур поэтична. Можно было бы Вам написать чудную книгу на эту тему, пять портретов: Трифонов, Тендряков, Распутин, Искандер, Битов и так далее, то есть, о хороших официальных писателях, Вы ведь как литературовед и критик практически себя никак не зарекомендовали, а такая книга могла бы вызвать резонанс, она не расплывчата по идее, публицистична, и может вызвать некоторую бурю в среде технической, да и не только технической интеллигенции... Короче, я Вас поздравляю.

В Нью-Йорке продолжается война. Рубин вяло и тускло обрушился на «Новое русское слово». Но тут подняла голову вся отрицаловка — Шрагин, Михайлов, тот же я. Возникло небольшое колыхание почвы. Да еще вышла «Трибуна» в Париже, изделие Синявских, нечто вроде здешнего самиздата. Михайлов отдельно сражается с «Континентом», разослал общественности циркуляр с приглашением к дискуссии о плюрализме. Если Вас почему-то интересует вся эта херня, я могу сделать несколько копий, как минимум, со своих собственных публикаций и выслать.

Кнопфы договора на «Зону» все еще не подписали, но надежда все еще есть. С европейскими правами на «Компромисс» что-то делается, но все идет Кнопфам, а на мне как-то отразится, но позднее.

Редактор Кнопфа позвонил мне и попросил найти русского фотографа, который бы за 150 долларов сфотографировал меня для обложки. Я нашел Марка Сермана, полагая, что делаю ему любезность, Марк долго и хитро шурился, взял с меня почему-то 18 долларов за наем лаборатории, требовал, чтобы я сфотографировался либо с Колей, либо с птицами, либо с собакой, говорил, что не покажет мне фотографию, ибо я не профессионал, а сам отнесет ее в Кнопф. Это я к тому, как страшно иметь дело с земляками.

С «Заповедником» все не очень хорошо, но не безнадежно. Героиня ожила процентов на 30, герой довольно тускл, вообще, лучшее, что там есть, — это картинки деревенской жизни и второстепенные герои. Если бы я сейчас придумал сносную заключительную часть, то все

было бы ничего, удачный конец — большое дело, но ничего пока не придумал, нет ни интонации, ни событий.

Суд первой инстанции мы все проиграли. Адвокат наш — заика (!), кретин и тупица. Судебное разбирательство — балаган и произвол, то есть, судья здесь действительно независим и что-то решает, и почти бравировует произвольностью своих решений, поправить судью нельзя, его можно лишь переизбрать. Кроме того, наш акцент, непонятные для суда моральные подоплеки и так далее, короче — проиграли. Теперь будем судиться по второй инстанции с Дэвидом [Даскалом] и «Новым американцем». Неловко говорить, но все участники этой истории, кроме нас с Леной, включая Петю и Сашу — хитрые свиньи, а Орлов — законченный мерзавец. Боря тоже не подарок, но он хоть ясен, он мне чуть не плача признавался, что завидовал моему успеху у рекламной агентши Ляли (варикозное расширение вен, затхлый парик и подавляющих размеров жопа) и у наборщицы Любы Брукс, которая ковыряла в зубах маникюрными ножницами. Все без исключения русские в Нью-Йорке — дрянь.

Высылаю передачу о Гиршине, ему тоже послал. Мы созвонились. На второй минуте он сказал: «Оба мы с вами не гении», и мне это как-то не понравилось. Есть в таком заявлении какая-то неприятная правда. Мои комплименты Гиршин воспринял как должное и даже кое-что дополнительно подсказал, короче, его роман интереснее его самого.

Обнимаю вас всех. Хотелось бы увидеться, хлебнуть кислорода.

С.Д.

## *Ефимов — Довлатову*

*2 мая 1983 года*

Дорогой Сережа!

Посылаю три книги:

1. Черток. «Последняя любовь Маяковского».
2. Паперно. «Записки московского пианиста».
3. Коган. «Соляной столб».

Книга Когана, возможно, уже была отрецензирована парижским отделом «Свободы» — проверьте, чтобы не работать зря. О Чертоке можно писать сразу. А вот Паперно умолял ни в коем случае по радио о книге не передавать. Он (безумец) хочет съездить в Союз (хотя даже в посольстве ему сказали, чтобы забыл и думать) и поэтому старается вести себя тихо-тихо. (Но при этом отрывки в НРС печатает.) Если очень понравится (а книга написана очень хорошо), можете позвонить ему, попробовать уговорить. Телефон: (312) 761-4413.

Еще раз поздравляю с Кнопфом и договором. Я тоже сейчас скребусь с разных сторон в американские издательства, но пока все глухо. На днях послал четыре переведенных главы из «Архивов» в «Вайкинг» (через агентшу, которая живет в Сиэтле — довольно кривой путь).

Как там Лена? Обнимаю,

всегда Ваш, Игорь.

## Довлатов — Ефимовым

21 июня 1983 года

Дорогие Игорь, Марина!

С некоторым трепетом посылаю вам «Заповедник». Как всегда, ни малейшей уверенности в качестве. Сюжета нет, идеи нет, язык обыкновенный. Что же, по-моему, все-таки есть? Есть, мне кажется, голоса, картины и лица, что-то вроде панорамы деревенской жизни, есть, наконец, какая-то любовная история. Короче, ознакомьтесь.

Надеюсь, ваше издательство сохранило благородную традицию делать по 150 замечаний автору, из которых со 145-ю автор полностью согласен?

Дальше — некоторые технические моменты.

1. Если по какой угодно (неустранимой) причине вы раздумали печатать «Заповедник», то сообщите мне об этом без малейшего стеснения и с абсолютной прямоотой. Отношения не пострадают, какой бы эта причина ни была.

2. Если изменилось что-то в условиях (200 экземпляров — без права ими торговать, а с правом лишь дарить), то скажите мне об этом также прямо и просто.

3. Формат (как набора, так и всей книжки) — на ваше усмотрение. Мне бы хотелось, чтобы она была не больше «Зоны», а то получится большая и тонкая, как журнал.

4. Шрифт — на ваше же усмотрение, в «Зоне» был хороший, наверное — рубленая десятка.

5. Я намерен употребить все усилия, чтобы опечаток не было, мама и Лена прочтут корректуру, я тоже, разумеется, прочту и буду изводить Игоря просьбами о дополнительных сверках. Как бы это вас ни раздражало, помните, что это делается для общего блага. Все дополнительные расходы по пересылке я с удовольствием оплачу.

6. Обложку, если можно, я сделаю сам, учту все ваши замечания, буду переделывать до тех пор, пока она всех не удовлетворит. Первый вариант — дрянь, Игорь прав. Я найду один рисунок Пушкина и использую его. Фотографий у меня теперь много. Цвет подберем.

7. Обратите при наборе внимание на знаки (соединение) и (разъединение). Этих знаков довольно много и их легко перепутать. А поправить в макете очень трудно.

8. Посвящение «Моей жене...» и так далее — как бы входит в сюжет, так же, как указание на 114 странице — «Июнь 1983 года, Нью-Йорк».

Заранее благодарю за внимательное (привычно) отношение.

Новости у нас такие:

Лена в больнице, ей удалили аппендикс, завтра (в среду) выходит. Все благополучно. У нее были сильные боли, а я как раз в это время прочитал статью Проффера о раке в «Вашингтон пост», о том, как у него было подозрение на аппендицит, а обнаружился рак. Поэтому мы довольно много нервничали. Но все, кажется, обошлось.

Восемь дней, что Лена отсутствовала, я воевал с ребенком и полностью обессилел. Нянька приходит с 12 до 6, остальное время творилось что-то страшное. Это типичный «вождь краснокожих», очень шаловливый, вредный и опасный.

Вся русская общественность бурлит по поводу фильма об эмиграции и насчет гастролей Кобзона с бригадой. Во все эти дела я каким-то образом глупо и бессмысленно втянут, что-то писал по этому поводу, наслушался, как всегда, упреков и т.д. Степень низости, полной и всесторонней, в которой пребывает местное общество, невыразима, нет слов, нет слов...

Права на «Компромисс» продаются в самые неожиданные страны, включая «третий мир» и даже Финляндию. Европейские гонорары смехотворны.

До осени будут напечатаны по-английски 4 рассказа, но только за один заплатят ощутимо, а за рассказ, например, «Ищу человека» (из «Компромисса») объемом в 16 страниц журнал «Коламбия джорнэлизм» собирается уплатить 35 долларов, из которых моему богачу-агенту полагается три пятьдесят.

Как-то раз я спросил его (агента):

— Если ты против капитализма и хочешь его гибели, почему же ты такой богатый?

А он, естественно, ответил:

— Я ненавижу капитализм и хочу его гибели, но пока капитализм еще жив, я предпочитаю быть богатым...

Вот такие они и есть...

Всех обнимаю и с тревогой жду ваших отзывов...

Привет женскому полу.

Ваш С.Д.

## Довлатов — Ефимову

20 июля 1983 года

Дорогой Игорь!

Посылаю Вам 7 вариантов обложки (так сказать — эскизы) и 7 же вариантов моего изображения.

Я просмотрел довольно много книг и понял, что рисунки Пушкина использовать трудно, а виды заповедника (например, валуны у дороги) — тусклые, серые и тоже не годятся.

Насколько я помню, Вы хотели обозначить на обложке заповедник, как именно Пушкинский заповедник, я же склоняюсь к более общей (или более расплывчатой) метафоре — заповедник, Россия, деревня, прощание с родиной, скотский хутор. И т.д.

Конкретность же могут дать те фотографии, где я не один, а с Катей и с приятелями — в заповеднике. Подпись может быть: «Группа молодых ленинградских писателей... Справа — такой-то...»

Шрифт рисованный (мною, уву) на обложке, я думаю, не годится. Это быстро надоедает, лучше не рисковать. Я закажу типографские — заголовок и фамилию — для обложки и для титула.

Короче говоря, посмотрите. Если не понравится ни один вариант, будем думать дальше. Если что-то понравится — хорошо. Идеально было бы получить такой отзыв: «Два варианта (такие-то) категорически не устраивают, три (такие-то) — ни то ни се, а два (такие-то) вроде бы приемлемы.

Все типографские цацки (фотостаты, заголовки, выворотки) я изготовлю сам и гордо беру эти мелкие расходы на себя.

Будете разглядывать картинки — посоветуйтесь с Мариной. С детьми не советуйтесь — они все обругают.

Будьте здоровы, цветите, богатейте.

Копию из «Русской мысли» вышлю в понедельник.

Ваш С. Довлатов.

## *Ефимов — Довлатову*

*25 июля 1983 года*

Дорогой Сережа!

Из присланных вариантов обложки мне больше всего понравился тот, где сюрреалистическая мешанина карт, ламп, церковей, деревьев. Шрифт — темный на светлом — тоже устраивает. Кстати, чья это картинка? Калинина? Существует ли она в более четком варианте?

На заднюю обложку можно Вас с Катей. С приятелями не годится: во-первых, слишком документально, во-вторых, не стоит подводить людей, оставшихся там.

Мы доехали благополучно. Родня здорова, дом цел, если не считать того, что Лена, разъярившись на бабу, выбила ногой нижнюю филенку двери. Теперь мухи, осы и бабочки залетают без труда.

Обнимаю всех, дружески,

Игорь.

## Довлатов — Ефимову

26 июля 1983 года

Дорогой Игорь!

Посылаю Вам копии из «Русской мысли» + рецензию («Вашингтон пост») на Лимонова, кажется, не слишком хвалебную. А заодно и статью Карла Проффера из той же «В.П.».

Жду гранок и Ваших идей насчет обложки.

Не считаете ли Вы целесообразным дать к «Запов.» такой эпиграф из Блока: «Но и такой, моя Россия, ты всех сторон дороже мне...»? Или это слишком примитивно? Все равно что дать к «Лолите» эпиграф: «Любви все возрасты покорны...»

Всех обнимаю.

Ваш С. Довлатов



## *Ефимов — Довлатову*

*29 июля 1983 года*

Дорогой Сережа!

Спасибо за вырезки из газет, спасибо, что держите меня в курсе. В «Русской мысли» рекламная шапка жирна и красива, но адреса издательства, конечно, нет. Статья Карла ужасно волнует и написана поразительно достойно. Единственный момент: он так возмущается эгоизмом и круговой порукой клана докторов, но эгоизм, невежество и клановую организацию славистов всегда считал нормальным и необходимым явлением. В рецензии на Лимонова («не слишком хвалебной», как Вы заметили) есть очень приятные строки. Например: «Лимонов потерпел неудачу в попытке представить свою жизнь сквозь призму воображения, а уж тем более превратить ее в произведение искусства...» Или: «Первые читатели и рецензенты этой книги, видимо, ошибочно приняли сотрясение основ за литературные достоинства и глубину. Обнаружить роман русского писателя, наполненный бранью и откровенными сексуальными сценами, — это привело их в такое возбуждение, что они оказались слепы к пустоте книги...» Или: «Автор пытается выставить себя героической фигурой, но то, что он таковой не является, видно на каждой странице этой плаксивой, сопливой, крикливой книжонки» (эта фраза — заключительная). А мы все ругаем «Вашингтон пост»!

Набор «Заповедника» подходит к концу. Остается вычитать, исправить ошибки. Сережа, одна просьба: можно изменить фамилию Грибанов? Это наш близкий московский друг, сидящий в отказе третий год.

Всего доброго, приветы семье,

Ваш И.Е.

## Довлатов — Ефимову

29 июля 1983 года

Дорогой Игорь!

Обложка, будем считать, утверждена. Живопись — Калинина, что мы и укажем на второй странице. Картина — цветная. Репродукции, следовательно, нечеткие, но я постараюсь сделать максимально хорошую копию. То, что я Вам послал — обыкновенный хороший зирокс, а для чистовика я, естественно, сделаю фотостат.

Шрифт — черные буквы на белом фоне.

Если Катя не устроит скандала (причины ей совершенно не нужны), то используем фотографию с Катей, если устроит, то любую другую, они все на одном уровне.

Всем привет и любовь. На «Компромисс» появилась первая рецензия в журнале «Паблицерз викли», вроде бы положительная, я еще не читал. Журнальчик издается для таких, как Вы.

Еще у меня появились рассказы в двух журналах — «Грэнд стрит» и «Коламбия джорнэлизм». «Грэнд стрит» — прибежище интеллектуальной элиты (!), расходуется маленьким тиражом. Когда я искал его в киосках, продавцы говорили: «Грэнд стрит»? Это не здесь. Садитесь на А-трейн и поезжайте в нижний Манхэттен...» Они думали, что я ищу улицу Грэнд-стрит.

Обнимаю всех, в особенности женщин. С.

## Довлатов — Ефимову

1 августа 1983 года

Дорогой Игорь!

Рецензию на Лимонова я прочитал. Она довольно точная, разумная и выразительная. Но там слегка задет Карлинский, а Карлинский и Бродский — самые влиятельные люди по русским делам в ньюйорктаймсовском книжном обозрении, так что, я думаю, по высшему разряду Лимошку будут хвалить. Механизм симпатий Бродского примерно ясен (приподнять Лимонова, опустить Аксенова), а Карлинский, вероятно, старый дурак, вроде Дмитриевского, который очень хвалил Валеру Попова за то, что Валера употребил в какой-то завуалированной форме слово «ебля».

«Грибанова», конечно, заменим. Ваши чувства мне очень понятны. Сложность в том, что:

1. Не должны появиться одинаковые буквы.
2. Должна быть фамилия того же ритма.
3. Нужно, чтобы были возможны формы, аналогичные формам: «Грибан» и «Грибаныч».
4. Нужна фамилия из такого же количества букв, чтобы не перебирать строчки и абзацы.

Короче, я остановился на Гурьянове. Посылаю Вам копии страниц, на которых этот поц фигурирует.

Отнеситесь и Вы с пониманием к моему сумасшествию. Вообразите на секунду, что Пьера Безухова зовут Эдуард Лимонов, а Митеньку Карамазова не Митенька, а Толечка, или, например, Вагрич Бахчанян.

Я, конечно, не Достоевский, но все же... И так далее.

Звонила Люда из Калифорнии, минут пятнадцать рассказывала про своего неведомого мне внука Даню, затем спросила, как мои дела, я сказал — хорошо, вроде бы, тогда Люда сказала — значит, продолжается эта буря в стакане воды?.. Только не рассказывайте ей, что я жалуясь. Я так долго ожидал возможности жить жизнью, близкой к литературе, успел состариться, и теперь, навер-

ное, веду себя как-то неприятно, хвастливо и торжествующе... Надо об этом подумать и как-то остепениться.

Всех обнимаю. Жду набор, корректуру прочтут три человека: я (это почти не считается), мама и Лена.

Ваш С. Д.

P.S. При случае отправлю Д.Штурман мою записку, если она (записка) не постыдна. С.

## Довлатов — Ефимову

25 августа 1983 года

Дорогой Игорь!

Во-первых, спасибо за хороший набор. Лена, я и мать обнаружили втроем 22 опечатки на 120 страницах, при том, что каноны советской партийной печати допускают для машинисток 5 опечаток на странице, а значит, вы работаете в 30 раз лучше.

Обложка и титул — готовы, всем понравилось — просто, строго и симпатично. Новый фотостат (штриховой) с Калинина получился идеально. Уже сейчас напоминаю Вам, что в выходных данных надо указать (чтобы не прицепился какой-нибудь вонючий Глезер, да и просто по правилам): «На передней обложке использован фрагмент (или репродукция) картины Вячеслава Калинина «По мотивам Гофмана». 1972. Точное название картины: «Motifs from the Story of Hoffman». Об этом я еще раз напишу Вам, когда буду отсылать макет и гранки. Не позднее понедельника.

Правку Лена наберет Вашим шрифтом, чтобы Вы ее просто наклеили, и я бы не беспокоился относительно возможных новых опечаток. Будут также указаны страницы, где находятся эти опечатки.

Перечитывая «Заповедник», я, конечно, обнаружил много несовершенства. Мама говорит, что самое плохое в книге — все разговоры героя с женщинами. Еще она говорит, что все женщины во всех моих произведениях всегда удивляются, глядя на лирического героя — какой он высокий! Это правда. Весь мой творческий путь — это борьба с дурным вкусом, унаследованным от папашки.

Далее. Я получил от Доры Штурман очень любезное письмо и сразу пожалел о своих нападках, но я все налажу, почва для этого есть, дело в том, что и первая ее книга — «Мертвые хватают живых» — очень хорошая.

Приезжали на неделю Серманы-старшие.

Из приятных новостей — я познакомился с Чеславом Милошем, который притворился, что знает меня (мы

печатались в одном номере «Партизан-ревю»), был любезен, говорил, что Бродский — гораздо более крупный поэт, чем он сам, и вообще меня всячески поразил. Именно таким я представлял себе Андрея Седых, когда жил в Ленинграде.

Спасибо за фото с рыбой. Значит, у Вас уже есть время ловить рыбу. А как насчет второй — пагубной и антидуховной страсти — к бриджу?

Все хвалят кругом и Ваше издательство, и Ваши собственные книжки, а один знакомый, наводя справки о живущем в Мюнхене Игоре (Гаге) Смирнове, сказал: «Нельзя ли позвонить Ефимову?». Я ответил: «Зачем звонить Ефимову, когда я знаю Игоря Смирнова ровно 25 лет?!». А он говорит: «Тебе что, жалко позвонить?».

Обнимаю вас всех. Надеюсь, книжка будет черно-белая? Я знаю, что Вы не любите мрака, но там явно преобладает — белый.

Ваш С. Довлатов

## *Ефимов — Довлатову*

*29 августа 1983 года*

Дорогой Сережа!

Ваше последнее письмо пришло очень вовремя. Потому что мы с Мариной были просто подавлены Вашей «полемикой» со Штурман. Что на Вас нашло? Избрать для войны с Седыхом объектом нападок единственного автора, который за последние месяцы пришелся Вам по сердцу! Это все равно, как если бы Америка, враждуя с Ираном, решила бы бросить пару бомб на Израиль — чтоб знал, как продавать иранцам запчасти к самолетам. И все передержки и демагогические натяжки в статье разваливаются мгновенно, если вспомнить, что Седых не держит в своих руках монополии на печатное русское слово, как держит советская власть, с которой Вы его постоянно сравниваете. Историю того, как он одолевает конкурентов, Вы знаете лучше меня и знаете, что он делал это со всеми акульими и шакальими приемами, но оставаясь в рамках закона. А не есть ли это тот способ существования, тот самый звериный мир рынка, который мы так расхваливаем в теории? Почему-то никто — ни Вы, ни я — не осудили Проффера за то, что он после разрыва со мной отнял у нас все заказы на наборную работу, и я только радовался, что они достались Лене. А от Седыха Вы требуете, чтобы он вел себя по-джентльменски с авторами и рекламодателями. Ну, хорошо, он не джентльмен, а Штурман с ним в дружеских отношениях. Вы что же, водитесь с одними джентльменами? Кухарец, Поляк, Соловьев — это что, сливки общества?

Когда я думал, каким образом могло Вас занести в такой ляп, я вспоминал Ваши рассказы о катастрофическом опускании критериев в нью-йоркской среде. Но потом я вспомнил и другое: сколько Вас помню, если случалось вам несправедливо нападать на кого-то (бывало довольно редко), всегда объектом оказывался кто-

нибудь из самых Вам близких и дорогих. Не может ли быть, что и тут такая же ситуация?

Буду очень рад, если Вам действительно удастся — как Вы пишете — «наладить», загладить это.

Всего доброго, ждем пакет, дружески

Игорь.



## **Довлатов — Ефимову**

*29 августа 1983 года*

Дорогой Игорь!

Одновременно с этим письмом посылаю пакет, который Вы получите, очевидно, дней через 6—8. В этом пакете:

1. Тщательно вычитанные копии гранок

2. Набранная Леной правка (Вашим шрифтом и на Ваш формат) с указанием страниц, куда эту правку надо вклеить. Надеюсь, это чуть облегчит Вашу работу.

3. Макет обложки, которая мне кажется простой и симпатичной. Надеюсь, Вы сделаете ее черно-белой, иначе пропадет, так сказать — графичность.

4. Титульный лист.

Прошу Вам не забыть указать в выходных данных, что мы использовали картину Вячеслава Калинина «Мотив из Гофмана».

Ну, пока все. Новостей, вроде бы, никаких. Поповский стал баптистом, но уже поссорился с двумя другими русскими баптистами, назвав одного из них «шавкой».

Рубин 20-го сентября выпускает первый номер ежедневной газеты. Я почти уверен, что она будет еще хуже НРС, но это не важно. Я считаю их затею исторически прогрессивной.

Да, вот такая новость. Я писал на «Либерти» скрипт о переводах в Америке русских и советских книг и в связи с этим получил разные сведения из Публ. библиотеки. Пережил большое уныние. Ни один из советских авторов (кроме Солженицына и Алилуевой) не имел, не имеет и не будет иметь коммерческого успеха в США. В финансовом смысле провалились все: Войнович, Ерофеев, Севела... Проваливается Лимонов. На очереди: Алешковский, Аксенов, естественно — Довлатов. Рано или поздно провалитесь и Вы...

В чем опора? Где источник радости? И т.д.

С. Довлатов.

## Довлатов — Ефимову

31 августа 1983 года

Дорогой Игорь!

В Вашем письме (относительно Доры Штурман) есть некоторая косвенная правота, то есть, Вы правы в общем смысле: не следует грубить хорошему человеку и т.д. Действительно, я остервенел за последнее время, все так.

В оправдание могу сказать, что:

1. Контекст моего обращения к Доре Штурман — безусловно уважительный.

2. Нападки на дорогих и близких людей совершенно естественны, поскольку 95% окружающих не заслуживают даже нападок.

Что же касается Седыха, то Вы заблуждаетесь полностью, что объясняется Вашим мичиганским неведением.

а. Во-первых, Седых постоянно нарушает законы о монополиях, но это слишком долгий разговор, и мы его продолжим при встрече.

б. Седых вовсе не «остается в рамках закона», как Вы пишете. Он практически неуязвим, это другое дело. Но вообще-то, он — довольно крупный уголовный преступник — это общеизвестно. Судиться с ним можно, но это дорого, долго, результат же будет смехотворным. Даже если через два года удастся отсудить у него миллион, он, симулируя бедственное положение газеты, будет выплачивать по 40 долларов в месяц, суд же обойдется тысячи в четыре. Приведу микроскопический, но доступный пример. Если Седых отказывается рекламировать мою книжку — это противозаконно. Я нанимаю адвоката, плачу ему 3000 долларов, и в результате суд через два года с помощью исполнителя (маршала, который дополнительно стоит денег) вынудит Седых мою рекламу — поместить. И все.

Уголовные прегрешения этого отпетого негодяя — разнообразны. Начиная с абсолютно безразличного мне присвоения гигантских, необлагаемых налогами наличных денег за рекламу, и кончая потоком клеветы и до-

носов в Эф-Би-Ай [ФБР]. Но это все чепуха по сравнению с главным его достижением: усилиями этого старикашки большинство интеллигентов из Союза превращено в холуев, дрожащих за свои нищенские гонорары, изгибающихся перед его дефективными помощниками. Я знаю людей (вроде Косинского), сидевших по многу лет в лагерях и сохранивших достоинство, но надломившихся в приемной у этого шакала. Естественно, что, услышав от Доры Штурман комплименты в его адрес, я разбушевался.

С чего это Вы взяли, что ни Вы, ни я не осудили Проффера? И Вы и я его осудили, но Проффер, с одной стороны, абсолютно далекий человек, с другой — не газетная фигура (не критиковать же его в газете), и с третьей — рак и все такое, а с четвертой — объективная роль и заслуги Проффера во многом служат ему оправданием. Что же касается заказов, то я впервые слышу о том, что Ваша работа перешла к Лене, я не думал, что это так уж прямо связано, я считал, вы разошлись и действуете раздельно, но о Проффере мы лучше тоже поговорим при встрече.

Мне бы только хотелось заверить Вас в том, что я совершенно в Проффере не заинтересован. Нет такой ситуации, чтобы я или Лена нуждались в нем и потому старались его любить. У Лены полно работы и без Карла, в общей сложности она заработала в «Ардисе» 3500 долларов за два года, при том, что Карл всегда задерживает плату, чем, откровенно говоря, меня чуть-чуть раздражает. В любую минуту Лена может начать набирать «Новую газету» и иметь дело с очаровательным в денежных вопросах Рубиным или, как минимум — честным Палеем.

Что же касается моей книжки, то, как Вы знаете, я послал ее Карлу из чувства неловкости, не желая выглядеть неблагодарным. Как Вы догадываетесь, для меня проще, приятнее и гораздо удобнее иметь дело с Вами, хотя бы потому (не говоря о нашей с Вами многолетней, ничем не омраченной дружбе), что в случае с «Эрмитажем» я могу принимать большее участие в подготовке книги, получать дельные советы, а не ждать на расстоянии — что из всего этого получится, да еще и неизвестно когда.

Проффер вообще сложная тема, и мы к ней еще вернемся, но я уже и сейчас согласен, что я живее реагирую на то, что касается лично меня, и гораздо терпимее к свинству, совершающемуся по отношению к другим людям.

Вожусь я, разумеется, не только с джентльменами, конкретно — Поляк имеет массу достоинств (наряду с массой недостатков), Рубина я поддерживаю — исторически, идейно, избегая при этом личных отношений. Соловьева видел за пять лет — три раза, провел с ним в общей сложности — час, считаю его шуткарем и гнидой, но, хочу напомнить — унаследовал его знакомство — от Вас. Кстати, этот поганец хапнул больше 100 000 (ста тысяч, об этом писали в «Паблишерс викли») — аванс за книгу об Андропове.

Из всего происшедшего с Дорой Штурман самое неприятное для меня — Ваше неудовольствие, и хотя бы поэтому я обязательно налажу с ней отношения, а вот с Седыхом — не обещаю. Даже если бы Наташа меня об этом попросила...

Видели ли Вы мою физиономию в «Нью-Йорк Таймс»? Если нет — пришлю копию.

Всех обнимаю. Не сердитесь. Ваша Дора тоже хороша! Нечего было соваться из-за океана с «откликом трудящегося»...

Ваш С. Довлатов

## *Ефимов — Довлатову*

*17 сентября 1983 года*

Дорогой Сережа!

Ваши ошеломительные успехи в издательствах и журналах познакомили меня с чувством, которого до сих пор не знал: с завистью. И уж если меня, наконец, пробило, то я Вам очень настоятельно советую с другими знакомыми не делиться Вашими новостями, а только пожимать плечами и махать рукой в ответ на расспросы. А то сожгут, съедят, испепелят!

Мои же дела таковы: из издательств — ни слова, книги «Эрмитажа» покупают плохо, кредиторы насаждают, должники не платят. Чтобы хоть что-то противопоставить Вашему победоносному шествию к вершинам славы, вкладываю копию хвалебного письма Нодара Джинджихашвили по поводу моей «Метафизики». А заодно и Солженицынскую отповедь, которая пригодится Вам в радиододелах.

Конечно, я не против публикации кусков из «Заповедника». Только проследите сами, чтобы был указан адрес Эрмитажа. Цена 7.50, с пересылкой 9.00. Вкладываю еще на всякий случай нашу рекламу списком. Платить за нее мы не можем (с деньгами полный завал), но вдруг они согласятся напечатать по принципу «любезность за любезность».

Обложку типография уже сфотографировала и вернула — высылаю и ее.

Приветы семье, дружески

Игорь.

## **Довлатов — Ефимовым**

*2 октября 1983 года*

Дорогие Игорь и Марина!

Спасибо вам огромное. «Заповедник» — первая моя книжка, которая выглядит должным образом. Обложка, шрифт, нумерация, строки — все безупречно, это и есть человеческое отношение. Впервые готовая продукция ничем меня не раздражает. Всегда какая-нибудь закорючка портила настроение.

Остальные издатели — монстры. Дело можно иметь только с вами. Мне иногда кажется, что Игорь — единственный человек в эмиграции, который воспринимает доводы. Остальные в лучшем случае ничего не слышат.

Вообще, круг моих знакомых сужается. Уже и Соломон Шапиро, эпический человек, отделился, поскольку его жена работает в «Новом русском слове» и меня нельзя приглашать на семейные торжества. И так далее.

Дора Штурман — наоборот — выказала размах натуры и не прекратила дружеской переписки со мной. (Идеальный друг — это друг, живущий за океаном.) Вадим Белоцерковский, с которым я переписывался три года, приехал в Нью-Йорк и сразу оказался заносчивым болваном.

Нодар Джинджихашвили, конечно, умница, но все, что он написал, я знал и без него, хотя вряд ли мог бы выразить это так профессионально. Мне даже кажется, что я говорил нечто подобное об Игоревых книжках.

Все, что Вы, Игорь, пишете о моих, так сказать, успехах, надеюсь — шутка. Я нахожусь в полной зависимости от агента и переводчика, людей симпатичных, но совершенно далеких. Многие затеи проваливаются. Денег все это приносит мало. Того уровня, при котором ощущаются моральные преимущества, я в Америке никогда не достигну, а положение среднего писателя здесь, как вы знаете, очень незавидное. Короче, все комплексы на месте. И выходит, что людей, способных реагировать на мои «достижения», совсем немного. Для любого штатно-

го сотрудника радио «Либерти» я — человек, заслуживающий сострадания.

Иное дело — быть писателем в Ленинграде. Там писатель, даже не самый именитый — титан (если он печатается), а если не печатается — сами знаете. То есть, дистанция между мной и Вами была так огромна, что я здесь никогда не оторвусь на подобное расстояние даже от боссяка с Бауэри, даже от Моргулиса. Если, разумеется — в шутку вы пишете о зависти, то что же должен был испытывать я, дружа с Вами, общаясь с Битовым, Глинкой и т.д.? Внутренности мои должны были сгореть от зависти. И уж, как минимум, я должен был Вас ненавидеть, а разве я Вас ненавижу? Совсем наоборот. Моя жизнь так долго была крайне неблагополучной (и не только по моей вине) в сравнении с большинством моих знакомых, я так поздно начал, так сказать, профессиональную «карьеру», мое положение и сейчас так нестабильно и так много в нем опереточных моментов, что для зависти, по-моему, никакого места не остается.

Тем не менее посылаю Вам русский текст моего интервью, которое, вроде бы, будет опубликовано в приложении к «Нью-Йорк Таймс».

Да, я забыл сказать, что Ваша литературная репутация в русской среде и сейчас несравненно выше моей, о Ваших книгах все говорят с каким-то серьезным выражением лица...

Прилагаю также халтурную передачу о Свирском. Если можно, переправьте копию автору. Я случайно узнал о хорошем его отношении ко мне. Он написал кому-то на «Либерти» в письме: «...Талантливых людей становится все меньше, вот и Довлатова выжили из «Нового американца»... Он прав.

Обнимаю вас и еще раз — благодарю.

Рекламу вашу в новой газете постараюсь дать, хотя отношения уже портятся и я скоро оттуда уйду.

Ваш С.Д.

## Довлатов — Ефимову

25 октября 1983 года

Дорогой Игорь!

Я долго не писал, потому что сначала изнемогал две недели в новой ежедневной газете, помогая им на первых порах, а потом у меня случился запой, довольно тяжелый, из которого я выкарабкался совсем недавно. Помню, у меня стали отниматься ноги, и я сказал об этом Лене, а Лена говорит: «Ты лежи». Как будто ноги нужны только при ходьбе...

В результате, как всегда, ничего катастрофического не произошло, с «Либерти» не выгнали, хотя я сорвал две передачи, перед всеми, кому нахамил — извинился и так далее.

Дружба с «Ньюйоркером» после долгого перерыва — оживилась. В декабре они печатают рассказ про брата, уже есть гранки, а в середине зимы — про Лену. И вообще, они меня и Кундеру называют все время вместе как двух продвинувшихся восточноевропейцев.

Книжка продается хуже, чем надеялся агент. Права расходятся, но, в основном — в какие-то второстепенные и даже неожиданные страны. Великие же державы (Франция, Германия, Италия) — упорствуют, лучшие издательства — отказали. Плохо то, что и рецензий меньше, чем ожидалось, их штук двенадцать, но в главных местах («Тайм», «Ньюзвик») — отказано. Воскресное приложение к «Нью-Йорк Таймс» интервью со мной печатать не захотело, думало, думало, звонило раза четыре — и потом раздумало.

То есть, чуда не произошло. Результат соответствует способностям. Ну и черт с ними. Вообще, расчет на чудо — глупость...

Завтра уезжаем вместе с Леной к Лосеву — читать лекцию по-английски (!), а через неделю с Леной же едем в Теннесси к одному сумасшедшему коммунисту — тоже лекция, но уже с переводчиком. Все это почти бесплатно.



Лена теперь будет разъезжать со мной, потому что у нас произошла драма. Мой отец с женой переселился в наш район, поближе к духовности и разговорам об искусстве. Мало того, что он снял дорогую квартиру и нужно принимать участие в расходах, мало того, что он пишет бесконечную и бессмысленную книгу, которую (страниц 800) Лена, по его мнению, должна набрать, а я оплатить издание, но все это чепуха. Хуже то, что я абсолютно не могу его переносить, а обижать тоже нельзя, он старый, больной и, в общем, положительный человек. Короче, я измучен постоянно сдерживаемым хамством. Зато его жена Люся, женщина 48 лет, очень добрая и симпатичная, охотно (за ничтожную, навязываемую ей мзду) берет на присмотр нашего сына Колю, страшного разбойника, плаксу и силача. Все мое имущество разгромлено Колей, и даже нож, который я купил за 28 долларов, даже не нож, а охотничий кинжал, Коля умудрился сломать, сунув его в щель пола и нажав.

Ежедневная газета «Новости» — живет, неплохо продается и сеет дикую панику в «Новом русском слове», идя бульварным путем «Калейдоскопа». А «Калейдоскоп» достиг уже, я думаю, 12 тысяч, если не больше.

Седых забрал к себе Вайля с Генисом (и правильно сделал), и даже мне что-то предлагалось через всяких третьих лиц вроде Петруниса и Шароля, но я всех обругал.

Посылаю Вам облагороженную рецензию на Чертока [«Последняя любовь Маяковского»] в «Новостях», если состоите с ним в контакте, пошлите, пожалуйста, копию, или черкните мне его адрес. Подборку из «Заповедника» сделал для «Новостей» же, пойдет через две недели, тоже с указанием — где приобрести.

Надеюсь, Вы успешно торговали в Канзасе?

«Заповедник» по-прежнему листаю с удовольствием, мне кажется — книжка очень хорошо выглядит. Хотя одну опечатку я все-таки нашел, причем, в гранках она была поправлена, а Вы, практический метафизик, не перенесли. Но это даже хорошо, поскольку полное совершенство — излишество, а одна опечатка — «ПРИХОДИДИЛОСЬ», при переносе со 111 на 112 страницу — это минимум.

И последнее. Получив ящики с книгами, я их тщательно исследовал на предмет стоимости пересылки, но

в знаках не разобрался, и прошу Вас сообщить мне категорически — сколько Вы потратили, я прекрасно знаю, что это не 3 доллара. Обязательно сообщите.

Обнимаю всех, если что-то забыл — напишу еще. В голове большой сумбур, дела запущены.

Ваш С. Довлатов

## **Ефимов — Довлатову**

*29 октября 1983 года*

Дорогой Сережа!

С грустью прочитал о Вашем срыве-падении-приступе. Случайно в этот момент под рукой оказался словарь Даля на букву «П», и там обнаружили следующие при сказки к случаю:

«Мужик год пьет, два не пьет, а бес прорвет — все пропьет».

«Пить до дна, не видать добра».

«Не спрашивай: пьет ли, спрашивай: каков во хмелю?» (Вы — ужасны.)

«Пить — умереть, не пить — умереть; уж лучше пить да умереть».

И так «Даль-ее».

То, что европейские страны не очень охотно приобретают книгу, наверняка имеет политическую подоплеку. Розовожопая журналистская братия еще готова слушать и печатать про лагеря и разруху (мы, мол, такого не допустим); но когда им ясно показывают, во что превратится их собственная жизнь под советчиной, они воруют нос.

Читать лекции — это мы тоже понимаем, тоже занимаемся (после долгого перерыва). На прошлой неделе я выступал в университете Майами (Оксфорд, Охайо), на следующей — две лекции в нашей мичиганской столице — Лансинге. Похоже, что все это симптомы оживившегося интереса к нам — к кровавым русским, способным ни за что, ни про что сбивать пассажирские авиалайнеры.

И про переселение отца мы тоже все понять можем. Помню, Вы с большим неодобрением слушали наши жалобы по такому же поводу и давали понять, насколько они несправедливы и необоснованны. Вот Вас и наказал Господь.

За газетными баталиями следим с любопытством профанов, попавших на корриду. Мало что понимаем, но

думаем, что любая конкуренция нам на пользу. Например, в Канзасе мы оказались единственными русскими, которые еще разговаривали с Кухарцами. И что же? Они были с нами нежны, приветливы и уплатили половину долга. Вообще же о Канзасе расскажу при встрече.

Из отзывов о «Заповеднике» — в большом восторге старшие Серманы. (Мы посетили их по дороге на конференцию.) Пересылка ящиков стоила 17 дол., которые, так и быть, из Вашего богатства можете мне вернуть.

Черток на днях должен появиться в Нью-Йорке, наверно Вы с ним пересечетесь.

И последнее.

Посылаю Вам английский вариант моей рецензии на книгу Устинова [«My Russia»]. Кто-то вчера на вечеринке сказал, что такую вещь мог бы напечатать «Ньюйоркер». А почему бы и нет? Если в этом нет неловкости, не подбросите ли ее своему редактору? Добавляю еще свою «виту» [cuniculum vitae — автобиография и послужной список] для солидности.

Всего доброго, нежные приветы Лене, Коле и всем,

дружески Игорь.

Да: читаю книгу Ветохина [«Склонен к побегу»] (560 страниц), в которой среди прочего описано ЛИТО Бакинського. Как сказал Гордин: «Проходит время будауров, приходит время мемуаров».

## Довлатов — Ефимовым

Ноябрь 1983 года

Дорогие Игорь и Марина!

С гулянкой покончено. Снова укололся и занимаюсь делами.

Крупные европейские государства слегка одумались, а именно — Франция хочет права. Всегда любил страну Монтеня.

Интервью мое на 20 страницах — отвергнуто почти всеми изданиями. И дело, как полагает агент, не в качестве интервью, а в недостаточной известности. Зато вчера приезжал какой-то типус из «Дейли ньюз», спрашивал насчет Орвелла и наступающего 1984. Я говорил какую-то чушь. Рекомендовал Вас, Игорь, как интеллектуала, но он сказал — нет времени. В общем, халтурщик.

Чтобы подтянуть английское издание «Зоны», я дописал большой рассказ, комедию из лагерной жизни (прилагаю). Послал это дело Максимову в ответ на две рецензии. Максимов через Иверни ответил, что я полный негодяй, но что рассказ смешной, и будет напечатан в 39-м номере.

Чек на семнадцать долларов с энтузиазмом высылаю.

Надеюсь, Вы не огорчитесь, получив ардисовскую книжку. Синее пятно на обложке и замена шрифтов лишили меня сна дня на четыре. Больше в «Ардис» ничего не дам, хоть и ссориться не буду. Деньги Карлуша Лене не отдает, напомнить стыдно. А то в контексте событий получается: «Верни, пока не помер».

С папашей я примирился. Тем более что его жена Люся — очень добрая и помогает нам с ребенком. Вообще, Коля очень скрашивает жизнь.

Основная трудность с папцом — не грубить. Выслушивать панегирики Михаилу Дудину, Надежде Поляковой, даже сраному Хаустову — и не посылать. Это нелегко. Но это, блядь, долг.

Вашу статью в «Ньюйоркер» обязательно передам, и скоро, потому что в декабре выходит у них мой рассказ и меня должны вызвать — подписать гранки (рассказ про братца). Денег уплатили — 4300. Мне досталось — 1800.

Неловкости в этом нет, особенно сейчас. Прежняя редактор была как Лена Клепикова, миловидная, таинственная, с богатой внутренней жизнью. Она так странно усмехалась, что, будь я в Союзе, то подумал бы, что надо трахнуть. Недавно она ушла из журнала — писать собственную прозу, говенную, как утверждает Аня Фридман. Нынешняя редакторша, Линда Эшер, худая курящая дама с фронтовой жестикуляцией, как бы — Бетти Шварц, тип — более мне понятный. Отношения с ней более знакомые и простые: кашель, комплименты, бескорыстное старческое кокетство. Кроме того, я подарил ей самовар. Короче, передам с надлежащими сопроводительными словами.

Число газет и журналов в Нью-Йорке — удвоилось. Сочувствую я только Рубину и Палею. Иногда что-то делаю для них. Дал отрывок из «Заповедника» с Вашим адресом (прилагаю).

Дела, в общем, идут. Обнимаю и т.д.

Ваш С. Довлатов

## *Ефимов — Довлатову*

*2 декабря 1983 года*

Дорогой Сережа!

Спасибо за письмо и за хлопоты. Как Вы наверное знаете по себе, после каждого редакционного отказа — какой бы безнадежной ни была попытка — хочется выпятить желваки и процедить что-нибудь вроде: «Они еще пожалеют!» Но нет — не пожалеют. Жалеть всегда будем мы.

Приложение-продолжение «Зоны» прочитал. Действительно, смешно, жаль, что не вошло в русское издание. Книгу «Наши» тоже читаем с удовольствием. Однако что за цена? В рекламе «Руссики» она стоит 4.95. Это «Ардис» так распорядился? Кстати, американские друзья переслали мне их последнюю рекламную открытку в пять строчек, смысл которых: «Помогите!!! закажите хоть что-нибудь». Я чувствовал уже давно, что они опять взяли надрывный темп, не представляю, как его можно выдержать при нынешнем состоянии рынка.

После публикации отрывка из «Заповедника» пришел один заказ.

Насчет приезда в Нью-Йорк ясности еще нет. То есть нет повода ехать. Но не исключено, что появится. Тогда испытаем раскладушку.

Из серьезных новостей: я стремительно погружаюсь в работу над новой книгой — документально-исторической-современной-бестселлерной. Тема, название — абсолютная тайна, потому что довольно легко украсть. В связи с этим пришлось отложить проекты трех других больших книг.

Всего наилучшего, поклоны семье, дружески

Игорь.

## Довлатов — Ефимову

7 декабря 1983 года

Дорогой Игорь!

Я страшно завидую тому, что Вы пишете толстую книгу, да еще — «отложив проекты трех других». Я не пишу ничего уже месяца три, жизнь моя полностью отображена, фантазия отсутствует. Писать рассказы, не тяготеющие к циклу, технически бессмысленно. Короче, занимаюсь только халтурой и письмами. Чаще всего лежу, и сынок танцует на моем пузе.

Цену на «Наших» установил, естественно, Карл, и я даже не знаю, хорошо это или плохо. С Леной они наконец расплатились и прислали новый том Булгакова, работа жуткая, зироксы с пожелтевших советских газет 30-х годов. Я Лене советую хотя бы повысить расценки, но она решительная только со мной. Грех говорить, но болезнь Карла стала его броней.

Вы говорите, нет повода ехать в Нью-Йорк. А конференция? Разве это не ближе, чем Канзас, где Вы, поди, жили в гостинице и ели в ресторане?

Адрес Ростроповича я пытался узнать у Езерской и Доры Ромадиновой, которая дружит с Вишневской. Выслушал все пошлости насчет того, что в Америке не принято давать чужие адреса, да еще — принадлежащие знаменитостям. Но когда эти старые дуры узнали, что адрес нужен Вам, то несколько смягчились. Удалось выяснить, что Славик в Вашингтоне, живет в гостинице «Уотергейт», телефон коммутатора: (202) 965-2300. Он — дирижер оркестра «Нэйшенел симфони». Это все.

Жизнь в Нью-Йорке — постылая. В соседнем доме неделю гостили старшие Серманы, но и они меня чем-то раздражают. Старик, конечно, в литературе разбирается, а Руфь, по-моему, не очень, слишком много говорит о доброте. Напоминает мою (впрочем — любимую) тетку. И еще — Пашу Палея, который считает, что хорошая литература описывает хорошее, а плохая — дурное.



В «Новый американец» пригласили редактором Альфреда Тульчинского, который известен тем, что вышел на всей своей одежде с помощью коленкоровой тесьмы свои инициалы «А.Т.». В один из первых же дней Тульчинский так донял попреками Наталью Шарымову, что у нее на нервной почве открылось, извините, маточное кровотечение. Седых, человек строгого воспитания, оплатил госпиталь.

Гриша увеличил алименты жене до 250 долларов, нанял внучку Маршака для писания писем, все остальные обязанности передал Хайкинду, зато ходит в зеленых брюках, подаренных моим отцом.

Соломон Волков хочет насильно выпустить книгу о Бродском, а тот грозит ему судом.

Всех обнимаю и люблю.

Ваш С.Д.

## Довлатов — Ефимову

23 декабря 1983 года

Дорогой Игорь!

Сведения и цифры Леонидову передал. Загадочная книга его, название которой считалось тайной, такое название обрела — «Две повести». Мне кажется, что название не настолько оригинальное, чтобы опасаться плагиаторов.

Листовку про Освальда бывшим минчанам раздаю. Я знаю целую колонию симпатичных людей из Минска — это все друзья Соломона Шапиро. Увы, я раз двадцать был в их компании и ни разу не слышал разговоров на эту тему, в основном говорили про тикеты [ticket, штраф за неправильную парковку и т.д.] и покупку домов. Но, может быть, листовка их расшевелит.

Вы, конечно, знаете, что недавно очень хорошо продалась новая книга об Освальде (автор не то Деннисон, не то Доналдсон), это легко выяснить, она была в списках бестселлеров.

Моя же книжка в «Кнопфе» (извините за переход) продается хреново, то есть хреново по стандартам крупного издательства. Положение настолько серьезное, что агент устроил совещание с икрой. Были мы в Аней Фридман, редактор из Ньюйоркера, редактор (отдела) из «Кнопфа», один рекламщик и т.д. Проблема в том, что издательство мою книгу не рекламирует, не дает платной рекламы в газеты и журналы. Месяц назад я разговаривал с Готлибом (это фактически хозяин «Кнопфа»), и он сказал, что платная реклама дается на книги Ле Карре и Апдайка. Я разумно возразил, что Апдайку реклама не нужна, у него есть имя. Тогда Готлиб сказал: «То, что вы говорите — справедливо. Но в издательском бизнесе очень мало справедливости». Если это не цинизм, то что же?

В общей сложности на «Компромисс» было 22 рецензии, и даже в приличных местах, и все они — положительные, но вялые. Такие рецензии продажу не стимулируют.

Я отлично знаю, что моя книженция не дает повода для бурных дискуссий, но все же грустно.

Теоретически есть возможность перейти с «Зоной» в другое издательство, даже в «Харпер энд Роу», но это значило бы похоронить «Компромисс», а «Зона» — не лучше.

Короче, агент написал письма разным видным людям с просьбой о содействии в рекламе, из тех, кого я знаю — Бродскому и Воннегуту. Воннегут отделался шутками и комплиментами (с разрешением использовать эти комплименты в рекламных объявлениях), а Бродский прислал агенту короткое серьезное письмо с перечислением действий, которые он намерен совершить. Меня это весьма растрогало. Ну, будем ждать...

Читали ли Вы книгу какого-то шведа «Переписка Маяковского и Л.Брик»? Это нечто уникальное по пошлости! Он дает несколько факсимильных копий, а в остальном сохраняет грамматику и пунктуацию оригиналов: это кошмарная переписка двух безграмотных ничтожных существ. Абсолютно невозможно поверить, что Маяковский написал хотя бы «Левый марш»...

Поздравляю вас всех с многочисленными еврейскими, православными и советскими праздниками, в которых я запутался совершенно.

Сын Коля взял со стола мой договор с Финляндией, положил его в соломенную корзинку для бумаг и пописал на него.

Катя выражает если не желание, то согласие учиться дальше, и мы теперь от страха боимся дышать.

Всех обнимаю.

Ваш С.Д.

## **Ефимов — Довлатову**

*20 февраля 1984 года*

Дорогой Сережа!

Посылаю письмо из Калифорнии — свидетельство растущей славы. А как же этот читатель узнал наш адрес? Неужели «Ньюйоркер» упомянул, что Ваши книги выходят в «Эрмитаже»? Каталог мы ему послали.

Посылаю также репродукцию картины Давида Мирецкого. Не использовать ли ее для обложки книги Лосева? По-моему, и близко по духу, и завлекательно. Если «да», надо будет спросить разрешения у Давида, с которым я знаком. Он, правда, друг Профферов, но авось согласится.

Всех обнимаю,

Ваш Игорь.

Да, Поль Дебрецени устроил мне приглашение в свой университет — прочесть пару лекций в апреле.

## ***Ефимов — Довлатову***

*20 февраля 1984 года*

Дорогой Сережа!

Вы, наверное, устали от басурманских рецензий, но вот — посылаю еще одну. Вообще же в этом выпуске журнала «Мировая литература сегодня» шесть рецензий на книги «Эрмитажа». Кроме Вас: Вайль и Генис, Суслев, Аксенов (пьесы), Бунин (по-английский), мои «Архивы».

Всех благ, дружески

Игорь.

## Довлатов — Ефимову

24 февраля 1984 года

Дорогой Игорь!

Во-первых, спасибо за книжки. С «Вавиловым» [М. Поповского] от души Вас поздравляю, прочитал немедленно, все закреплено, последовательно, и написано хорошо, в самом органичном для Поповского духе, он, конечно, молодец. Все там хорошо: и памфлет, и биография, и хитрости с документами, а главное — все меньше книг, которые ты способен прочесть до конца. А в «Новом американце» Поповский был — слон в посудной лавке. Ну и характер, конечно, наждачный.

Волохонский же, по-моему, двойник Саши Соколова. Оба эти гаврика загадочным для меня образом умудряются совмещать темноту смысла с пошлостью. Лыщу себя надеждой, что он издал все это за собственный счет.

Лосев странно тянет со страничкой текста о себе. Я уже мягко предлагал, что напишу сам, но он не поддался. Картинка Мирецкова — подходит (если отказаться от Лешинного проекта), послал ему копию для решения. Опять же — тянет.

Очень рад, что поедете к Дебреценям. Его жена Джилл еще симпатичнее. А в нем самое приятное — смесь мужества с интеллигентностью: много ли таких среди наших общих знакомых? Шигашов? Воскобойников?

За копию рецензии из «Мировой литературы» огромное спасибо. Пошлю зирокс Ане Фридман — она сейчас корпит над «Зоной», срок у нее — к маю, а готово страниц 35.

На «Компромисс», действительно, было много рецензий, больше тридцати, и все положительные, но это каким-то странным непостижимым образом ни на что не влияет. Готлиб (шишка из «Кнопфа») сказал: «Больше рецензий — это лучше, чем меньше, положительные — лучше отрицательных, но все это ничего не значит». Я спросил: «А что же значит, качество книги?». Он сказал: «Нет, качество высокое, это во всех рецензиях указано». Тогда я совсем растерялся и спросил: «Ну а что же все-

таки — значит?» Он сказал — имя. Но откуда же мне взять имя, если я написал книжку, ее все хвалят, а имени все нет и нет?.. Короче, я понял, что сначала надо стать Брук Шилдс, а потом уже сочинять рассказы.

Посылаю из хвастовства одну рецензию, наиболее колоритную, и один читательский отклик.

Жизнь осложняется тем, что из этнического курьеза, который вызывает только презрительную симпатию, я перешел в категорию, где тебя уже можно не любить, враждовать с тобой, где идет борьба, где все разделено на лобби: западный берег, восточный берег, левые, правые, «Н.Й.Таймс», «Вилледж Войс», и даже, я не шучу, гомосеки и не гомосеки. Со мной уже может быть так: где-то что-то не печатают, потому что редактор сказал: «А, это тип из «НьюЙоркера», который услаждает дантистов своими обтекаемыми, гладкими байками! Ну его к черту!..» Так уже было и не раз.

Как-то раз я снова благодарил своего агента за какие-то услуги и старания, восхищался его отношением ко мне, заверял его в своем полном доверии, а он (человек с юмором) сказал:

— Дай Бог тебе достигнуть того уровня, когда я начну тебя обворовывать!..

Ну, ладно.

Надеюсь, у вас все нормально, все женщины здоровы, работа идет? Как новый детектив? Не продвинулись ли «Архивы» в американском или кинонаправлении? Я все-таки уверен, что, живя в Нью-Йорке, Вы бы ускорили многие свои проекты.

Пока что, обнимаю. Катя очень смягчилась и уже не оскорбляет меня без повода. Лена неизменна, как метр-этalon в Париже. Коля — вождь краснокожих.

Да, недавно звонил Карл Проффер — Лена говорит, задыхался. Хочет устроить чуть ли не прощание с друзьями. Ужас.

Да, и еще. Вдова Леонидова притащила мне гору его бумаг — просит разобраться и подготовить для «Эрмитажа». То есть, будет издавать Пашины две книжки. Я, что сумею, сделаю. Очевидно, вы с ней в каких-то телефонных или письменных отношениях. Короче, я пока что буду разбираться в бумагах.

Обнимаю еще раз. Пора уже встретиться.

Ваш С.Д.

## Довлатов — Ефимову

8 марта 1984 года

Дорогой Игорь!

Благодарю за каталог и «Выбор в аду» Риты Бракман. Каталоги, мне кажется, Вы делаете более грамотно, чем другие. В них легко ориентироваться, и все ясно. Как человек фантастически нудный, могу добавить, что букочки в верхней части передней обложки — жидковаты. Давайте к следующему каталогу я Вам сделаю в «Эни-фототайп» на роскошной машине — жирненькие и плотненькие?

«Заповедник» благородно установлен на видном месте.

Кажется, я буду переписывать, доводить до приемлемого уровня и печатать в «Гранях» свои радиорецензии.

Статья о русских в «Тайм» меня разочаровала. Давать оценку себе самому не могу, но в остальном там нарушены все мыслимые пропорции. Бродский представлен как заметное этническое явление в одном ряду с Аркадием Львовым и Ниной Воронель, зато совсем не упомянуты — Владимов и Войнович. Что-то стали меня раздражать американские специалисты по русской литературе, мать их за ногу.

Леша Лосев, как и многие другие, человек довольно странный. Он дал мне тысячу инструкций насчет обложки своего сборника очерков (кстати, у него заглавие «Жратва», а не «Распределитель»), трижды переписывал биографическую справку о себе и, наконец, бестактно сказал: «Если бы вы знали, насколько мне безразлично, как все это будет выглядеть».

Тем не менее обложка и титульный лист — готовы. Вышлю их отдельной бандеролью завтра, так как хочу оставить копии для Леша и Нины. Я сделал единственный вариант, соответствующий Лешину проекту. Задняя обложка — чистая, я бы посоветовал Вам, в отличие от «Риты Бракман», дать на заднюю обложку список книг «Эрмитажа» — это принято. И еще один, простите, совет — набрать эти книги жирным сенчурикепсом и увели-



чить на зироксе на 20%, надеюсь, в Анн Арборе есть такие машины. Иначе машинописный (не заголовочный шрифт) на обложке выглядит тускло. Я поставил на задней обложке Ваш кораблик и марку с адресом. Если можно, замените их более контрастным и четким вариантом. Книги должны быть выровнены по центру. Но это Вы и без меня знаете.

Обложка, если возможно, глянцевая, как у «Заповедника», обязательно — черно-белая, иначе пропадет стилизация под советскую газету.

И еще. Я потратил на все это некоторые средства, время и усилия и хотел бы просить Вас о таком жесте. Если это почему-либо Вас не раздражает, я хотел бы, чтобы среди выходных данных было указано: «Оформление С. Довлатова», что, в общем, соответствует действительности. Леша дал самую общую идею, которую я развил и воплотил. Кроме того, вместе с обложкой я пришлю Вам копию шаржа Миши Беломлинского на Лосева, сделанного бледным карандашом на серой бумаге, который превращен мною путем череды фотостатов в отчетливый контрастный рисунок. С Вашей маркой я этого не сделал, потому что фотостаты (даже по блату) дорогие, а у Вас наверняка есть четкий вариант. (Я снова посмотрел — можно не заменять.)

Как Вы давно заметили, я очень горжусь своими полухудожественными дарованиями, и потому «оформление Довлатова» надолго согреет мою озябшую душу. Разумеется, я согласую это с Лешей и Ниной, но Лешин ответ из Германии может задержаться. Тем не менее я абсолютно уверен, что Леша возражать не будет. По-моему, такое указание ни с какой стороны не может вызвать его неудовольствия. Надеюсь, и Лена Ефимова не обидится, у нее работы хватает.

Недавно я был в Пен-клубе, записывали для «Либерти» вечер поэзии Ирины Ратушинской, в котором принимал участие Иосиф. Затем мы с ним вышли, и на улице Бродский вдруг сказал мне довольно энергичный литературный комплимент. И я подумал — это единственное, что мне следовало записать на магнитофон. Иосиф, как и на собственном вечере (по рассказам), был спокоен, даже весел и очень приветлив.

Марк Поповский, книгу которого о Вавилоне я повсюду справедливо расхваливаю, прислал на радио «Либерти» заявку на серию передач о сексе в СССР. Одна из первых передач в цикле называется: «Как довести женщину до беспамятства». Есть что-то глубоко нескромное в такой методичке. Будучи сплетником, я, наверное, уже рассказывал Вам, что Марк Александрович сказал одной совершенно бездарной журналистке и страшно уродливой женщине: «Дайте мне власть над вами, а я дам вам славу!». Как Вы думаете, Пушкин мог бы такое сказать? Выдумать такую замечательную фразу она не могла в силу все той же бездарности. Тут виден профессиональный литератор.

Всех обнимаю. Ждите обложку, я ее как следует упаку и запасусь идеальными копиями.

Ваш С. Довлатов.

P.S. Леша прислал (на будущее) подробные инструкции по оформлению стихов — его и Еремина. Причем это больше относится к вам, чем ко мне, то есть — к тексту, а не к обложкам. Я Вам пошлю копию его письма, а Вы будьте готовы к довольно трудоемкой работе, или же к тому, чтобы выслать мне оба набора для ухищренного макетирования. Но это, слава Богу, в будущем.

Всего вам всем доброго. Лена и мама кланяются. Привет Анне Васильевне. С.

P.P.S. Да, забыл еще один момент. Вас может смутить рамочка, которая подходит к самому краю обложки, поскольку в типографии есть допущения при обрезе. Если Вам кажется, что может получиться брак, то есть, рамку могут отрезать, то либо уберите ее (к сожалению), либо, и это, по-моему, лучше — увеличьте немного, на полсантиметра в ширину и высоту формат самой книги, что отодвинет рамку от опасного края.

Простите за бесчисленные советы, но я не только полуоформитель, но и полуеврей. С.

## Ефимов — Довлатову

19 марта 1984 года

Дорогой Сережа!

Получили макет обложки. Выглядит профессионально, придумано и выполнено со вкусом. Беда, однако, состоит в том, что я не мог бы принять его, даже если бы название было правильным. Ибо у среднего читателя при взгляде на такую книжку реакция была бы однозначной: «А, очередная сатира на советскую власть. Надоело». У меня настолько слабы надежды, что я смогу вернуть деньги, вложенные в эту книгу, что я, честное слово, не могу рисковать еще дополнительными потерями. Конечно, можно говорить, что я заблуждаюсь, что я не знаю покупателя и т.д. Но это мой опыт — другого у меня нет. И мои деньги — а их не густо. Так что я просто не знаю, что делать. Вы вложили столько сил и времени, но я уверен, что труд не пропадет: обложку можно будет использовать для какой-то другой книги, заменив лишь слова. А может быть, для Вас это послужит толчком написать книгу под названием «Жратва»? История литературы не знает примера, когда книга писалась бы к готовой обложке — по крайней мере абсолютная оригинальность хода обеспечена.

Из газет узнали, что праздник культуры Российской Американской Капиталистической Республики в Анн Арборе состоится. Будем рады, если Вы с Леной остановитесь у нас. Даем отдельную комнату. Вечером после выступления Профферы, очевидно, позовут вас всех к себе, но все остальное время — сколько вы тут сможете пробыть — милости просим к нам. Тогда обсудим, что делать с обложкой, с русской литературой, с американскими славистами.

Поклоны семье,

Ваш Игорь.

## *Ефимов — Довлатову*

*28 апреля 1984 года*

Дорогой Сережа!

Вчера получили известие о самоубийстве Яши Виньковецкого. Как в банальном безвкусном романе: вот была абсолютно успешная, благополучная семья и вот как все рухнуло в один день. И как будто мало чистого ужаса случившегося, мы еще оказались каким-то боком, каким-то краем замешены в эту драму.

Подробностей пока не знаем. Знаю только, что их обвинили в использовании культурно-благотворительных денег для издания книги Дины [Виньковецкой] и что она заявила им, что да, они получали деньги от продажи и что почти покрыли свои расходы. Фирма их звонила нам месяц назад и пыталась выпрашивать меня об условиях издания. Каким-то чудом я был настороже в этот момент и заявил им, что с готовностью предоставлю всю информацию, если меня письменно попросит об этом сама авторша, с которой наше издательство и вело все деловые отношения. (А был бы расслабленный или выпивши — так мог бы и проморгать, и ляпнуть. Это ничего бы не изменило, раз уж она сама призналась, но я бы грыз себя до конца дней.) Я тут же позвонил и спросил, что происходит, как мне себя вести. Дина пыталась занять позицию, что, мол, да скажи им все, как есть. Я попросил к телефону Яшу. Он говорил вяло, уклончиво, но согласился, что пока я поступаю правильно. После чего я повторил свои аргументы письменно и отправил их в фирму (получив сначала их — Эксона — письменный запрос). Я уже начал забывать эту историю, и вот...

Не думаю, что расследование коснулось одних «Илюшинных разговоров». Там несколько лет действовал клуб «Голубой лагуны», устраивались конференции по русскому авангарду и футуризму, печатались на какие-то средства кирпичи поэтической антологии под редакцией Кузьминского. И если они допускали какие-то неувязки

в отчетности, очень могло случиться, что Яша не стал извиняться и не пообещал исправить, а попытался занять принципиальную позицию абсолютной правоты. Вот это могло озлить администрацию. Именно такая позиция озлила многих его друзей в Москве, когда он пытался защищать поведение Марамзина на процессе.

Кстати, Марамзин звонил (разговаривала с ним Марина), он полон такого же гневного возмущения, поднимает кампанию в защиту доброго имени Яши, еще не зная, как все было. Уже предвижу, каким презрением он меня обдаст, когда я откажусь включаться до выяснения всех обстоятельств. Но я не могу, не могу.

За первые четыре месяца високосный год прокатился по нашим друзьям тяжелым катком: в одной семье умерли родители, в другой — открылся рак, в третьей — еще что-то неизлечимое, и вот теперь — самоубийство. Увольнения и автокатастрофы уже не засчитываются.

Мы будем в Нью-Йорке примерно с 10-го по 17 июля — увидимся.

Обнимаю все семейство,

Ваш Игорь.

## Довлатов — Ефимову

4 мая 1984 года

Дорогой Игорь!

Смету получил, благодарю. Сейчас мой подопечный наводит справки в других местах, за что Вы, надеюсь, на него не в обиде. Человек он бедный, как можно догадаться по содержанию книги: из не пенсионеров мемуары сочиняю я один. Короче, в его стремлении сэкономить нет, я думаю, ничего предосудительного. Хотя нет сомнения, что качество в «Эрмитаже» будет наилучшим. (Мой друг Гриша Поляк умудряется сооружать какие-то неслыханные, заведомо коллекционные книги с титульными листами в середине тома и с указанием в выходных данных: «Под ...шей .....цией ...фа ....дского», что должно означать: «Об общей редакцией Иосифа Бродского», но воск подсох от Гришиной медлительности, и буквы отвалились.

Если бы у меня, как у Гладилина, вышла книга с опечаткой на обложке (у Глезера вышла с тремя), я бы любыми способами, вплоть до суда, добивался уничтожения всех экземпляров до единого.

Короче, спасибо. О Виньковецком поговорим при встрече. Статьи в газетах очень нежные, но мало профессиональные, дочитав, хочется задать вопрос, почему же все-таки удался такой преуспевающий и разносторонний христианин?

Ждем вас в Нью-Йорке к 10 июля. Это что же, славистская конференция, издательские переговоры, или просто отдых? Где вы намерены жить? Хорошо бы у нас, по принципу «В тесноте, да не в обиде».

Обнимаю.

С.

Пишу в ужасной спешке, без черновиков. Отсутствие времени стало кошмаром моей жизни. Не сердитесь.

## Довлатов — Ефимовым

15 мая 1984 года

Дорогие Игорь и Марина!

От души поздравляю вас обоих [с 25-летием свадьбы] и благодарю за многолетнее ощущение приязни с вашей стороны, которое так помогло мне когда-то обрести минимум уверенности в себе и помогает сейчас защититься от чувства одиночества и безнадежности.

Ваше ровное и неизменное дружелюбие было на протяжении всей моей, так сказать — литературной жизни чуть ли не единственной психологической опорой, а поскольку я и сейчас вижу в литературе единственный смысл своего существования, то и продолжаю относиться к вам с благодарностью и любовью.

Уже здесь, в эмиграции, оказавшись для всех нас редким, даже уникальным примером достоинства, упорства и смирения, вы олицетворяете собой то лучшее, что было в ленинградской жизни, и с чем я не хотел бы расставаться, несмотря на все ссоры, разрывы и перемены в отношениях с людьми.

Мне кажется, уже и сейчас ваши достоинства вознаграждены той завидной атмосферой, которая установилась в вашем семействе, так что в будущем я могу пожелать вам лишь самой полной меры успешности и признания, которых вы заслуживаете.

Надо ли говорить, что мои чувства разделяет вся наша семья, и что они, эти чувства, распространяются, в свою очередь, на всех ваших родных и близких.

Надеюсь, когда-нибудь жизнь предоставит мне возможность выразить свое расположение к вам в действенной и осязаемой форме, а пока мне остается лишь еще раз заверить вас в своем уважении и в своей любви.

Обнимаю вас и жду встречи.

С. Довлатов.

## Довлатов — Ефимову

19 июня 1984 года

Дорогой Игорь!

Получил обе книжки — спасибо. «Жесты» [Barbara Monahan. «Dictionary of Russian Gesture»] с ходу отвергнуты радио «Либерти» за внепропагандистский характер и необычный жанр. Я как раз не согласен, пропагандистский момент там есть и может быть выявлен в рецензии, но не устно по радио, а в газете с приведением иллюстраций.

Лешу же обязательно расхвалю недели через три.

Посылаю Вам Риту Бракман [рец. на ее книгу «Выбор в аду»].

Сборник «Мулета» неправдоподобно убог и полон свинства.

Успел ли я рассказать Вам по телефону о таком занятном происшествии? Куба приобрела права на «Компромисс», после чего моему агенту звонил деятель из ФБР и спрашивал, не коммунист ли я? Болван-агент, который, по его выражению, «любит всем показывать кулак», сказал, что это не их собачье дело. В результате возникла сложная переписка с участием нескольких лиц. Все это меня беспокоит, потому что мы с Леной — злостные неплательщики долгов (Меттер!), а во-вторых, у нас нет ни грин-карты, ни тем более гражданства.

Лена с ребенком уехала на дачу, чему я внезапно обрадовался. Все же слишком много нас в одной квартире. Вам ли этого не понять?

Катя изъясняет пассивную готовность продолжить образование (в неизвестном направлении), чем вызвала с нашей стороны немоту, благоговение и трепет.

Всех обнимаю. Наташу — персонально. Передам ей с вами из Нью-Йорка кучку никчемных, но обольстительных предметов.

Ваш С.Д.



P.S. Сообщаю Вам, что я перечитал два романа Достоевского, а также «Войну и мир» и 5 рассказов Толстого, и отдаю Толстому (впервые) явное предпочтение за полную безыскусность: «Вслед за глупой жизнью придет глупая смерть». Все же Петр Верховенский — явная и неправдоподобная карикатура, Кириллов — тоже, а Ставрогин — роковая нарисованная на фанере личность. Если бы все было театрально и фантастично, как у Гоголя, тогда другое дело. А так — Верховенский и Кармазинов — придуманные, а Степан Трофимович — живой, получается разнородный мир. Все властные, богатые старухи у Достоевского — близнецы, все мальчишки и юноши — родные братья. И так далее. Извините за мысли. С.

## Довлатов — Ефимову

6 июля 1984 года

Дорогой Игорь!

Хотел было позвонить Вам, но решил, что лучше — напишу: вечно по телефону чего-то не договоришь.

Дело такого рода. Как Вы, может быть, знаете, «Континент» напечатал мой рассказ «Представление». Затем его воспроизвел журнал «7 дней». И вдруг, впервые за последние годы, я ощутил что-то вроде общественного резонанса. Было несколько телефонных звонков и даже комплиментарных писем из Европы. Использовались такие выражение: «Это лучшее из того, что вы написали» и т.д.

Короче, мне стало обидно, что этот рассказ проскочит в периодике и не закрепится ни в одной из книжек, разве что в американском варианте «Зоны». И я решил его издать тоненькой брошюрой на скрепках, как издавна, например, «Переписка из двух углов» (Гершензон и Вяч. Иванов) или, попросту говоря — как изданы многие детские книжки. Восторг перед солидностью и фабричностью у меня давно прошел, и потому я хотел, следуя эстетике дешевых изданий, выпустить эту книжечку на самой плохой бумаге со слегка утолщенной обложкой — не белой и не глянцевой, а серенькой, беж или голубой. Я справился у Гриши о расценках и узнал, что при тираже 300—400 штук можно уложиться в 200 долларов: набор имеется, цвет — черный по серому или голубому. В результате, у меня на руках готовый макет с обложкой, все расклеено, только нет выходных данных. А нет их потому, что я решил сначала обратиться к Вам. Я решил к Вам обратиться по двум причинам:

Вы издали «Зону», а это — как бы дополнение к «Зоне» (что, кстати, может быть отражено в подзаголовке), следовательно, эту книжку для начала нужно предложить Вам.

Издать такую брошюру не сложно, но я совершенно не умею ничего продавать, а значит, сам никогда не верну себе эти несчастные 200 долларов.

Наше содружество могло бы выразиться в трех вариантах:

1. Вы забираете готовый макет, издаете книжечку, допечатав выходные данные, а мне высылаете 30—50 экземпляров, больше в этот раз не нужно, поскольку уже было две публикации и дарить особенно некому, так что я заинтересован лишь в славистских кафедрах и в учреждениях, где хозяйничает Вероника Штейн.

2. Я оплачиваю печать, Вы даете мне 30—50 экземпляров, остальные распространяете через свой «Эрмитаж», а я в течение какого-то времени покрываю свои расходы. В этом случае такая просьба: нельзя ли деньги за печать отдать не сейчас, а месяца через полтора-два. Дело в том, что у нас затянулись финансовые затруднения — Лена не работает, должники притаились, гонораров никто летом не шлет, на «Либерти» перебои и так далее. То есть, нельзя ли отпечатать книжку в долг или отложить его до сентября?

3. Третий вариант — это, если Вы скажете, что Вас книжка не интересует. Ни малейших обид в этом случае не последует, и Ваш отказ (как писал в аналогичном случае актер Михаил Чехов — Юрию Елагину) «послужит шагом к нашей нерушимой дружбе».

Всех обнимаю.

Вдруг подумал, что вы уже рванули в Норвич, сейчас буду вам звонить, если не застану, то отложу это письмо и передам его вам (Вам) в Нью-Йорке.

Ваш С.

## Довлатов — Ефимову

27 июля 1984 года

Дорогой Игорь!

Передачу о Вас я сделал, копию высылаю, но уж очень халтурно она написана (с похмелья), печатать ее, вроде бы, не стоит. За мной остается что-то вроде очерка, мы это дело провернем.

Пьянство мое затихло, но приступы депрессии учащаются, именно депрессии, то есть беспричинной тоски, бессилия и отвращения к жизни. Лечиться не буду и в психиатрию я не верю. Просто я всю жизнь чего-то ждал: аттестата зрелости, потери девственности, женитьбы, ребенка, первой книжки, минимальных денег, а сейчас все произошло, ждать больше нечего, источников радости нет. Главная моя ошибка — в надежде, что легализовавшись как писатель, я стану веселым и счастливым. Этого не случилось. Состояние бывает такое, что я даже пробовал разговаривать со священником, но он, к моему удивлению, оказался как раз счастливым, веселым, но абсолютно неверующим человеком.

Недавно меня снимал фотограф из «НЙТ», долго играл с Колей, а затем позвонили (по его, видимо, рекомендации) из агентства и предложили снять Колю для телевизионной рекламы «Америкен экспресс». Мы поехали в агентство, сделали пробу и теперь ждем, что будет. Рассказываю это Вам потому, что в Нью-Йорке рассказать некому, все сердятся, хвастать даже несостоявшимися успехами — нельзя. Здесь ненавидят даже Нину Аловерт (нищую, без мужа, с двумя детьми и парализованной матерью) за то, что она имеет договор с каким-то издательством на книгу о Барышникове.

Теперь у меня новое развлечение — говорить людям, что у Ефимова дела идут лучше и лучше, и слушать в ответ, что этого не может быть никогда, ни с кем и ни при каких обстоятельствах.

Не сердитесь на меня. Полу Дебрецени я напишу.

Обнимаю вас всех, привет Наташе, она забыла зубную щетку и фонарик.

Ваш С. Довлатов.

## **Ефимов — Довлатову**

*3 августа 1984 года*

Дорогой Сережа!

Горько, что хандра кусает Вас так крепко. И, главное, нашла, проклятая, момент: когда, и вправду, достиг всего, чего хотел. Она, зараза, знает, когда напасть.

Спасибо за присланную передачу. Не завести ли мне отдельную папку, куда складывать все хорошее, написанное про меня, и потом по ночам перечитывать украдкой. Как, скажем, противоядие от хандры.

По возвращении говорил и со своим местным банкиром. Он меня знает, доверяет, но объяснил несколько хитрых правил, по которым нам на дом одалживать нельзя. Пока, во всяком случае. Планы переезда откладываются.

Посылаю Ратушинскую [«Стихи. Роемс»]. Так странно представить: хлебает она сейчас баланду в Мордовии, а тут книжка выходит. Обнимаю

**Ваш И.**

## Довлатов — Ефимову

15 августа 1984 года

Дорогой Игорь!

Книжку Ратушинской получил, спасибо, рад за вас. Попытаюсь пробить двойную передачу со стихами и цитатами из Бродского.

Новостей у нас мало. Мой папаша выпустил книгу мемуаров и теперь часами говорит со мной о своем таланте. Получив тираж, он сказал: «Цвет обложки мне не нравится, но внутри книга великолепная, искренняя, темпераментная».

Коля провалился на заключительном туре в телерекламе. Лена возвращается с дачи. Катя в Испании — путешествует. Мать более или менее здорова.

Депрессия не проходит, но к ней можно привыкнуть, как к мигрени. Впрочем, голова у меня никогда в жизни не болела, даже с похмелья.

Да, похоже, что «7 дней» закрываются. Петя с Сашей, как и следовало ожидать, повели себя трусливо. Подробности расскажу при встрече.

У Гриши Поляка на вокзале сперли портфель с бумагами. Среди них был готовый набор книги Моргулиса. Как сказал бы Марамзин — чистая мистика.

Прислал ли Вам Миша Михайлов копии своей переписки с Максимовым? (Как Вы, наверное, знаете, Максимов выгнал его из редколлегии «Континента».)

К сожалению, я убедился, что в мире правят не тоталитаристы или демократы, а зло, мизантропия и низость. Конфликт Максимова с Эткиндром — это не конфликт авторитариста с либералом, а конфликт жлоба с профессором, конфронтация Максимова с Синявским — это не конфронтация почвенника с западником, а конфронтация скучного писателя с не очень скучным. Разлад Максимова с Михайловым — это не разлад патриота с «планетаристом», а разлад бывшего уголовника с бывшим политическим. И так далее.

Обнимаю вас всех.

P.S. Извините за мысли. С.

С.

## Довлатов — Ефимову

18 августа 1984 года

Дорогой Игорь!

Значит, чужие муки действуют на Вас отрезвляюще? Хорош, нечего сказать! Все это напомнило мне эпизод, когда Борис Сичкин разбился, пьяный, в автомобиле и к нему в больницу пришел Леонидов. Пришел, взглянул на специальный лист с клиническими показателями и сказал с загоревшимися глазами:

— Ты очень плохо себя чувствуешь!

Сичкин говорит:

— Да нет, вроде бы, ничего.

А Леонидов в ответ:

— Что ты мне сказки рассказываешь?! У тебя жуткое давление. Пульса почти нет. Ты одной ногой в могиле...

И так далее. Сичкин говорил потом, что никогда не видел Леонидова таким счастливым...

Гранки получил, спасибо. Заметил несколько мелких опечаток. Почти все они перешли из книжки «Компромисс», которая в свою очередь — репринт с Гришиного альманаха. И какие-то две-три добавили вы сами. Но мама и Лена еще не читали. Они, я уверен, еще что-нибудь найдут.

Огромная, нудная просьба — перебирая строчки с опечатками (их будет немного), посмотрите, не возникло ли новых ошибок?

Рассказ, то есть гранки, вышлю не позднее, чем завтра, то есть, 18-го. Оцените, что я не стал почти ничего вписывать, исправлять и усовершенствовать. Но вообще-то, читая гранки, я всегда испытываю одно и то же желание — все заново переписать.

Игорь, хочу сообщить Вам, поверьте — без злорадства и тем более — без упрека, что Гриша пользуется типографией, которая, вроде бы, заметно дешевле Вашей. Печать книжки моего отца, 189 страниц, множество фотографий, бумага «60», при нормальном полиграфическом качестве обошлась Донату (вернее — мне) в 1380 долларов, включая

доставку и комиссионные. Уверен, что Гриша, и тем более — Рома Левин не будут скрывать координат этой типографии от Вас, но даже я знаю, что она находится на Холиоке, Массачусетс, и фамилия типографщика — Гамильтон. Если Вас это сообщение не интересует — забудьте.

Писал ли я Вам, что мой папаша, получив книгу и перелистав ее, сказал:

— Цвет обложки мне не нравится, но внутри книга — великолепная, искренняя, темпераментная!..

И за ужином несколько раз повторил:

— Книга состоялась!

Лена вернулась с дачи, Коля — симпатяга, Катя прилетает из Испании в понедельник, то есть — хандра моя несколько рассеивается. Вас это не опьяняет? Обнимаю.

Ваш С.



## Довлатов — Ефимову

21 августа 1984 года

Дорогой Игорь!

Этот скрипт про «Жратву», увы, совсем халтурный, скроенный из обрезков других передач, я послал недавно Леше. Леша в ответ позвонил, долго и подробно объяснял мне, что и как надо переделать, а затем послать Кублановскому для «Русской мысли». Я пытался увильнуть, но Леша сказал, что рецензия прекрасная, такая же замечательная, как моя проза, и что мне надо всерьез подумать о литературной критике. Тогда мне захотелось сказать ему: «В следующий раз, через десять лет, когда будете обозревать юбилейный номер «Континента», упомяните в строчку и нас с Игорьком». Но я сдержался.

На этом жалобы не кончаются. Когда-то я написал Леше же, что каким бы ни был Синявский, но он геройски вел себя на суде, не каялся, вообще не признал себя виновным, произнес мужественную речь и достойно отсидел шесть лет в лагере. В ответ Леша написал мне, что беспризорнику Максиму для выживания потребовалось больше мужества, чем Синявскому для суда и тюрьмы, и что вообще, шесть лет в лагере «с цифирком и разговорами за жизнь» — не так уж страшно.

Надеюсь, Вы, Игорь, так не думаете? У меня есть подозрение, что Леша и в пионерском-то лагере никогда не был. Вообще, что-то в нем надломилось, и я все примеривался, как бы с Лешей навек поругаться, но потом решил, что не буду, а то совсем не останется знакомых.

Синявский был в Нью-Йорке, он выпустил недавно традиционный роман «Спокойной ночи», который, я уверен, понравится Вам больше, чем другие его книги.

То, что ваш переезд в Н.Й. откладывается, — очень грустно, и в человеческом и в практическом смысле. Подумайте о таком варианте. Кто-то, кому Вы абсолютно доверяете (вроде, например, Марка Подгурского), получающий большую зарплату и платящий большие

налоги, берет в банке ссуду, покупает дом, формально — для себя, а фактически — для вас, списывает расходы на дом с налогов (и в этом его выгода от сделки), а вы возмещаете ему ежемесячно эти расходы. Затем он либо оформляет дарственную, либо еще каким-то способом передает дом в ваше распоряжение. Мы сами приглядываемся к знакомым с этой мыслью, и опытные люди говорят, что такой вариант реален, если, конечно, не напорешься на жулика, что, увы, тоже весьма реально.

Валерий Вайнберг продает (вернее, перекладывает убытки по журналу «7 дней») некоему Липману, человеку бедному, глупому и восторженному. Липман начал с того, что предложил Пете и Саше первое время работать бесплатно. Кажется, они согласны, будучи, при всех их дарованиях, чрезвычайно простодушными и зависимыми. Я всем вокруг себя недоволен. Вас же обнимаю.

С.

## Довлатов — Ефимову

27 сентября 1984 года

Дорогой Игорь!

Я очень жалею, что не снял копий с Лешиных писем, которые трудно разыскать теперь в гигантском ящике, а главное — со своих писем Леше. Мне бы очень хотелось, чтобы третье лицо было в курсе наших объяснений. Дело в том, что Леша мягко обвиняет меня в трусости и корысти, пишет, что я боюсь скомпрометировать себя дружбой с «Континентом», опасаясь за свое место на «Либерти». Вы наверняка заметили, что Максимов любит изображать себя затравленным чахоточным интеллигентом, над которым угрожающе склонились грубияны и силачи — Эткинд, Копелев, Литвинов и т.д. То есть, он, Максимов, нежный, бесправный, мечтательный плюралист и либеральный тихоня, а они — эткинды — влиятельные, дружные и нетерпимые тираны. Леша каким-то образом усвоил этот мотив, представляя «Континент» в виде бледного и слабого цветка, который со всех сторон обступили дубы и заслоняют от него солнце.

К сожалению, я читал письма Максимова руководству «Либерти», в которых он чернит Гладилина, Некрасова, Белоцерковского, Шрагина и т.д. Я не восхищаюсь ни одним из этих людей, особенно Белоцерковским, но все-таки каждый из них по сравнению с Глезером — Кришнамурти, да и по сравнению с Максимовым — тоже.

Леша называет в письмах Копелева — «добродушным старым дураком», Михайлова — милым пустомелей, а Синявского — гофмано-гершензоно-розановским графоманом. Все это не так. Даже если Копелев не обладает государственным умом, то все равно, во-первых, он не глупее Майи Муравник, а во-вторых, он — благородный человек, даже если в идеях Михайлова есть наивность, то все равно он героическая личность, даже если Синявский — не крупный и не самобытный писатель (а кто такой уж самобытный?!), то все равно, он, как ми-

нимум, мужественно вел себя на суде и в лагере. А это все не пустяки.

Если Вы помните, я Вам и раньше говорил, что у Леша обманчивая внешность. При всех его талантах, очках, шелковистых бородках, уме и образовании Леша — эмоциональный, а не интеллектуальный по своим действиям человек. Я все не могу забыть, как Леша учил меня подружиться с Максимовым. Он говорил: «Да напишите вы Максимову письмо — «Володя, еб твою мать...» И больше ничего к этому добавить не мог.

Все это грустно, потому что Леша мне очень нравится, и как писатель, и как человек, и разрыв отношений с ним был бы куда большим огорчением для меня, чем история с Марамзиным. Скоро, Игорь, Вы останетесь единственным человеком, с которым я вижусь и беседую добровольно и по собственному желанию.

Ну, пока все. Сообщите, во сколько обошлись цветы [Довлатов просил Ефимова послать цветы на похороны Карла Проффера.] Спасибо. Женщинам и девицам — привет.

С.

## Ефимов — Довлатову

1 октября 1984 года

Дорогой Сережа!

Вы всегда хвастаетесь своей аккуратностью, а тут выясняется, что ни своих, ни чужих писем не храните. Ай-ай! История литературы будет писаться по чьим угодно свидетельствам, только не по вашим. Будет считаться, что переписывались Вы столько с Ефимовым, потому что в наших железных ящиках папки хранятся надежно, как в КГБ. Не пора ли и Вам купить такие канцелярские шкафы?

У меня тоже то и дело возникают сложности с Лешей, но пока он реагирует на мои вопли с искренним раскаянием, и я утихаю. Тоже когда-нибудь покажу нашу переписку. Я понял, что в нашем возрасте рвать отношения со старыми друзьями — роскошь непозволительная. Есть другой способ: ослабить на время интенсивность, как бы положить весь ком обид и недоразумений на время в морозильник. В нескольких случаях залечился довольно быстро.

Обойма русских писателей в эмиграции выглядит внушительно, но куда же девался прославленный Соколов? Я тоже тут сподобился, 10 минут разговаривал по Детройтскому телевидению на политические темы. Первое мое выступление состоялось 5 лет назад, когда Профферы подсовывали нас всюду с лекциями, интервью, публикациями. После ссоры все это как обрезалось. Случайно ли, что именно через три дня после похорон славянский факультет, к которому обратились телевизионщики в поисках русского диссидента, рекомендовал именно меня?

Посылаю копию счета за цветы: 49.40. Можете прислать чек.

Кстати, я прочитал в газете «Панорама», что новый роман Аксенова, который выйдет в «Ардисе», набирается у них. Что это значит? Лена впала в немилость?

Всего доброго,

Ваш Игорь.

## Довлатов — Ефимову

2 октября 1984 года

Дорогой Игорь!

Если Вы еще не отправили мне письмо в связи с расходами на цветы, то добавьте в него, пожалуйста, адрес Ветохина. Мне почему-то кажется, что он в депрессии, я хотел бы написать ему ободряющее читательское письмо и выслать копию радиорецензии. Все-таки героические деяния он уже совершил, этого не отнимешь, а его безумные рассуждения о том, как заменить одну советскую власть другой советской властью — бесплодны, никого не волнуют и никому вреда не принесут. Несмотря на то, что он — антихудожник (это особенно заметно в любовных сценах) и даже слегка антисемит, мне кажется все же, что он — открытый, прямой и, конечно, совершенно геройский человек.

В связи с Вашим возможным намерением издать в 86—87 году том моих рассказов сообщаю, что я написал огромный рассказ под названием «Лишний» — старая тема «лишнего человека»: Онегин, Печорин, Григорий Мелехов, Остап Бендер... Не хотелось бы, чтоб она заглохла. Пока что я отослал рассказ Владимову в «Грани», посмотрим, что он скажет. В рассказе 42 стр. Старший Серман довольно энергично его похвалил.

Книгу Миши Крепса [«Булгаков и Пастернак как романисты»] я у Серманов отобрал. Набрался мужества и сказал: «Верните, пожалуйста, книгу Крепса». Илья Захарович нахмурился, но вернул.

Есть у нас такая новость — повредился в рассудке Соломон Волков. У него от психического перенапряжения совсем разладился организм — кровь идет из носа, не действует желудок. Ему запрещено докторами — работать. Вообще, Соломон и был человеком нездоровым. Года два назад он предлагал мне и Вайлю заняться коллективными половыми утехами, меняться женами и т.д. Я чуть не умер от страха, а мужественный Вайль сказал, что раз-

водится с женой Раей и потому к утехам не склонен. Оба мы с Петей люди пузатые, тонконогие, и гарцевать без штанов перед посторонними не любим. Соломон тоже не Роберт Рэдфорд, но, как видите, пылкий.

Мой папаня трижды ложился в больницу. Все это нас измучило. Писал ли я Вам, что сказала жена моего отца в связи с необходимой ему диетой? Она сказала: «Если Донату нельзя будет есть то, что он любит, то ему тогда незачем жить!»

Я брал интервью у Косцинского в связи со смертью Карла, и Косцинский сказал, что Эллендея вполне может сохранить издательство. Откровенно говоря, я в это не верю. Мне кажется, у Карла были гораздо более прочные связи с людьми. Я помню, как умер Н.К.Черкасов, и вдруг оказалось, что Шостакович, Мравинский, Альтман, Райкин, Ив Монтан и другие были именно его друзьями, они перестали звонить вдове Черкасова, и она умерла в забвении и одиночестве, между прочим, завещав моей матери полторы тысячи рублей, которые благополучно получил по доверенности мой брат и честно поделил их с Тамарой Зибуновой из Таллина.

Короче, мне почему-то кажется, что Эллендея не справится, а если уж «Ардису» суждено погибнуть, то пусть это хотя бы принесет пользу «Эрмитажу». Меня огорчило то, что Вы сказали о сокращении рынка. Надеюсь, это не историческая тенденция. «Ардис» свою задачу, в общем, исчерпал, а Вы только начинаете. Кроме «Ардиса», конкурентов у Вас в Америке практически нет.

И последнее. Я, кажется, заболел претенциозной болезнью — подагрой, в просторечии отложением солей, следствие злоупотребления вином, жирной пищей и солью при малоподвижном образе жизни. В общем, у меня болит нога. К врачу не пойду, это дорого и бессмысленно. Приятно, что такой же болезнью страдал Тургенев.

Всех обнимаю. Привет Анне Васильевне.

Ваш С.

<...>

P.P.S. Распечатал письмо, чтобы сообщить Вам следующее. Как Вы, может быть, знаете, Тополь и Незнанс-

кий издали свои совместные детективы на десяти языках. Затем они, естественно, поссорились. И вот теперь выпустили по отдельной книжке, и обе хорошо переводятся и продаются. Тополь — гнида и ничтожество, а Незнанский — хороший, простодушный и доброжелательный человек. Недавно показал свой детектив по-японски и по-шведски. Его приняли в особую писательскую организацию — «Мистери райтерс» и т.д. Он, вероятно, связан с детективными издательствами и агентами. Причем детективы у него и у Тополя не совсем пошлые, а с идеями и с нравственностью, условно — ближе к Ле Карре, чем к Агате Кристи. Короче, я уверен, что он захочет Вам посодествовать насчет «Арх[ивов] стр[ашного] суда». Могу ли я с ним предварительно поговорить на эту тему? Он живет в Джерси, но часто бывает в Н.Й. Вы бы захватили в ноябре с собой кусок на англ. языке и мы устроим встречу с Незнанским. Странно, что мне это раньше в голову не пришло, он очень идет в гору. Жду распоряжений.

С. Довлатов.



## Довлатов — Ефимову

4 октября 1984 года

Дорогой Игорь!

Деньги с благодарностью высылаю.

Копий с собственных писем я не делаю (кроме особых случаев), но чужие письма храню, хоть и в беспорядке. Когда-нибудь разберу их по личностям или по темам: комплименты, поношения и т.д.

Рвать отношения с Лешей по собственной инициативе я никогда не буду, но боюсь, что он сам эти отношения заморозит или уже заморозил. О таких вещах всегда неприятно и унизительно говорить, но Леша не раз вел себя бесцеремонно по отношению ко мне. Я всю жизнь охотно иду на неравные отношения, но открытое пренебрежение меня не вполне устраивает. Я уж не говорю о любимом Лешиним занятии — обременить какой-нибудь просьбой, а затем сознаться, что особой надобности он в этой просьбе не имел. Скажем, попросить достать какую-нибудь книгу (а в Нью-Йорке это значит — потерять день), и затем написать, что книга — говно и что он не смог прочесть больше двух страниц. Извините за мелочность примера.

Обойма русских писателей для статей в центральной прессе укомплектовалась по совершенно банальным принципам. С Бродским все ясно. Аксенов — самый знаменитый русский из не гениев. Я, единственный, всегда в Нью-Йорке, то есть, физически доступен. Львов — невероятный, фантастический проныра. Алешковского всегда тянет за собой Иосиф. И т.д.

Слава Саши Соколова, попавшего в литературу по величайшему недоразумению, закатилась, боюсь, рано утром 24 сентября нынешнего года [в день смерти Проффера].

Вообще, я довольно много уже беседовал со здешними журналистами, в том числе и со знаменитыми, и меня поразило, до какой степени они настораживаются, услышав новые имена. В разное время я называл им Гир-

шина, Бахчаняна, Вайля с Генисом, Люду Штерн, того же Вас, и всегда у них на лицах выражалось смятение и неловкость. Они хотят писать о тех, о ком они уже читали в других статьях. Все же для Америки это странно, а может быть, не очень.

То, что роман Аксенова набирается в «Панораме» — естественно. Во-первых, Аксенов — почетный друг «Панорамы», вроде Максима Горького в колонии Макаренко. В одной заметке Половец даже называет Аксенова — «Василий Павлыч», верх интимности. Кроме того, в «Панораме» работает дочка Майи — Алена, косенькая, но очень милая и простая женщина, даже не верится, что она — потомок номенклатуры. Алена могла устроить такой заказ.

Лена в общей сложности набирала для Проффера раза три или четыре, максимум. За исключением моей книжки «Наши», это была полиграфически тяжелая работа, со многими шрифтами, огромными страницами (Булгаков) и слепыми оригиналами при сравнительно низких расценках, установленных, впрочем, самой же Леной, а не Карлом. Карл никогда не торговался, никогда не торопил, писал милые письма, хвалил качество работы, но очень долго не расплачивался, а в последний раз настолько долго, что я написал ему письмо с просьбой расплатиться. Вы догадываетесь, чего мне это стоило. Должен сказать, что эти томительные ожидания меня раздражали. Хотите верьте, хотите нет, но мне проще подарить человеку 300 долларов, чем дать ему их займы на неопределенный срок, потому что в этом случае ты, с одной стороны, не знаешь, можно ли рассчитывать на эти деньги, а с другой стороны, не получаешь кайфа от сознания широты своей натуры.

Короче, Лена, конечно, не решится отказать Эллендее в выполнении заказа, если таковой последует, но и заинтересованности особой нет, скорее — наоборот. Работа сейчас какая-то появилась, и если Лена будет зарабатывать 150 долларов в неделю (выплата за машину + нянька), то этого достаточно. И так она зеленая и чахлая. А у меня сейчас, тьфу, тьфу, тьфу, положение на радио стабильное.

Книжку Крепса я читал сначала с воодушевлением и благодарностью, потому что она вполне доступная и про-

стая, а затем по тем же причинам ее невзлюбил. Видно, подлость моей натуры такова, что абсолютно доступные книги меня не устраивают. Раз я все понимаю, значит, что-то тут не так. Но передачу о ней я сделал и, разумеется, хвалебную. Радио «Либерти» критических рецензий не пропускает. Считается, что советская власть и так сурово критикует эмигрантов, хотя, по-моему, советская власть кладет на нас со страшной силой. Недавно один инженер спрашивал, не заманивают ли меня советские дипломаты и послы, как Ивана Бунина, на родину? Я вынужден был ответить, что нет, не заманивают.

Мне кажется, что Крепс слишком покорно идет за текстом «Мастера и Маргариты» и «Живаго», забывая, что оба романа не окончены в том смысле, что авторы не работали с издательствами, не наводили последнего глянца, не устранили многих накладок, замеченных (в «Мастере», например) Е.Тудоровской («Стрелец») и так далее, чего это я разошелся?!

Ну, пока все. Всех обнимаю.

Ваш С. Довлатов.

P.S. Во всех ближайших банках — очереди. Поэтому отправляю чек, с Вашего разрешения. С.

## **Ефимов — Довлатову**

*16 октября 1984 года*

Дорогой Сережа!

Посылаю копию письма одного еврея-югослава, которого я время от времени снабжаю местными изданиями. Я знаю, что на «Свободе» есть отдел, анализирующий эффективность передач. Передайте им, пожалуйста, это письмо, потому что там есть точные указания, когда и что они слышали. Хотя последнее интервью я давал Рюрику Дудину год назад. А как Вам нравится сравнение меня с Бернардом Шоу?

На Нью-йоркских знакомых точно мор какой-то напал: Ваш отец, Лена, Соломон Волков, а теперь еще двое наших приятелей. Нездоровый город. И зачем мы хотим туда переезжать?

Спасибо, что не забываете о моих «Архивах». Хотя я не верю, что один русский детективщик станет помогать другому, я буду признателен, если Вы подсунете Незнанскому русское издание. Понравится — пусть порекомендует своему агенту, тогда я пошлю перевод (половина готова начисто, ко второй есть синопсис).

Всех обнимаю, до скорой встречи (1—4 ноября),

Ваш Игорь.

## Довлатов — Ефимову

8 ноября 1984 года

Дорогой Игорь!

Надеюсь, Ваша поездка закончилась во всех отношениях благополучно. Мне показалось, что Вы бодры и на творческом взлете.

Новостей у нас мало.

Вайль и Генис плетут какую-то неясную чепуху о Вашей рукописи [«Кеннеди, Освальд, Кастро, Хрущев»], им, якобы, нужен концентрат, извлечение страниц на сто — сто пятьдесят. Посмотрим, что они Вам ответят. Я-то еще готов верить, что Вы способны написать неувлекательную беллетристику, но Ваши нонфикшин читаются прекрасно, даже с точки зрения газетных нужд. Не только «Без буржуев», но даже «Метаполитика», уверяю Вас, совершенно пригодна для газетных и тем более — журнальных публикаций.

Владимов позвонил из Германии и ликвидировал обидную неясность. Оказывается, они переехали, а я направил бандероль по старому адресу, и она сгинула. Похоже, что он не врет. Короче, я отправил ему копию, которую успел сделать для Вас, а Вам сделаю новую.

Вагричу Бахчаняну удалили желчный пузырь, после чего он придумал объявление: «По многочисленным просьбам читателей сатирику Бахчаняну удален желчный пузырь».

В «Нью-Йорк ревю оф букс» за 22 ноября появилась огромная статья знаменитого Джона Бейли о Евтушенко, Аксенове, Лимонове энд ми. 65% посвящено Евтушенко, 30% — Аксенову, а нам с Лимошей по 2,5%. Статья, как ни странно, довольно глупая, во всяком случае, по отношению ко мне, хотя там есть комплименты. Написано: «Д-в — настоящий юморист, у него комедии ситуаций». В этом моя скромная литературная драма. Сколько бы я ни печатался по-английски, никто никогда не напишет о моем, так сказать, языке, а это — един-

ственное, как я имею наглость думать, что может представлять интерес. Я очень намекал Майку Скэммелу, который пишет статью в «Атлантик», чтобы он вернул: «Среди русских много последователей Толстого, Достоевского, Булгакова, Зощенко, но эпигон Пушкина-прозаика — один, Сергуня». Уверен, что не вернет, собака.

Прежде, чем перейти к радиоделам, хочу сказать, что в Вашем лице русская пресса теряет лучшего и даже единственного консервативного политического публициста. Все, что пишет НРС в пользу Рейгана (Орлов, Лазарев, Крамер, Мейер, Днепров) — примитивное, холуйское говно. Ваш монолог на нашей кухне стоит всей предвыборной кампании в русской печати.

Теперь насчет «Либерти». Общее соображение заключается в том, что если Вы хотели бы честно, творчески для них работать, то будете разочарованы придирами. Если же Вы способны действовать в пропорции — 60% халтуры и 40% — творчества, то игра стоит свеч, я думаю.

Начну с расценок и объемов. За скрипт от 6 до 10 минут платят 140 долларов. 6 минут — три страницы. 12 строчек — минута. От 10 до 20 минут — 200 долларов. Дураку ясно (только Боре Шрагину неясно), что надо писать ровно три страницы, а если идеи не вмещаются, то надо разбивать большие идеи на короткие передачи. Еще раз сравните: 3 страницы — 140 долларов, 10 страниц — 200 долларов, таковы «ножницы»

Теперь о темах.

Мне кажется, надо действовать так. Вы пишете письмо Юрию Гендлеру (адрес у Вас есть) и предлагаете рубрику вроде той, что есть на «Голосе». Назовите ее, скажем, так: «Русская тема в американской прессе». Дальше. Мне кажется, переводы статей — недостаточно, нужен Ваш комментарий. Собственно, комментарий и есть самое ценное в пропаганде. Я думаю, стандартный скрипт может быть таким: полторы страницы — пересказ статьи с цитатами и полторы страницы — комментарий или даже: 2 страницы — пересказ и цитаты + страница комментариев. Помните, что очень ценится хотя бы минимальный юмор, издевка, но издевка корректная.

Существенная деталь в том, что предложение на радио своих услуг желательно сопровождать готовым об-

разцом. А то им страшно надоели всякие бывшие «литературные работники» из Гомеля, которые предлагают, но не делают.

Дальше. Помните хромоногую Володю Тольца, он подходил к Вашему киоску, а потом называл в разговоре со мной Ваши книги — «милыми»? У него теперь создается новая историческая программа. Основные темы пока — три: интервенция, Февральская революция и Ялтинская конференция. Почти все, что вы знаете о жизни, можно связать с этими темами. Это может быть рецензия на американскую или русскую книгу, близкую (весьма условно) к этим темам, воспоминания о встречах с людьми, рассуждение, отклик на амер. газетную статью, короче — все, что угодно. Допустим, тема — «Первая эмиграция — против Ленина и Колчака» может дать 10—15 скриптов. А дальше — какие-нибудь младороссы, раздел Европы, Керенский как публицист, как стратег, как оратор и т.д.

Мне кажется, единственная трудность для Вас в этой работе та, что вы не способны представить себе низости уровня. Человеку легче подняться выше своих возможностей (Слущкий), чем опуститься ниже своих возможностей.

«Этика» всего этого сводится к тому, что писать для «Либерти» надо, если ты можешь делать это с легкостью. Я трачу на скрипт 3 часа, Парамонов — 2, Рубин — 45 минут.

Простите, что затягиваю Вас в эту помойку. Если есть вопросы — готов всячески соответствовать. Готов блюсти также Ваши интересы, сообщать внутреннюю информацию и восхвалять Вас в должных аспектах.

Вчера мы провели с Бродским день в Гр. вилледж, и он раз тридцать повторил: «Марина Ефимова — прелесть». О Вас, извините, ничего не сказал.

Обнимаю.

С.

P.S. Совсем забыл такую вещь. Предложения и скрипты для Тольца (если таковые последуют) нужно посы- лать не через Гендлера (дабы избежать лишних инстан-

ций и придилок) а прямо в Мюнхен. Лучше всего этого сделать через меня, <...> я даже не знаю мюнхенского адреса. Но здесь, на радио, есть так называемый «поуч», что-то вроде телекса, короче, ты отдаешь письмо без адреса, но с фамилией адресата — секретарше, и она посылает его (бесплатно, так что не наклеивайте марок) — в Мюнхен, причем письмо (или бандероль) любого объема будет доставлено на следующий день.

Жду, обнимаю. Ваш С.



## **Ефимов — Довлатову**

*12 ноября 1984 года*

Дорогой Сережа!

Поддаваясь Вашему нажиму, послал Гендлеру письмо и три переведенных статьи — на пробу. Название для предполагаемого цикла передач: «Новости советологии». Однако очень прошу Вас — не вкладывайте в поддержку этого проекта слишком много сил. Даже самый удачный исход ничего не изменит в нашем финансовом положении, а нагрузка у меня такова, что ни на что новое времени нет, нет, нет.

Посылаю Лене производственный подарок — очень удобные наборы всяких значков, необходимых в нашем печатном деле. Вас же прошу прислать мне штук 5 экземпляров книги «Марш одиноких»: один в подарок, остальные для заказчиков, которые откуда-то прознали про книгу и требуют ее у нас.

Всех благ, обнимаю,

Игорь.

## Довлатов — Ефимову

19 ноября 1984 года

Дорогой Игорь!

Сегодня я был в городе, забрал Вашу рукопись у Пети и беседовал коротко с Гендлером. Он был перед праздниками в цейтноте, успел только сказать, что просит Вас позвонить ему на работу — коллектом [т.е. за счет того, кому звонят]. Напоминаю телефон: 397-5322 зовут его Юрий Львович. Видимо, его всерьез заинтересовало Ваше предложение. Как правило, он ведет себя пассивнее.

Получил письмо от Вадима Белоцерковского, в котором он пишет, что «ниже Солженицына в эмиграции не опускался ни один человек».

Да, еще одна новость, вернее — сплетня. Зиновьев, якобы, звонил Владимову, советовался насчет возвращения домой. Надо сказать, что последнее интервью — хорошая база для такого шага.

Кажется, я говорил Вам, что виделся с Бродским, и в какой-то момент Иосиф не без досады (как мне показалось) обронил: «Солжа пригласят, а меня нет».

Посылаю Вам копии двух рецензий (если это можно назвать рецензиями) на Людкины книжки. Ну, скажите, мне по совести, есть ли в них хоть какая-то почва для обиды, хоть какая-то тайная злоба или насмешка? Разве они не полностью комплиментарны, насколько это прилично и правдоподобно? А я на этот раз даже боюсь посылать ей копию, не могу предугадать, что именно вызовет ее раздражение.

Я виделся с Людой в Америке раз шесть, и все наши встречи заканчивались ссорой. Видно, мне разрешается быть только спившимся люмпеном с сотней страниц неопубликованных произведений. Это довольно грустно. Все же Леша Лосев, например, человек яркий, талантливый, ученый, но более или менее посторонний, а с Людой я, действительно, дружил и признаю, что многим ей обязан. И так далее.

Тоска в Нью-Йорке смертная. Хоть из дома не выходи. Все русские сообщества, начинания и круги проникнуты каким-то очевидным неблагородством. Идеализм полностью и окончательно заглох, даже от Шрагина можно услышать: «Лишь бы деньги платили». Как все-таки ужасно, что у нас такая ненормальная родина, было бы у нас дома что-то вроде какой-нибудь засраной Италии, как бы мы замечательно жили. Отсюда даже Лида Потапова мне кажется солнцем, не говоря о Крайчике.

Всех обнимаю. Простите за уныние.

Ваш С. Довлатов.

## Довлатов — Ефимову

20 ноября 1984 года

Дорогой Игорь!

Я с большим увлечением прочитал начало Вашей рукописи. Петя и Саша абсолютно не правы. Они говорили мне: «Русские читатели не знают всех наших источников, которыми пользовался Ефимов». Но это-то как раз и хорошо, потому что создает выигрышную, спекулятивно-выигрышную для журнала ситуацию: «Американцы не смогли разобраться в убийстве собственного президента, а наш русский писатель-эмигрант Ефимов — разобрался». Как раз Перельман более или менее прав был, требуя сокращений: ему бы для такой публикации потребовалось два года. А в «7 днях» можно было бы пропустить книгу за 3—4 месяца. Но черт с ними. Кстати, рукопись можно было бы давать любыми порциями, хоть по 2—3 страницы, поскольку есть общая идея — «заговор или не заговор», а дальше уж каждый отрывок вполне самостоятелен. Вы, наверное, догадываетесь, как я не люблю читать непонятные тексты, но здесь — все понятно, никакая дополнительная компетентность не обязательна, мысль работает без пауз, язык прекрасный — деловой и точный, нормальная доза юмора и т.д.

Вы когда-то сказали мне, что вне беллетристики чувствуете себя более уверенно. Извините за подлянку, но это чувствуется. Все же голова у Вас — самый качественный орган, да и юристом, наверное, Вы могли бы стать очень даже неплохим, хоть бы даже и следователем. Короче, ждем продолжения, Лена уже дочитывает начало, мама с папашей — на очереди.

Перехожу к замечаниям. Они настолько мелкие и вкусовые, что я хотел вообще их не делать, но решил, что Вы подумаете, будто я ленюсь.

В рукописи, которую я получил от Пети, отсутствуют 106-я, 107-я, 110-я, 111-я и 112-я страницы. Мне, откровенно говоря, не хочется Пете по этому поводу зво-

нить, они жутко неаккуратные люди, будет долгий разговор с уверениями, что так и было, видимся мы редко и без особой любви. Короче, нельзя ли получить копию этих страниц, и тогда в конце концов у меня скопится весь полный текст. Или он Вам нужен срочно?

В заключение благодарю Вас за приятную и редкостную возможность — сказать писателю без вранья и притворства, что тебе очень нравится его произведение. Такое со мной было раз восемь в жизни.

Недавно я сказал Поповскому комплимент о «Вавилоне», но Маркуша продолжает называть меня «господин Довлатов». Вообще, слово «господин» в эмиграции — тонкая шпилька. То есть, вежливость несет почти единственную функцию — оскорбления. Помню, Максимов в одном письме назвал меня «мусью», наверное, хотел сказать — «жид». А более сдержанный Буковский, коря меня за что-то, говорил: «сударь мой».

Поздравляю Вас. Будьте здоровы.

С.

\* \* \*

## *Ефимов — Довлатову*

*26 ноября 1984 года*

Дорогой Сережа!

Рад, что «Кеннеди» Вас заинтересовал. Спасибо за замечания — почти все справедливы. Петя и Саша не виноваты в потере страниц: это я вынимал для переводчика. Посылаю недостающие. Вложите их на место и держите рукопись пока у себя.

Обнимаю, Ваш

Игорь.

## Довлатов — Ефимову

28 ноября 1984 года

Дорогой Игорь!

Я несколько запутался со списками — кому я послал книжку «Наши» и кому не послал, если Вам послал, то всучу на АТСИЛовской конференции, где Вы, надеюсь, будете. Кстати, мы приобрели сносную раскладушку для гостей, с матрасом, на прочной железной раме.

В «Ньюйоркере» я был, виделся с Линдой Эшер и спросил о Вашей статье, сопроводив это все надлежащими аттестациями. Но Линда уверенно сказала, что «Ньюйоркер» публикует лишь статьи, заказанные редакцией. Вообще, мне как-то не удастся быть полезным своим знакомым. Марк Гиришин, например, дал мне перевод главы из «Брайтон Бич» и попросил показать его Анн Фридман — чтобы всего лишь убедиться, хороший перевод или не очень. Для этого, как Вы понимаете, достаточно прочитав две-три страницы, но эта тихая, елейная, нежная и плаксивая сука, получающая 50% гонорара даже за те издания «Компромисса» (норвежское и датское), где перевод делается непосредственно с русского оригинала, отказалась читать, заявив, что неэтично оценивать чужую работу. По-моему, врет и ленился. К сожалению, во-первых, очень велика моя робость по отношению к туземцам, и во-вторых, ощущение зависимости от той же Ани или «Ньюйоркера», вечно дрожу от страха и от всех завишу, а то хотелось бы всем сказать, что я о них думаю. Есть ощущение, что процент свинства среди американцев близок к отечественным показателям.

Между прочим, рассказ, который появится в «Ньюйоркере» буквально на днях, исковеркан цензурой, самой настоящей: еврей плохим быть не может, коммуниста ругать не надо — все это у них называется: «не потакайте стереотипам». Из одного моего рассказа в «Ньюйоркере» выкинули «резиновый пенис», такая у них

стыдливость, причем этот пенис фигурировал, как Вы догадываетесь, в самом невинном и юмористическом контексте, а вовсе не по прямому назначению.

В Нью-Йорке — скука и низость, «Русское слово» набито холуями, С.К. <...> — капризный самодовольный дурак, Палей — шпана, Соломон Шапиро всегда стремится в дорогой и неудобный ресторан, Гриша, при всей его доброте, все чего-то хитрит, Бродский недоступен, Леша Лосев не отвечает на письма, содержащие легко выполнимые просьбы, и так далее. Я почти не выхожу из дому, слава Богу, есть такая возможность. Лучше всех ведут себя малознакомые американцы.

Мой сыночек Коля выбросил в окно мои часы. Катя снизошла до желания поступить в колледж. Лена абсолютно не меняется, за что ее и уважаю, даже одета примерно так же, как в Ленинграде. Я хочу написать повесть «Невидимая газета», продолжение «невидимой книги», но на американском материале.

Надеюсь, у Вас все более или менее в порядке. Надеюсь также, что будет от Вас телефонный кол [call, звонок] или письмо, чтобы знать, когда Вы приедете и прильнете ли к нашей раскладушке, которая называется «Игорева раскладушка», потому что хуже всех отнеслись к нашим диванам именно Вы.

Всех обнимаю. Женскому полу любовь и привет.

Ваш С. Довлатов.

## Довлатов — Ефимову

*Декабрь 1984 года*

Дорогой Игорь!

Получил бумаги: предисловие (в котором я, единственный из участников сборника, не упомянут), библиографические справки и титул. Над обложкой продолжаю думать, надеюсь, что-нибудь придет мне в голову.

Кстати, не хотите ли Вы дать «шестидесятые» — цифрой? Вот так — «60-х». Получится элегантный треугольник:

### ИЗБРАННЫЕ РАССКАЗЫ 60-Х

Предисловие не слишком яркое, но вполне культурное, строгое, то есть — на уровне. Данные в библиографической справке обо мне — соответствуют. Об остальных, кого я знаю, тоже.

Замечания, если Вас это не рассердит, такие. Законность моего участия в сборнике мне трудно обсуждать. Сначала мне казалось, что я буду чересчур выделяться. Но, поскольку там большая ленинградская колония, я, вроде бы, успокоился. Единственное, что безусловно — рассказ мой написан не в 60-е, а в 70-е годы, но этого, кроме нас с Вами, никто может и не знать, никаких примет именно этого десятилетия там, кажется, нету.

Жаль, что Вы, не включили рассказ Грачева. Я думаю, его книжку «Где твой дом» можно было раздобыть.

И еще. Кто уж, действительно, выделяется, так это Ржевский. Поверьте, я говорю это не потому, что он мне не нравится. Во всяком случае, я согласен, что он профессиональный писатель. Так что, дело, разумеется, не в качестве. Дело в том, что он — единственный «иностранец», единственный, кто в 60-е годы жил на Западе. Если уж включать Ржевского, то надо было представить какую-то группу иностранцев, хотя бы из трех человек. Например, добиться разрешения у Веры Евс. на публи-



кацию рассказа Набокова и дать еще кого-то, кто из эмигрантов писал что-то стоящее в 60-е годы: Берберова, Яновский, Адамович (у него есть рассказы, не только критика и стихи), Борис Зайцев, Алданов (не помню, когда он умер, но сравнительно недавно), Осоргин и т.д. А так получается — советская литература + Ржевский.

Я понимаю, что эти замечания бессмысленны, переделывать ничего Вы, естественно, не будете, но полуврей все же не может обойтись без замечаний. Кроме того, вы знаете, как я рад, что Вы затеяли это творческое начинание, и как я благодарен, что меня не вполне законно в эту шикарную книжку включили. Так что, надеюсь, Вы не сердитесь.

Знаете, что говорил Бунин в 70 лет, будучи Нобелевским лауреатом? Он говорил:

«До сих пор, как только увижу свое имя в печати, испытываю в этом месте (он кладет руку на сердце) что-то наподобие оргазма».

Разрешите дать Вам один пластический совет. Поставьте слово «Эрмитаж» на обложке крупнее, чем обычно, то есть, подчеркните, что это Ваше создание, книга «Эрмитажа». Таким образом Вы подготовите почву для альманаха «Эрмитаж», который, я надеюсь, рано или поздно, появится. Между прочим, и «Руссика-81» и Гришкина «Часть речи» продались хорошо, к здешним альманахам, видно, есть какой-то интерес.

Посылаю Вам копию новогодней передачи о русских издательствах в Америке.

Пока что, будьте здоровы. Поздравьте всех Ваших с Новым годом.

Да, если будет какая-то оказия, напишите одну фразу — как Вам статья Проффера? Тут о ней много разговоров. Мне статья решительно не понравилась. Даже обидно за Карла, жаль, что его последняя публикация так поверхностна. Неужели он всерьез считал, что Раковый корпус» ниже «Железки» Аксенова?

Всех обнимаю. С праздником!

У нас все более или менее в порядке.

Ваш С.

## Довлатов — Ефимову

7 декабря 1984 года

Дорогой Игорь!

Известие о Вашем переезде — огромная радость. И дело, конечно, не только в возможности встреч и бесед. Уверен, что перемена места ликвидирует явный и несправедливый пробел в Ваших творческих делах: Вы начнете печататься и издаваться по-английски. А также сможете вступать в контакты с американскими (ленивыми) журналистами.

С Гендлером («Либерти») мы беседовали о Вас и решили, что лучше по Вашем приезде организовать с Вами широкое политическое интервью, чтобы сразу показать Ваши возможности, а дальше уж — как Вы захотите. Мюнхенское начальство уже будет знать, на что Вы способны. Я знаю, что они дико нуждаются в убедительном консерваторе, но не в жлобоватом Днепрове, а в консерваторе с человеческим лицом. Год два назад они так и не смогли найти ни одного публициста, который сумел бы высказаться убедительно за смертную казнь и не добавил бы при этом, что всех черных надо отправить в Африку.

Новость у нас такая — закрылся журнал «7 дней». В последнем номере, который вышел сегодня: прерванная на середине публикация Поповского («продолжение в след. номере») и очень грубая статья Проффера о Солженицыне. В результате, в связи с закрытием на этом номере, возникнут три смешных предположения, три версии: часть подумает, что «закрыли из-за Солженицына», сам Солженицын, который, как выяснилось, все читает, скажет: «Господь покарал моих хулителей», а наш друг Поповский будет уверен, что журнал лопнул, не выдержав напора его таланта.

Посылаю Вам копию скрипта про Терезу [радио-рецензия на книгу Дмитрия Мережковского «Маленькая Тереза»].

Ваш С. Довлатов.

## Довлатов — Ефимову

22 декабря 1984 года

Дорогой Игорь!

Посылаю макет обложки. Понравится — хорошо, нет — не обижусь.

Не худо бы в выходных данных указать:

«На передней обложке использован фрагмент графической композиции Сиима Аннаса».

Это таллинский художник, живет в Союзе, так что претензий не будет. Вот как его работа обозначена в каталоге:

Siim Annus. 69. Untitled. 1976. From a set of seven. Ink drawing. 32 × 32 cm.

Не исключено, что его фамилия звучит как «Аннус». Но слово «Аннус» — невоспроизводимо. Еще лучше дать эту фразу мелким шрифтом по-английски. А можно вообще ничего не указывать.

Знаете, если сборник пойдет хорошо, то можно со временем соорудить ленинградский выпуск, можно даже прозу и стихи: Бродский, Кушнер, Лосев, Соснора, Глеб Семенов, Лена Шварц, Галушко, Кумпан, Вольф, Рид Грачев, Горожане, Битов, Попов и т.д. Единственная моральная сложность — увязать Бродского с Бобышевым. Мне то на Вашем месте было бы проще, мне Димины стихи вообще не нравятся, независимо от его вражды с Иосифом. Знаете ли Вы, что Дима уже здесь написал цикл стихов с отвратительным названием «Милые оки», то есть — штат (или город) Милуоки. По-моему, ужас.

Не звонила ли Вам чувиха по имени Джоан? Она пишет для «Коламбия джорнелизм».

Пока что, будьте здоровы. Всех обнимаю.

Ваш С.

## Ефимов — Довлатову

24 декабря 1984 года

Дорогой Сережа!

Посылаю очередные печатные комплименты в адрес Ваших писаний — подшейте их к коллекции.

В составлении «Избранных рассказов», конечно, имели место издательские пристрастия и вкусовщина. Рассказы Грачева мне никогда не нравились, Ржевский — наш друг, покровитель, милейший человек и до сих пор активно пишущий писатель. На пороге 85-летия он заслужил хотя бы малую толику признания. «Добиться разрешения у Веры Евсеевны» — это мне понравилось. Тут уж Вы звучите, как любой американский профессор, который говорит: «Ну почему Вы не добиваетесь, чтобы Ваши собственные произведения разрешили Вам вывезти из СССР открыто»? Далее идет перечисление значительных писателей 1930—40-х годов — невозможно включать хронологически. Я жалею, что не вставил Вольфа, но у меня нет его согласия, и я боюсь.

Спасибо за неустанную пропаганду «Эрмитажа» по радио. Но одно я прошу, прошу, прошу исключить навсегда, даже если удобно вырезать из старой статьи-передачи и вставить в новую: любые упоминания о взнитипресс, об «издательстве тщеславия». Вы ведь знаете, что первой у нас вышла книга Аверинцева — при всей нашей нищете. Вы знаете, что за деньги авторов печатают и все остальные, включая Ардис, — у вас же получается, будто это отличительная черта «Эрмитажа». Вы знаете, сколько денежных книг мы отвергли, включая Вашего Сагаловского, Игоря Бирмана и многих других. Самое ужасное: Вы начинаете перечислять, кто издавался за свои деньги, кто за наши. Это убийственно для наших авторов. Я категорически запрещаю себе и Марине говорить с чужими на эти темы и теперь жалею, что подрюмку проговорился в разговоре с Вами, — но мы просто не привыкли держать что-то в секрете от Вас.

Сереза, это не втык, а вопль-мольба на будущее: исключите эту тему из своих писаний и разговоров.

Увидимся в конце января. Надеюсь, к тому времени уже что-то будет для Лены (но без гарантии).

Всем привет, дружески

Игорь.

## Довлатов — Ефимову

28 декабря 1984 года

Дорогой Игорь!

Никаких упоминаний об «издательстве тщеславия», разумеется, больше не будет, но вообще-то я пишу об этом в седьмой раз, и Вы никаких претензий не выражали. А может быть, я туповат и не расслышал Ваших претензий. Во всяком случае мной руководили самые добрые чувства, мне казалось, что это красиво. Короче, с этим покончено, вообще, о деньгах и механизмах не буду заикаться, речь пойдет только о книгах. Ради Бога, простите, что невольно огорчил Вас, никого из Ваших авторов, как Вы догадываетесь, я унижить не хотел, и никакого злорадства по отношению к коллеге, издающемуся за собственный счет, у меня не может быть. Разве что речь зашла бы о каких-то праздных богачах и графоманах. Но богачи книг не пишут.

В составлении «Избранных рассказов» вкусовщина и пристрастия, действительно, имели место, но не мне на это жаловаться, поскольку сам я проник в этот сборник именно благодаря пристрастиям и вкусовщине. Тем не менее, как человек патологического занудства, продолжаю спорить. Ржевский плох не сам по себе, а тем, что один-единственный иностранец. Положим, Вера Евсеевна, действительно, трудная женщина. (Хотя презираемый Вами Поляк два рассказа у нее получил вполне законно.) Оставим Набокова. Из тех, кого Вы называете «значительными писателям 30-х — 40-х годов», Берберова и Яновский живы, причем Берберова выглядит на двадцать лет моложе Дины Виньковецкой, а Яновский ходит на лыжах и гоняет по озерам на скутере, что же касается Зайцева, Газданова и Адамовича, то они умерли «в районе» 70-го года. Соснора, например, был знаком со всеми троими. Но это так, к слову. Книга получится замечательная и даже странно, что никто («Ардис»?) не выпустил такую пять лет назад.

Помимо ленинградского сборника, о котором я Вам писал, можно было бы со временем составить небольшую книжку «Памяти Дара». Могли бы что-то написать Вы, Косцинский, Марамзин, Серман—Зернова, Слава Паперно и я + трое или четверо израильтян, которых организует Руфь Александровна. Могла бы получиться хорошая книжка. Я очень надеюсь, что Вы будете разрастаться и богатеть, и тогда, лет через пять, все это станет реальным.

Могу Вам сообщить, что «Руссика» переживает финансовые затруднения. Я предложил им книжку, которую соорудили мы с Сагаловским и Бахчаняном, они тут же сказали — берем и поклялись, что выпустят в течение полугода, но Сумеркин в ответ на мои слова: «вы хоть и жулики, зато у вас есть деньги», по секрету рассказал, что у них два года лежат шесть абсолютно готовых, набранных и сверстанных книг. Даже стихи Нины Берберовой, которая выступает у них в той же роли, что у Вас — Ржевский, они держали около трех лет. Ну чего бы, спрашивается, им держать готовые книги да еще с покрытыми накладными расходами?

Вот такие дела. Габи мелок и некультурен. Гриша, при всей моей к нему любви, не работник и ничего не сделает, если ему на голову не упадет с небоскреба чемодан с деньгами. «Ардис», что бы я ни писал в своих передачах, пока вырабатывает то, что начал Карл. Возможности Эллендеи проявятся через год, а то и через два. Мне не верится, что она потащит этот воз в прежнем темпе и масштабе. И тут выплывает Вы, холодный, черствый, аскетичный, где-то рядом мы с Леной, а за оградой рыдает Ле Карре и просит Вас издать его новую книгу хотя бы за его собственный счет. И единственное его условие, чтобы был кораблик на обложке.

При всем при этом должен Вам сказать, что орвелловский год напоследок ударил по нашему семейству. Лена больна, Коля болеет вторую неделю, у него целая серия не страшных, но противных болезней, даже я простудился и чуть не умер от страданий, потому что совершенно не имею к этому привычки, даже наша нянька больна, получила ожоги, туша своего воспламенившегося от газа мужа по имени Шурик (76 лет), он чего-то

хлопотал у газовой плиты и у него загорелись волосы и синтетическая пижама, Шурик в больнице, нянька лечится дома. И наконец, у Глаши [собака Довлатовых] стали отниматься ноги, мы повезли ее в клинику, там обнаружилась опухоль в матке, вчера ей сделали операцию, все это довольно дорого, а главное — не решает проблему, а только отдалает всякие неприятные события. Тут меня приятно удивила Катя. Я стал ей объяснять в клинике, что без операции Глаша точно и быстро погибнет, а если сделать операцию, то мы продлим ей жизнь на полгода, и что 600 долларов за это надо уплатить. Но Катя сказала, что если бы операция продлила Глашину жизнь на три недели, то все равно надо ее сделать. Такого я от бессердечной американки не ожидал и был, признаться, растроган.

В Новый год будем сидеть дома, без выпивки и с вытнутыми физиономиями.

Слышали ли Вы что Охупкин в психиатрической больнице? Представляю, что он им там задвигает по метафизической части. Его никогда в жизни не выпустят.

Витю Шерали приняли в Союз писателей, но он тем не менее выбросился из окна. Остался жив, но сильно покалечен.

Слышал на «Либерти» интервью с Косцинским — у него абсолютно старческий, жалкий голосок. А год назад в Нью-Йорке он был очень даже ничего.

Извините, что мучаю Вас всякими печальными событиями.

С Новым Годом! Может, он будет лучше предыдущего.

Ваш С. Довлатов.

P.S. Спасибо за рецензию. Штату Оклахома низко кланюсь. Жаль, что «Заповедник» трудно перевести. Все говорят, что это моя лучшая книжка. С.



## Ефимов — Довлатову

2 января 1985 года

Дорогой Сережа!

Обложку получили и с благодарностью принимаем. Только заменим английское слово на русский ЭРМИ-ТАЖ — Вы не против? Где издан каталог с этой графической композицией? Мне не нравится дата 1976. Мне немного тревожно брать на себя ответственность за кражу художественной идеи. Я бы предпочел написать «Оформление обложки С.Довлатова». Что Вы об этом думаете?

Спасибо за фотографию. Вы на ней похожи на пирата Флинта в отставке. Я вспомнил, что в настенном фотоиконостасе в Вашей квартире я представлен лишь тенью за спиной Бродского. Посылаю нечто менее расплывчатое — на всякий случай.

Конференция в Вашингтоне прошла для нас с успехом — и книг продали, и себя показали. Чуть ли не половина докладов была об эмигрантской литературе. Даже про меня был доклад, правда, сделанный моим переводчиком. Зато о Соколове был целый семинар, возглавляемый Аксеновым. Там вообще оформляется какой-то воинственный отряд модернистов, которые решили держаться плечом к плечу. Например, Поль Дебрецени делал довольно разносный доклад об «Ожоге» и «Железке». Только он открыл рот, дверь открылась и вошли строем: Илья Левин, Бахыт Кенжеев с женой, Бобышев, Цветков. Строго и неодобрительно выслушали (Поль говорил очень толково) и немедленно покинули зал. Нас все поздравляли с переездом в Нью-Йорк, я тут же получил приглашение на две лекции в Бостон.

Мы надеемся появиться в Нью-Джерси к вечеру 20 января.

Чувиха по имени Джоан не звонила, но какой-то русский эмигрант разговаривал от ее имени (так я думаю) с моей мамой, которая оставалась в пустом доме.

Всего доброго,

Ваш Игорь.

## *Довлатов — Ефимову*

*3 января 1985 года*

Дорогой Игорь!

Посылаю на всякий случай фото (какое есть) Успенского. В НРС поместили куцую заметку-извещение [о смерти К.В.Косцинского (Успенского)]. Козловский подтвердил, что причина этого свинства — во мне. Мой текст они давать не хотели, а собственных сведений у них хватило только на информацию. Хотя я, между прочим, писал Седыху, что можно как угодно править и любой фамилией подписать. Он — мелкая гадина.

Сегодня читал 41-й номер «Континента» с Вашей рецензией на Дору Штурман. Так вот, от всех редакционных приписок, колонок, дополнений Максимова веет ужасной пошлостью. Слог абсолютно хамский. Это противно даже в тех случаях, когда с Максимовым почти согласен. Например, в случае с Генрихом Бёллем.

Кстати, есть ли у Вас экземпляр 41-го «Конт-та»? Мой папаша его выписывает, могу изъять у него для Вас.

Ну, всего доброго.

С.

## Довлатов — Ефимову

4 января 1985 года

Дорогой Игорь!

Рад, что обложка подошла. Каталог с этой ничтожной графической композицией издан Глезером, и, как я совершенно уверен, включена туда «композиция» без ведома автора.

Вы пишете: «Мне немного тревожно брать на себя ответственность за кражу художественной идеи. Я бы предпочел написать — оформление обложки С.Довлатова».

Вы — чистоплюй и педант. Я охотно беру на себя ответственность «за кражу», напишите, что оформление мое. Работая в «Новом американце», я столько украл и до такой степени чувствовал себя безнаказанным, что всякое представление о творческой собственности атрофировалось.

Если же говорить серьезно, то мне всегда было неясно, какой ущерб я наношу жалкому художнику, расчертившему лист бумаги с помощью линейки и рапидографа, да еще и с фамилией, говоря по-русски: Срака. Я бы на его месте был только счастлив. Любой творческий человек должен быть готов к тому, что созданное им приобретает бытовое хождение, будь то — шутка, виньетка или эффектная музыкальная фраза. Чего тут жалеть?

За фотографию спасибо, уже водворена, моя же была послана сугубо в качестве прокладки.

Единственное, что примиряет меня с американской славистикой, это то, что они покупают Ваши книги. Все остальное — малоинтересно. Каким-то странным образом в славистике развились все пороки этнического меньшинства: обидчивость, бедность, нервозность, мнительность в сочетании с заносчивостью и даже хамством. Это — единственные знакомые мне американцы с выпирающими комплексами. Должен сказать, что лишь среди слависток попадались мне в Америке женщины с недостающими передними зубами.

История с Соколовым есть повторение истории с Ремизовым, которым западные слависты всегда интересовались больше, чем Буниным, например. Но мы-то с Вами знаем, что Бунин писал лучше.

Кенжеев и Цветков мне нравятся, они хотя бы пишут легко и не намыливаясь, Илюша Левин — симпатичный алкоголик, предпочитающий Хармса — Толстому, Бобышев же до сих пор с трудом рифмует первую строчку с третьей, да и то не всегда. Хуже то, что он завистливый, недоброжелательный и ханжеский человек. Севастьянов когда-то говорил: «Знаю я Диму, переспит с чужой женой и скажет — я познал Бога!».

Ждем не дождемся Вашего (вашего) переезда.

Я пишу книжку о своей одежде. Что-то на манер «13 трубок» — история происхождения каждой вещи в эмигрантском чемодане. Так что, я тоже слегка модернист.

Всех обнимаю.

Ваш С.

P.S. Англ. «Hermitage» на русский «Эрмитаж», конечно, замените. С.

## Ефимов — Довлатову

19 марта 1985 года

Дорогой Сережа!

«Чемодан» прочитали с удовольствием. Особенно последние два рассказа («Куртка Фернана Леже» и «Зимняя шапка»). Правда, из-за того, что жену героя у Вас всегда зовут Лена, дочку — Катя, а брата — Боря, возникает ощущение, что уже читал про этих людей, что это перепевы уже напечатанного. Или из бездонных шахт большого романа. Но не всякий читатель так хорошо знает Ваше творчество, как мы, так что это ничего.

Соображения по опубликованию.

Главное — очень не хочется издавать маленькую книжку. Маленькую книгу не любят читатели, не любят книготорговцы (возни много, а заработок мал), не любят рецензенты. С другой стороны, я чувствую в Вас последнее время нетерпение пускать вещи в печать побыстрее и не могу с этим не считаться. Но так как при перегруженности наших планов и множестве уже принятых обязательств мы все равно не сможем выпустить ее раньше зимы 1985—86, давайте примем такую стратегию:

1. Мы в собственных планах вставляем книгу номером один на 1986 год, но не включаем ее заранее в каталог 1985, чтобы не задавать заранее объем и цену.

2. В течение 1985-го Вы сможете напечатать рассказы в журналах, даже получить какие-то деньги с «Континента» и «Граней».

3. Я же (честно предупреждаю) буду давить на Вас, чтобы Вы напихали в «чемодан» побольше. Придуманый прием позволяет это делать очень легко. Например, рассказ «Лишний» просто просится туда же. Там в конце Буш говорит: «Чего бы тебе подарить на память?» Пусть подарит шейный платок с кирхой Олевисте — и рассказ приобретает законное место в сборнике.

4. Вполне возможно, что за эти месяцы придут новые идеи, напишутся новые рассказы. Ну, а уж если Вы будете стоять на своем, я скрепя сердце сдамся.

Я думал об издании «Избранного». Все же трудно издать такой сборник без большого нового цикла, когда все старые рассказы еще есть на рынке в других сборниках. Да и мысль о том, что надо будет запрашивать разрешение у Эллендеи и Гриши, заранее наводит тоску. Поэтому я с особым интересом отношусь к идее большого, набитого до отказа «чемодана».

Всего доброго,

Ваш Игорь.

## Довлатов — Ефимову

4 апреля 1985 года

Дорогой Игорь!

Отвечаю, наконец, на Ваше письмо от 19 марта. Хотя за это время все вопросы более или менее решены в разговорах, но я все же пишу Вам, чтобы существовало нечто вроде документа.

В вашем письме речь идет о сроках, а сроки — это, в конечном счете, деньги, а деньги — это святое. Поэтому сроки (начало 86-го года) устраивают. Тем более, что раньше этого срока вряд ли кто-то выпустил бы мою книжку, не говоря о том, что с другими издателями я либо не хочу, либо не могу (а чаще — и то, и другое вместе) иметь дела. Короче, насчет сроков договорились.

Что касается объема, то и в этом деле я должен с Вами считаться. Вы — издатель и лучше знаете эту механику. Правда, увеличить объем чуть сложнее, чем Вам представляется «со стороны». Скажем, «Лишний» не пристегивается хотя бы потому что в нем 42 страницы, он всю книжку перекосит набок. Сложность в том, что происхождение каждой вещи в «Чемодане» должно по идее быть уникальным: фарцовка, кража, подарок и так далее. Но мне кажется, я уже придумал два дополнительных варианта: театральные реквизиты и заграничная посылка. Постараюсь, например, написать что-то на тему «Как я был актером» с последующим удержанием какой-то вещи из театрального реквизита. Ну и что-нибудь про заграничного дядюшку, приславшего что-то смешное. Извините за неуклюжие рассуждения. Короче, я постараюсь увеличить объем страниц на 25, как минимум. Не забывайте также, что у нас имеется статья Сермана «Театр Сергея Довлатова» (28 страниц), может, из нее что-то вытянуть для предисловия?

Вы просили написать эскиз аннотации для каталога. Ничего лучше такого текста мне пока выдумать не удалось:

«В центре новой книги Довлатова — чемодан, обыкновенный потрепанный чемодан, с которым эмигрант

Довлатов покинул родину. Распаковав его после нескольких месяцев скитаний, герой убеждается, что за каждой вещью, находящейся в чемодане, стоит драматическая, смешная или нелепая история». Можно, если это требуется как бы для рекламы, добавить что-нибудь такое: «Как всегда, в прозе Довлатова сочетаются юмор и горечь, озорство и сентиментальность, условность анекдота и фактография документа». И т.д.

Простите, что уподобляюсь Суслову, который к своему пятидесятилетию разослал по редакциям примерно такой текст собственного (чего не скрывал) сочинения: «— Вы слышали, — тормозили друг друга эмигранты на Брайтон-Бич, — Илье Суслову исполнилось 50 лет!.. Как? Уже? Да быть этого не может!..» И так далее.

Я Вам уже говорил, что идеальное начало рецензии на «Чемодан» я представляю себе так: «Кучка эмигрантского барахла вырастает в книге Довлатова до символа бедной, великой, многострадальной России...».

Простите за все.

Посылаю Вам также два эскиза обложки для «Чемодана», чтобы стимулировать Ваше отношение к этой книжке. Приколите их, если можно, кнопкой у себя в офисе.

Сейчас буду писать Владимову, напомню ему про «Кеннеди». Все русские редакторы — идиоты. «Кеннеди» для журнала, помимо всего прочего, очень спекулятивная вещь. Я, кажется, уже говорил Вам: «русский писатель исследует запутанное американское дело».

Обнимаю всех дам и кошек. Целую Наталью.

Ваш С.

P.S. Час назад Коля опрокинул на Гришу Поляка стакан кипятка, то есть, в буквальном смысле ошпарил ему яйца. Ужас!

К тому же простодушная Лена сказала: «Хорошо еще, что опрокинул на Гришу, а не на себя». С.



## **Ефимов — Довлатову**

*13 мая 1985 года*

Дорогой Сережа!

Пожалуйста, не упрямитесь и примите эти 50 долларов вместе с нашими благодарностями за отличные обложки. Если бы Вы еще сообщили, сколько Вам стоили все дополнительные работы по снятию фотостатов, я бы немедленно оплатил их. И на будущее как было бы хорошо завести такой порядок: мы платим Вам грошовый, символический гонорар за каждую обложку (25 дол.?) плюс дополнительные расходы. И не было бы тогда каждый раз подсовывания взад-вперед наших потных долларов, уговоров, недосказанностей, гусарства.

Спешу также утолить Ваше любопытство: на сегодняшний день продано 520 «Зон», и 380 «Заповедников». Для сравнения: «Архивов Страшного суда» — 490; «Право на остров» — 890; «Убийство эмигранта» — 300.

У нас состоялась первая вечеринка с американцами. Напоили их так, что одна гостья упала со стула вместе со стулом. Похоже, произошел полный разрыв с Табачником, чему мы рады. Турчины ездят по нашей округе, ищут дом.

Всего доброго,

Ваш Игорь.

## Довлатов — Ефимову

15 мая 1985 года

Дорогой Игорь!

Денег при всех моих нуждах я не возьму, потому что не вижу для этого никаких законных оснований. Когда-то я сделал обложку для «Распределителя», что обошлось очень дорого из-за серии фотостатов для вытягивания бледного рисунка Беломлинского на пожелтевшей бумаге, но это был подарок не Вам, а Леше. Потом я сделал свою обложку — тут все ясно. Обложка к «Рассказам 60-х» отняла у меня 20 минут и не стоила мне ни одного цента. Обложка к Зайчику (кстати, из двух вариантов — лучше тот, который с Рухиным) — это подарок Зайчику, с которым я знаком, извините, дольше, чем с Вами. Единственная несуразность (на которую я сдуру жаловался Марине) произошла с инопланетянами. Сволочь Т.С. взял с меня 40(!) долларов, непонятно за что. Он объяснил, что выворотка у них делается не на фотостате, а на особой дорогой машине. Но, во-первых, он мог меня предупредить, а во-вторых, я ему не верю, да и Петя Вайль утверждает, что это вранье. Правда, в этой конторе есть хороший человек Сема, но ему неудобно давать маленькую халтуру, это ему невыгодно, вот сотню фотостатов он бы сделал по доллару. Короче, в этом расходе Вы виноваты так же, как если бы я, направляясь к Вам в гости, потерял бы в автобусе 40 долларов. Так что, ни с какой стороны все это компенсации не подлежит, как бы я этого ни желал.

Делать обложки систематически я не смогу ни за 25 долларов, ни за большую сумму, потому что, с одной стороны, это занимает массу времени (одна поездка в «Энифототайп» — целый рабочий день), а с другой стороны, я не могу брать деньги за работу, в которой не считаю себя профессионалом. Я не художник, рисовать как следует не умею, и все мои обложки в каком-то смысле мошеннические. Брать за это деньги для меня, поверьте, то же самое, что брать деньги за участие в раз-

грузке Вашего скромного трака. Кстати, «трак» [грузовик] по-грузински — жопа, точнее — анальное отверстие, срака, что наводит на лингвистические размышления.

При этом, я всегда, если Вы согласитесь, буду делать обложки для своих книжек, для Ваших, для книжек наших общих друзей и в тех случаях, когда Вы мне скажете:

«Мы выпускаем прекрасную, замечательную книгу и хотим, чтобы вы вместе с нами подумали, как сделать ее привлекательнее».

Извините, что так нудно решаю этот простой вопрос.

Дальше. Вы ошиблись, никакого любопытства к цифрам книжной продажи я никогда не проявлял. Проявлять его — только расстраиваться. Просто я раз и навсегда знаю, что книги продаются плохо, и нет такого положения, что хорошие книги продаются хорошо, а плохие — плохо. Все книги продаются плохо, а значит, у меня нет искушения думать, что, мол, другие книги продаются худо, а уж мой-то — лучше некуда. Я не Аркадий Львов, не Перельман и не Додик Маркиш, мне всегда хотелось трезво относиться к своим талантам и своим успехам.

Радио «Либерти» практически закрылось для внештатных авторов до 1-го октября. Народец наш в связи с этим ведет себя отвратительно, за исключением Люды Алексеевой и, как ни странно, Аркадия Львова. Но об этом расскажу при встрече.

В общем, финансовое положение стало довольно тревожным. Мы уволили бэбиситера, которого заменил я, а также навели строжайшую экономию: телефон, жратва, одежда и всякие глупости. Кроме того, Лена учит меня набирать на машине, и я уверен, что буду набирать более-менее грамотно и добросовестно. Заказов от этого не прибавится, но я хотя бы оттяну у Лены часть работы, что уже неплохо. Если будет какая-то работа, имейте нас в виду.

При всем при этом, паники нет и настроение сносное.

Я в страшных муках дописал к «Чемодану» 14 страниц, теперь книжка вместе с предисловием Сермана составляет 140 страниц. Может, достаточно?

Куски из «Чемодана» с Вашего разрешения будут напечатаны в «Гранях» № 137. Статья Сермана идет в 136-м номере.

Всех обнимаю. Будьте здоровы.

С. Довлатов.

## **Ефимов — Довлатову**

*29 июня 1985 года*

Дорогой Сережа!

Посылаю статью про [арестованного и осужденного в Ленинграде] Мишу Мейлаха, появившуюся в «Звезде» № 3, за 1985. Может быть, сделать радиопередачу по этому поводу?

«Ремесло» прочитал с интересом, но сознаюсь, не всех сумел расшифровать. Баскин, — это Рыскин или кто? А где же тогда Вайль-Генис? Все же я подумал, что лучшие Ваши вещи написаны про те куски жизни, которые оказались совсем позади, совсем отрезаны к моменту написания рассказа: лагерь, Таллин, Пушкинский заповедник. Здесь же нет-нет да почувствуешь, что идет раздача наград или оплеух живущим рядом, что перо то осторожничает, то сердится не в меру. «Чемодан» в этом отношении гораздо лучше, думаю, отчасти потому — что про уплывший берег.

Обмен производственным опытом с Леной: в диалогах, когда попадают полные строки, их растягивает, и начальные буквы уползают из ряда. Мы теперь при проигрыше тире проигрываем с «энтри даун». Может, и она захочет последовать нашему примеру.

Кстати, получили ли Вы фонты, заказанные в Европе? Мы не получили ничего и никаких вестей от Ай-Би-Эм, кроме счетов.

Наша поездка к Серманам все откладывается по разным причинам. Пока я наметил для себя поехать в понедельник 12-го. Будете ли Вы там?

Всего доброго,

Ваш Игорь.

## Ефимов — Довлатову

10 ноября 1985 года

*Эпиграф:*

Не вина, а оплошность  
разбивает стекло.

И. Бродский

Дорогой Сережа!

Перебирая в памяти события последних дней и пытаюсь понять, что могло послужить причиной вчерашнего недоразумения, я подумал, что только мой отказ везти Бланков домой раньше 9 часов в воскресенье мог вызвать серьезное недовольство.

Выглядит, конечно, на посторонний взгляд некрасиво, но я воображал, что, зная меня 20 лет, Вы могли заметить — среди прочих — одну мою физиологическую придурь: я должен выспаться после обеда, если вечером мне предстоит какая-то работа, требующая сосредоточенности. И это не то, что «Ефимов любит, видите ли, вздремнуть после обеда». Я могу продержаться и не заснуть (ценой большого усилия над собой). Но везти какого-то чужого, да еще с ребенком, по хайвею — это слишком опасно. Я давно взял за правило не делать этого и каждый раз, когда нарушаю правило, что-нибудь да случается.

Как ни странно, два раза такое случилось с Вами. Помните, я вез Вас с Мирецким в аэропорт из Анн Арбора и поехал на красный свет? Это было именно после обеда, за которым я специально не выпил ни рюмки. Второй раз — прошлым летом, когда я вез Вас с Леной и Колей от Бланков в Нью-Йорк (тоже после обильной еды). Мне до сих пор мучительно стыдно, что я не довез вас два квартала до метро. Но ведь никто из вас не заметил, что, проезжая по Генри-Хадсон-парквей, я перешел из ряда в ряд, не дав сигнала поворота и даже не взглянув в зеркало. По счастливой случайности машины в этом ряду не было. Я понял, что в таком состоянии мне по Манхеттену ехать нельзя. А объяснить не мог, чтобы не

напугать Марину, с которой нам нужно было еще полчаса ехать обратно.

Объяснять все это Ксане было так мучительно неловко (Вот, действительно — проблема! Не может ехать после обеда — не обедайте!), что я предпочел оставить свой поступок в виде эгоизма-сибаритства-упрямства. Пожалуйста, передайте Мише и Ксане мои извинения и все же скажите, что первоначально я предложил эту услугу сам и готов был потратить на нее любой вечер (имеется в виду — выпавшись).

Если именно это событие было причиной нашей размолвки, примите мои извинения-объяснения, а также заверения в том, что мы будем рады повидать вас и пообщаться в любой момент.

Если же есть что-то другое, то, может, лучше попытаться выяснить, не вышло ли и там ошибки? Я, ей-богу, за собой других грехов перед Вами не знаю, за которые стоило бы нас так обижать.

Всего доброго,

Ваш Игорь.

## Довлатов — Ефимову

12 ноября 1985 года

Дорогой Игорь!

Ваше письмо меня чрезвычайно смутило и даже перепугало. Ну, допустим, что-то отдаленно похожее на Вашу версию и было, но Вы катастрофически все преувеличили. Узнав от Ксаны, что вы так и не договорились о поездке, я, естественно, что-то пробурчал, но, помнится, добавил: «Ладно, Ефимова мы имеем не для технических услуг, а для более серьезных надобностей». Что-то в этом роде. Минут через десять позвонила Люд-ка, я ей тоже что-то там жаловался в такой, примерно, гамме: «...Очерствел... утюг... совсем стал важный... Философ, а как машину пригнать, так ни за что...» И так далее. Вот, приблизительно, та муха, из которой вырос слон. Не помню, чтобы я злился больше или дольше обычного, и, между прочим, час спустя стал звонить Вам относительно Вашей статьи в «Гранях»

Дальнейшее не имеет никакого, ну, почти никакого отношения к этой чепухе. Дело, видимо, в том, что я так и не научился убедительно жаловаться на свои обстоятельства. Сто раз бывало, что при равных с кем-то бедах я выглядел более легкомысленным и веселым, чем другие. Да и сейчас на радио, когда все пекутся о сократившихся заработках Парамонова, Галкиной, Юлии Троль или Доры Ромадиновой, то как-то забывают обо мне, улыбаются, слушая мои дурацкие рассказы, и не замечают, что жена Парамонова — американская медичка с бенефитами, что Галкина вернулась из месячного турне по Европе, что у Тролихи 800 долларов алиментов от бывшего мужа-хореографа, а Ромадинова зарабатывает так много на своем «проджект-лидерстве», что главная ее проблема — утаить доходы. И пр.

Обстоятельства же мои — хуже некуда. Я перечислю только те, которые ясны и без подробностей, т.е. я отбрасываю Катины проблемы и муки, которым меня под-

вергает Донат. Так вот, с мая я зарабатываю в среднем 60—80 долларов в неделю, Лена — 100, минимум же, необходимый нам для скудной нищенской жизни — 400 в неделю. В результате, срочных долгов у меня 4,5 тысячи, перспектив на «Либерти» нет, ни страховок, ни медикейда — нет, профессии, навыков, сбережений, богатых родственников — сами знаете, при этом Коля беспрерывно болеет, настолько, что мы забрали его из детского сада, мать две недели не вставала и не ела, и я думал, что она просто-напросто умрет, Лена валяется, скорчившись, в кресле, потому что ей нужно снова делать операцию, и так далее. Обстановка совершенно жуткая, поверьте мне.

Если Вы помните, я спросил, едете ли Вы только к нам, или еще и по другим делам в Нью-Йорк, как бывало раньше. Оказалось, что только к нам, часов, как я понимаю, на семь. Я-то двое суток бы с вами охотно просидел за столом, но представить себе всю эту картину: бездыханная мать, кашляющий сопливый Коля, обезображенная страданиями (нешуточными) Лена, и я, безработный здоровяк, семь часов беседую с гостями — да у меня бы припадок в конце концов случился.

Так и раньше бывало, что неприятности сгушались до предела, так было перед армией, перед отъездом в Таллин, перед эмиграцией, кстати. Потом все, вроде бы, рассеивается. Мать вот, например, отошла, смотрит телевизор, ест, на днях покупаем (в основном, для Лены) страховку и так далее. Но и неразрешенных проблем хватает. Вот такой уж гнусный период. Говоря совсем просто — я дико устал быть нищим, нет больше сил на это.

Короче, я ни в коем случае не хочу, чтобы вы испытывали обиду, а если вы ее все-таки испытываете, то прошу простить меня и считать все это дело — не имевшим, как говорится, места. И я готов в любое время, где угодно и в любой форме выразить вам свою дружескую приязнь, благодарность, уважение и что хотите.

Должен с риском новой ссоры добавить, что меня позитивно изумило, что Вы, Игорь, способны на такие сильные, преувеличенные и не характерные для Вас чувства, которые заключаются в Вашем письме. Ведь еще Кушнер частенько называл Вас утюгом — разумеется,



не зло, а дружески, но ведь именно утюгом, а не чайной розой.

Обнимаю вас всех, прошу меня простить и никогда не возвращаться к подробностям этого микроскопического, но, к ужасу моему, разросшегося дела. Выждав время, то есть, после того, как <sup>вы</sup> получите это письмо, я позвоню.

Ваш С. Довлатов.

## Довлатов — Ефимову

8 декабря 1985 года

Дорогой Игорь!

Хотел было Вам позвонить, но решил, что такие дела следует обсуждать на бумаге.

Поскольку назревает издание «Чемодана», возникли такие соображения. Прямо Вам скажу — меня все больше тяготит статья Сермана. Во-первых, она плохая — обзорная, вялая, сбивчивая и безыдейная, куда ниже его обычного уровня. Во-вторых, статья и книжка — несоизмеримы, предисловие занимает чуть ли не треть основного текста. В-третьих, статья не о «Чемодане». В четвертых, есть какое-то убожество в издании при жизни автора маленькой книжки с большим предисловием. В «Гранях» статья имела смысл в силу своей комплиментарности, но предисловия только комплиментами и бывают, то есть смысл рассеивается. Короче, не лежит душа.

Я знаю, что Вам и с предисловием-то книжка казалась чересчур короткой, но не представляю себе, что делать. Дописывать — нет сил и нет идей, все, что попало, туда не воткнешь, в каждом случае и каждой вещи соответствует фокус ее появления: подарок, фарцовка, кража и т.д. Повторяться не хотелось бы. К тому же, я сейчас почувствовал себя более уверенно, чем прежде, потому что на «Чемодан» довольно много хороших отзывов от самых неожиданных людей. В общем, мне бы очень хотелось издать тоненькую, изысканную книженцию без единой опечатки. К чему я Вас и побуждаю настоятельнейшим образом. Конечно 110 страниц — не фолиант, но я мог бы без труда назвать дюжину мировых шедевров и меньшего объема.

Если по каким угодно, эстетическим или коммерческим, причинам Вам не захочется такую книжку издавать, то ни в малейшей степени не чувствуйте себя связанным обещаниями и договоренностями. Насколько никто не хотел издавать «Демарш энтузиастов», настолько

все рвутся издавать «Чемодан», и даже «Свобода», кстати, решила передать его на Союз.

Игорь, напишите мне короткое письмо, только не звоните на эту тему по телефону, а то в устном разговоре я ослабну и сдамся, и потом буду себя ненавидеть и книжку ждать без нетерпения.

У нас все по-старому. Как уже говорилось, я провел день в обществе Бродского, присмотрелся к его слабостям и теперь ликую. Он, как говаривал о разных людях Боря Меттер, — «тоже похож на человека».

Привет Вашим дамам и девицам.

С.

## *Ефимов — Довлатову*

*12 декабря 1985 года*

Дорогой Сережа!

Вам хватает всяких огорчений от людей чужих и посторонних, — и мне бы очень не хотелось, чтобы какие-то неприятные эмоции добавлялись — пусть против моей воли и без моего ведома — от меня. Конечно, будем издавать «Чемодан» точно в таком виде и составе, который доставит Вам удовольствие. Сермана отставляем, увеличения не требуем. Пусть будет небольшая книжка ценой 7.50.

Я до сих пор не получил «Грани» № 137. То ли недоглядеть, то ли меня выбросили из числа подписчиков. Нет ли у Вас лишнего? Проблема в том, что нам, возможно, придется делать набор заново. Потому что «Грани» сменили шрифт, и мы не сможем сделать в тексте требуемых исправлений. А много их там? И сколько надо допечатать? В общем, присылайте рукопись-макет в желательном для Вас виде — будем вставлять в план работ.

Мне бы хотелось, чтобы Вы хотя бы с этой книжкой согласились принять наши обычные условия — то есть получить свои 10% распродажи. Но если и это тягостно, — Бог с ним.

Вчера мы ходили на выступление Аркадия Шевченко. Народу собралось тысячи две, полиция регулировала подъезд машин, внутри зала кишела охрана. Наш прославленный дипломат, светило политической мысли, автор бестселлера, вылез на трибуну абсолютно пьяный и понес такую околесицу, какой не услышишь и у пивного ларька за полчаса до открытия. Ну, почему, почему мне и за этого должно быть стыдно? Хорошо еще, что отца Вашего вовремя предупредили, что лекция будет по-английски, и он не поехал, мы взяли только Ксану. Но через полчаса не выдержали — ушли.

Всего доброго,

всегда Ваш Игорь.

## Довлатов — Ефимову

14 декабря 1985 года

Дорогой Игорь!

Благодарю Вас за понимание. Перехожу к делу.

1. У меня есть два экземпляра «Граней» № 137, но один мне хотелось бы сохранить. Сейчас я распотрошу два своих, а потом — либо Вы мне пришлете, либо я возьму у Габи.

2. Серману, если потребуется, давайте скажем почти правду, то есть — что статья большая, несоразмерная с объемом книги, и мы решили ее приберечь для более полновесного тома в будущем.

3. Что касается шрифта в «Гранях», то он почти неотличим от «Сенчури-10», разве что «Сенчури» малость крупнее. Тут необходимо будет проделать один математически-полиграфический фокус. А именно — Вы набираете недостающий рассказ (который не вошел в «Грани») и делаете (а если хотите, я сделаю) 5%-е уменьшение на зироксе. При этом набор чуть-чуть утратит четкость, сравнявшись с оттиском в «Гранях» и по формату, и по четкости. Тут надо рассчитать, какого формата делать набор, чтобы после уменьшения он совпал с параметрами «Граней». Теперь о самих параметрах.

4. Формат «Граней» — 8 × 5.5 инчей. Зеркало — 35.5 × 22 пайки. Количество строк на странице — 40. Пагинация в книжном углу, по краю, через пробел в одну строку. Может быть, при наборе «Сенчури» и при пятипроцентном уменьшении будет не 40 строк, а, допустим, 38, этого никто не заметит, лишь бы формат и шрифт совпадали. Если у Вас есть статья Сермана в № 136, то она — полиграфическая копия «Чемодана», тот же шрифт, формат, количество строк и, конечно, пагинация.

5. Недостающий рассказ прилагаю. Пойдет он, к сожалению, не в конце, а где-то третьим с конца, чтобы начало и конец были повыше качеством. Номера страниц я переклею.

6. Набирать всю книжку заново — обидно и непрактично. Это — неделя работы, очень плотная неделя + (извините) новые опечатки. Уверяю Вас, если использовать демократическую, чуть сероватую бумагу (как в книжке «Наши»), то разница в начертании шрифтов будет незаметна, а высоту кегля Вы (будучи техническим интеллигентом) сможете рассчитать при уменьшении.

7. Да, забыл сказать, что абзацы в «Чемодане» такие же, как в статье Сермана, такой же отступ. И еще, рассказы в «Гранях» набраны в подборку, то есть, не с новой страницы, но там есть два места, где конец рассказа совпадает с концом страницы. Туда-то я всуну недостающий рассказ, а Вы набирайте его, не опуская, с самого начала страницы, оставив три строчки для заголовка. Конец, вероятно, не будет совпадать с началом следующего рассказа, но пусть это Вас не беспокоит, я все уравню путем сокращений.

8. О заголовках не думайте, я их закажу в «Энифототайп».

9. Необходимую правку я сделаю сам с Лениной помощью, а Вы мне скажете, какое уменьшение надо делать. Сам я этого никогда не рассчитаю.

10. Короче, получив от Вас уменьшенные на 5 (или сколько там) процентов копии рассказа «Куртка Фернана Леже», я сразу же примусь за макет. В связи с этим хочу выяснить: должен ли я наклеивать странички из «Граней» на плотную бумагу или достаточно перечеркнуть фломастером ненужные стороны? Это мы выясним по телефону.

11. Титул я сделаю, а Вы составите выходные данные.

Кажется, все. Еще раз, спасибо. Как говорят во время аварий дикторы в нью-йоркском слабее: «Сэнк ю фор кооперейшн» [спасибо за сотрудничество]. Десять процентов с распродажи ничего в моей жизни не изменят. Если Вас устраивают прежние условия (сто или более авторских экземпляров без права ими торговать), то меня это устраивает вполне, и возни меньше. А я за счет этих ста экземпляров формирую свою аудиторию. Покупать же собственные книги я не в состоянии, денег на них жалко.

Аркадий Шевченко, судя по отрывкам из его книги, которые я прочел, — изрядный прохвост. Просто американцы еще не привыкли к тому, что советские номенклатурные вельможи, лишившись своего поста, превращаются в пошляков. Американцы еще не привыкли к советскому варианту дарвинизма, то есть, к обратному естественному отбору, не могут представить себе, что во главе государства стоят люди, не каждого из которых возьмут на работу в сапожную мастерскую.

На Бродского продолжают сыпаться награды, и я как представитель радио трижды наблюдал Иосифа во время разных церемоний. Однажды у него дома ждал минут восемь, пока он кончит разговор по телефону с Улофом Пальме. И т.д.

В Нью-Йорке выступал еще раз Вознесенский. Пошлости было меньше, чем на концерте в Карнеги-холле, о котором я Вам рассказывал, из чего я заключаю, что основной источник пошлости — Евтушенко. Стихи Вознесенский читал плохие, недискуссионно плохие, то есть, все без исключения — лживые, а на форму мне наплевать, какая уж там форма. Один стих, прочитанный с особым пафосом, звучал как чистый фельетон. В нем говорилось, что книг Ахматовой и Пастернака нет в СССР в продаже, а в конце Вознесенский закричал: «Ахматова не продается! Не продается Пастернак!». То есть, нашел каламбурный выход из довольно зловещей и позорной ситуации.

Когда Вознесенский спросил публику: «Что вам прочитать?», нахальный Соломон Шапиро по моему наущению сказал: «Прочтите главы из поэмы «Лонжюмо»! К моему удивлению, Вознесенский явно и сильно смутился и ничего не ответил.

Вступительное слово говорил Норман Мейлер, который изумил меня тем, что оказался старым еврейским карликом, у которого пальчики едва виднеются из рукавов пальто. Мейлер сказал, что Вознесенский равен Пастернаку и Мандельштаму, вместе взятым. При этом чистосердечно добавил, что на даче Вознесенского в Переделкине ел очень много икры и получил в подарок котиковую шапку.

Из всего, что прочитал Вознесенский, талантливыми мне показались две строчки об экспорте из СССР: «Посылаем Терпсихору, получаем пепси-колу».

Без связи с Вознесенским хочу сообщить Вам последнюю шутку Бахчаняна. Он предложил, чтобы в порядке сотрудничества с СССР и для экономии советских денег, радио «Свобода» делала бы передачи с уже записанным на них заранее глушением.

Знаете ли Вы, что: отравилась насмерть жена Сосноры — Марина, Костя Азадовский получил отказ через 3 дня после встречи «Рейган — Горбачев», а Сеня Рогинский, наоборот, категорически отказался уезжать?

Ну, кажется, все. Коля заболел аллергическим бронхитом.

Всех обнимаю.

С. Довлатов.

P.S. Игорь, будьте добры, сохраните это письмо как свидетельство наших технических договоренностей, для порядка. Сегодня — воскресенье, негде сделать копию. С.



## **Довлатов — Ефимову**

*20 декабря 1985 года*

Дорогой Игорь!

Посылаю Вам требуемую копию. Я прикладывал ее к оригиналу — расхождение форматов обыкновенным глазом не улавливается. Хотя, теоретически, оно должно быть.

Не знаю, будем ли мы в контакте до Нового года, на всякий случай желаю вам всем процветания, творчества и здоровья. Анне Васильевне душевный специальный регард [особый поклон].

Сегодня Иосифу делают операцию, длится она будет 8 часов, кончится это может самым жутким образом. Вся эта прославленная больница, закоулок, в котором Иосиф лежит, простыня, запачканная кровью, хохочущие негритянки-медсестры, все это наводит на печальные мысли. Вот он, гений, великий писатель, знаменитость, кумир и так далее — валяется с серой физиономией, и что с ним будет завтра — неизвестно. Представляю себе, что за мысли у него в голове, что он сейчас переживает.

Вообще, он стал добрый и ласковый (кстати, это не лучший признак), некоторых из гостей поцеловал, а меня целовать не стал, но задержал мою руку и погладил.

Ну, будьте здоровы.

Ваш С. Довлатов.

## Довлатов — Ефимову

Январь 1986 года

Дорогой Игорь!

Посылаю Вам копии — 102, 103, 104 и 105 процентов. Мне кажется, 102 или 103 — подходит. Лучше бы — 102, больше четкости, а так — зирокс, вроде бы, неплохой. Вам виднее.

Разумеется, Вы учтете, что пробелы между строчками нужно тоже заранее вычислить. У Альтшуллера, скажем, пробелы больше, чем в «Гранях». Да еще надо заложить эти 2—3 процента. Но Вы это все и без меня знаете.

Если у Вас с Габи постоянная связь, и Вы по-прежнему хотите иметь 137-й номер, то закажите у Валка, а я потом у Вас его с удовольствием куплю. Просто мне, откровенно говоря, неохота ехать к Валку, да еще выслушивать неясные глупости его жены Рашель, которая намекает, что знакома с женщиной, 23 года назад сделавшей от меня аборт. Я подозреваю, что она имеет в виду Наташу Корнблит, с которой я на вы, едва знаком, но с которой, вроде бы, пугался мой братец, хотя бы потому, что он пугался со всеми движущимися предметами. Действительно, один приятель говорил про Борю: «Он пытается трахнуть все, что движется».

Короче, Валка видеть страшусь, это как раз тот случай, о котором Найман говорил: «Я с ним дружу, и очень этим недоволен».

Когда будет готов набор дополнительного рассказа, сообщите мне, пожалуйста, вместе с формулой набора и увеличения (для правки) — технику изготовления макета из экземпляров «Граней» с расчетом, чтобы у типографии оставалось как можно меньше возможности что-то напутать. То есть — надо ли наклеивать каждую страницу на бумагу или достаточно перечеркнуть голубым (невоспроизводимым) карандашом ненужную сторону. Но это не очень срочно.

Я выступаю 18-го января, в 1.30, гостиница «Дорал инн», второй этаж, «Кристал руум», угол Лексингтон и

49-й. Если у Вас есть какие-то слабавольные друзья с уклоном в праздность, велите им прийти на мое выступление — конечно же, я боюсь, что никто не придет. Ну и подумайте, не развернуть ли Вам торговлю. Можете позвонить и все это выяснить у организаторши мероприятия Ларисы Шенкер: (212) 684—2356. Она — жена художника Шенкера, что, впрочем, не имеет ровным счетом никакого значения.

Всех обнимаю.

Да, Альтшуллер, конечно, героический человек. Это же надо — сочинить толстую книгу про оттепель, издать ее в «Эрмитаже» и ни разу не упомянуть Ефимова! В свое время я долго объяснял Вайлю, что не упомянуть Вас в книге «Совр. русская проза» — это, в общем, хамство. Правда, Вайля и Гениса извиняет то, что они пытались не упомянуть в такой книге — Трифонова. Тогда я сказал им, что если они выпустят книгу без Трифонова, то все будут думать, что это первая часть, а вторая будет как раз про Трифонова. И т.д.

Ну, всего доброго.

С.

P.S. Сегодня утром я приехал мили за четыре на машине — делать копии, благополучно доехал, с семи попыток запарковался, вышел, захлопнул дверь вместе с ключами и пошел пешком домой за запасными ключами.

Будь проклята цивилизация и прогресс! С.

## Довлатов — Ефимову

19 января 1986 года

Дорогой Игорь!

Посылаю Вам гранки с исправлениями. Надеюсь, все там помечено ясно.

Дальнейшая последовательность операций, как я понимаю, такова:

1. Вы присылаете мне проложенный картонками набор рассказа с исправлениями.

2. Я делаю исправления в основном тексте — по Вашей формуле и технологии, то есть, путем врезки и с непрозрачным тейпом.

3. Весь текст я наклеиваю на средней плотности листы.

4. Изготавливаю титульный лист и переделываю корешок обложки, исходя из того, что книжка стала тоньше. Текст на корешке я переберу 12-м кепсом, но не на Лениной машине, естественно, а в «Энифототайп», так будет покрасивее.

5. Пропустил: исправляю пагинацию с помощью того, что Вы назвали «ярлычками», и набираю в «энифототайп» заголовки рассказов.

6. Отправляю Вам макет вместе с обложкой, тщательно упакованный, проложенный картоном и застрахованный на 50.000 долларов.

7. Вы докладываете лист с выходными данными, перечитав его трижды, дабы туда не вклялись опечатки.

8. Затем, ближе к производству, я Вам выскажу соображения насчет цвета обложки. Собственно, я имею в виду вот что: нельзя ли отпечатать обложку на более или менее плотной цветной бумаге, а рисунок дать черным — по цвету? Таким образом, расходы бы не увеличились, поскольку краска останется одна, и в то же время книжка не была бы такой же черно-белой, как предыдущая — «Ремесло» и «Заповедник». Ну об этом мы еще поговорим.

С этим пока все.

Сообщаю, что Лариса Шенкер, организаторша моего, так сказать, выступления, не уплатила мне гонорар, что предполагалось. При этом, мама и Донат купили билеты, я купил билеты Лене и Кате, разве что ума хватило не покупать билет себе. К тому же я добрался в такси. Все это я сообщаю на тот случай, если она предложит Вам выступить. <...> Она получает грант на каждое мероприятие, да и народу было не так уж мало и, в общем, все с билетами... А я-то обрадовался, что ей удастся пробивать в НРС рекламу нонконформистам, решил, что устрою с ее помощью выступления Вайля с Генисом, Бахчаняна, Сагаловского и так далее. Дураку наука.

Хорошо, что я как раз читаю Толстого, а он говорит среди прочего, что любое унижение возвышает нашу душу, а любое торжество — сокращает. Может, это и так, но лучше бы моя душа немного сократилась.

Всех обнимаю.

С.

## Ефимов — Довлатову

30 января 1986 года

Дорогой Сережа!

Посылаю набор, увеличенный до нужного размера. Монтируйте его вместе с остальными страницами. Кстати, нужен ли Вам экземпляр «Граней»? На всякий случай посылаю один (у меня теперь два).

Марина прочитала всю подборку, и никаких редакторских замечаний у нее не возникло. Так что можете приступить к исправлению ошибок. Мой фотомастер поднял цены, так что нет смысла пересылать заготовки сюда.

Придумайте, пожалуйста, где нам поместить «Впервые рассказы из цикла «Чемодан» были напечатаны в журнале «Грани» № 137, 1985».

Цветная бумага для обложки это что-то непривычное, связанное с новыми расспросами и хлопотами. Уж лучше я сделаю двумя цветами. Вы вложили столько труда в подготовку макета (не говоря уже о литературном авторстве), что смогу и раскошелиться. Пришлите образец цвета, я подберу краску нужного номера.

Лена спрашивала Марину о возможности доставать фонты. Практически купить русские фонты в Америке у Ай-Би-Эм больше нельзя. Вся моя эпистолярная баталия (никем из русских не поддержанная) обернулась лишь тем, что Ай-Би-Эм достало для меня именно те 3 фонта, которые я заказывал тогда. Я тоже написал друзьям в Европу, но ответа до сих пор не получил. Еще есть один небольшой блат, но с ним не так просто связаться. С-8.1 у нас нет. Пресс-роман-8 и Универс-8 есть, но сейчас как раз идут две большие книги (Жолковский и Мережковский), в которых они постоянно используются. Так что даже на время не сможем выручить. Если сработает блат, я закажу то, что Лена перечислила.

То, что Вам не заплатили за выступление, — свинство неопишное и ничем не оправданное. Надеюсь, в Калифорнии прошло лучше.

Мы погружаемся в пучину покупки дома, и свет постепенно меркнет в глазах от напозающих и вырастающих сумм.

Всего доброго,

Ваш Игорь.

P.S. PR-8—1 удалось заказать по телефону — это как раз то, что я и заказывал для Лены полгода назад. (Будет дней через 7.) Насчет Univer8 (все три) написал по адресу «блата».

## Довлатов — Ефимову

8 февраля 1986 года

Дорогой Игорь!

Гранки получил, спасибо. Спасибо и за экземпляр «Граней», а то я уже присматривался, не свистнуть ли на радио, из библиотеки.

Правку я уже набрал, в понедельник еду в «Энифото-тайп» увеличивать + разные мелочи.

Ссылку на первую публикацию в «Гранях» неплохо бы дать среди выходных данных, пониже заглавия, выше марки издательства и номера. Я понимаю, что это благодарный жест по отношению к Жданову, разрешившему использовать набор, и тем не менее — набрать бы это дело восьмеркой, помельче.

Цветная бумага для обложки — не такой уж бином Ньютона, образцом могут служить те же «Грани». Единственное, что при этом — бумага должна быть потолще, а то получается брошюрный вид. Тратить 70—100 долларов на вторую краску жалко, как-то не оправданно. Ну что там красить, слово «Чемодан» или мою фамилию? Другое дело, если бы была какая-то специфическая эмблема, символ, ассоциирующийся с тем или другим цветом, вроде капли в «Архивах [Страшного Суда]». А так — жалко. Может, если не хотите связываться с цветной бумагой, сделаете на манер «Заповедника»? Есть «Заповедник» черно-белый, есть черно-белое «Ремесло», получится что-то серийное, то есть, попытаемся возвести убожество в принцип.

Скрипт об Альтшуллере и Дрьжаковой я записал и даже отправил уже в «Панораму». Только что выяснилось, что копии для Вас нет, но я сделаю на «Либерти» и вышлю для порядка. Кстати, книга [«Путь отречения»] очень даже неплохая, внятная, разумная и добросовестная. Особого таланта в ней нет, но зато и глупостей нет никаких.

В Сан-Франциско — лето, город маленький (700 000 жителей, как ни странно, чуть больше Таллина), компактный, а главное, жилищно-магазинно-учрежденческий, без



всяких многомильных эстакад, пакгаузов, мертвых устрашающих зон и неясных железных конструкций. Все русские там профессионалы, богачи и невероятные ценители культуры. Заплатили мне стандартные для Сан-Франциско 700 долларов, это помимо дорожных расходов. Организует там всяческие мероприятия некая Мара Столина, ангелоподобная женщина и фантастическая дуся. Я оставил ей Ваши (и Сагаловского) координаты, расписав Вас почище Леонардо (в смысле универсализма). Если Вам, значит, позвонит Мара Столина, то помните, что она — ангел. Жизнь в Сан-Франциско — райская.

Между тем настроение хреновое. Американские книжки не продаются, Кнопф меня издавать больше не хочет, агент прямо не бросает, но и ничего сделать не может, бедняга. Аня Фридман возится со вторым ребенком, полтора года переводит очередной рассказ, и делает это только из чувства долга.

Работа на «Либерти», я уверен, кончится в течение года-двух, то есть, с внештатниками будет покончено. Беда с американскими хозяевами в том, что они не понимают, какие гениальные Довлатов и Парамонов. Они говорят, должны писать те, у кого большая зарплата. А те, у кого большая зарплата, в основном бывшие власовцы с 6-ю классами образования. И так далее.

Ну все. Нужно бежать за Колей к соседям. Всех обнимаю. С.

P.S. Проговорил целый вечер с московской переводчицей, гостившей в Н.Й. у дочери. Впечатление тяжелое, домой не потянуло.

И еще. Вы конечно, слышали, что умер Илья Авербах? С.

## Довлатов — Ефимову

13 февраля 1986 года

Дорогой Игорь!

Здесь содержится: макет, обложка и титульный лист. Все это сделано не чересчур аккуратно. Например, обратные стороны текста из «Граней» вдруг проявились наружу, хотя я пользовался испытанным «Раббер-цементом». Знайки говорят, что типографские фотомашинки менее чувствительны, как ни странно, чем зирокс, а главное — более контрастны. Так что, надеюсь, сойдет.

Что касается обложки, то типографшики должны кое-что поскрести на негативе, это обычное дело.

Дальнейшие соображения таковы.

1. Согласны ли Вы, что можно сделать «Чемодан» так же, как «Заповедник», то есть, черным по белому? Получится что-то вроде серии. «Заповедник», мне кажется, выглядит пристойно.

2. Указание на первую публикацию в «Гранях» можно (как Вы считаете?) поместить среди выходных данных. Кстати, набирая выходные данные, постарайтесь не сделать опечаток. Корректуру «Ремесла» я читал три раза, мать и Лена по разу, и все же там есть две опечатки — буквенная и знак препинания. «Чемодан» прочитан раз семь. Если будет опечатка хоть одна, то это — мистика, как говорил Марамзин по другому поводу.

3. Если у Вас имеется книжка «Наши» (точнее, если Вы ее не выбросили), то взгляните, какая там бумага. С одной стороны, она почти газетная, сероватая, а с другой стороны — толстоватенькая. Может, дать такую? Книжка будет выглядеть потолще.

Вот, собственно, и все.

Событий никаких. Машину вожу редко и с отвращением. Грант снова не дали. Агент затаился. Аня Фридман год переводит 14 страниц.

Единственная маленькая, вернее — чужая, радость связана с Гиршиным. Он получил дивные рекомендации от Нормана Мейлера. Может, это сдвинет его дела с мертвой точки. Кстати, я перечитал только что «Брайтон-

Бич», снова горячо одобрил и даже еще раз написал Гиршину об этом. В книге буквально пять-шесть ошибок, несколько словесных и одна более существенная. Ему надо было в конце подпустить (в связи с погасшим электричеством) метафизику с апокалипсисом, то есть, вывести действие из бытовой плоскости в небесную. Но, кажется, мы с Вами говорили об этом. Гиршину нужно было дать 3—4 страницы метафизику, а последние два-три абзаца оставить, как есть. Было бы здорово. Но и так хорошо. И человек он прекрасный, хоть и с южно-заходным налетом.

Всех обнимаю. Девицам привет.

С.

P.S. С грустью узнал, что Кухарец на свободе. С.

## *Ефимов — Довлатову*

*17 февраля 1986 года*

Дорогой Сережа!

Макет получил, спасибо. Все выглядит отлично. Сомнения у меня есть лишь в отношении письма Воннегута. Вы, наверное, знаете, что принято спрашивать разрешение на использование отрывков из частого письма в рекламных целях. Есть ли оно у Вас? Если нет, я представляю, как Вам тошно просить о таком разрешении. Но дело это столь кляузное, что его агент может при случае поднять бучу. Поэтому если Вы очень хотите использовать это письмо, я вынужден просить Вас написать мне, что такое разрешение у Вас есть. Кроме того, качество английского текста совершенно неудовлетворительно — он не пропечатается. Нельзя ли сделать его поярче?

Мы пока посылаем книгу на регистрацию в Библиотеку Конгресса. Значит, недели через три она сможет уйти в типографию. Сколько экземпляров нужно Вам? 200 хватит? Или нужно больше?

Всего доброго.

Ваш Игорь.

## Довлатов — Ефимову

19 февраля 1986 года

Дорогой Игорь!

От письма Воннегута готов с легкостью отказаться. Никакого разрешения его использовать у меня, естественно, нет. И просить не хочется.

Есть другой вариант (прилагаю). Вам придется только наклеить сюда фотографию с первого варианта.

И еще. Обратите внимание, не крупноваты ли буквы на корешке. Если да, то типографщики, вообще-то, могут корешок (отдельно) уменьшить процентов на 5—7.

Двухсот экземпляров мне более чем хватит.

Из Ленинграда приехал некий Миша Иоссель, один из тех, кто воссоединился с американскими женами или, наоборот, мужьями. Жена у него, естественно, фиктивная. Этот Миша рассказал о ленинградских литделах довольно много интересного и мрачного. Во-первых, умер Рид Грачев. [Это сообщение оказалось ошибочным.] Во-вторых, вся нынешняя молодежь функционирует при музее Достоевского под прямым и нескрываемым контролем КГБ. Новое поколение не уважает ни Попова, ни Вольфа, увлекается йогой, Востоком, Кришной и так далее. Ведет себя этот Миша чрезвычайно претенциозно. При этом дал мне рассказ, я в метро раскрыл и на первой же странице прочел: «Небо было безоблачно и голубо». Как Вам это нравится — «голубо»? Не слабо...

P.S. Воннегут с женой однажды минут двадцать убеждали меня, что «Сталин и Рейган — одно». И т.д.

Всего доброго.

С.

P.P.S. Кришна — Кришной, но опуститься до романтики молодой автор не хочет. Это все последствия уроков Д. Я. Дара. С.

## Довлатов — Ефимову

8 апреля 1986 года

Дорогой Игорь!

Посылаю Вам экземпляр журнала, о котором мы говорили. По-моему, все очень прилично. Вообще, я заметил, что по сравнению с нами даже чехи и румыны выглядят британскими лордами.

Посылаю также координаты Л.Силницкой и какие-то бумаги. Насчет лазерного принтера Лариса сама все скажет.

Известно ли Вам, что Курдюмов (Л-е) в книге об Ильфе и Петрове ссылается на Вас (ст. 149) и Вас цитирует. Это как минимум означает, что Ваши книги есть в Ленинграде. Теоретически это более или менее ясно, но все-таки конкретное подтверждение радует.

Да, посылаю также Липкина о Гроссмане, не из мелочности, а просто это довольно любопытная книжка.

Беседовал раза два с Гладилиным, он говорит, что убеждает Владимовых бежать вместе с «Гранями» в Америку, НТС им жизни не дает, почвенники на Жору ополчились.

Знаете ли Вы, что и Владимов и Войнович — наполовину евреи?

Не еврей, получается, один Синявский, да и тот — проклятый юдофил.

Марья Синявская издает нашу (с Бахчаняном и Сагаловским) книжку, но это отдельная, страшная, мистико-патологическая история. Она, уверяю Вас, абсолютно сумасшедшая женщина. Она посылает мне назад мои к ней нераспечатанные письма и параллельно задает вопросы, на которые я подробно отвечаю, а потом эти ответы опять-таки возвращаются ко мне нераспечатанными... Ужас, ужас!

Гага Смирнов был в Ленинграде, вернулся, набитый впечатлениями, плохо между собой согласующимися. С одной стороны, какие-то судорожные знаки либерализма, портрет Лихачева на обложке «Литгазеты», освобождение Пореша и Лазаревой, а с другой стороны, Азадовского не выпускают, хотя он и еврей, и в лагере отсидел, и

приглашений из университетов куча. Думаю, что подоплека всего этого — хаос и бардак, когда что-то надо было бы делать, но никто не знает — что именно.

Мое литературное самочувствие немного улучшилось. Ньюйоркер после десятка отказов взял два куска из «Наших», вслед за этим зашевелился «Кнопф», начал рекламировать «Зону» и, может быть, подпишет договор на следующую книжку. Тут же, как это часто бывает, всплыл «Нортон» и «Джованович» с параллельными предложениями.

Посылаю Вам копию двух абзацев из Владимовского интервью в «Стрельце» с комплиментами в мой адрес. Самое интересное в этом, что никакого рассказа «Судьба» у меня нет. Вот так!

Всех обнимаю. Жду «Чемодана».

Привет девицам, женщинам и дамам.

С.

## **Ефимов — Довлатову**

*12 апреля 1986 года*

Дорогой Сережа!

Как Вы, наверное, догадываетесь, последняя история уже совершенно сбила меня с толку. До этого, пытаюсь понять причины трещины, прошедшей по нашим отношениям я перебирал одно, другое, третье и, не находя за собой никакой конкретной вины, не мог придумать иного объяснения, кроме одного: мы ему надоели, наскучили, опротивели. Это бывает. Люди надоедают друг другу и не за 20 лет. Было горько, но что ж тут поделаешь. Думалось: может, пройдет несколько месяцев, настроение изменится, тогда повидаемся. Когда обсуждали передачу лент, мне показалось, что так и вышло — Вы даже выразили готовность приехать домой к тому моменту, когда я буду завозить «товар». И потом снова: нелепая перестройка всех планов, посвященных одной задаче — не встречаться.

Да что же это? Может, кто-нибудь Вам сказал, что у нас заразная болезнь какая-то? Сифилис, чахотка, ЭЙДС?

Не знаю, как для Вас, но для нас нет в жизни горше событий, чем потеря друзей. За весь прошлый год не было большего огорчения, чем история с Вами. Хоть по тону Ваших писем и телефонных разговоров я не могу заметить никакого изменения в Вашем отношении к нам, упорный отказ видетсья вот уже в течение восьми месяцев сбивает с толку, заставляет думать уже черт знает что. Чувствуешь себя каким-то зачумленным. И снова, снова: ну что должно было случиться, чтобы развалилась двадцатилетняя дружба?

Зная Вас, зная Ваш безупречный слух на человеческие отношения, на поведение и поступки, Вашу искренность, я понимаю, что что-то случилось, что Вы не стали бы себя вести так по пустому капризу. Не могу и не хочу просить, чтобы Вы насильовали себя. Есть одна на-



дежда: может быть, кто-нибудь чего наговорил на нас, возвел напраслину, а вы поверили? Но тогда бы и отношение Ваше к нам изменилось, мы бы почувствовали.

Короче: мы были бы рады, если бы Вы приехали к нам (один или с семьей) в любой удобный день. Я с удовольствием привезу и отвезу Вас. Но если это совсем не по силам, нам очень трудно будет продолжать переписку и телефонные разговоры так, будто ничего не случилось. После двадцати лет дружеских отношений на пределе искренности невозможно перейти на такой уровень, на котором постоянно надо обходить, замалчивать главную тему.

Всего доброго

Ваш Игорь.

## Довлатов — Ефимову

16 апреля 1986 года

Дорогой Игорь!

Мне очень жаль, действительно, очень жаль, что я невольно являюсь причиной Ваших огорчений. Разумеется, у меня нет к Вам никаких претензий, да и я перед Вами ни в чем серьезном, вроде бы, не виноват. Я прекрасно к Вам и к Вашей семье отношусь и очень ценю Ваше отношение ко мне и к моему, так сказать, творчеству. Я мог бы наговорить массу комплиментов, но это растянет письмо страниц на десять.

Остается реальная проблема — моя, как бы сказать, пониженная общительность. Для этого есть с десятков причин, и я боюсь, что само их количество наведет Вас на мысль, что я хитрю и извиваюсь. Это не так. Ради Бога, воспримите все «один к одному», как есть, и помните, что к Вам это все не имеет никакого отношения.

1. У меня почти год болеет мать, она целыми днями лежит и очень тяжело переносит свое одряхление. У нее болезнь Миньера, то есть, постоянные головокружения, и если она идет в уборную, мы ждем, что старуха упадет на кафельный пол.

2. Я много лет был алкоголиком, а когда меня вылечили, то стало ясно, что ушел из жизни могучий стимулирующий фактор общения, даже если это общение интеллектуальное и творческое.

3. Я более года абсолютно ничего не пишу, кроме радиоскриптов, то есть, переживаю литературный кризис. (Вайль говорит: «Ты как большой, все у тебя есть — старость, кризис...»)

4. Я понял, что не осуществится моя мечта стать профессиональным писателем, жить на литературные заработки. От радио-халтуры у меня, мне кажется, выступает гниловатая плесень на щеках. И конца этому не видно. Спасибо еще, что дают заработать.

5. Я также убедился, что у меня нет настоящего таланта, и это меня довольно сильно обескуражило. Пока меня не печатали, я имел возможность произвольно конструировать масштабы своих дарований и, при всей кажущейся скромности, или при всех попытках выглядеть скромным, я вынашивал некоторые честолюбивые надежды. Сейчас все лучшее, что я написал, опубликовано, но сенсации не произошло и не произойдет.

6. На меня, как выясняется, очень сильно повлияла неудача с «Новыми американцем», и роль в этом деле людей, в отношении с которыми я вложил массу душевных сил.

7. Мне смертельно надоела бедность.

8. Я переживаю, так называемый, «кризис среднего возраста», то есть, начало всяких болезней, разрушение кишечника, суставы и прочая мерзость. И я никогда не думал, что самым трудным с годами для меня будет преодоление жизни как таковой — подняться утром, звонить, писать всякую чушь и обдѣлывать постылые делишки.

Я мог бы добавить еще несколько пунктов, но и этого достаточно, чтобы ощущать себя глубоко несчастным. Таким образом, я впал в крайний пессимизм и уныние, от соприкосновения с жизнью испытываю только муку и по возможности никуда не хожу — в нью-йоркских этнических кругах это более или менее широко известно.

В ответ на это Вы (и любой разумный человек, включая меня самого) могли бы сказать мне, что мое положение в литературе лучше, чем у многих, что в отличие от Аксенова я не разлучен с главными детьми, что по сравнению с Бродским я — Поддубный, что по сравнению с Романом Гулем я — новорожденный младенец, и так далее, но человек, как известно, является тем, кем он себя ощущает, а я ощущаю себя озлобленным неудачником, как и поименовал меня Глезер в одной статейке.

Перехожу к Вашему предложению.

Перестав быть алкоголиком, а заодно и блядуном, я никуда не могу ходить не по делу без Лены, а ехать с Леной — это значит брать с собой неумного Колю, да еще и бросить мать, потому что поручить ее засранке Кате невозможно. Кроме того, машину я не только не умею водить, но и ненавижу это занятие, и ничего кро-

ме отвращения к этой синей гадине не испытываю. Поскольку Вы каким-то странным образом — человек более маневренный, то приезжайте вы в любой день, в любом составе. Если это было бы после пяти вечера, то даже звонить не надо, в любой день (кроме 10-13 мая — снова лечу на заработки в Канаду) я дома. Днем я два или три раза в неделю на радио. Если бы просто раздался снизу звонок и вошли вы в любом количестве, хоть во главе с голубоглазой Олимпиадой [Николаевной, бабушкой Марины], то ничего кроме искренней радости и колбасно-пельменной суеты вы бы не увидели.

И огромная просьба, во-первых — не тратьте время и силы на разговоры о том, что все в моей жизни не так уж плохо, это не поможет, и во-вторых, верьте, что все здесь написанное — правда, абсолютная правда.

И приезжайте. Кстати, рядом живут Силницкие и многие другие прогрессивные люди.

И еще раз простите меня за то, что причиняю Вам огорчения.

В Нью-Йорке ничего смешного не происходит, разве что Бахчанян сказал Саше Соколову, что тот «окончил школу для дураков с золотой медалью». И еще, один неизвестный Вам человек, Марат Стронгин, купил дом, два месяца пытался его кому-нибудь сдать, и в результате дом сгорел, на что Бахчанян реагировал заявлением: «Если дом не сдается, его уничтожают».

Приезжайте. Ждем вас. Всех обнимаю.

С.

## Довлатов — Ефимовым

7 мая 1986 года

Дорогие Игорь и Марина!

Мы получили ваше приглашение и от души вас благодарим. Тем не менее, должен сказать, что мы вряд ли приедем. Это и громоздко (маму нельзя оставлять, с Колей тем более, на Катю никакой надежды, она совершенно поглощена своими романами и, как на странно — учебой), и к тому же уж очень не соответствует моему настроению. Ко всем изложенным причинам мизантропии добавилась еще одна: на радио до осени объявлен мораторий. Нечто подобное случилось и прошлым летом, но тогда это был не полный, а приблизительно 60%-ный мораторий, и кроме того, мне перед самым летом Антонович отдал долг — 1500 долларов, а Соломон [Шапиро] — 3000. В этот раз должников у меня нет, а вот долги как раз есть. Алик Рабинович обещал устроить меня на два дня в неделю секьюрити гардом [охранником]. Таким образом, я вернусь к занятиям 62-65 годов. Внутренняя же причина драмы в том, что я давно уже ничего не пишу и не испытываю к этому ни малейшей склонности. Может быть, я чем-то заболел?

Умоляю не истолковывать все это как направленное хоть в какой-то степени лично против вас. Попробуйте припомнить хоть один не дружеский мой поступок в отношении вас и вашей семьи, хоть одну недружелюбную фразу или намек в печати. Можете также легко убедиться, что за последние два-три года я никуда добровольно не пошел, кроме тех случаев, когда это было связано с важным делом или каким-то чрезвычайными обстоятельствами. Я не пошел на встречу с Любимовым, которым интересуюсь, на встречу с Хазановым, которого глубоко уважаю, и не пойду на встречу с Е.Боннер, которая выражала желание познакомиться со мной. Навестив Бродского в госпитале и после выздоровления, я в дальнейшем (хотите верьте, хотите нет) избегал с ним встреч.

Все это я говорю, как вы понимаете, не из кокетства в доказательство того, что мрак моей души никак не связан с вами.

Очень прошу не применять ко мне никаких мер, и менять отношения ко мне. Может быть, что-то изменится к лучшему. Две вещи как-то скрашивают жизнь: хорошие отношения дома и надежда когда-нибудь вернуться в Ленинград.

Всех обнимаю. Будьте здоровы.

Ваш С.Д.

## Ефимов — Довлатову

19 мая 1986 года

Дорогой Сережа!

Спасибо, что разъяснили свое «нет» так подробно и обстоятельно. Убедительность ответа, конечно, немного выиграла бы, если бы он (ответ) не последовал так стремительно. Представить себе, что кто-то за пять недель вперед знает, что ни настроение, ни обстоятельства не изменятся, довольно трудно. Ситуация вполне позволяла использовать сослагательное наклонение. Но, повторяю, я тем более ценю подробность письма, ибо вижу, что желание не обидеть — искренно.

Список Ваших неприятностей, действительно, угнетает. Как Вы в свое время пытались мне помочь, пристроив на радио, так и я ничего другого не могу придумать, кроме того, чем сам зарабатываю — наборной работой. Вы как-то обмолвились, что осваиваете понемногу наборную машину. Есть ли на это силы? Или опротивело? Я не скажу, что у нас излишек заказов, но время от времени они появляются. Иметь ли Вас в виду? Или Лене хватает и без того? Удастся ли продавать книжки во время выступлений? Есть ли еще «Заповедник»? Хотите, подброшу еще штук 50?

Но самое тягостное впечатление оставляет Ваша мечта — вернуться в Ленинград. Думаю, отчасти это происходит из-за вредности работы: читая регулярно советскую прессу, можно потерять ориентацию очень легко. В английских публикациях о пресс-конференции Туманова в Москве говорится, что он выглядел очень растерянным, бубнил невнятно и неубедительно. Не похож он был на человека, довольного принятым решением. Может быть, все же он не сам убежал, а его утащили?

Посылаю свой новый рассказ со странной просьбой: никому, кроме Лены, не показывать и по прочтении выбросить в помойку. (Такова их природа — даже в Аме-

рике ухитрились завести Самиздат.) Прочитав, Вы поймете почему.

Будем рады, если настроение изменится и вы все же сможете приехать. Ксана и Миша ведь устроят Юлю куда-то на этот вечер. Может, и Колю подбросить туда же?

Жму руку,

Ваш И.Е.



## Довлатов — Ефимову

21 мая 1986 года

Дорогой Игорь!

Отвечаю по пунктам. «Стремительность» объясняется тем, что я, как правило, отвечаю на письма в день их получения. Это подтверждается и сегодняшним письмом.

Настроение мое через пять недель едва ли может измениться, потому что едва ли изменятся обстоятельства. С другой стороны, я сразу подумал: если что-то изменится, я позвоню Ефимову, он не спесивый, скажет: «Конечно, приезжайте».

Огромное спасибо за готовность поделиться набором, но это мало реально. И дело не в том, что у Лены много работы (совсем наоборот), а дело в том, что машина фактически пришла в негодность, ломается она три раза в неделю, а мастера удается залучить не более двух раз в неделю. Отсюда вырисовывается какой-то удручающий математический парадокс.

Что касается продажи книг, то это момент щекотливый. Я продал книги единственный раз, в Торонто, и, откровенно говоря, собирался это от Вас утаить. Но как-то не получается. С другой стороны (у меня почему-то всегда есть другая сторона), я помню, что Вы мне писали: «Продавайте сколько угодно. Все равно (мол) много не продадите». Правда, я на это ответил, что продавать не буду, и, таким образом, последнее слово было — «не продавать». Но бес попутал. Продал я книжек на 260 канадских долларов, т.е. на 200, приблизительно, американских. Из Ваших книжек продавался только «Заповедник», «Зона» у меня практически кончилась (об этом чуть позже), а «Чемодан» тогда еще не вышел. Продал я пять «Заповедников» (всех книг у меня было по пять штук), и готов отчислить за них комиссионные. В этом случае желательно, чтобы расчет произвели Вы, так как надо учесть канадский коэффициент плюс то, что книги принадлежали мне. В общем, я этого никогда не осилю, но Вам полностью доверяю.

«Заповедников» у меня хватает, а вот с «Зоной» есть проблема. У меня осталось четыре книжки с надписью «Рабочий экземпляр», и я не хотел бы выносить их из дома. С другой стороны (опять!), агент начинает рассылать «Зону» своим людям в Европе, и в случае, если что-то произойдет, то для перевода понадобится, как минимум, пять экземпляров на русском языке, переводы, как правило (не всегда, увы), делаются с русского. Короче, я хотел бы за деньги, но со скидкой, приобрести 10 экземпляров «Зоны», и я прошу Вас их выслать вместе с инвойсом. Также прошу ни в коем случае не снисходить к моей бедности и в крайнем случае — разрешить мне уплатить деньги не сразу, а в неопределенном, но реальном будущем.

В Ленинград я, действительно, мечтаю вернуться, точнее — побывать там, то есть, поехать на время а не навсегда, хотя бы потому, что Катя ни за что туда не вернется, а Колю я не имею права увезти. Поехать туда я бы мог лишь в том случае, если они издадут мои сочинения, да еще и при гарантированной безопасности, то есть, при условиях, которые никогда не возникнут. Но ведь мечта по сути и должна относиться к сфере несбыточного.

Могу похвастать, что в Лениздате вышел сборник «Ради безопасности страны» (один из составителей — Борис Иванов), в котором собраны 6 или 7 коротких повестей о работе госбезопасности за границей. В повести Павла Кенева (?) «Знак на шоссе», действие которой разворачивается на радио «Свобода», активно фигурирует некий Довлат Горелов, полукавказец, неудавшийся писатель, скорее презренный, чем опасный. Вместо того, чтобы довольствоваться местом бездарного журналиста в советской многотиражке, он уехал на Запад, осрамился как художник и стал мелким шпионом. Кстати, этот Горелов излечивается на Западе от алкоголизма, восхищается Фолкнером, имеет высокий рост и пошлый шарм. Кто бы это мог быть?

О повести Феди Чирскова, напечатанной в ленинградском альманахе «Круг», где я выведен извивающейся гнидой на фоне морального исполина Феди, я Вам уже рассказывал.

В деле Туманова много интересных странностей. Начнем с того, что он не был сознательным перебежчиком. Будучи военным матросом, Туманов избил замполита, даже изувечил его декой от гитары, и тут же, сознавая, что ему грозит три года дисбата (в лучшем случае), прыгнул в иллюминатор и приплыл в Ливию. Уехал в Союз он добровольно, запутавшись в делах. Любопытно отметить, что Туманов почти двадцать лет возглавлял на «Свободе» твердое антикоммунистическое ядро и страшно враждовал с либералами. Так оно и бывает.

Ваш рассказ я прочитал с огромным интересом, но, скорее, как человеческий документ, а не как беллетристику. Видимо, житейское любопытство преобладает над эстетическими потребностями. Я тоже боюсь, что никак не могу оценить этот рассказ — уж слишком мешает живая подоплека. То есть, я ничего не могу сказать о рассказе, не сказав параллельно (или не подумав) о прототипах, а касаться жизни в этом случае я не имею никакого права. Кое-что в чувствах героини мне понятно, поскольку я не люблю своего отца, то есть, в лучшем случае, равнодушен к нему. Мало этого, я всю жизнь истребляю в себе сходство с папашей, и все не могу истребить. При этом, Донат никогда и ничего для меня не сделал, у меня нет к нему чувства долга. И это облегчает мне душу, с другой стороны (!), если бы он много сделал для меня, я все равно, боюсь, был бы к нему равнодушен, с третьей стороны, у меня по отношению к матери чувство гигантского долга, но это не увеличивает моей любви к ней и не уменьшает: просто я люблю ее, как любил уголовного брата или Асю Пекуровскую — ни за что, скорее — вопреки, то есть, кровно. Все это мудрено и непонятно.

Мне бы очень не хотелось уничтожить Ваш рассказ, как Вы этого требуете, но при этом Вы можете быть совершенно уверены, что его содержание ни при каких обстоятельствах не будет известно Анне Васильевне, которая, кстати, всем нам нравится, хоть и вызывает вовсе не симпатию-жалость, а просто симпатию, как человек живой, эмоциональный и достаточно нелепый, чтобы нравиться нашему семейству. Все это вовсе не означает, что я осмеливаюсь судить о гораздо более сложных и тонких отношениях между матерью и сыном.

Кроме того, у «нравится» чаще всего нет причины — нравится, и все.

В общем, уничтожить рассказ не могу. В худшем случае — отошлю его Вам. Из новостей сообщаю, что Марья Синявская, совершенно утопив меня в помойке своего гнева и безумия, все-таки издала нашу книжку (Бахчанян, Д-в, Сагаловский). Как только удастся вытянуть из Марьи экземпляры (что очень и очень непросто), сразу пришлю Вам.

И еще. Соломон Волков просил меня узнать, интересует ли Вас такая книжка. Пятьдесят (а может, тридцать) фотографий видных советских деятелей со всякими, отчасти анекдотическими, отчасти фактографическими — байками про них. Снимки — Марианны Волковой, подписи — мои + других мемуаристов (со ссылками), несколько анекдотов из Наймана, Бродского, Рейна. Может быть, такую книжку удастся как-то повернуть в сторону университетов: срез советского общества, культура, фото-характеры, публицистика в анекдотах и т.д. Что Вы об этом думаете? Мне кажется, я года три назад спрашивал у Вас об этом, но забыл ответ.

Из новостей могу сообщить, что я, забыв о чести и мучимый нищетой, продал Половцу по телефону за 1 000 долларов несуществующую повесть. Теперь я должен писать 10 страниц в неделю, черт знает о чем. Может, я хоть так стимулирую творческий процесс? Кстати, повесть они будут давать в три колонки, по 18 пунктов (пайкас), то есть в принципе из этого можно соорудить узенькую книжку. Копия набора будет у меня. Правда, написанное вполне может оказаться страшной галиматьей.

Письмецо затянулось. Не сердитесь на меня и будьте снисходительны.

Ваш С. Довлатов.

## Довлатов — Ефимову

27 мая 1986 года

Дорогой Игорь!

Посылаю Вам копию весьма посредственного скрипта о сборнике Фельштинского [«За чей счет?»]. Распорядитесь им, как Вам угодно. Дело в том, что «Панорама» вот-вот начнет печатать мою худ. повесть, а, значит, скрипты от моего имени сейчас не пройдут, ибо места у них не так много. Вы же, если захотите, можете опубликовать это где угодно под любым псевдонимом или инициалами, о гонораре, естественно, нет и речи. Можете послать, но как бы от себя, в ту же «Панораму».

Получили ли Вы мое длинное письмо, где, в частности, изложен проект Марианны Волковой — «Русская культура в анекдотах»? Что Вы об этом думаете? Принимаю решение, помните, что Сема в «Энифототайп» делает мне фотостаты («виллоксы») по 2 доллара — штука, независимо от размера, а раньше вообще делал по доллару. Не думаю, чтобы он поднял цену больше, чем еще на 50 центов. Все-таки дешевле, чем в типографии и тем более чем в «Энифототайп» — но официально.

Есть ли у Вас доступ к «Литгазете»? Если нет, то я пришлю Вам копию статьи Евтушенко о Гумилеве. Статья, как ни странно, хорошая, по-моему.

На «Либерти» мне вернули одну передачу в две недели, но редактором программы назначен Юра Шлиппе — человек утрюмый, вздорный, славянолюбивый, больной, ненужно и несуразно честный (с ущербом для всех окружающих), короче — заработать эти 70 долларов в неделю будет еще и нелегко. Шлиппе из тех людей, которых почти ежедневно обворовывают, у которых никогда не работает телефон, не пишет авторучка, не зажигается лампа, и вообще, все приборы выходят из строя. Кроме того, он физически рыдает, произнося имя Солженицына и т.д.

Извините за похвальбу, но Бродский энергично хвалил «Чемодан». Барышников поддакивал. Правда, все ком-

плименты Бродского закачиваются чем-то вроде: «Это во всяком случае можно читать...».

Несколько русских гангстеров, снимающих офис на углу 59-й и Парк-авеню за 1 250 000 долларов в год, предложили мне работу на 18 000. Сказали, что ничего делать не надо, на работу приходить не надо, и даже чек будут высылать по почте. Я в ужасе отказался.

Всем привет.

С. Довлатов.

## Ефимов — Довлатову

27 мая 1986 года

Дорогой Сережа!

Был очень рад услышать, что Вам удалось продать несколько книжек в Канаде. Я знаю, как трудно бывает отпихнуть доллар, если уж Вы вознамерились его всучить, но тут я буду стоять твердо. Вы получаете свои экземпляры вместо гонорара, они принадлежат Вам и для того и предназначены, чтобы Вы извлекли из них хоть какую-то выгоду — материальную или рекламную. Авторы, которые соглашаются взять свой гонорар не деньгами, уже достаточно благодетельствовали «Эрмитаж», а если они при этом еще и продают свои книги на публичных чтениях, они выступают как бесплатные рекламные агенты «Эрмитажа», то есть люди замечательные во всех отношениях. Чтобы показать, какой я принципиальный, «Зону» (10 экз.) посылаю за деньги, с полагающейся автору 50% скидкой и с учетом того, что в этом году мы уценили ее (как и десяток других книг) до 6 дол. Еще посылаю 10 экз. «Компромисса», заваливавшихся у меня непонятным образом. И, наконец, десяток наших новых каталогов, которые прошу Вас подсунуть вашим канадским слушателям.

Марья Синявская предложила нам распространять их книжки, так что, может быть, ваше коллективное детище попадет в наш каталог на будущий год.

Любая книжка, задуманная и составленная Волковым и Довлатовым, меня интересует, и я готов обсуждать ее на любой стадии готовности и в любой форме. Пусть Волковы позвонят и приезжают или мы можем договориться о встрече в городе. Для меня, конечно, предпочтительнее книжка о деятелях советской культуры, а не о членах Политбюро. Иногда чешутся руки выпустить что-нибудь злостно клеветническое о Катаеве, Полевом, Герасимове и пр. Или в духе биографий Светония, то есть в черном и белом цвете.

Рассказ, пожалуйста, верните обратно. Я его даже Марине не показывал. Лучше подальше от греха.

Мы купили дом, в котором живем. Теперь финансовая лямка больно врежется в плечи на долгие годы.

Всего доброго,

Ваш И.Е.



## Довлатов — Ефимову

1 июня 1986 года

Дорогой Игорь!

Книжки получил. Долг (32 доллара) записал в книжечку и верну эти деньги раньше, чем Вы думаете. В сравнительно мелких суммах я все еще не очень стеснен и даже размашист, из-за чего наша семейная экономика являет собой нечто противоположное идее «Копейка рубль бережет».

При упоминании Марьи Синявской у меня выступает бордовая экзема на руках. Вы с ней еще намучаетесь. Хотя в ней много привлекательного, начиная с обаяния. Мне, например, она нравится как женщина — хоть это и дико звучит.

Рассказ возвращаю.

К книжке Марианы Волковой есть, по-моему, неплохое заглавие: «Действующие лица».

В Вашем каталоге меня и корыстно (в применении к «Либерти»), и бескорыстно заинтересовали — Мережковский, Г.Иванов и эстрадная пара Троцкий — Бродский. Первые двое могут проскочить у Шлиппе как этнические русские, Троцкий (если письма и дневники достаточно самоизобличающие) пойдет как дважды ненавистный еврей-коммунист, а Бродского я протолкну через начальство. Надеюсь эти книжки получить. Одна передача в неделю у меня пока есть.

За «Компромиссы» благодарю, хотя они, честно говоря, меня раздражают. Уж очень гнусно эта книжка издана во всех отношениях. А ведь я, помнится, будучи в ту пору идиотом, дал Грише 650 долларов, половину стоимости. С тех пор я всем назойливо дарю эту сероголубую пакость, а экземплярам конца не видно. У меня есть идея переиздать оттуда 3—4 лучших рассказа в большом сборнике, который я готовлю на 87—88 год.

В реабилитации (творческой) Гумилева не последнюю роль, я думаю, сыграло его славянство + монархизм +

империалистические нотки + само, как ни странно, участие в заговоре. Мне кажется, теперешним властям средний белогвардеец гораздо симпатичнее Кушнера.

Всем привет.

Ваш С. Довлатов.

## **Ефимов — Довлатову**

*16 июня 1986 года*

Сереза!

Более полугода пытался я всеми возможными способами заделать трещину, прошедшую по нашим отношениям по неизвестной мне причине. Все оказалось тщетно. Статус третьесортных знакомых, встреч с которыми надо избегать любой ценой, а именно в такое положение Вы поставили нас своим поведением, — слишком оскорбителен, чтобы мы могли удовлетвориться им после двадцати лет дружбы. Еще более оскорбительны объяснения и отговорки, ссылки на обстоятельства и мизантропию, которые, как мы видим, не мешают Вам активно общаться с десятками других людей. Такие объяснения годятся для халтурной статьи, написанной ради нескольких долларов, а не для разговора с друзьями. То, что, вопреки моей настойчивой просьбе, Вы не пришли на наш юбилей, показало мне, наконец, до какой степени безразличны Вам мы и отношения с нами. Поэтому лучше всего будет нам эти отношения прекратить вовсе.

С горечью и сожалением,

**И. Ефимов.**

## *Довлатов — Ефимову*

*13 июня 1987 года*

Дорогой Игорь!

Только что говорил по телефону с Верой Канунниковой и настоятельно просил ее убрать меня и мой рассказ из альманаха, который Вы издаете совместно с «Худлитом». Вера, как мне кажется, приняла мои объяснения и просила меня известить в свою очередь Вас о том, что я не хочу и не могу принимать в этом альманахе участия. Я помню, что легкомысленно дал согласие на это, и прошу Вас освободить меня от договоренности, которая состоялась задолго до конкретных переговоров.

Разумеется, я заверил Веру Павловну в том, что ничего, направленного против Вас или «Художественной литературы», в моем решении нет.

С уважением,

С. Довлатов.

## Ефимова — Довлатову

7 июля 1987 года

Дорогой Сережа!

Знаем от Ксаны о Вашей болезни. С ужасом представляю себе боли, страх, тесты и прочие больничные кошмары. Но все-таки похоже, что теперь, когда мы все живем под дамокловым мечом рака, начальная стадия цирроза — не худшее, что может с нами случиться. От души надеюсь, что вы больше не будете искушать судьбу и все постепенно придет в норму. Как Вы себя чувствуете сейчас? Сможете ли вычитать готовый набор «Действующих лиц»? [Эта книга, уже набранная «Эрмитажем» и переведенная на английский, была впоследствии авторами изъята и вышла в издательстве «Слово/WORD» под названием «Не только Бродский» (1988)] если нет, то черкните два слова. После вычитки и сверки отдадим окончательный текст переводчику.

Пишу Вам свои последние мелкие придирки:

1. Стр. 7 (Барышников). Вы специально сделали местом действия Детройт, а не Анн Арбор? Почему?

2. Стр. 9 (Битов). Последняя реплика:

— Дело было так. Захожу я в «Континенталь». Стоит Андрей Вознесенский. А теперь ответьте, — воскликнул Битов, — мог ли я не дать ему по физиономии?!..

А посмотрите такой вариант: «Дело было так. Захожу я в «Континенталь». Стоит Андрей Вознесенский. Ну, посудите сами — мог ли я не дать ему по физиономии?!..»

3. Стр. 14 (Высоцкий). Там Бронсон говорит: «Гоу». Вообще, насколько я знаю, это значит идите (имеется в виду куда-то определенно, человек знает куда). «Уходите» — «Гоу авей (эвей)». Или Вы намеренно так укоротили это выражение?

Ну, и все как будто. В указателе имен мы решили дать номера страниц около трех персонажей, которые сфотографированы с кем-то и чьи имена идут вторыми — потому что их не найти по алфавиту.

Страницу копирайта делаем наугад. Если покажется, что неверно, внесите нужные поправки.

На титульном листе все надписи будут крупнее.

На номера страниц не обращайтесь внимания, они — рабочие.

Поправляйтесь. Привет Лене.

Марина.

Послал Кеннеди и Жемчужную (каталог).

## Довлатов — Ефимовой

15 июля 1987 года

Дорогая Марина!

Спасибо за книги. «Кеннеди» выглядит очень хорошо. Ничего особенного (что и замечательно) и все на месте. Поскольку не указан художник, то значит, это хозяйская работа. Поздравляю.

Насчет ваших «мелких придирок»:

1. Барышников. Стр. 7. Я был уверен, что это происходило в Детройте. Анн Арбор не годится. Если я Вам начну объяснять — почему, Вы решите, что я окончательно сошел с ума. Я знаю, что это — блажь. Но эта блажь — выше меня. Поставьте — «в Мичигане», или «в штате Мичиган».

2. Битов. Стр. 9. Такая же история, в смысле — блажь. Если можно, оставьте, как есть. Или напишите просто: «...Стоит Андрей Вознесенский. Мог ли я не дать ему по физиономии?!..»

3. Конечно, «гоу эвей». Это я так записал у Леонидова. Леонидов знал по-английски семь слов, но каждый разговор заканчивал словами: «Пусть это будет битвин аз [между нами]».

У меня там в тексте много (сравнительно) поправок. Что-то вышло по вашей вине, но больше — по моей. Там, где вы сочтете возможным сделать это, — исправьте, пожалуйста. С Кондрашиным и Баланчиным — разительные погрешности, и даже (Кондрашин) ошибки.

Да, еще один момент. Я хочу выдвинуть вперед Марианну, а себя слегка увести в тень не из кокетства, а из профессионализма. Это все же альбом Марианны Волковой с текстом С.Довлатова. То есть, ее произведение при моем участии. Что и надо отразить в шрифтах и т.д.

Скоро мы с Марианной пришлем вам сведения о себе для задней обложки. С.Волков выискал обо мне в каком-то учебнике слова Эдварда Брауна: «Д-в возвысил анекдот до уровня подлинной литературы». Волков почти на-

стаивает, чтобы я использовал эту цитату. А у Марианны есть цитата из Солсбери.

Что касается моего здоровья, то «рак пятится назад» (Крылов), зато «цирроз-воевода с дозором обходит владенья свои» (Некрасов). Доносились ли до вас с моего одра эти вымученные шуточки?

При этом, все дни, что я болел, Катя сидела у меня по шесть часов. Ради этого я готов заболеть чем угодно.

Печальная новость: у В.П.Некрасова рак легкого. Правда, у стариков (я теперь в этом деле специалист), метастазы образуются сравнительно медленно, так что, больше шансов умереть от старости, чем от рака. И все-таки ужасно.

Всего вам доброго.

С. Довлатов.

\* \* \*

## *Довлатов — Ефимову*

*10 ноября 1987 года*

Дорогой Игорь!

У меня есть перевод «Заповедника» (на англ.), сделанный одной слависткой из Испании. Уверен, что Вас такое издание не заинтересует, но все же обращаюсь к Вам почти формально, обещав ей «сделать все возможное» по устройству этого перевода. Считаю нужным добавить, что «Руссика» от этого моего предложения шарахнулась в ужасе.

Всего доброго.

Ваш С. Довлатов



## Ефимов — Довлатову

13 ноября 1987 года

Дорогой Сережа!

Неужели Ваш агент отказался распространять «Заповедник»? И как же он это объясняет? Не понравилась вещь? Не понравился перевод? Но, кажется, в этом случае можно обратиться к другому агенту?

Конечно, издавать переводную прозу в ЭРМИТАЖЕ по-английски нет смысла. Ни славы, ни денег — ни Вам, ни нам. Нужно набраться терпения — рано или поздно подвернется американский издатель, соблазненный Вашей известностью.

В утешение могу сказать, что на последней советологической конференции в Бостоне одна высоченная шведка, покупая Вашу книгу, сказала, что впервые прочла ее по-шведски, а теперь хочет в подлиннике. А другая советологиня, докладывавшая об условиях в современных лагерях, ссылалась на таких авторов, как Амальрик, Кузнецов и Довлатов. А университет Северной Каролины согласился взять «Чемодан» в качестве «ридера» для студентов. А один покупатель рылся в книгах на нашем столе, брал одну за другой книги И.Ефимова, и когда И.Ефимов, млея от приятного волнения, спросил, что привлекло внимание читателя к этому автору, ответил, что он ищет его замечательную книгу «Москва — Петушки».

Шесть месяцев назад Марьяна стала выдвигать новые условия к договору. Я сказал, чтобы она изложила их на бумаге по-английски — я подпишу что угодно. Только вчера от нее пришли четыре строчки по-русски. Теперь я должен перевести их, а она будет продолжать думать, подписывать ей договор или нет. Соломон держал английский текст всего два месяца. Вчера прислал со своими пометками (после шантажа и нажима) — теперь можно набирать.

Один из пунктов, добавленных Марьяной — чтобы оба автора одобрили оформление книги. Может быть, Вы и возьмете на себя это дело? Как Вы знаете, я приму любой вариант с благодарностью.

Поклон семье, успехов,

Игорь.

## Довлатов — Ефимову

19 ноября 1987 года

Дорогой Игорь!

Вы пишете: «...одна высоченная шведка, покупая Вашу книгу, сказала, что впервые прочла ее по-шведски, а теперь хочет в подлиннике». Ввиду того, что единственная моя книга, изданная по-шведски — «Компромисс», означает ли это, что Вы все еще (седьмой год) торгуете Гришкиной собственностью? [Довлатов забыл, что экземпляры книги «Компромисс» для продажи их на коммиссионных началах он прислал в «Эрмитаж» (см. выше письмо от 26 ноября 1981 года и письмо от 27 мая 1986 года.) Впрочем, это не мое дело.

«Заповедник» я вообще не считал возможным издавать по-английски, поскольку лучшее, что в нем есть (стр. 100—105 или 114—117) слишком уж связано с родным языком. Но вот одна безумная женщина перевела все это дело, и я вынужден был обещать ей, что сделаю «все возможное», и т.д.

Надеюсь, все договорные шероховатости и промедления с Волковым удастся как-то преодолеть. Я, как Вы помните, сразу же что-то подписал и выслал, да и роль моя во всем этом побочная. Могу добавить, что по отношению ко мне Соломон, что бы о нем ни говорили, всегда вел себя безукоризненным образом. Что касается обложки, то я недавно изложил Волкову такое предложение. Мне кажется традиционным поместить на обложке альбома худ. фотографий одну из работ данного фотографа. Это могла бы быть лучшая по Вашему мнению или же по мнению Марианны работа. Но есть и другой вариант — поместить актуальную фотографию, а именно — портрет Иосифа. Книгу же в этом случае можно назвать (никак не обделив тех, кто уже заказал ее по каталогу) — «Не только Бродский». Теоретически кого-то из людей с комплексами могло бы обидеть то, что в заголовке один Бродский, но, уверен, ни Барышникова, ни

Ростроповича это не заденет, а на кого-то там в принципе можно и наплевать. Таким образом книга приурочивается к событию [к присуждению Бродскому Нобелевской премии] и в этом, как мне кажется, есть некоторый коммерческий эффект (с поправкой на мизерность всякой коммерции на этом уровне). Впрочем, я конечно же ни на чем не настаиваю. Обложку соорудим, если у Вас нет в распоряжении более крупного рембрандта, чем я. Накладные расходы взвалим на «Эрмитаж», но сделаем все возможное, чтобы они не превысили 25—35 долларов (2 фотостата, на передней и задней обложке + десяток слов для титульного листа).

Единственный конкретный момент оформления, который Марианну волнует — это корешок. Она не хотела бы, чтобы это вышла «тетрадь на скрепках», а хотела бы иметь корешок, пускай в треть сантиметра и без всякой текстуры, но этот корешок, согласитесь, превращает тетрадку в книгу.

Все будет хорошо. Ждем сигнала насчет того, где и когда встретить Соснору. Постараюсь быть ему полезным, он умный и хороший человек, а главное — умудрился не преуспеть официально, несмотря на всех своих Арагонов и Лихачевых с Асеевыми, и на известность уже в 62-м году.

Всех обнимаю.

С. Довлатов.

## **Ефимов — Довлатову**

*25 ноября 1987 года*

Ну, душа Тряпичкин, спасибо тебе — потешил душу! Знатно ты этого Ефимовского подловил. Любит чистеньким прикидываться — а сам?! Гришутку нашего седьмой год уже обирает. Немудрено, что парню концы с концами не свести. Только как же ты пишешь — «не мое это дело»? А чье же тогда? Ведь никакие Профферы его так не сумеют на чистую воду вывести, как мы. Это надо же! Торгует чужой собственностью и себе дома покупает! Нет, мы про это всем должны поведать, а не только в узком семейном кругу.

Он, конечно, начнет изворачиваться. Станет говорить, что шведка не совсем так на своем корявом английском выразилась, а что она «впервые прочла этого писателя по-шведски» и не сказала, какую именно книгу. И что он, этот обдирала херов, только в 1982 году «Компромисс» в свой каталог вставил и немного продавал, чтобы вернуть себе то, на чем Гришутка его нагрел, а после этого уже стеснялся этого полиграфического уроды выставлять на продажу. Но нас-то не проведешь! Кого это Гришутка наш нагрел? когда? Сами подметки на ходу режут, а на других валят.

Я так думаю: тут недавно шведского премьера Пальму убили, а убийц не нашли. И свидетели показали, что один из убежавших был с бородой. Так вот не Ефимовский ли это был? Думаю, он — больше некому. Так и передай дальше по кругу.

Всегда твой,

Ив. Ал. Хлест.

## **Ефимов — М. Бланку**

*30 ноября 1987 года*

Дорогой Миша!

Как это ни странно, Ваш звонок о Довлатовских гнусностях привел меня в прекрасное расположение духа. Несколько дней я не мог понять природы этого извращенного чувства. Потом, наконец, понял: исчезла боль утраты. Разрыв двадцатилетней дружбы, да еще без всяких видимых причин, на ровном месте, — дело болезненное. Но когда видишь, что твой бывший друг превратился просто в мелкую, злобную гниду — это приносит большое облегчение.

Не показывайте это письмо Ксане. Жалко ее, жалко Лену.

Посылаю Вам копию своей пародийной отповеди нашему клеветнику.

Также несколько фотографий с вечеринки.

Жму руку, дружески,

**Игорь.**

## ***Ефимов — Довлатову***

*24 декабря 1987 года*

**Сереза!**

**Посылаю копию моего письма Волковым, в котором содержится вся необходимая информация. Так как они отказывались взять на себя ответственность в случае иска за клевету, издание книги в ЭРМИТАЖЕ представляется невозможным.**

**От Вашего письма я не жду ничего, кроме новых обид и несправедливостей, поэтому возвращаю его нераспечатанным. Страшно иметь неприятеля в Вашем лице, но, как выяснилось, иметь Вас в качестве приятеля — еще страшнее. Поэтому давайте прекратим наши отношения, которые обоим уже давно стали в тягость.**

**Всех благ,**

**И.**

## *Довлатов — Ефимову*

*1988 год*

Уважаемый господин Ефимов!

Два дня назад небезызвестный Вам Сергей Довлатов получил письмо от Джоан Успенской с просьбой разыскать фотографию ее покойного мужа, опубликованную в свое время в «Новом американце». С.Д-в предпринял соответствующие поиски, убедился, что в его архивах такой фотографии нет и сделал попытку войти в контакт с автором упомянутой фотографии — Шарымовой, что оказалось нелегко, поскольку она всем должна, со всеми поругалась (следуя новейшей моде) и объективных координат у нее не имеется.

За это время С.Д-в умудрился потерять конверт с адресом Джоан Успенской и, таким образом, лишен возможности сообщить ей о неудачном исходе поисков.

Поскольку фотография предназначалась для обложки к сборнику, выходящему в «Эрмитаже», Дов-в просит Вас довести все это до сведения госпожи Успенской вместе с его энергичными извинениями.

Дов-в вынужден прибегнуть к такой странной форме обращения к Вам, поскольку предыдущее его письмо Вы вернули ему, не распечатав, что, вообще говоря, является открытым хамством. По этой же причине Дов-в вынужден подписаться не своей фамилией, а, скажем, псевдонимом «А. Седых», дабы Вы, сразу же заглянув в конец, не отбросили это письмо с криком: «Рака! Рака!»

От души желаю Вам всяческих удач.

А. Седых.

## Довлатов — Ефимову

6 января 1989 года

Дорогой Игорь!

Участвовать в Вашем сборнике я готов при условии, что Вы восстановите со мной нормальные человеческие отношения. Два года назад Вы отказали мне от дома из-за того, что я не приехал на юбилей издательства, то есть, не захотел сидеть за одним столом, скажем, с Рыскиным, который написал в «Панораме», что истинными редакторами «Нового американца» были Вайль и Генис, или с теми же Вайлем и Генисом, легко и весело предавшими меня в отношениях с Дэскалом. При этом Вы забыли, что я дважды с полнейшей охотой приезжал к Вам на казенном, между прочим, транспорте и, по странному совпадению, оба раза в дождь — разгружать произведения Бракман, Клейман и Штурман, повторяю — с величайшей охотой.

Двадцать пять лет назад Вы были первым и, говоря всерьез, единственным человеком, внушившим мне некоторую уверенность в своих силах — это с одной стороны. А с другой стороны, Вы на протяжении тех же 25 лет считали меня симпатичным, хоть и непутевым, человеком, каковым я и являюсь в действительности. Вашей роли, пышно говоря, в моей жизни я не забуду, и потому меня травмирует наша глупая ссора. Я уже давно больной и старый, и если меня не волнуют отношения с Рыскиным или Алешковским, то разлад с Лосевым (на почве моей недооценки Солженицына) или гоголевская история с Вами — это никуда не годится. Кстати, с Вайлем и Генисом дипломатические отношения восстановлены, хотя я по-прежнему считаю Петю — обаятельным, но фальшивым, а Сашу — искренним, но противным, базой же служит мое уважение к их творчеству, и в еще большей степени — к их производственным качествам.

Короче, если Вы считаете, что во всем я один кругом виноват, то по возможности простите и забудьте. Если



Вы (что меня бы крайне изумило) считаете, что и Вы — не совсем ангел, тогда еще проще ликвидировать все это абсурдное безобразие.

Что касается идеи сборника, то она, конечно, хорошая, но витает в воздухе. Я, например, участвую уже в двух подобных начинаниях, правда, в обоих случаях речь идет о совместном советско-эмигрантском альманахе.

Название «Заморские рассказы» звучит неплохо, но не смущает ли Вас, что тематика, в основном, будет все же советская. Получается: заморские рассказы о Ленинграде или Москве. Впрочем, это не мое дело.

Издателя Вы найдете, с советской стороны могут возникнуть лишь хозяйственные и экономические препятствия, я все это знаю из переговоров с «Огоньком». Печатать сборник при большом, как я понимаю, его тираже, вероятно, следует на Тайване, как это делает хитрая лиса Левков. И доставка оттуда в Союз куда дешевле. Говорят — втрое. Советские типографии, как Вы знаете, не справляются с собственной нагрузкой. Там все на ходу разваливается почти в буквальном смысле.

Насчет каких бы то ни было условий я, конечно, пошутил. Возьмите любой рассказ из какой угодно книжки — никакие русские права моего агента не интересуют, и даже на мой таллинский сборник он никак не реагировал.

Хочу обратить Ваше внимание на три моих сочинения.

1. Рассказ «Представление» в «Континенте» № 39 — просто потому, что это лучшее, что я написал за свою жизнь.

2. Рассказ (название забыл, клянусь) в 102 номере «Время и мы» — он во всяком случае ни в какие книжки не вошел. Но там есть важная каламбурная опечатка в стихах Рейна:

«...жди, когда наводят грусть желтые Вожди...»

Из-за нее я даже не приобрел экземпляра: глянул на радио, расстроился и забыл про него.

3. Рассказ «Встретились, поговорили» в следующем, вроде бы, номере «Континента», он тоже никуда еще не вошел, и кроме того, там действие происходит и в Штатах, и в Союзе.

Короче, берите все, что Вам подойдет.

С прошедшими праздниками, и будьте здоровы.

Ваш С. Довлатов

## Ефимов — Довлатову

13 января 1989 года

Сергею с домочадцами — здравствовать и процветать!  
Мое послание будет состоять из двух частей: эмоционально-документальной и деловой.

**ЭМОЦИОНАЛЬНО-ДОКУМЕНТАЛЬНАЯ ЧАСТЬ.**  
Мне кажется, Ваше последнее письмо (от 6 января) обращено не ко мне, а к тому воображаемому литературоведу, который когда-нибудь да заглянет в нашу пыльную переписку из двух американских углов. Теперь я знаю, в каком виде Вы хотели бы представить ему наш разрыв, в каком виде описываете его нашим общим знакомым. Привирания в письме так много (начиная уже со второй строчки), а живого чувства так мало, что и не надо бы отвечать. Но так как я тоже верю в этого гипотетического, еще не рожденного, литературоведа и тоже, по мелочному тщеславию, дорожу его мнением, придется уточнять по пунктам.

1. 9 ноября 1985 г. Сергей Д. позвонил Игорю Е. (не то чтобы я держал в памяти сию роковую дату, но на следующий день было написано письмо по поводу этого звонка, хранящееся в архиве) и заявил, что намеченный визит означенного Игоря с женой к нему, Сергею Д., отменяется. Не переносится на какой-то более удобный день, а отменяется. Причин к отмене визита дано не было. Приглашение от Игоря прийти к нему в гости тоже было отклонено.

2. Не на шутку встревоженный И.Е. стал судорожно вспоминать, чем он мог заслужить подобную обиду после двадцати лет довольно тесной дружбы. Он перепробовал десятки вариантов, пытался расспрашивать Д. устно и письменно — тщетно. Причина разрыва оставалась тайной. Правда, один вариант И.Е. рассмотреть, по наивности, забыл. Этот Е., хоть и знал мировую литературу, а не вспомнил один афоризм, который сам же и выписал

когда-то в свою тетрадочку, кажется, из Лермонтова. Что-то в таком духе: «Мы гораздо чаще ненавидим людей не за то злое, которое они нам сделали, а за то, которое мы сделали им».

3. Лишь два года спустя И.Е. случайно вычислил, что могло послужить поводом, толчком для гнева Д., выразившегося в столь оскорбительном поступке по отношению к старому, скажем даже, приятелю. В эти дни Д. переслал фирме Е. заказ на редакторскую работу — безнадежно графоманскую рукопись некой Дориты (Риты) Брейберг. Фирма Е. выполнила эту работу, убрав явные безграмотности, и только. Делать что-то большее за предложенную плату (80 центов за страницу) было бы просто нелепо, разорительно, невозможно. (Заметим, что супруги Е. небогаты и зарабатывают на жизнь с трудом.) Впоследствии Сергей Д. говорил, что его возмутила «недобросовестность» Е., которым он устроил этот заказ.

4. Тем не менее сознаться, что по такому поводу он порвал старые и прочные отношения, было бы диковато. Правда же состояла в том, что Е. раздражали Д. уже давно. И сильно. Д. вообще раздражают в первую очередь люди, которые в ладах с собой, с жизнью, друг с другом. Если вспомнить все дружбы Д., то легко можно увидеть, что это всегда люди (среди них есть и совершенно замечательные, но чаще — слабые, неудачливые), которым жизнь тяжела. Только с ними ему интересно, только с ними ему хорошо. Оказаться в веселой компании — самое тяжелое испытание для Д., и он любыми способами избегает подобных ситуаций. Возможно, что своим родным и возлюбленным он намеренно устраивает ад, чтобы довести их до дорогого ему состояния тоски, неуверенности, озлобления.

5. Людей же, довольных своей жизнью, Д. не переносит. Но в нем живет некое извращенное чувство справедливости. Он считает, что нельзя ненавидеть человека просто так, за здорово живешь. Для ненависти нужна причина. Нужно в чем-то обвинить неприятного тебе жизнерадостца. Как и суровая организация, распоряжающаяся судьбами людей на одной шестой части суши, он «шьет человеку дело». И так же, как она, он очень мало интересуется при этом правдой. Вот, например, ненавидит он

своего молодого родственника, добрейшего и щедрейшего человека. Никаких причин для ненависти не найти, хоть ты лопни. Так он начинает рассказывать, что этот злодей за тысячу долларов продал ему очень плохой автомобиль. А не упоминает при этом, что автомобиль ему был предложен даром, а тысячу это он сам, Д., навязал в уплату, потому что мама учила его — одолживаться нехорошо. Однако не всегда вранье столь примитивно. Ибо, в отличие от пресловутой организации, Д. талантлив. И обвинения, которые он сочиняет, всегда содержат какое-то зерно правдоподобия, которое удерживает их на плаву. Кроме того, он снабжает их яркими литературными деталями, остроумными добавками. Получаются такие короткие новелки про живых людей, которые каждый с удовольствием передает дальше. То есть Д. сочиняет сплетни-самоходки, клевету с моторчиком, чаще всего — юмористическим. Ибо, увы, надо сказать печальную правду: Д. неисправимый, заядлый, порой даже бескорыстный, талантливый, увлеченный своим делом очернитель.

б. Именно несходство характеров, а не какие-то там случайные поступки, послужило причиной разрыва между Д. и Е. Вскоре у Е. появились новые друзья, знавшие также и Д. С некоторым смущением эти друзья сознались, что в течение первого года после переезда Е. в район Нью-Йорка они старались с вновьприбывшим не встречаться. Почему? Потому что все сведения о Е. они получали от их старинного приятеля Д. Его рассказы заставляли всех держаться от Е. подальше. И это было еще до разрыва! Что же должно было начаться после? И началось. В какой-то момент Д. вошел в такой раж, что начал клеветать на Е. — кому? — им самим же! Вы, говорит, продолжаете незаконно торговать моей книгой «Компромисс», хотя она принадлежит Грише Поляку. Забыв, видимо, что за пять месяцев до этого он получил от Е. последнюю дюжину экземпляров этой книги, случайно всплывшую на складе «Эрмитажа». А что про передачу денег Сосноре (несчастному глухому, который и опровергнуть вранье не сможет)? А что про «категорическое требование» Наймана не давать его рукопись в «Эрмитаж» (а тут, как назло, Найман приезжает в Америку и живет в «Эрмитаже» две недели)? Да и сейчас, в этом самом письме: «Мне,

бедному, злой Е. отказал от дома только потому, что я не захотел приехать к нему и сесть у него за один стол с моими врагами Рыскиным, Вайлем и Генисом». (Припоминаю, что в прежних версиях дело, пришитое этим обвиняемым, содержало еще и «оскорбляли мою жену».) А о том, что происходило в течение шести месяцев до этого события, — ни слова.

7. Читать Ваше письмо, Сергей, было грустно. Все же в течение этих двух лет Вы общались с Бродским. Вы перенесли тяжелую болезнь, почти побывали на том свете. Говорят, это возвышает душу, меняет человека. Но в письме — все то же мелкое обвинительно-оправдательное привиравание, все те же скрупулезные подсчеты нанесенных обид, оказанных услуг. Конечно, я помню, как Вы приехали помогать разгружать грузовик с нашими вещами в январе 1985 года. (Попробуй забудь — разные люди почему-то напоминали мне об этом уже много раз.) Услуга потому и была настоящей помощью, что мне не надо было привозить-увозить Вас на автомобиле, теряя на это по два часа, которых мне взять было просто негде. И ящики Вы все же разгружали не только с плохими книгами «Эрмитажа», но и со своими тоже. Но неужели я за 20 лет не оказал Вам никаких дружеских услуг? Что-то ведь и я делал в свое время? Пересылал чьи-то рукописи на Запад, снабжал запрещенной литературой? Кажется, и по Вене бегал три дня, пытаюсь устроить в местные газеты статью про невинно арестованного в Ленинграде Довлатова, поднять на ноги «Эмнисти интернейшенал». Вроде и в аэропорт ездил встречать (правда, без большого успеха, потому что напившегося Довлатова сняли с самолета и на день оставили в Будапеште). Может, и еще что-то было? Но было или не было — в данный момент неважно. В данный момент Вам надо вернуть эту историю, чтобы — передернув даты — сбить с толку нашего бедного литературоведа, чтобы он подумал, что сердечный Довлатов вовсе не избегал дружеского общения с бездушным Ефимовым в течение шести месяцев (от ноября 1985 до мая 1986, когда произошел окончательный разрыв).

В отличие от Вас, я дорожу человеческими отношениями, поэтому незаслуженная обида, нанесенная мне

Вами, погрузила меня на многие месяцы в настоящее горе. Иногда мне казалось, что Вы получали от этого удовольствие. (Вообще порой мне кажется, что человеческую близость Вам дано ощущать лишь в моменты разрывов и примирений — потому Вы так часто и устраиваете их.) И теперь все это Вы называете «гоголевской историей». Ну, а уж коли в чем виноват, то нате вам мое извинение. И давайте восстановим «нормальные человеческие отношения». (А то люди с нас смеются.)

Увы, я думаю, для нормальных отношений у нас уже не осталось места. Я не питаю в Вам никаких злых чувств, сочувствую Вашим болезням и бедам. Но я не верю, что мы сможем о чем-то разговаривать без недоверия и подозрительности. Что бы Вы ни говорили, я теперь невольно буду думать: «Да ведь опять поди врет». Что бы я ни говорил, Вы будете думать: «Опять притворяется, что доволен, что с людьми ему хорошо, что жизнь удалась, хоть ни «Нью-Йоркер», ни «Рэндом-хауз» его не печатают».

Кроме всего прочего, должен сознаться, что я Вас просто побаиваюсь. Незадолго до нашего разрыва Вы мне похвастались, что все статьи Белоцерковского против радиостанции «Свобода» — то есть против Вашего главного работодателя и благодетеля — в американскую прессу устраивали Вы. И не потому, чтобы Вы были принципиально на стороне Белоцерковского, которого Вы тоже не переносите, — нет, просто так: абы нагадить. Сейчас, по крайней мере, что бы Вы про меня ни говорили, все знают, что Вы говорите о своем недруге. А если я снова попаду в приятели? Избави Бог.

Нет, до ангельского чина я не дотягиваю и о непогрешимости не мечтаю. И в одном из своих многочисленных грехов могу сознаться тут же, ибо он связан с Вами. Дело в том, что сочиняете Вы свою чернуху порой так занятно, что невозможно не передать ее дальше. Что я и делал сотни раз, хотя и догадывался, что участвую в передаче неправды.

Конечно, сейчас для Вас возникли некоторые неудобства с тем, что я время от времени появляюсь на «Свободе» и надо проходить мимо меня, отворачиваясь. Но все же бываю я там так редко — как-нибудь разминемся.

В течение тех месяцев, когда я переживал наш разрыв, я — не скрою — много про Вас думал, пытаюсь

понять движущие Вами мотивы. И мне кажется, результаты этих раздумий могут Вас заинтересовать и составить

### ДЕЛОВУЮ ЧАСТЬ ПОСЛАНИЯ.

Кроме обаяния и одаренности, в Вас привлекает еще одна черта, одна страсть — благородная и бескорыстная, — за которую люди Вам многое прощают: страсть к литературе. И, к Вашей чести, страсть эта остается неудовлетворенной. Ни успехи, ни популярность не ослепляют Вас (хотя и тешат, что вполне простительно). Вы хотели бы писать лучше, Вы чувствуете, что в главном деле своей жизни могли бы достигнуть большего.

Мне тоже часто казалось (кажется и сейчас), что в Вас кроется очень большой неиспользованный творческий потенциал. Надеюсь, Вам могут быть интересны соображения собрата по профессии на этот счет — все же я дал Вам несколько советов в свое время, которые пошли на пользу (не печатать «Один на ринге», соединить рассказы про зону в повесть).

В самом упрощенном виде мой совет может быть сформулирован так: хватит писать про других — напишите, наконец, про себя.

«Как это? — скажете Вы. — Да почти все мои вещи написаны от первого лица, почти все — про себя». Попробую объяснить на примере.

Временами я пытался понять: что за неуловимый фермент делает порой Ваши устные рассказы интереснее их письменной реализации? И понял: чувство, страсть. Вот Вы рассказываете, как Вас раздражает привычка В.М. просить купить что-нибудь «заодно» в магазине — сигареты, пару апельсинов — и потом забыть отдать деньги. Вы сами в этой короткой импровизированной новелле были полны яростной, бурной страсти. И это вовсе не мелочность (все знают, что Вы человек — я бы сказал — панически щедрый), а возмущение тем, что нарушен идеал — кем-то, когда-то — неважно, кем и когда — вбитый в Ваше сознание идеальный кодекс человеческого поведения. А если бы Вам довелось вставить этот эпизод в рассказ, то акценты, скорее всего, были бы смещены. Вы не решились бы изобразить себя возмущающимся так бурно по такому пустяку. В результате В.М.

были бы представлены в комическом, чуть жалком виде, но вышли бы живыми, а автор-рассказчик — вполне достойным, но скучноватым. Ибо живое чувство — раздражение на грани ненависти — исчезло бы из его портрета.

Вот Вы рассказываете, как Вам мучительно говорить по телефону с Эллендеей, как трудно заставить себя пойти на какое-то собрание, на светский раут, как Вас корчит уже при одной мысли о людях, с которыми придется там встречаться; как Вам приятно было бы, чтобы Р. пригласил Вас в гости, а Вы бы отказались; как Вы планируете заранее «он скажет мне это, а я тогда ему то-то и так-то, а если он повернет под таким углом, то я...»; как некрасивая жена такого-то попытается Вас поцеловать при встрече и как Вам заранее надо не забыть притвориться простуженным, чтобы увернуться от ее непрощенных ласк; как Вы страдали от намеренных и непреднамеренных обид, нанесенных Вам, как плели хитрые планы мести и наносили ответные удары, которые враги не замечали и т.д. Короче, Ваши отношения с людьми полны бурных и неподдельных чувств, но чувства эти гораздо ярче и шире исповедуемого Вами кодекса «джентльменского поведения», гораздо многообразнее и неуправляемое того, что Вы считали бы достойным, нестыдным, — и Вы отказываете в них своему литературному alter ego. Ваш «я», Ваш Алиханов, в общем-то, всегда сохраняет достоинство — даже в бедности, в неудачах, в поражениях, в пьянстве он не делает — а главное, не испытывает — ничего, за что человеку могло бы быть по-настоящему стыдно. И поэтому остается скучноватым (даже если попадает в смешное положение), беспорочным (даже если совершает что-то неблагоприятное) и неубедительным.

Ключевский пишет об Иване Грозном: «Иван — один из лучших московских ораторов и писателей 16 века, потому что он был самый раздраженный москвич того времени» (т. 2, стр.93). Раздражение может дорасти до уровня великой страсти, и оно так же достойно описания, как и всякая другая страсть. Спрашивается: почему же в устном рассказике Вы не боитесь нарисовать себя обуянным этой страстью, а в письменном — не решаетесь? Не потому ли, что в дружеском расположении сво-



их слушателей Вы, как правило, уверены, а невидимым читателям все еще до сих пор, по привычке стараетесь понравиться? Неужели долгий опыт не показал Вам, что понравиться им можно, только вывернув душу наизнанку, а наскучить — очень легко?

Перечтите «Записки из подполья». Перечтите «Падение» Камю. Перечтите исповеди Толстого, Руссо, Блаженного Августина. Не для того, чтобы научиться у них каяться (в этом нет никакой нужды), а для того, чтобы дать душе некую раскочку, необходимую для такого резкого и жутковатого оборота. Литература вообще дело опасное — Вы это уже знаете по себе. Вырваться из тупика, куда Вас завлекла эта искренняя страсть, так же трудно, как рыбе, попавшей в мережу, повернуть к течению не головой, а хвостом и выйти в открытую дыру, через которую она и попала в ловушку.

Вы часто жаловались, что не знаете, о чем писать. Вы устраивали себе игру с разнобуквенными началами слов в одной фразе. Вы не даете жизненным впечатлениями отстояться и спешите их запихнуть в какую-нибудь «Иностранку», хотя должны были бы уже заметить, что все Ваши лучшие вещи написаны о событиях, отошедших хотя бы лет на пять, на десять назад. Тут же Вы сможете соединить два дела, которые любите больше всего на свете: говорить о себе и создавать хорошую литературу. Только говорить уж придется полную правду. До конца. Придется расстаться с образом «симпатичного и непутевого малого» — самообольстительная характеристика, включенная в Ваше письмо, — которым Вы тешили себя так долго. Поверьте, никто не видит Вас таким. Все равно спрятаться за этим муляжом так же невозможно, как успеть прикрывать ладошкой испорченный зуб — Ваш трогательный жест, — когда на Вас внезапно нападает приступ смеха.

Все же, что бы там ни говорили структуралисты, формалисты и даже Петя с Сашей, объектом литературы являются человеческие чувства. «Шпионы сердца человеческого» — вот кто мы есть, и так это пребудет. Есть среди нас такие, которые очень много знают про чувства других людей, — они вырастают в эпических писателей, создают «портрет своего времени». Но есть такие, кото-

рые досконально знают только себя — и именно они открывают нам нечто, о чем мы и понятия не имели. Я никогда не узнал бы, что сластолюбие может быть вывернуто в высокий долг, доведено до идеи предназначения, если бы не писатель Марамзин. Я никогда не получил бы представления о волшебных видениях, о радужном преломлении мира, рождаемом запоем, если бы не Веничка Ерофеев. И я никогда не узнаю о страданиях человека, которому досталось с одинаковой страстью тянуться и к «быть», и к «казаться», если об этом не напишет писатель Довлатов.

Всю жизнь Вы использовали литературу как ширму, как способ казаться. Вы преуспели в этом, Вы достигли уровня Чехонте, Саши Черного, Тэффи, Пантелеймона Романова. Но я чувствую, что Вам этого мало. Вас не устраивает остаться до конца дней «верным литературным Русланом», который гонит и гонит колонну одних и тех же персонажей по разным строительно-мемориальным (то есть вспоминательным) объектам. Вам хочется большего. И если это так, я не вижу другого способа, как превратить ширму в экран — экран, на который будут спроецированы Ваши настроения, Ваши сильнейшие чувства, какими бы неблагоприятными они Вам ни казались.

Олеша прославился повестью «Зависть». У Вас есть все данные, чтобы написать на том же уровне повесть «Раздражение». Сюжет даже неважен. Это может быть просто серия портретов людей, сильно задевших вас в жизни. Но не умелые зарисовки с натуры (в этом-то Вы набили руку), а портреты — в буре тех чувств, которые эти люди в Вас вызвали. Мне кажется, можно взять любой персонаж, проходящий сквозной линией через Ваши писания — жену, возлюбленную, сослуживца, начальника, Веру Панову, Грубина, брата и десятки других — и написать про них совершенно по-новому: хронику (до мельчайших деталей) моих (автора) чувств по отношению к ним. (Кстати, Битов решился на это уже в «Пенелопе», но потом тоже испугался и стал себя сильно подругмянивать, отчасти, видимо, под давлением цензуры.)

Я понимаю, что то, к чему я призываю Вас, — не шутка. Я понимаю, что нет ничего проще, как отмахнуться от моих затянувшихся разглагольствований, при-

вычным ходом найти все слабые и смешноватые места в них и быстренько сочинить какую-то отбрехаловку. (Например: «Если ты такой умный, почему же сам не напишешь повесть на уровне «Записок из подполья»?». Отвечаю: потому что у меня в душе нет — признаю это с завистью и некоторым почтением — таких бурных страстей, и мне приходится подолгу высматривать и выводить их в других людях). Но мне сдается, что Вам сейчас не до таких простых уловок. 50 лет — какой-то рубеж, на котором многих бросало в неожиданный водоворот, переворачивало всю жизнь.

Деловая часть в сущности сводится к тому, что издатель — да и читатель — Ефимов был бы очень заинтересован получить произведение писателя Довлатова, в котором он впервые решился бы описать себя, мечущегося между «быть» и «казаться»\*. В остальном же, это послание, естественно, никакого ответа не требует.

В доказательство отсутствия злобных чувств посылаю наши новые книги.

Здоровья, здоровья.

---

\* Сейчас мне кажется, что издание, которое читатель держит в руках, и есть та книга, которую я призывал Довлатова написать (И.Е.).

## Довлатов — Ефимову

19 января 1989 года

Дорогой Игорь!

В Вашем письме много справедливого и верного, а если в нем есть что-то неверное и несправедливое, то не мне об этом судить, потому что разговор о самом себе невозможен. Все, что я мог бы написать в ответ, связано либо с деталями (ни о каких деньгах для Сосноры я не слышал и не знаю, о чем Вы говорите), либо с высотой тона, то есть, попросту говоря, с грубыми выражениями, которые для меня унизительны. В основном же Вы, очевидно, правы. Я говорю — «очевидно», потому что не верю в способность человека объективно судить о себе самом. Если Вы представляете себе меня таким, каким описали в своем письме, то о человеческих отношениях говорить трудно. В этом случае я еще раз от всей души прошу Вас простить меня за все огорчения, которые я Вам причинил.

Я также сохраняю к Вам чувство благодарности, о котором уже писал, и уважения, которое связано со многими Вашими профессиональными и человеческими качествами.

Что касается «деловой» части, то правдивую повесть о себе я написать не в состоянии. Я готовлю сейчас сборник рассказов, как бы — избранное за 20 лет, но это я попытаюсь выпустить года через два — к пятидесяти годам, если доживу, а если не доживу, тем более. Такая книжка вряд ли кого-то заинтересует, и я уже смирился с тем, что ее придется выпускать за свои деньги. Есть у меня еще американский комплект «Соло на ундервуде» — страниц 50—60 из записных книжек, но и это вряд ли подойдет. Еще я пишу книжку, суть которой довольно ясно выражена в названии: «Воспоминания Людмилы Константиновны Фесенко-Базилевич о ее покойном муже Александре Базилевиче, написанные им самим». Если хотите, я могу по окончании дать Вам экземпляр. Все это

я пишу, считая, что Вы не пошутили насчет деловых отношений.

Что же касается человеческих, то ужасно жаль, если они невозможны. Когда-то Вы благодарили Максимова за то, что, при всей антипатии к Вашей статье, он счел нужным потратить на ответ и на отказ так много времени и места. Позвольте и мне считать, что Ваше длинное письмо — какой-то знак внимания, что ли.

Будьте здоровы. Желаю Вам в наступающем году всех возможных удач.

Зря Вы все-таки Игорь, написали это письмо так грубо и так презрительно.

Ну, все. С уважением,

С. Довлатов.

## *Довлатов — Ефимову*

*19 января 1989 года*

Дорогой Игорь!

Дня через два или три я отправляю Вам большое письмо. Пожалуйста, не возвращайте его нераспечатанным: дело не в том, что я хочу оставить за собой последнее слово, просто я надеюсь все-таки смягчить, а что-то даже опровергнуть из Ваших во многом справедливых обвинений.

Я сделал страшную глупость. Если бы я знал, что Вы с таким отвращением ко мне относитесь, я бы и не заикался про человеческие отношения. В общем, я надеюсь хоть в чем-то оправдаться. И прошу дать мне такую возможность.

С.

## Довлатов — Ефимову

20 января 1989 года

Дорогой Игорь!

Я уже писал Вам, что в Вашем письме много справедливого, увы, и даже есть неожиданная для меня (по степени) пронизательность, и сначала я решил, что не буду оправдываться, потому что не в состоянии обсуждать собственную личность, да и не так уж я люблю говорить о себе, как Вы считаете, не больше, чем о других, во всяком случае. Но это неважно. Я думал, что могу, то есть, в состоянии не оправдываться, но выяснилось, что по истечении двух суток не проходит тоска, в которую меня повергло Ваше письмо, и, в общем, я решил Вам написать. Не потому, повторяю, что хочу оставить за собой последнее слово, а потому, что надеюсь смягчить некоторые Ваши представления, а некоторые просто уточнить или даже опровергнуть. Если бы я мог предположить, что Вы относитесь ко мне с таким презрением, я бы, конечно, не заговорил о восстановлении наших дружеских отношений, но я об этом не догадывался. Но раз уж письмо Ваше получено, мне очень трудно молчать в тех случаях, когда Вы в какой-то мере заблуждаетесь, преувеличиваете или каким-то образом введены в заблуждение. Я пишу без черновика, чтобы не превращать это письмо в художественный текст, поэтому возможны повторения и пр.

Самое простое для меня — это следовать за Вами по ходу письма и что-то оспаривать, но я, при том, что так и поступлю в конце концов, хотел бы порядок изменить. Если я сначала напишу, в чем Вы правы, а в конце напишу то, в чем не правы или правы лишь отчасти, то получится, что смысл письма в оправдании, поэтому я начну с того, в чем Вы, как я хочу надеяться, несправедливы или слишком категоричны, а закончу на том, в чем Вы пронизательны и, к сожалению, справедливы.

Я сейчас начну, но сначала прошу Вас не давать это письмо посторонним людям, хотя мне самому и случилось показывать кому-то чьи-то письма, рисующие мое-

го корреспондента в смешном или невыгодном свете, Вас же я прошу этого не делать. Во всяком случае, мне для того, чтобы писать совершенно открыто, нужно ощущение, что никто посторонний этого не прочтет\*.

Вы пишете в первом же абзаце: «Привирания в письме так много, а живого чувства так мало...». Действительно, тон моего письма, как я помню, довольно небрежный, и это потому, что я стеснялся писать в просительном тоне, мне это и сейчас сделать невозможно, но все-таки, я надеялся, что будет ясно, что разговор для меня серьезный. Просить прощения вообще нелегкое дело, тем более что в моем случае девять из десяти человек скажут что-нибудь такое: «Смирение паче гордыни». Короче, живого чувства мало, потому что я на это не решился, как, вероятно, не решусь и сейчас. Как Вы, может быть, догадываетесь, я очень тяжело переношу обиды, что не мешает мне наносить их другим — это разные вещи.

Я не знаю, есть ли у Вас копия Вашего письма, сама я, например, копий своих писем не оставляю, но Вы печатаете на компьютере, так что, может быть, копия и есть. В общем, я пропускаю почти целиком 4 пункта — это история нашей ссоры, все это будет в конце, а я сейчас останавливаюсь только на том, с чем не могу частично или полностью согласиться. Тут будет все в беспорядке, иначе письмо затянется до бесконечности.

Вы пишете: «Он (то есть — я) считает, что для ненависти нужна причина». И дальше: «...Например, ненавидит он своего молодого родственника, добрейшего и щедрейшего человека». Это не так, то есть Миша Бланк, действительно, добрый и симпатичный человек, но это не так, что я его ненавижу, это неправда. Я сначала, еще в Ленинграде, к нему относился очень хорошо, прекрасно, и здесь тоже сначала, даже несколько лет, был с ним в хороших отношениях, и этому есть доказательства, просто я не хочу их приводить, потому что Вы скажете, что я лгу, но эти доказательства есть. Конечно, я над ним посмеивался, он как-то к этому побуждает своей горячностью, но никогда серьезной антипатии у меня к нему не было. Когда-то он, как мне казалось, относился ко мне с уважением, но потом стал взрослым самостоятельным и успешным человеком, и уважение про-

---

\* Эта просьба была выполнена (И.Е.).

шло. Он мне нравится, и никаких злых чувств я к нему не питаю, и уверенно говорю Вам, что Миша добрый и сердечный человек.

Единственное, с чем я могу согласиться — это моя страшная раздражительность и невоздержанность, которые не полностью, но хоть процентов на 50 связаны с насильственной трезвостью, но с этим я согласен, хотя все-таки надеюсь, что между раздражительностью и ненавистью есть большая разница.

Нет у меня злых чувств и к Ксане, и я очень, клянусь Вам, сожалею, что не могу общаться с ними, теперь уже по их нежеланию. Я никогда не сделал им сознательно ничего плохого, если не считать злословия (которое все же слова, а не дела) и невоздержанного отношения к ним. Кроме того, на меня сильно подействовал, как ни странно, эпизод, который не следовало бы рассказывать, потому что Вы скажете, что все было не так, что я лгу, но я все-таки расскажу, можете не верить и считать, что это пустяк, как раз с тем-то, что это пустяк, я даже согласен, но как-то все началось с пустяка, а зашло далеко. Короче, Ксана позвонила мне в госпиталь, когда у меня второй день, это правда, было кровотечение, и все были уверены, что у меня рак, а Лене даже сказали об этом, и Ксана позвонила, спросила, как я себя чувствую? Я сказал про кровотечение, и услышал: «Это неправда». Я согласен, что Ксана могла сказать, то есть брякнуть это от испуга, но тогда я как-то несоразмерно оскорбился, так все и пошло. Раздражать-то меня, конечно, и Ксана раздражает, но клянусь Вам, всерьез я ни одного злого слова о них сказать не могу. Я, наверное, буду пытаться что-то изменить в отношениях с ними, хоть и не знаю, что из этого получится.

Что касается автомобиля, то, во-первых, Миша, действительно, хотел мне его подарить, а во-вторых, и тысяча долларов было очень дешево, мне механик потом говорил, что машина этого года и в этом состоянии стоит 1500—1700 долларов. При этом я честно не помню, чтобы жаловался кому-то на Бланка в этом смысле, а если это и было, то в связи с моим злословием, о котором речь впереди.

Дальше я опять кое-что пропускаю, вернее — переношу в конец, а затем Вы пишете о вещах очень щекотли-



вых, о которых надо говоришь с полной откровенностью, что я и попытаюсь сделать, потому что это один из пунктов раздражения, которое возникло у меня по отношению к Вам. Вы пишете, что я обвинил Вас в незаконной торговле «Компромиссом», который принадлежит Поляку и т.д. Позвольте мне совершенно открыто сказать, что я думаю по этому поводу. Я тогда считал и сейчас считаю, что Вы какое-то время продавали «Компромисс» незаконно, мне непонятно, что значит: «дюжина экземпляров, случайно выплывшая на складе», ведь «Компромисс», если не ошибаюсь, стоял у Вас в каталоге, и не один год. Короче, я был уверен, что Вы, печатая «Компр.» по Гришиному заказу, изготовили для себя какое-то количество экземпляров. При этом упаси Вас Господь думать, что меня это смутило, я сам абсолютно грешный человек, причем, настолько, что нет, пожалуй, ни одного преступления, которого я не совершил бы, как минимум, в мыслях, а чаще — в действительности. Мою реакцию вызвали не какие бы то ни было операции с книгами, тем более что я согласен, Гриша мог изрядно до этого попортить Вам крови, но меня раздражало то, что Вы при этом одеваетесь в белые ризы, или как там это принято называть. Я мог бы с увлечением говорить на эту тему, потому что, торгуя (пусть для возмещения своих моральных или материальных убытков, виною которым был Поляк) этими дурацкими книгами, Вы как бы сходили с пьедестала, на который я Вас мысленно взгромоздил в молодости, то есть, Вы нарушали какой-то идеал. Я не хочу продолжать на эту тему, потому что дал себе слово говорить о себе и не переходить на рельсы: «А ты кто такой...». Короче, я обвинял Вас не в какой-то незаконной торговле, а в нарушении моего идеала. Продолжать не хочу и надеюсь, что все ясно.

Дальше. Про передачу книг для Сосноры Вы мне уже писали в сопроводительной записке к бандероли с книгами, и я уже тогда, клянусь Вам, не понял, о чем речь. Ни о чем подобном я не слышал и не заикался. Очень прошу Вас, получая сведения обо мне и будучи сколь угодно убежденным в моей лживости, хитрости и злобе, не считайте все-таки, что все остальные люди говорят только правду, и что никто и никогда не может злословить и в мой адрес тоже. Про деньги и Соснору в связи с Вами я ничего не знаю.

Я, действительно, говорил, что Найман не захотел издать «Ахматову» в «Эрмитаже», но не вкладывал в это никакого смысла, кроме информации, ни над кем не издевался и никого ни в чем не обвинял, да и что я мог бы сказать по этому поводу, какое злорадство могло иметь место, если я сам три лучшие книжки выпустил в «Эрмитаже», а значит, считал же это изд-во достойным для себя. Мне сказали (не помню, кто именно), что Найман не захотел издать книгу в «Эрмитаже», и я кому-то мог говорить об этом без всяких специальных эмоций, и я даже не вижу, какую из этого можно сделать устную «историю».

Что касается моей встречи с Найманом, то я ему сразу же, как только он позвонил, предложил приехать в любое время и в любое место, и он еще раз звонил, но встретиться со мной не смог или не захотел. Я не отношу это за счет того, что кто-то меня оговорил, потому что, во-первых, каждый человек имеет право встречаться с тем, с кем хочет, а во-вторых, у меня и раньше отношения с Найманом были неравные, я проявлял к нему огромный интерес, а он снисходил до отношений со мной, что, опять же, не его вина: отношения между людьми такие, на которые эти люди согласны.

Вы говорите о моих отношениях с Вайлем и Генисом: «Дело, пришитое этим обвиняемым». Я не хочу клясться и божиться, и не буду повторять, что между нами произошло, потому что, повторяю, предпочел бы говорить о себе, а не о других, но скажу только одно: у меня есть основания для обиды в отношении Пети и Саши, и дело даже не в том, что они сделали, а в том, что ни разу и ни при каких обстоятельствах не захотели со мной на этот счет объясниться. Глубочайшая моя ошибка заключалась в том, что я решил, что мы друзья, такие же близкие, как они между собой, а потом выяснилось, что это не так, что до «Американца» они не проявляли ко мне интереса, и после тоже. Конечно, я сделал глупость и возомнил Бог знает что, но я считаю, что у меня есть основания считать, что и они поступили дурно, а объясняться не пожелали, с «Американцем» все было конечно. Они талантливые люди и со многими человеческими достоинствами, но все же, Игорь, почему же Вы не допускаете, что и в моих словах есть какая-то доля правоты? Мне очень тяжело было убедиться, что мы — не

друзья с ними, что просто связаны, так сказать, делом, я был уверен, что Петя и Саша — компенсация того, что я оставил в Союзе, но вот, сейчас, деловые отношения восстановлены, а Генис даже питает, мне кажется, какую-то тень симпатии ко мне, но это, конечно, все уже не то и не так. Повторяю, я ошибся, я сделал глупость, но не на сто процентов я виноват. Есть же просто факты, которые о чем-то говорят. Ну, хотя бы то, что я не получал зарплату в «Американце», а Петя и Саша получали. Вы думаете — почему? Ну, во-первых, конечно, потому, что я очень дорожил их участием в газете, а во-вторых, и в главных, потому, что я считал, что с друзьями деньги ничего не значат. И еще раз прошу Вас, когда Вы получаете какие-то сведения, пусть даже и от Пети с Сашей, помните, что не один я могу что-то искажать, какие-то акценты смещать и невыгодные для себя детали затушевывать.

Вы пишете, что я занимаюсь «обвинительно-оправдательным привиранием, мелким подсчетом оказанных услуг». Это не так, во-первых, я никого не обвиняю, стараюсь не обвинять, а во-вторых, я напомнил не об услуге в связи с разгрузкой, а заговорил об этом только для того, чтобы доказать, что не избегал Вас, что в гости к Вам по разным причинам, может, и не пошел, но не потому, что не хотел быть в Вашем доме или общаться с Вами, а по другой причине. Во всяком случае, я очень не хотел бы быть человеком, который напоминает о мелких услугах, я заговорил об этом по другой причине и с другой целью. Неужели Вы этого не поняли?

Дальше я очень что-то пропускаю, в чем Вы правы, вернее — переносу в конец. А потом идет: «Вы мне похвастались, что все статьи Белоцерковского против «Свободы» — главного работодателя и благодетеля — устраивали вы... Абы нагадить».

Все это не совсем так. Я передал, всего лишь передал одной женщине, даже переслал по почте в журнал «Нэйшн» статью Белоцерковского, одну статью (допускаю, что Вам сказал про «все статьи», но не думаю). Белоцерковского я, действительно, не считаю крупным публицистом (хоть и не «не переносу» его, как Вы пишете), и тем не менее статью передал. Но, во-первых, я не считал тогда радио «Либерти» святыней, как и сейчас

не считаю, а во-вторых, мне кажется, что и Белоцерковского надо выслушать, если журнал находит его статьи соответствующими профессиональному уровню. Я считаю, что «не передавать» статью — не выход, надо спорить и опровергать. Как бы я ни относился к Белоцерковскому, я считаю, что увольнение его с радио было неправильным, и кстати, два бывших юриста, Рубин и Гендлер, так считают. Белоцерковский — не Шопенгауэр, но он человек искренний и по-своему бескорыстный, мне кажется. Что касается «работодателя и благодетеля», то и советская власть была моим работодателем, я же против нее шипел и тоже что-то на Запад передавал.

«Абы нагадить» — несправедливо, не вполне справедливо по отношению ко мне, и не по форме, а по сути. Всю жизнь я страдаю и тем более причиняю страдания другим своим злословием или «очернительством», как Вы пишете, но все это ограничивается словами, сотни раз самыми неприязненными людьми отмечалось, что действий как таковых я почти не совершаю. Я согласен, что злые, неправдивые и несправедливые слова — это те же дела, но все-таки начинается у меня со слов, которые, согласен, перерастают в нечто большее. И тем не менее стремления нагадить кому-то у меня никогда не было, только в детстве или в каких-то исключительных случаях.

Что касается деловой части Вашего письма, то если не считать, что Вы написали все это в шутку, то тогда Вы обратились не по адресу: я не обладаю талантом, говорю это, поверьте, без кокетства, чтобы написать психологическую драму и вообще — книгу о внутреннем мире, у меня это не получится, и я даже не возьмусь никогда. Я знаю предел своих способностей, и думаю, что уже сейчас получил за свою литературу больше, чем заслуживаю. Вот уже два года я ничего такого, что увлекло бы меня, не пишу, а до этого два года писал то, что меня в результате не устраивало. К сожалению, я знаю, что способности — это физиология, они могут иссякнуть, отказать, это произошло с неизмеримо более талантливыми, чем я, людьми. Во всяком случае, сейчас я уверен, что ничего хорошего больше не напишу.

Если же напишу то, что меня бы самого устраивало, то, как я понял, могу Вам это показать.

Теперь я перехожу к тому, в чем Вы, к сожалению, правы, но письмо уже сейчас такое длинное, а смысл

всего этого мне как-то все менее ясен, так что постараюсь, чтоб было не очень длинно.

Вы пишете, что не поняли когда-то причин моего изменившегося отношения к Вам, и что это причинило Вам горе. Если это так, то должен признаться, что в моем поведении было много сознательного, и это, как раз, должен сказать, было именно злое дело, действие. Там была какая-то полузабытая мною формальная причина, какой-то автомобиль, который Вы не смогли или не захотели мне переправить, но все это, конечно, можно было как-то утрясти, обойти и ликвидировать. Я помню, что страшно озлобился на Вас и, действительно, уклонялся от честных объяснений и даже Вы правы в том смысле, что было мучительство по отношению к Вам, и хамство, и, к очень большому стыду моему, и удовольствие, как Вы говорите, от всего этого было. Мне довольно трудно объяснить все это рациональным путем, но я много об этом думал, и, наверное, знаю, какая там подоплека у этого сознательного и безобразного свинства. Когда-то мы познакомились, и Вы заняли в отношении меня неравное, покровительственное положение, и я очень дорожил нашим знакомством, гордился им, и, действительно, до конца жизни буду Вам благодарен за то, что Вы, при всей моей патологической неуверенности в себе, сразу же сказали, что я — писатель. И вот много лет отношения были неравными (при полном осознании мной Вашего расположения ко мне), а затем мы приехали сюда, и я стал печататься по-английски, и услышал какие-то комплименты, и дальше, вероятно, сознательно и бессознательно ход мыслей и чувств у меня был такой: «Да кто он такой, чтобы мной командовать, почему я должен его слушаться, я ничем не хуже, чего он важничает и т.д.». Короче, бунт на корабле. Понять это, я думаю, можно, но то, в какие формы это вылилось, вызывает у меня чувство отвращения к себе.

Правы Вы и в том, что я не люблю людей, которые «в ладах с собой, с жизнью, друг с другом», вернее — не «не люблю», а просто я завидую им, потому что сам я никогда ни с чем в ладах не был, но при этом хотел бы быть и веселым, и успешным, и вообще, быть похожим на Аксенова. Зависть, как известно, не очень-то побуждает

к добру. Вы правы, что я неудачник, и это даже не связано с конкретными обстоятельствами, не всегда плохими, потому что «неудачник» — это такое же врожденное качество, как рост или цвет волос — кому надо, тот всегда и во всем неудачник.

Вы правы и в том, что моими друзьями всегда в конце концов становились люди слабые и неудачливые, и хотя в этом смысле у меня есть знаменитый предшественник, «тот самый малый из Назарета», но я, конечно, шучу, потому что всю жизнь мне, действительно, естественно жилось лишь в атмосфере неудачи, что и подтвердилось в результате конкретными обстоятельствами — разочарование в своих творческих возможностях, проблемы со здоровьем (увидите меня на радио — все поймете) и довольно-таки мрачный, боюсь, остаток жизни впереди. Никогда мне не дано было ощутить довольства собой или жизнью, никогда я не мог произвести впечатление человека, у которого все хорошо, к которому стоит тянуться, который располагает к себе именно своей успешностью, для простоты — тот же Аксенов. Все это может быть связано у меня с какими-то детскими душевными травмами — Ася, плюс мечты о героизме при полном расхождении с возможностями по этой части, и так далее. Есть и много такого, чего Вы, при всей Вашей проницательности, просто не знаете, и это «много такого» — не в мою пользу.

Справедливо и то, что по натуре я очернитель, как бы я ни старался представить этот порок — творческим занятием, но это — правда.

Правы Вы и в том пункте, в котором проявили наибольшую степень проницательности. Вы пишете, и это, может быть, гораздо умнее, чем Вы думаете, и имеет отношение не только ко мне, но и к литературе вообще, и даже во многих случаях объясняет эту литературу, потому что очень часто, чаще, чем кажется, писатель старается не раскрыть, а скрыть, я говорю о Вашей фразе: «Всю жизнь Вы использовали литературу как ширму, как способ казаться». Это правда. Все мое существование сопровождается проблемой «быть-казаться», и Вы даже не можете себе представить, до каких пошлых и невероятных вещей я доходил в этом смысле. Суть в том, что мне не дано быть таким, как я хочу, выглядеть так, как я хочу, и вообще, соответствовать тем представлениям о

человеке достойном, которые у меня выработались под влиянием литературы Чехова и Зощенко. Я никогда не буду таким, как люди, нравящиеся мне, а притвориться таким человеком нельзя, я это знаю, что не является гарантией того, что я не буду притворяться всю свою жизнь.

Я не хочу очень затягивать это письмо, я уже устал, и уже не отдаю себе отчета, соответствует ли текст тому, что я хотел сказать. Мало того, уже я не совершенно уверен, что нужно писать это письмо, потому что не знаю, к чему все это свести. Мы много лет были знакомы, я испытывал и продолжаю испытывать в неубывающей мере чувство благодарности к Вам и уважения ко многим Вашим качествам, у обоих нас были недостатки (о Ваших я говорить не желаю, хотя искушение огромно, просто тогда письмо перейдет в другой жанр), но Ваши недостатки так и остались при Вас, а мои побудили сделать Вам зло. В третий раз прошу Вас простить меня или, как минимум, знать, что я отдаю себе отчет в своих поступках, и о восстановлении нашей дружбы уже не заговариваю, потому что меня всегда будет злить Ваше торжество и проявленное Вами презрение, а это значит, что искренности полной с моей стороны не будет, а следовательно, и человеческого отношения не будет, тем более что Вы, когда писали свое письмо, знали, что Ваше решение окончательное, иначе Вы не стали бы выражаться так брезгливо. С меня достаточно того, что я имею возможность показать что-то в будущем в «Эрмитаж», и еще у меня есть к Вам мелкая просьба: я прошу Вас хотя бы формально отвечать на мое «здравствуйте» на радио, просто мне психически очень тяжело пройти мимо человека, не здороваясь, а Вы дважды мне не ответили на это, а может быть, мне показалось.

Вот так. Не уверен, что все это писание мое имеет какой-то смысл, но отправить его я все же намерен. Не удивляйтесь, если к концу чтения перестанете понимать, зачем все это написано. Я сам перестал понимать. Написано от тоски.

За книжки спасибо.

Всего доброго. Хочу еще сказать, что при всем моем «неудачничестве», мне Коля очень скрашивает жизнь, и отношения с Леной и мамой сейчас неплохие.

С уважением

С. Довлатов.

# ПРИЛОЖЕНИЯ

---

---

*Игорь Ефимов*

## ***НЕПОВТОРИМОСТЬ ЛЮБОЙ ЦЕНОЙ\****

На вечеринке в Ленинграде:

— Где Довлатов?

— Ушел, кажется.

— Как? Никому не сказав?

— Что-то пробурчал про «расплясавшихся старичков» и ушел.

Это случалось часто. Потом появится снова, насмешит до слез, сам исхохочется, прикрываясь ладонью, свергнет с полдюжины литературных кумиров, опять исчезнет, сгинет в многонедельной гулянке. А когда позвонит через месяц, от первых же его слов, еще до осознания их смысла (принести новый рассказ? денег в долг? запрещенных книжек почитать?), в душе предощущение: вот сейчас опять будет смешно, талантливо, горько.

Откуда шла эта постоянная горечь? В России нам казалось, что причины ясны: не печатают талантливого человека, вот он и бесится. Не только пьет, а еще и вечно куда-то убегает: от друзей, от семьи, из города в город, из одной компании в другую, с работы на работу. Но вот он добежал в этом своем бегстве до Америки, добился признания, потоком пошли книжки на разных языках, публикации в престижных журналах, обеспеченность... А горечь оставалась. Вот отрывок из его письма 1984 года:

«Пьянство мое затихло, но приступы депрессии учащаются, именно депрессии, то есть беспричинной тоски, бессилия и отвращения к жизни. Лечиться не буду и в психиатрию я не верю. Просто я всю жизнь чего-то ждал: аттестата зрелости, потери девственности, женитьбы, ребенка, первой книжки, минимальных денег, а сейчас все произошло, ждать больше нечего, источников радости нет. Главная моя ошибка — в надежде, что, легализовавшись как писатель, я стану веселым и счастливым. Этого не случилось. Состояние бывает такое, что я даже пробовал разговаривать со священни-

---

\* Эта статья была впервые прочитана на вечере памяти Довлатова осенью 1990 года, затем напечатана в «НРС» (23.8.91): затем в журнале «Звезда» (№3, 1994).



ком... но он, к моему удивлению, оказался как раз счастливым, веселым, но абсолютно неверующим человеком». (27.7.84).

Конечно, можно продолжать искать причины этой тоски в обстоятельствах эмигрантской жизни. В тех же письмах найдется немало горько язвительных пассажей о нью-йоркской литературной среде:

«Тоска в Нью-Йорке смертная. Хоть из дома не выходи. Все русские сообщества, начинания и круги проникнуты каким-то очевидным неблагородством. Идеализм полностью и окончательно заглох, даже от С. можно услышать: «лишь бы деньги платили». (19.11.84).

«Общаться с людьми почти совсем невозможно, никто не в состоянии произвести ни одного разумного и точного действия, на свидания являются произвольно, ничего не записывают, ничего не запоминают, обидчивые, веселые, шутят беспрерывно. Может быть, это антисемитизм, но я не готов воспринять такое количество чистокровных евреев — и ни одного человека, хотя бы на секунду усомнившегося в своем совершенстве» (6.4.83).

«Жизнь осложняется тем, что из этнического курьеза, который вызывает только презрительную симпатию, я перешел в категорию, где тебя уже можно не любить, враждовать с тобой, где идет борьба, где все разделено на лобби: западный берег, восточный берег, левые, правые... и даже, я не шучу, гомосеки и не гомосеки» (24.2.84).

«К сожалению, я убедился, что в мире правят не тоталитаристы или демократы, а зло, мизантропия и низость. Конфликт А. с Б. — это не конфликт авторитариста с либералом, а конфликт жлоба с профессором, конфронтация А. с В. — это не конфронтация почвенника с западником, а конфронтация скучного писателя с не очень скучным. Разлад А. с Д. — это не разлад патриота с «планетаристом», а разлад бывшего уголовника с бывшим политическим. И так далее... Извините за мысли» (15.8.84).

Не одни русские попадают под огонь — достается в письмах и американцам.

«Рассказ, который появится в «Ньюйоркере» буквально на днях, исковеркан цензурой, самой настоящей. Еврей плохим быть не может, коммуниста ругать не надо — все это у них называется: «не потакайте стереотипам». Из одного моего рассказа в «Ньюйоркере» выкинули «резиновый пенис», такая у них стыдливость, причем этот пенис фигурировал, как Вы догадываетесь, в самом невинном и юмористическом контексте, а вовсе не по прямому назначению» (28.11.84).

«Единственное, что примиряет меня с американской славистикой, это то, что они покупают ваши книги. Все остальное — малоинтересно. Каким-то странным образом в славистике развились все пороки этнического меньшинства: обидчивость, бедность, нервозность, мнительность в сочетании с заносчивостью и даже хамством. Это — единственные знакомые мне американцы с выпирающими комплексами. Должен сказать, что лишь среди слависток попадались мне в Америке женщины с недостающими передними зубами» (4.1.85).

Нет пощады даже литературным классикам:

«Читали ли Вы книгу какого-то шведа «Переписка Маяковского и Л.Брик»? Это нечто уникальное по пошлости! Он дает несколько

факсимильных копий, а в остальном сохраняет грамматику и пунктуацию оригиналов: это кошмарная переписка двух безграмотных ничтожных существ. Абсолютно невозможно поверить, что Маяковский написал хотя бы «Левый марш»...» (23.12.83).

«Сообщаю Вам, что я перечитал два романа Достоевского, а также «Войну и мир» и 5 рассказов Толстого, и отдаю Толстому (впервые) явное предпочтение за полную безыскусность: «Вслед за глупой жизнью придет глупая смерть». Все же Петр Верховенский — явная и неправдоподобная карикатура, Кириллов — тоже, а Ставрогин — роковая нарисованная на фанере личность. Если бы все было театрально и фантастично, как у Гоголя, тогда другое дело. А так — Верховенский и Кармазинов — придуманные, а Степан Трофимович — живой, получается разнородный мир. Все властные, богатые старухи у Достоевского — близнецы, все мальчишки и юноши — родные братья. И так далее. Извините за мысли» (19.6.84).

Но в одном из таких комментариев к прочитанному есть признание, приоткрывающее, мне кажется, источник внутренней трагедии Довлатова:

«Книжку Д. я читал сначала с воодушевлением и благодарностью, потому что она вполне доступная и простая, а затем по тем же причинам ее невлюбил. Видно, подлость моей натуры такова, что абсолютно доступные книги меня не устраивают. Раз я все понимаю, значит, что-то тут не так» (4.10.84).

У Вуди Аллена есть такая шутка: «Я никогда не вступил бы в клуб, который был бы согласен терпеть меня своим членом».

Главной страстью Довлатова была страсть к талантливому — в искусстве, в людях, в отношениях, в себе. Талантливое всегда неповторимо и непредсказуемо. Но если слишком увлечься этой формулой, легко поверить, что и в перевернутом виде она сохраняет свою истинность. То есть, что только неповторимое и непредсказуемое — талантливо. А чуть проступит где-то рутина, повтор, узнаваемость — можно зачеркнуть и отбросить. Книгу, чувство, человека. В том числе и самого себя.

Жажда неповторимости доходила в нем до курьезов. Например, он придумал себе такие «литературные вериги»: чтобы ни в одной фразе не было у него двух слов, начинающихся на одну и ту же букву. Он уверял меня, что подобный искусственный прием помогает ему искать незатертые слова. Я соглашался, что в какой-то мере это могло срабатывать. Но все же такая сосредоточенность на мелочах литературного ремесла тревожила меня. Писатель здесь начинает напоминать влюбленного, который явился на свидание принаряженным и без конца поправляет галстук, прическу, складки на брюках, и так сосредотачивается на этом, что забывает и о возлюбленной, и о своем чувстве к ней.

Но, с другой стороны, только эта страсть к талантливому и неповторимому позволяла Довлатову реагировать с такой убийственной точностью на все проявления шаблонности, пошлости, душевной лени в окружающей его жизни. Как он умел сместить друзей своими рассказами! И даже мысль о том, что завтра, в другой ком-

пани, он так же смешно и беспощадно изобразит тебя, не отравляла удовольствие.

Вот о литераторе, получившем из типографии свою книгу:

«— Цвет обложки мне не нравится, — сказал он. — Но внутри книга — великолепная, искренняя, темпераментная» (18.8.84).

Вот о двух друзьях-эмигрантах:

«Е.Ж. разбился, пьяный в автомобиле, и к нему в больницу пришел З.И. Пришел, взглянул на специальный лист с клиническими показателями и сказал с загоревшимися глазами:

— Ты очень плохо себя чувствуешь!

Е.Ж. говорит:

— Да нет, вроде бы ничего.

А З.И. в ответ:

— Что ты мне сказки рассказываешь?! У тебя жуткое давление. Пульса фактически нет. Ты одной ногой в могиле...

И так далее. Е.Ж. говорил потом, что никогда не видал З.И. таким счастливым...» (18.8.84).

«Есть у нас такая новость — повредился в рассудке К.Л... Вообще, он и был человеком нездоровым. Два года назад он предлагал мне заняться коллективными половыми утехами, меняться женами и т.д. Я чуть не умер от страха... Будучи человеком пузатым и тонконогим, я гарцевать перед посторонними без штанов не люблю. К.Л. тоже не Роберт Рэдфорд, но, как видите, пылкий» (2.10.83).

Пошлость и рутина, которую удавалось прикосновением иронии превратить в искусство, ненадолго веселила. Но из пошлости и рутины соткана жизнь человеческая. Если ты не умеешь уживаться с ними, ты обречен на непрерывное страдание. Здесь, мне кажется, и таится источник постоянной довлатовской горечи. Горечь эта была тем более искренней, что он и к себе был беспощаден. И лирический герой его опубликованных повестей и рассказов, и он сам — герой его устных историй — всегда были объектом постоянных насмешек, порой весьма жестоких. Так же беспощадно требователен он был и к своему литературному стилю.

«Рассказ, то есть гранки, вышло не позднее, чем завтра. Оцените, что я не стал почти ничего вписывать, исправлять и усовершенствовать. Но вообще-то, читая гранки, я всегда испытываю одно и то же желание — все заново переписать» (18.8.84).

С детства Довлатовым был усвоен какой-то неписанный код благородного человеческого поведения. И каждый раз, когда близкие нарушали его, он страдал. Не меньше страдал он и тогда, когда сам нарушал его. Никакие уговоры друзей, никакие уверения в том, что близкие относятся друг к другу и к нему гораздо снисходительнее, что они любят и восхищаются им таким, каков он есть, не помогали. «Я не хочу вступать в ваш клуб, если он готов принять меня — таким, как я есть, — в свои члены». Не помогли и литературоведческие рассуждения о том, что всякий хороший писатель в чем-то повторяется, то есть имеет какой-то устоявшийся набор ходов и приемов, и это называется свой стиль. Тщетно было указывать Довлатову на то, что в жизни абсолютно неповторимыми и непредска-

земыми могут быть только сумасшедшие, пьяные и непризнанные гении. (Не потому ли он всю жизнь тянулся к таким?)

Описывая мне в письмах назревающий разрыв со старым другом, он писал:

«Рвать отношения с ним по собственной инициативе я никогда не буду, но боюсь, что он сам эти отношения заморозит, или уже заморозил» (4.10.84).

И в другом письме про того же друга:

«Все это грустно, потому что Леша мне очень нравится, и как писатель, и как человек, и разрыв отношений с ним был бы большим огорчением... Скоро, Игорь, Вы останетесь единственным человеком, с которым я вижу и беседую добровольно и по собственному желанию» (27.9.84).

Увы, два года спустя дошла очередь и до меня. Наш разрыв был для меня большим и долгим горем. Но все же дружба, доставившая мне столько радости, была длиннее — больше двадцати лет. И я рад, что он написал нам в письме, приуроченном к серебряной свадьбе:

«Дорогие Игорь и Марина! От души поздравляю вас обоих и благодарю за многолетнее ощущение приязни с вашей стороны, которое так помогло мне когда-то обрести минимум уверенности в себе и помогает сейчас защититься от чувства одиночества и безнадёжности» (15.5.84).

Можно сказать, что Сережа Довлатов искренне хотел любить нас всех — своих друзей и близких, — но неизбежная предсказуемость, повторяемость, рутина, обыденность проступали в каждом из нас — и его любовь, так нацеленная только на талантливость, умирала.

Он очень хотел любить себя, но и в себе обнаруживал те же черты, — и не мог полюбить себя таким, каким видел, каким знал.

Поэтому, что бы ни было написано в свидетельстве о его смерти, литературный диагноз должен быть таков: «Умер от безутешной и незаслуженной нелюбви к себе».

*Игорь Ефимов*

## **КАК ПРЕВРАТИТЬ ПИСАТЕЛЯ В УГОЛОВНИКА\***

Когда партийный аппарат в Советском Союзе дает распоряжение своей карательной машине покончить с тем или иным борцом за гражданские права, она послушно берется за дело и отправляет его на заданное число лет в лагеря. Весь мир мог очередной раз увидеть, как это делается, на примере недавних процессов Орлова, Гинзбурга, Щаранского, Слепака, Петкуса, Лукьяненко. Однако в провинции партийное начальство часто бывает занято другими делами, и четких приказов от него не поступает. Но ведь нельзя же местному КГБ никого не сажать? Народ распустится, перестанет уважать власть. И «голубые канты» проявляют инициативу, начинают искать себе подходящую жертву сами.

Похоже, что на главную роль в очередном таком процессе в Ленинграде выбран писатель Сергей Довлатов.

В Союзе писателей он не состоит, хотя у него есть все данные, чтобы считаться профессиональным литератором: талант, успех у читателя, множество написанных за последние 12 лет произведений, признания собратьев по перу, одобрительные отзывы, полученные во многих редакциях и издательствах. Нет только одного — напечатанной и выпущенной в Советском Союзе книги. Один сборник его произведений был подготовлен к печати в 1973 году, но рукопись случайно попала в КГБ, там прочли, остались недовольны, позволили в издательство, и набор книги немедленно был рассыпан.

Тем временем рассказы и повести Довлатова начали циркулировать в Самиздате, оттуда просочились за границу, и русские зарубежные журналы охотно предоставили им свои страницы. Повесть «Невидимая книга» (трагикомедия литературных мытарств автора) выходит в переводе на английский в американском издательстве «Ardis».

Все это, с точки зрения советских властей, — тягчайшее преступление. Но в открытую судить за литературные произведения становится все труднее. Слишком сильно возмущение в мире. Поэтому такой процесс надо тщательно готовить. И лучше всего, чтобы к делу удалось подмешать какую-нибудь уголовщину.

В этот раз на подготовку ушло чуть ли не полгода.

Сначала занялись личными и родственными связями Довлатова. Телефон был спаренный — без вызова пришел мастер и переделал

---

\* Статья, написанная для австрийской газеты и для «Эмнести интернейшенал» по поводу ареста Довлатова в Ленинграде в июле 1978 г.

на индивидуальный (так удобнее прослушивать). Письма или вовсе перестали приходить, или попадали в ящик с месячным опозданием. (С копировальной техникой даже в КГБ всегда сложности и волокита.)

Потом знакомые один за другим начали сознаваться, что их вызывали к следователям (или те приходили к ним на работу) и подробно расспрашивали обо всех сторонах жизни «кандидата». Так как дело еще не было заведено, по закону они могли отказаться отвечать. Но в Советском Союзе почти нет людей, которые бы рисковали сопротивляться произволу властей, опираясь на такой пустяк, как писаное законодательство. И они отвечали, и рассказывали все, что знали, не понимая, что это может повредить их другу. Ведь вопросы казались такими невинными.

— Сколько же раз он был женат?

— Три. И от каждой жены у него был ребенок. Всё дочки.

А следователь отмечает где-то у себя в блокноте: «аморальный тип».

— Ну, а как у него было на дне рождения? Весело? Вообще, общительный он человек? Вот вы с ним выпивали когда-нибудь?

— Как же без этого.

Так: «пьянство».

— А правда, что у него над письменным столом висит нож и кастет? Зачем ему это?

— Он когда-то служил в конвойных войсках. Отобрал у уголовников и оставил на память.

«Хранение холодного оружия».

Но этого еще недостаточно.

И вот где-то в мае к Довлатову, идущему по улице с двумя друзьями, подходят двое милиционеров, хватают под руки и начинают тащить в отделение. Он упирается слегка, пытается выяснить, в чем дело, но идет. В отделении защитники порядка запирают дверь и, не говоря ни слова, принимаются избивать задержанного.

Рост у Довлатова около двух метров, сила — немалая, но он человек опытный, знает, чем может кончиться такое избиение, поэтому продолжает сидеть на стуле, только прикрывает голову руками.

Потом ему подсовывают на подпись какую-то бумагу.

Он отказывается подписать.

Тогда его начинают избивать снова — кулаками, ногами, каким-то проволочным хлыстом. Бьют до тех пор, пока он не соглашается подписать. Бумага представляет из себя стандартный протокол, в котором он успевает заметить фразу: «оказывал сопротивление милиции при задержании».

Ну вот, теперь, кажется, все готово. Партийное начальство какое-то время рассматривает подготовленный сценарий, затем выражает удовлетворение и дает санкцию начинать «съемки».

20-го июля Довлатова арестовывают.

К ряду громких литературных дел в Ленинграде (Бродский, Эткинд, Хейфец, Марамзин) теперь, очевидно, прибавится еще одно.

30.7.78

*Игорь Ефимов*

## **ПИСЬМО РОССИЙСКОМУ ИЗДАТЕЛЮ** *(печатается в сокращении)*

Уважаемый коллега!

Речь пойдет о до сих пор неопубликованной книге **Сергея Довлатова** *Переписка с Игорем Ефимовым* (в рукописи около 400 стр.).

Это самое крупное произведение Довлатова и, по мнению многих читателей рукописи, самое искреннее и драматичное. Переписка покрывает годы 1978—1989 и по сути представляет собой эпистолярно-автобиографический роман. Вот отзывы некоторых читателей: «ошеломительная книга»; «лучшее из написанного Довлатовым»; «не мог заснуть всю ночь»; «читаешь на одном дыхании»; «стилистически, художественно материя писем неотличима от лучших страниц довлатовской прозы... заставляет заново полюбить творчество Довлатова, расширяет представление о нем».

Несколько российских издателей выразило горячий интерес к рукописи. Но возникло препятствие: вдова писателя, Елена Довлатова, объявила, что по американским законам она является владельцем авторского права на все письма, когда-либо написанные Довлатовым, и что она не дает согласия на их опубликование.

Думается, мотивы, стоящие за таким решением, вполне уважительны. Довлатов был человеком сложным и противоречивым, и какие-то черты его образа, отраженные в этих письмах, могут вызвать у близких болезненную реакцию. Его блистательный и безжалостный юмор, конечно, сверкает в каждом письме, но много живых людей может быть задето его оценками и шаржами. В подобной ситуации трудно взять на себя моральную ответственность и сказать «да, разрешаю». И вполне можно понять российского издателя, который с уважением отнесется к этим мотивам и соображениям вдовы писателя и откажется от опубликования.

Но причина отказов, имевших место, была не морального свойства, а юридического. Российские издатели поверили, что «по закону» копирайт на письма умершего человека принадлежит наследникам. Однако это не соответствует реальному положению дел.

Даже в Америке нет такого закона. Есть *прецеденты*. Никакой закон не может предусмотреть все хитросплетения жизни. Поэтому в сложных конфликтах английские и американские юристы роются в старых судебных делах, ищут, не было ли похожего случая, выясняют, как там судья решил дело, и выносят решение, аналогичное уже принятому ранее, то есть апробированному. Правило считать

копирайт на письма умершего человека принадлежащим наследникам вытекает из двух судебных дел, разбиравшихся в США, одно в 1861 году, другое — в 1912 <...> Но сумма юридических прецедентов (создающих так называемый common law — «общепринятый закон») одной страны не может иметь легальной силы в международных разбирательствах. Переводчик Андрей Сергеев, опубликовавший недавно в России письма Бродского к нему вопреки пожеланиям и требованиям наследников, никаких законов не нарушил. Не нарушали их и друзья самого Довлатова, уже многократно публиковавшие его письма к ним в разных изданиях (см., например, сборник «Малоизвестный Довлатов», изд. «Звезда», 1995). Демократические страны имеют очень разные своды законов, и было бы нелепостью требовать, чтобы граждане одной страны подчинялись законам другой.

Однако именно это и происходит в сложившейся ситуации. Уважение к Закону — прекрасная вещь. Но российские издатели здесь заходят так далеко, что, за неимением разработанного российского законодательства, готовы подчиниться американскому. Они готовы склонить голову перед мудростью двух американских судей, умерших много десятков лет назад. И ради этого лишит русского читателя возможности прочесть глубокую, серьезную, талантливую книгу писателя, окруженного сегодня всеобщим вниманием.

Эпистолярный жанр в русской литературе XX века был поставлен в крайне тяжелое положение. В Советской России люди боялись писать друг другу искренние письма — от этой эпохи уцелели считанные произведения. Даже такие замечательные книги как переписка Пастернака с ссыльной Ариадной Эфрон, переписка о. Сергия Желудкова с сидевшим в лагере Кронидом Любарским, переписка о. Александра Меня с эмигрировавшей Дианой Виньковецкой и др., конечно же, писались с оглядкой на почтовую цензуру. В этой ситуации американские письма Сергея Довлатова, воссоздающие не только его душевный мир, но и жизнь русской литературной эмиграции, и культурно-политическую ситуацию в России (с которой он был тесно связан как сотрудник «Радио Свобода»), представляют особую ценность, особый интерес. Откладывать их опубликование на неопределенное будущее представляется мне неоправданным и неправильным. Писатель Макс Брод не выполнил пожелания своего умирающего друга Франца Кафки, не сжег его произведения, подарил их миру. Относясь с полным уважением к пожеланиям семьи Довлатова, мы все же должны сегодня больше считаться с нуждами русского читателя, которому так не хватает книг, восстанавливающих историческую память народа.

Со своей стороны я хочу выдвинуть только три условия:

1. Книга должна печататься целиком; на частичные, обрывочные публикации в журналах я разрешения не даю (за исключением печатания рекламных фрагментов перед выходом книги). <...>
2. Редакторско-корректорская вычитка должна производиться человеком, хорошо знакомым с эмигрантской литературной средой и окружением Довлатова.
3. Авторские отчисления за российское издание должны выплачиваться наследникам Сергея Довлатова.



Должен предупредить также, что адвокаты, представляющие интересы наследников Довлатова, уже прислали мне угрожающее письмо. Формулировки в этом письме напоминают статью 190 советского Уголовного кодекса: «...за распространение рукописей... будете привлечены к судебной ответственности». Во время жизни в России мы с Довлатовым только и занимались тем, что нарушали эту статью: передавали друг другу свои и чужие рукописи, пускали их в Самиздат, переправляли на Запад. Многие рукописи Довлатова были переданы западным издателям в нашей квартире в Ленинграде, включая и его первую крупную публикацию — «Невидимую книгу». Сейчас речь идет о второй «невидимой книге» — неизданной переписке. Мне удалось ускользнуть от судебной ответственности за передачу первой «Невидимой книги» из России на Запад. Довлатов бы оценил иронию судьбы, которая грозит мне привлечением к суду за передачу второй — с Запада в Россию. Но 700 тысяч американских адвокатов, объединенных во Всеамериканскую ассоциацию (American Bar Association) — более грозная сила, чем КГБ. Их я не посмею послушаться и «распространять» книгу не буду. Поэтому российский издатель, который решит издавать мою с Сергеем переписку, придется самому приложить усилия и найти в России один из экземпляров рукописи этой книги, отправленных в свое время для ознакомления в различные редакции.

С пожеланием удачи в этом нужном и достойном деле,

Игорь Ефимов  
2000

P.S. Пропуски говорят лишь о том, что данное письмо в архиве не сохранилось. Купюры же, безусловно, сделаны мною, их совсем немного и все они подчинены одной цели: не дать прорваться в книгу обидной неправде про живых людей, порой — и обидной правде, а иногда — прямой клевете, на которую Довлатов в художественном азарте был вполне способен. (Мне ли не знать, коли я сам стал жертвой этой его страсти.) Уверен, что читатель это поймет и его доверие к книге не уменьшится. Люди читающие знают, что полный текст появляется только в академических изданиях. Поэтому очень прошу: если даже Г. передаст Вам фотокопии писем, с которых делался набор, ни в коем случае вычеркнутые мною куски не восстанавливать.

И.Е.

\*\*\*

## *Цитата из интервью Е.Довлатовой*

*«Сейчас его [Довлатова] сестра Ксения публикует в журнале «Звезда» письма Сергея к отцу из армии. В них жизнь описывается в основном в стихах. Потом Сергей этого очень стеснялся и даже хотел уничтожить эти письма. Я буквально вырвала у него из рук папку с ними, крича, что это не его, а отцовская собственность».*

Огонек, № 35, август 1998.

*Яков Гардин*

## **ЧЕЛОВЕК ПРОТИВ СТРАХА**

*(из «предисловия к российскому изданию романа Ефимова «Архивы Страшного суда»)*

Странная и печальная ситуация — мне приходится рассказывать сегодняшнему читателю то, что в нормальных обстоятельствах он знал бы прекрасно.

Когда будет написана горькая, драматическая, героическая история русской эмиграции 1918—1985 годов (с восьмидесят пятого года эмиграция приобретает иной характер), то немалое место займет в этой истории издательская деятельность эмигрантов. Там будет рассказано о культурном подвиге ИМКА-Пресс и других крупных издательств. Найдутся в ней страницы и для маленького издательства «Эрмитаж», расположенного в городке Энглвуд, штат Нью-Джерси, в десяти милях от Нью-Йорка — через Гудзон. Владелец, главный редактор, бухгалтер, наборщик — Игорь Ефимов. Ему помогают жена — писательница Марина Рачко и дочь Наташа, заканчивающая школу...

Биография Игоря Ефимова, родившегося в Москве в 1937 году, сравнительно обычна, — до определенного момента. Сын расстрелянного в конце тридцатых годов офицера, знающий эвакуацию и послевоенную разруху, выпускник Политехнического института, молодой инженер-турбинщик, энтузиаст своей профессии, он начал писать прозу в начале шестидесятых и быстро приобрел известность.

В шестидесятых-семидесятых годах он был одной из самых заметных фигур в так называемой «молодой литературе» Ленинграда. Когда говорили о серьезной прозе, то среди первого десятка имен сразу возникали два имени — Битов и Ефимов. Он написал в конце шестидесятых большой «толстовский» роман «Зрелища», умный, увлекательный, изощренно психологический. Несколько лет роман кружился в холодном ветре издательского чистилища, собрал множество внутренних рецензий, преимущественно положительных, но так и не был издан. Осмелюсь предполагать, что импульс к издательской деятельности в США — быть может, подсознательно — родился у Ефимова еще тогда, при столкновении с унижительным безумием нашей издательской системы. Если бы роман был издан, то судьба писателя пошла бы по-иному. (Можно сколько угодно отплевываться от политики и делать вид, что мы выше этого, но никуда не деться от «низких проблем»: молодая литература шестидесятых и влияние на ее судьбу ленинградского обкома, руководства

издательства «Советский писатель», его директора — лично товарища Кондрашева, и, естественно, идеологического отдела КГБ. Когда-нибудь получившие доступ ко всем архивам исследователи разберутся — кому принадлежала та или иная людоедская инициатива, кто на кого влиял и так далее. От всего этого зависели судьбы людей, а стало быть, и литература.)

Роман не вышел в свет. В семидесятые Ефимов выпустил книгу современной прозы «Лаборантка» и превосходный исторический роман «Свергнуть всякое иго» — об Английской революции (Политиздат, 1977). На историческом романе стоит остановиться подробнее, ибо он — в некотором роде — предшественник «Архивов Страшного суда».

«Свергнуть всякое иго» — история бескорыстного и благородного Джона Лильберна, жившего в эпоху Английской революции, религиозного диссидента, подполковника кромвельской кавалерии, популярного публициста, вождя демократической партии левеллеров — уравнилелей. В романе с безукоризненной эрудицией и тонкой психологической разработкой воссоздана история революции и гражданской войны, столкновения политических групп и социальных слоев, представленных яркими и сильными характерами. В романе реализованы многие близкие Ефимову историософские идеи. В частности, мысль о свободе индивидуальной воли и историческом процессе как направленном сочетании этих воль — идеи, восходящие как к кантианству, так и к философским отступлениям «Войны и мира».

Свободная воля ведет по избранному пути «неподкупного Джона», демократа и гуманиста, любимца английского плебса (не путать плебса с люмпеном!), человека, уважаемого суровым Кромвелем. История Лильберна — в романе, — это история не столько политика, профессионала, сколько личности, живущей по нравственному закону, им выбранному и определенному, личности, равной себе в самых тяжких обстоятельствах, личности, для которой измена себе равнозначна самоуничтожению.

«Свергнуть всякое иго» — формула Лильберна, — имеет не только политический смысл. Свергнуть иго любого тирана, но и свергнуть иго преходящих обстоятельств, деформирующих человеческую душу и мешающих осуществлению справедливости.

По своей трезвости и политической компетентности роман «Свергнуть всякое иго» может быть поставлен в ряд с лучшими историческими романами последних десятилетий. И он, конечно, сыграл свою роль в том высоком «политическом просвещении», которым самоотверженно занималась наша умная и честная историческая литература, противоборствуя вульгарному шулерству официозных представлений.

Как и все остальные книги Ефимова, роман был изъят из обращения сразу после отъезда автора из страны...

Однако, несмотря на то, что Ефимов регулярно публиковал прозу, главным образом, детскую, было очевидно, что он «отступил в тень», отстранился от литературного процесса — худо-бедно, но текущего.

О его действительно главной в тот период работе знали только близкие ему люди.

Со свойственным ему педантичным упорством Ефимов занялся изучением философии. В первую очередь — система Канта и Шопенгауэра. (Вспомним, какую роль играл Шопенгауэр в философских построениях Толстого.) Результатом этих трудов явилась большая рукопись «Практическая метафизика» — не популяризация, но интерпретация и развитие названных систем. Наш читатель книги, естественно, не увидел. Она вышла в Америке, в издательстве «Ардис» в 1980 году, после отъезда автора из СССР. Внимательный критик писал о ней: «Практическая метафизика» — несомненный вклад в сокровищницу философской мысли... При чтении книги не покидает ощущение стихийной свежести мысли».

Затем Ефимов предпринял другой грандиозный труд — с точки зрения своих философских штудий он проанализировал огромный исторический материал.

Смысл этих занятий он так объяснил в начале своей работы: «Как нам уживаться на земле друг с другом, как уживаться людям разных племен и народов, разного языка и цвета кожи, разных вер и традиций, разных профессий и способностей, и можно ли уживаться или надо бороться с другими и подавлять, каким должен быть наилучший порядок совместной жизни людей и как его можно достигнуть и чем для него можно пожертвовать — вот конечный смысл всех вопросов, охватываемых словом политика».

Последние двести лет не слышно, чтобы кого-нибудь казнили смертью за ересь, колдовство, оскорбление святынь или еще какое безбожие. За политику же казнят нещадно — гильотинируют, вешают, расстреливают, травят газом, морят в концлагерях. Люди добровольно идут на смерть поодиночке и массами за свои политические убеждения: брат поднимается на брата, сын на отца, «пятеро в доме разделяются» во имя ее, целые народы погружаются в пучину гражданской войны.

И, может, именно оттого, что политика зажигает в сердце человеческого такую страсть, ей до сих пор не удалось стать объектом бесстрастного исследования. Хотя еще Аристотель называл политику важнейшей из наук, наукой она так и не стала».

В историософских занятиях Ефимова привлекала не просто возможность научного анализа действительности. В нем всегда был силен «учительский» импульс, «толстовский комплекс».

Рекомендуя в 1983 году Ефимова на профессорскую должность, Иосиф Бродский, близко знающий его с начала шестидесятых, писал: «Игорь Ефимов обладает всеми задатками превосходного преподавателя. Он полон идей. Его деятельный ум сочетается с терпением, которое можно, с моей точки зрения, уподобить терпению Иова... Меня бы очень порадовало, если бы он вел курс по русской политической и философской мысли, основываясь на своей отличной книге «Метаполитика» (оригинал на английском)».

Написанная в середине семидесятых годов «Метаполитика» была героической попыткой создать научную модель политической исто-

рии человечества, доступную любому думающему индивидууму. Вопрос о полноте и эффективности этой модели — вопрос, естественно, дискуссионный. Но могу сказать уверенно — эта просто и ярко написанная книга необходима нашему политизированному читателю, ибо она снабжает его огромной фактической информацией, систематизирует обрывочные сведения, которые существуют в головах дилетантов, и — главное! — резко стимулирует мысль.

Издать «Метаполитику» в СССР, разумеется, никакой возможности не было. Она вышла в 1978 году в США под псевдонимом Андрей Московит.

Как прозаика Ефимова с самого начала отличала «толстовская» плотность фактуры текста, напряженное внимание к парадоксальным соотношениям между душевным движением и его физическим результатом — поступком. Если героев молодого Андрея Битова мучало несоответствие, несоответствие желания и поступка, то герои Ефимова — апостолы реализации. Другое дело — к чему это приводило.

Но подлинным героем прозы Ефимова всегда была — страсть. Иными словами — возбуждающая воля.

Все эти черты сохранил он и в «Метаполитике» — только теперь поле действия развернулось во всю ширь мировой истории, в гигантских поступках реализовались порывы народов, а не отдельных личностей. Свидетельствую, что Ефимова всегда привлекали историографы, писавшие исторические сочинения исходя из художественного принципа — от человека, а не от процесса.

Страсть — мощное движение человеческих душ — исследуется в «Метаполитике» с педантичностью ученого-инженера и с человеческим любопытством писателя, ученика Толстого.

После выхода за границу «Метаполитики» Ефимов оказался в положении опасном. Комитет государственной безопасности, отнюдь не такой всеведущий, как иногда казалось, обратил свое благосклонное внимание на «наш круг» еще со времен «дела Бродского», а на некоторых и ранее, не в силу каких-то конкретных оперативных данных, а по причине нашего умонастроения. Как раз о делах практических, связанных с самиздатом и тамиздатом, Комитет, судя по отсутствию реакции, ничего не знал или только подозревал. (А через Ефимова шло большое количество книг «оттуда».) Умонастроение же выражалось в том, что мы писали, говорили публично, в подписанных нами протестах и так далее. Но «частый бредень», который Комитет постоянно закидывал в текущие воды «молодой литературы», иногда приносил некоторый улов. Так, от этой организации не укрылись — что было бы странно при тотальном наблюдении — многочисленные контакты Ефимова с иностранцами, в частности, его дружба с владельцами американского русскоязычного издательства «Ардис» — Элендеей и Карлом Профферами. В середине семидесятых годов появились малоприятные симптомы — Ефимова неожиданно вызвали в Большой дом, и некий пожилой полковник имел с ним длительную «беседу» ни о чем. Рефрен был таков: «Если я сейчас выдвину ящик стола и достану то, что там лежит, дела ваши будут плохи!» Ящик он так ни разу не выдвинул. Материала

для прямых вопросов у него явно не было. Втянуть Ефимова в диалог ему не удалось — Игорь всегда был мастером тяжелого, как чугун, молчания, когда ему не хотелось разговаривать. «Беседа» не принесла полковнику никакой информации, но закончилась неопределенными угрозами с его стороны.

Наши с Ефимовым семьи много лет проводили лето в маленькой псковской деревне. В 1977 году мы с женой и сыном приехали в деревню первыми. И один из расположенных к нам жителей, покойный Аким Ермолаевич, под большим секретом сообщил мне, что весной приезжали сотрудники КГБ — то ли псковского, то ли ленинградского, — и расспрашивали о нас всех, но, главным образом, о Ефимовых.

Что могло ожидать Игоря, если бы КГБ раскрыл псевдоним автора «Практической метафизики» и «Метаполитики»? Несмотря на отсутствие в этих книгах прямой «антисоветчины», сам факт публикации за границей был криминален. Кроме того, содержание книг резко противостояло ортодоксальной идеологии в общеполитическом и политологическом плане. Их содержание при желании — а в отсутствии такого желания наших опекунов заподозрить было бы несправедливо, — могло быть истолковано как «пропаганда и агитация, направленная на подрыв» и все такое прочее. Диапазон последствий простирался от изгнания из литературы, то есть нищеты, до лагеря или психушки. «Бред реформаторства», «бред философствования» — диагноз как диагноз.

Это была одна из причин отъезда Ефимова в 1978 году. Вторая, не менее существенная, — общая наша усталость от постоянного унижения: необходимость зависеть в своей литературной судьбе часто черт знает от кого изнуряла чрезвычайно. Если каждая из этих причин могла и не подвигнуть человека к эмиграции, то обе вместе оказывались неодолимыми и не только в этом конкретном случае.

Ефимов хотел личной независимости и личной безопасности — то есть возможности делать свое дело. Он ее получил. Его время распределяется между работой издателя и работой писателя.

Издательство «Эрмитаж», известное ныне большинству славитов мира, помещается в одной просторной комнате полуторазтажного ефимовского дома, в маленьком американском городке. Здесь — письменный стол, компьютер для набора, копировальная машина. Все.

Издательство «Эрмитаж» выпустило за последние годы многие десятки книг, среди которых немало замечательных и ни одной — случайной. «Дневники и письма» Троицкого, проза Сергея Довлатова, две книги стихов Льва Лосева, поэта сильно и своеобразно талантливому, недавно нам открывшегося (бывшего ленинградца, увы!), книга избранной прозы Георгия Иванова, сборник «Поэтика Бродского», «Цветая в жизни» Вероники Лосской, «Встречи с Пастернаком» Нины Муравиной, книги философа-публициста Н.Полторацкого «Россия и революция» и «Иван Александрович Ильин» (статьи о замечательном русском мыслителе XX века), воспоминания боевого офицера и писателя Кирилла Косцинского «В тени Большо-

го дома» (представляющие особый интерес для Ленинграда), «Дело академика Вавилова» Марка Поповского, «Жизнь и смерть Булгакова» Анатолия Шварца и многое, многое другое.

За эти же годы Ефимов, работая в две смены, написал интереснейшую книгу «Кеннеди, Освальд, Кастро, Хрущев», в которой заново трезво проанализировал весь накопившийся за два с лишним десятилетия материал, все имеющиеся свидетельства об «убийстве века» и пришел к весьма любопытным выводам. Он только что выпустил философско-авантюрный роман «Седьмая жена»... Он пишет и публикует статьи — о Пушкине, Толстом, Бродском, на экономические темы. Одна из них называется — «Как накормить Россию».

Да, он приобрел независимость и возможность заниматься своим делом. Но — потерял читателя. Конечно, книги, им изданные и им написанные, расходятся в тех количествах, которые реальны сегодня — там. Но ведь 99,9% читателей талантливого прозаика и оригинального мыслителя Игоря Ефимова — здесь. Равно как и настоящий покупатель продукции его издательства — тоже здесь.

## **КНИГИ ИГОРЯ ЕФИМОВА**

- «Смотрите, кто пришел!» (Роман. Ленинград, 1965)
- «Таврический сад» (Повесть. Ленинград, 1966)
- «Зрелища» (Роман. Самиздат, 1967. Журнальный вариант напечатан в журнале «Звезда» № 7, 1997)
- «Лаборантка» (Повесть и рассказы. Ленинград, 1975)
- «Свергнуть всякое иго» (Роман. Москва, 1977)
- «Метаполитика» (Философия истории. Мичиган, 1978. Перепечатана в России в 1991)
- «Без буржуев» (О советской экономике. Франкфурт, 1979)
- «Практическая метафизика» (Философская система. Энн Арбор, США, 1980)
- «Как одна плоть» (Роман. Энн Арбор, США, 1981. Перепечатан в России, в сборнике «Город и мир», Ленинград, 1991)
- «Архивы Страшного суда» (Роман. Энн Арбор, США, 1982. Перепечатан в России в 1992)
- «Кеннеди, Освальд, Кастро, Хрущев» (Истор.-докум. исследование. Тенафлай, США, 1987. Перепечатано в России в 1991)
- «Седьмая жена» (Роман. Тенафлай, США, 1990. Перепечатан в России в 1992)
- «Светляки» (Афоризмы. Тенафлай, США, 1991)
- «Время добра» (Статьи о рус. литературе. Тенафлай, США, 1993)
- «Не мир, но меч» (Роман. Журнал «Звезда», 1996, 9 и 10) вышел отдельной книгой под названием «Пелагий Британец» в Москве, 1998)
- «Четыре горы» (Афоризмы. Тенафлай, США, 1997)
- «Стыдная тайна неравенства» (Философско-политическое исследование. Тенафлай, США, 1999. Печаталось в виде серии статей в журнале «Звезда» за 1999 год.

### **НА АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ:**

- Our Choice and History** (Translation of «Метаполитика». New York, 1985).
- The Judgement Day Archives** (Translation of «Архивы Страшного суда». San Francisco, 1988).
- The Seventh Wife** (Translation of «Седьмая жена». Dallas, 1994).
- Did Castro Kill Kennedy?** (Translation of «Кто убил президента Кеннеди». Miami, 1997).



## Именной указатель\*

- Абрамов Федор Александрович** — ленингр. писатель 94
- Августин Блаженный** — церк. деятель 422
- Авербах Илья Александрович** — кинорежиссер 374
- Аверинцев Сергей Сергеевич** — историк 138, 139, 337
- Агаджанова** — жена В.Перельмана, филолог 9, 11
- Адамович Георгий Викторович** — поэт 235, 334, 339
- Азатовский Константин Маркович** — ленингр. литературовед 215, 220, 365, 379
- Акимов Николай Павлович** — ленингр. художник и театральный режиссер 194
- Аксенов Василий Павлович** — писатель 12, 43, 79, 86, 89, 107-110, 114, 120, 122, 123, 154, 161, 163, 171, 183, 209, 215, 240, 264, 270, 290, 314, 318, 319, 322, 334, 342, 384, 434, 435
- Аксенова Майя** — жена В.Аксенова 109, 169, 319
- Алексеева Людмила Михайловна** — историк, правозащитница, эмигр. в 1977 г. (США) 240, 352
- Алешковский Иосиф (Юз) Ефимович** — писатель, эмигр. в 1979 г. (США) 49, 50, 62, 63, 78, 101, 109, 169, 270, 318, 413
- Алданов Марк** — писатель 26, 334
- Алилуева** — дочь Сталина 270
- Аллой Владимир Ефимович** — ленингр. эссеист, эмигр. в 1975 г. (Франция) 133
- Аловерт Нина Николаевна** — фотограф, журналист, эмигр. в 1977 г. (США) 183, 204, 305
- Альтман Натан Исаевич** — художник 316
- Альтшуллер Марк Григорьевич** — литературовед, эмигр. в 1978 г. (США) 367, 368, 373
- Амальрик Андрей Алексеевич** — диссидент, мемуарист, эмигр. в 1976 г. (Франция) 406
- Амин Иди** — африк. политик 29
- Андреев Герман Наумович** — критик, эмигр. в 1975 г. (Германия) 229, 232
- Андропов Юрий Владимирович** — политик 273
- Аняс Сими** — эстонский художник 336
- Антокольский Марк Матвеевич** — скульптор 151, 152
- Антонович Александр Сергеевич** — литератор, эмигр. в 1981 г. (США) 239, 386
- Алдайк Джон** — амер. писатель 35, 287
- Анхутин Алексей Николаевич** — поэт 221
- Арапович Феликс Ефимович** — эссеист, эмигр. в 1979 г. (США) 151, 152, 183, 185, 208, 211, 240
- Армалинский Михаил Израилевич** — поэт, писатель, эмигр. в 1976 г. (США) 213, 217, 224
- Асеев Николай Николаевич** — поэт 408
- Ахматова Анна Андреевна** — поэтесса 35, 43, 79, 81, 364
- Бабель Исаак Эммануилович** — писатель 79, 81, 83, 107, 108
- Бажанов** — секретарь Сталина 108
- Бакланский Валдем Викторович** — ленингр. писатель 7
- Баланчин Георгий** — балетмейстер 404
- Балзвинник Михаил** — ленингр. фотоколлекционер 99
- Барышников Михаил** — артист балета 46, 61, 150, 198, 204, 305, 394, 402, 404, 407
- Баскин (Рыскин) 353**
- Басков Александр** — ленингр. литератор, эмигр. в 1977 г. 113
- Батчан Александр Матвеевич** — журналист, эмигр. в 1973 г. 154, 160
- Бахчанян Вагрич** — художник, поэт, эмигр. в 1974 г. (США) 55, 198, 208, 264, 319, 322, 340, 365, 370, 379, 385, 393
- Бейли Джон** — амер. журналист 322
- Беллоу Сол** — амер. писатель 58, 60
- Беломлицкий Михаил** — ленингр. художник, эмигр. в 1989 г. (США) 294, 351
- Белоперковский Валдем Владимирович** — эссеист, эмигр. в 1972 г. (Германия) 155, 230, 275, 312, 327, 419, 432, 433

\* Указатель составлен Анной Танчаровой с использованием аннотаций, полученных от Игоря Ефимова. Лица, упомянутые в приложениях, в указатель не вошли.

- Берберова Нина Николаевна** – писательница 61, 171, 334, 339, 340
- Берест** – владелец наборной мастерской 102, 105, 108, 113, 216, 221
- Бетаки Василий Павлович** – ленингр. поэт, эмигр. в 1973 г. (Франция), сотрудник «Континента» 28
- Бёльз Генрих** – нем. писатель 343
- Бирман Игорь Яковлевич** – моск. экономист, эмигр. в 1974 г. (США) 85, 86, 89, 92, 107, 108, 337
- Битов Андрей Георгиевич** – писатель 12, 30, 57, 146, 254, 276, 336, 402, 404, 423
- Бланк Михаил** 354, 410, 428, 429
- Блок Александр Александрович** – поэт 261
- Бобышев Дмитрий** – ленингр. поэт 8, 75, 78, 90, 101, 136, 336, 342, 345
- Болдырев Петр Матвеевич** – ленингр. эссеист, эмигр. в 1976 г. 106
- Боннер Елена Георгиевна** – жена А.Д. Сахарова, правозащитница 386
- Бочштейн Борис** – журналист, эмигр. в 1978 г. (США), сотрудник «Нового русского слова» 182, 203
- Брачман Рита** – амер. литературовед 293, 301, 413
- Браун Эдвард** – амер. профессор 404
- Брейберг Рита** – знакомая Довлатовых 416
- Брейтбарт Екатерина Алексеевна** – критик, эссеист, редактор, эмигр. в 1972 г. 64, 68, 89
- Брик Лиля Юрьевна** – возлюбленная В. Маяковского 288
- Бродский Иосиф Александрович** – поэт 8, 22, 28, 32, 34, 43, 46, 47, 49, 51, 56-58, 61, 63, 64, 68, 80, 85, 90, 94, 100, 101, 143, 150, 156, 161, 176, 204, 230, 233, 234, 236, 253, 264, 267, 286, 288, 293, 294, 299, 307, 318, 324, 327, 332, 336, 342, 360, 364, 366, 384, 386, 393-395, 398, 402, 407, 408, 418
- Броз Тито Иосип** – югославский политик 54
- Бронсон Чарльз** – амер. киноактер 215, 220, 402
- Брохья Татьяна** 19
- Брукс Люба** – газетный работник (Нью-Йорк) 255
- Буковский Владимир Константинович** – эссеист, диссидент: выслан из СССР в 1976 г. 176, 240, 330
- Булгаков Михаил Афанасьевич** – писатель 43, 80, 108, 285, 315, 319, 323
- Бушин Иван Алексеевич** – писатель 50, 242, 290, 320, 334, 345
- Бурхиян Игорь Николаевич** – ленингр. поэт, эмигр. в 1978 г. 13
- Бялый Григорий Абрамович** – литературовед 9
- Вагин Евгений Александрович** – член ВСХСОН (Всерос. социал-христ. союза освобождения народа), эмигр. в 1976 г. 105, 106
- Вагнгов Константин Константинович** – поэт 43-45
- Вайле Эндрю** – амер. литагент 182, 186, 210
- Вайль Петр Львович** – журналист, критик, эмигр. в 1977 г. (Нью-Йорк) 25, 27, 29, 32, 58, 85, 86, 89, 90, 93, 97, 105, 119, 120, 122, 123, 125, 130, 144-146, 157, 161, 163, 173, 182, 188, 193, 199, 210, 212, 217-220, 233, 236, 255, 278, 290, 307, 311, 315, 316, 319, 322, 327, 329, 330, 351, 353, 368, 370, 383, 413, 418, 422, 431, 432
- Вайльгенис** – см. Вайль и Генис 147
- Вайнберг Валерий** – зам. гл. редактора газеты «Новое русское слово», ныне – ее владелец 40, 46, 50, 75, 101, 103, 105, 106, 108, 113, 124, 136, 149, 155, 311
- Валк Габриэль** – владелец книжн. магазина и изд. «Effect Publishing» (Израиль, затем Нью-Йорк) 92, 105, 184, 203, 340, 362, 367
- Вампилов Александр Валентинович** – драматург 38
- Варшавский Владимир Сергеевич** – писатель, мемуарист, эмигр. в 1920 г. 235
- Вахтин Борис Борисович** – ленингр. писатель, основатель группы «Горожане» 57, 153, 154
- Вергилий** – поэт 57
- Вергилий Евгений Александрович** – ленингр. литератор, эмигр. в 1975 г. (США) 106
- Ветохин Юрий Александрович** – мемуарист, в 1979 г. сбежал в США 281, 315
- Вишковецкая Диана Федоровна** – ленингр. писательница, эмигр. в 1975 г. (США) 154, 161, 163, 250, 251, 297, 339
- Вишковецкий Яков Аронович** – ленингр. эссеист, эмигр. в 1975 г. (США) 297-299
- Вишневская Галина** – певица, жена М. Ростроповича 285
- Владимов Георгий Николаевич** – писатель 138, 182, 218, 293, 315, 322, 327, 349, 379, 380
- Вознесенский Андрей Андреевич** – поэт 9, 12, 221, 364, 365, 402, 404
- Войнович Владимир Николаевич** – писатель 80, 240, 270, 293, 379
- Волин** 41

- Волков Соломон** — эссеист, музыковед, эмигр. в 1976 г. (США) 286, 315, 316, 321, 393, 396, 404, 406, 407, 411
- Волкова Маршалла** — фотограф, эмигр. в 1976 г. (США) 195, 393, 394, 398, 404-408, 411
- Волоховский Ариг Гиршевич** — поэт, эссеист, эмигр. в 1973 г. (Израиль) 291
- Вольф Сергей** — ленингр. прозаик 336, 337, 378
- Вольфсон Белла (Бэбка)** 183
- Воннегут Курт** — амер. писатель 158, 159, 161, 162, 172, 214, 288, 377, 378
- Воронель Нинель Абрамовна** — поэт, драматург, эмигр. в 1974 г. (Израиль) 245, 293, 294
- Воронель Александр Владимирович** — эссеист, диссидент, эмигр. в 1974 г. (Израиль) 245
- Воскобойников Валерий** — ленингр. писатель 101, 291
- Высоцкий Владимир Семенович** — поэт 97, 215, 216, 220, 221, 402
- Габен Жан** — франц. киноактер 220
- Газданов Георгий Иванович** — писатель 339
- Галич Александр Аркадьевич** — поэт 19
- Галкина 356**
- Галушко Татьяна** — ленингр. поэтесса 336
- Гальперин** — журналист 154
- Гамилтон** — амер. типограф 309
- Ганди Махатма** — индийский политик 184
- Гендлер Юрий Львович** — журналист, глава русского отдела «Радио Свобода» (Нью-Йорк) 323, 324, 326, 327, 335, 433
- Генис Александр Александрович** — журналист, критик, эмигр. в 1977 г. (Нью-Йорк) 58, 85, 86, 89, 90, 93, 105, 119, 120, 122, 123, 125, 130, 139, 144, 145, 157, 161, 163, 173, 182, 188, 193, 210, 212, 217-220, 236, 255, 278, 290, 307, 311, 319, 322, 329, 330, 353, 368, 370, 413, 418, 422, 431, 432
- Герасимов 396**
- Герман Виктор** — узник ГУЛАГа 210
- Гершензон Михаил Осипович** 303
- Гидони Александр Григорьевич** — ленингр. литератор, член ВСХСОН, эмигр. в 1975 г. (Канада) 105
- Гириши Марк Дашилович** — писатель, эмигр. в 1974 г. 241, 242, 247, 250, 255, 319, 331, 375, 376
- Гиршман 41**
- Гладкий Аватоллий Тихонович** — моск. писатель, эмигр. в 1976 г. (Париж) 32, 50, 210, 245, 299, 312, 379
- Глаша** — собака Довлатовых, фокстерьер 7, 9, 341
- Глезер Александр Давыдович** — критик, издатель, эмигр. в 1934 г. 31, 34, 53, 54, 62, 92, 93, 102-104, 108, 266, 299, 312, 344, 384
- Глинка Мисаил** — ленингр. писатель 276
- Гоголь Николай Васильевич** — писатель 302
- Голлербах Сергей** — художник, эссеист 41
- Горбаневская Наталья Евгеньевна** — моск. поэтесса, эмигр. в 1975 г., сотрудница «Континента» и «Русской мысли» (Париж) 20, 60
- Горбачев Мисаил Сергеевич** — политик 365
- Гордин Яков Аркадьевич** — ленингр. литератор, соредaktor «Звезда» 32, 184, 281
- Горюхицкий Александр** — ленингр. поэт 221
- Горький Максим** — писатель 319
- Готлиб** — амер. редактор 287, 291
- Гофман Э.Т.А.** — нем. писатель 266, 270
- Грачев Рид Иосифович** — ленингр. писатель 333, 336, 337, 378
- Грибанов Александр** — литератор, эмигр. в 1987 г. (США) 262, 264
- Григоренко Петр Григорьевич** — генерал, эмигр. в 1977 г. (США) 149
- Григорьев Аполлон Александрович** — поэт 221
- Грин Грэм** — англ. писатель 215, 220
- Гроссман 379**
- Грубин Валерий** — литературовед, ленингр. приятель Довлатова 423
- Губерман Игорь Минович** — поэт, эмигр. в 1985 г. (Израиль) 192, 238
- Гутенхайм Соломон** — амер. меценат 143
- Гуль Роман** — писатель, гл. редактор «Нового журнала» 41, 214, 384
- Гумилев Николай Степанович** — поэт 43, 80, 81, 394, 398
- Гураш 89**
- Гусаров Владимир Николаевич** — актер, журналист, мемуарист 32
- Даль Владимир Иванович** — писатель 280
- Дар Давид Яковлевич** — ленингр. писатель, муж В.Пановой, отчим Б.Вахтина, эмигр. в 1977 г. (Израиль) 94, 340, 378
- Дебрецени Поль** — амер. профессор 167, 169, 222, 223, 289, 291, 305, 342
- Делоне Валым** — моск. поэт 10, 12
- Демиденко Михаил** — ленингр. писатель 220, 230, 245
- Деннисон** — амер. аспирант 39, 287
- Джефферсон Томас** — амер. политик 140, 143, 144
- Джиджикианили (Джиджи) Нодар** — писатель, философ, эмигр. в 1980 г. (США) 274, 275
- Джойс Джеймс** — англ. писатель 242

- Дмитриевский — ленингр. литератор, редактор 264  
 Днепров — журналист 323, 335  
 Достоевский Федор Михайлович — писатель 89, 142, 161, 202, 204, 205, 216, 264, 302, 323, 378  
 Дрыжакова 373  
 Дудин Михаил Александрович — ленингр. поэт 282  
 Дудин Юрий — сотрудник «Радио Свобода» 321  
 Дэскал Дэвид — нью-йоркский предприниматель 154, 156, 157, 163, 173, 255, 413  
 Егущенко Евгений Александрович — поэт 158, 322, 364, 394  
 Егидес Петр Маркович — эссеист 237  
 Езерская Белла Самойловна — журналистка, эмигр. в 1977 г. (США) 161, 164, 195, 285  
 Екатерина II — императрица 208  
 Елагин Иван Венедиктович — поэт 41, 42, 211, 213, 217, 230, 234  
 Елагин Юрий — музыкант, мемуарист 304  
 Еремин Михаил Федорович — ленингр. поэт 49, 61, 295  
 Ефимовский — вымышленный персонаж (имеется в виду И. Ефимов) 409  
 Ерофеев Венедикт Васильевич — писатель 9, 32, 71, 73, 270, 423  
 Жданов Николай — сотрудник издательства «Посев» 373  
 Жирмуцкий Виктор Максимович — литературовед 9  
 Жолковский Александр Константинович — литературовед, эмигр. в 1973 г. (США) 371  
 Заяц — писатель 13  
 Зайцев Борис Константинович — писатель 334, 339  
 Зайчик Марк Меерович — писатель, журналист, эмигр. в 1973 г. (Израиль) 50, 74, 77, 351  
 Збарский Лев — художник (Нью-Йорк) 57, 198  
 Зернова (Серман) Руфь Александровна — ленингр. писательница, эмигр. в 1976 (Израиль) 138, 139, 183, 188, 191, 195, 285, 340  
 Зибуова Тамара — вторая жена Довлатова 316  
 Зиник Зиновий Ефимович — писатель, эмигр. в 1975 г. 32  
 Зиновьев Александр Александрович — моск. философ, эссеист, эмигр. в 1978 г. (Германия) 213, 327  
 Зиновьева Аня 121  
 Зошенко Михаил Михайлович — писатель 43, 161, 323, 436  
 Иван Грозный — царь 421  
 Иванов Борис — ленингр. писатель 391  
 Иванов Георгий Владимирович — поэт 398  
 Иверия (Бетаки) Виолетта Исааковна — ленингр. поэтесса, журналист, эмигр. в 1973 г. (Франция) 282  
 Ильф Илья — писатель 176, 379  
 Иосель Михаил — писатель, эмигр. в 1986 г. (США) 378  
 Искандер Фазиль Абдулович — писатель 43, 254  
 Каганская Майя — литератор 67  
 Кайзер Роберт — ам. журналист 98, 158, 172  
 Календарев Борис — писатель, эмигр. в 1981 г. 39  
 Калинин Вячеслав — художник 263, 266, 270  
 Каминская Дина Исааковна — моск. адвокат, эмигр. в 1977 г. (США) 120, 122, 123  
 Камю Альбер — франц. писатель 422  
 Канунникова Вера — сотрудница изд. «Художественная литература» (Москва) 401  
 Карпинский Семен — амер. профессор 264  
 Кастро Фидель — кубинский политик 322  
 Катаев Валентин Петрович — писатель 396  
 Кафка Франц — нем. писатель 161  
 Каценельнбойген Арон Иосифович — экономист, эссеист, эмигр. в 1973 г. (США) 85  
 Кевев Павел 391  
 Кенжеев Бахыт — поэт, эмигр. в 1982 г. (Канада) 342, 345  
 Кеннан Джон — амер. политик 86, 239, 245  
 Кенведи Джон — амер. политик 322, 330, 349, 403, 404  
 Керенский Александр Федорович — политик 324  
 Кирпотин — моск. литературовед 253  
 Китаевич Юлий — инженер, друг И. Губермана 192  
 Клейман Людмила — литературовед (Израиль) 413  
 Клепикова Елена Константиновна — ленингр. критик, эмигр. в 1977 г. вместе с мужем и соавтором В. Соловьевым (США) 135, 283  
 Клещенко — ленингр. писатель 232  
 Клюев Николай Алексеевич — поэт 204  
 Клофф Альфред — амер. издатель 223, 224, 249, 254, 256, 287, 374  
 Кобзон Иосиф — певец 258  
 Коган Эмиль Исаакович — критик, эмигр. в 1968 г. (Франция) 247, 249, 256  
 Козлов Вильям — ленингр. литератор 101

- Козловский Владимир Давылович — журналист, эмигр. в 1974 г. (США) 158, 343
- Колчак Александр — политик 324
- Кондрашин Кирилл — дирижер 404
- Консон Вадим — журналист (Нью-Йорк) 15, 19, 209, 212, 218, 241, 250
- Копелев Лев Зиновьевич — переводчик, эссеист, эмигр. в 1980 г. (Германия) 46, 210, 240, 243, 312
- Корнеев — киноактер 119
- Коржавин Наум Моисеевич — поэт 46, 61, 176
- Корнблит Наташа — приятельница Довлатова 367
- Корчак Януш — польский писатель 184
- Косинский Иосиф — журналист, сотрудник «Нового русского слова» 272
- Косман Миша 38, 42, 43
- Костяки — коллекционер русской авангардной живописи 208
- Косинский (Успенский) Кирилл Владимирович — ленингр. писатель, эмигр. (США) 7, 13, 27, 29, 49, 55, 75, 121, 129, 140, 316, 340, 341, 343
- Косинская Аня — жена К. В. Косинского 27, 49, 55
- Кохане Мейр — глава воинствующей сионистской организации 40, 42
- Коч Эдвард — мэр Нью-Йорка 146
- Крайчик Борис — ленингр. инженер, участник литобъединений 328
- Крамер — псевдоним А. Орлова 323
- Крепс Михаил Борисович — литературовед, эмигр. в 1974 г. (США) 315, 319, 320
- Кристи Агата — англ. писательница 140, 196, 317
- Кришнамурти Джидду — индийский философ 312
- Кублановский Юрий Михайлович — поэт 90, 92, 128, 129, 310
- Кузнецов Эдуард Самуилович — диссидент, писатель, выслан из СССР в 1979 г. (Израиль) 240, 406
- Кузьминский Константин Константинович — ленингр. поэт, критик, эмигр. в 1975 32, 92, 297
- Кумпан Елена — ленингр. поэтесса 336
- Кундера Милан — чешский писатель 277
- Курдюмов А.А. — псевдоним автора книги об Ильфе и Петрове 379
- Кутузов — ленингр. писатель 245
- Кухарец Валерий — владелец книжн. магазина и изд. «Руссика» 40, 42, 43, 48, 55, 65, 101, 234, 268, 281, 376
- Кушнер Александр Семенович — ленингр. поэт 336, 357, 399
- Лазарев — псевдоним А. Орлова 323
- Лазарева — диссидентка 379
- Лапшица Елена — пианистка, приятельница Довлатова 7, 9, 49
- Левин Илья Давыдович — журналист, эмигр. в 1977 г. (США) 342, 345
- Левин Роман — амер. издатель 309
- Левков Илья — издатель 414
- Ле Карре Джон — англ. писатель 215, 220, 287, 317, 340
- Ленин Владимир Ильич — политик 44, 129, 176, 324
- Леонидов Павел Леонидович — писатель, эмигр. в 1973 г. (США) 58, 220, 287, 292, 308, 404
- Леопольд — дядя Довлатова, живший в Бельгии 10
- Либерманы (Константин и Людмила) — друзья Ефимовых в Детройте 216, 220, 222, 250, 252
- Лимонов Эдуард — писатель, эмигр. в 1974 г. 27, 29, 31, 32, 50, 132, 230, 261, 262, 264, 270, 322
- Липкин 379
- Липман 311
- Литвинков Павел Михайлович — диссидент, эмигр. в 1974 г. (США) 230, 312
- Лихачев Дмитрий Сергеевич — литературовед 379, 408
- Лосев (Лифшиц) Лев Владимирович (Леша) — ленингр. поэт, эмигр. в 1976 г. (США) 10-13, 22, 26, 27, 30-32, 39, 40, 45, 48, 49, 61, 68, 120, 125, 150, 158, 167, 223, 244, 250, 277, 289, 291, 293-295, 301, 310, 312-314, 318, 327, 332, 336, 351, 413
- Лунгина Татьяна Львовна — литератор, эмигр. в 1978 г. (США) 182, 222
- Лурье Соломон — ленингр. литератор, редактор журнала «Нева» 32
- Львов Аркадий Львович — писатель, эмигр. в 1976 г. (Нью-Йорк) 32, 65, 157, 216, 221, 251, 293, 318, 352
- Любарский Кронид Аркадьевич — физик, эссеист, эмигр. в 1977 г. (Германия) 237
- Любимов Юрий Петрович — режиссер 386
- Любин Евгений — писатель (Нью-Йорк) 13, 18, 20, 41, 211
- Макаренко Антон Семенович — педагог 319
- Маккиавелли Никколо — итал. писатель 91
- Максимов Владимир Емельянович — писатель, гл. ред. журнала «Континент» 28, 32, 40, 54, 55, 60, 61, 64, 74, 86, 92, 93, 105, 120, 122, 124, 179, 227, 239, 242, 245, 247, 282, 307, 310, 312, 313, 330, 343, 426
- Мамлеев Юрий Витальевич — моск. писатель, эмигр. в 1974 г. 90, 218

- Мандельштам Осип Эмильевич — поэт 61, 80, 364
- Маразмиз Владимир Рафаилович — ленингр. писатель, эмигр. в 1975 г. (Париж) 9-12, 14, 22, 28, 30-32, 55, 56, 63, 68, 118, 120, 131, 156, 239, 298, 307, 313, 340, 375, 423
- Маргулис 41
- Маринягоф Анатолий — поэт 51
- Маркиш Давид Перецович — моск. литератор, эмигр. в 1972 г. (Израиль) 118, 352
- Маркиш Симон Перецович — литератор, эмигр. в 1970 г. (Швейцария) 118
- Маркиш Перец — поэт 118
- Мартынов — владелец русского книжн. магазина в Нью-Йорке 26, 35
- Маршак Самуил Яковлевич — поэт 286
- Матисс Анри — франц. художник 195
- Маяковский Владимир Владимирович — поэт 61, 256, 278, 288
- Мейер Юрий — нью-йоркский журналист 323
- Мейлах Михаил — ленингр. литературовед 353
- Мейлер Норман — амер. писатель 158, 214, 364, 375
- Мережковский Дмитрий Сергеевич — писатель 335, 371, 398
- Мессинг Вольф — экстрасенс 182, 183, 238
- Меттер Борис — журналист (Нью-Йорк) 23, 65, 68-70, 93, 124, 136, 145, 149, 155, 157, 174, 179, 181, 214, 215, 232, 234, 301, 360
- Миллер Генри — амер. писатель 60
- Милославский Юрий Георгиевич — писатель, эмигр. в 1973 г. (Израиль, США) 218
- Милюш Чеслав — польский поэт 266
- Милтон 65
- Минчин Александр — литератор, эмигр. (США) 135
- Мирешкий Давид — художник (США) 289, 291, 354
- Михайлов Михаил (Михайло) Николаевич — югославский диссидент, эссеист (США) 54, 89, 90, 118, 120, 129, 155, 230, 240, 254, 307, 312
- Михеев Дмитрий — писатель 182
- Михель Барбара — квартирная хозяйка Довлатовых в Вене 7, 9
- Монжерон 31
- Монтан Ив — франц. киноактер 316
- Монтель Мишель — франц. философ 227, 282
- Моргулис Михаил Зиновьевич — писатель, издатель, эмигр. в 1977 г. (США) 102, 104, 107, 108, 113, 119, 154, 176, 181, 239, 245, 276, 307
- Мравинский Евгений Александрович — дирижер 316
- Муравник Майя Ильинична — критик, сотрудница «Континента» 312
- Набоков Владимир Владимирович — писатель 29, 43, 50, 62, 73, 80, 243, 334, 339
- Набокова Вера — жена В. Набокова 63
- Наврозов Лев Андреевич — журналист, эмигр. в 1972 г. (Нью-Йорк) 32, 130, 158
- Найман Анатолий Генрихович — поэт 367, 393, 417, 431
- Нароков (Моршен) — журналист 50
- Наталья Илларионовна — теща Косцинского 7, 9, 29, 49, 55
- Незнанский Фридрих Евсеевич — писатель, эмигр. в 1977 г. (США) 211, 316, 317
- Неизвестный Эрнст Иосифович — скульптор 90, 183, 202, 204-207, 209, 210, 230
- Некрасов Виктор Платонович — писатель 61, 105, 129, 131, 176, 230, 312, 405
- Нора Сергеевна (бабка Нора) — мать Довлатова 11, 13, 18, 54, 75, 92, 127, 148, 172, 182, 194, 208, 257, 265, 266, 307, 308, 329, 370, 375, 383, 436
- Нудельман Рафаил — писатель, переводчик, эмигр. в 1975 г. (Израиль) 245, 253
- Огурцов Игорь — глава ВСХСОН 105
- Оден Угстен — амер. поэт 242
- Озерная Наталья — автор англо-русского разговорника 211
- О'Коннор Катя — амер. переводчица 20, 40, 58, 91, 100, 158
- Окуджава Булат Шалвович — поэт 12, 97, 109
- Оловяников Феликс — книготорговец 203
- Орвелл Джордж — англ. писатель 143, 282
- Орликов 203
- Орлов Алексей Георгиевич — журналист, эссеист, эмигр. в 1976 г. (Нью-Йорк) 68, 140, 157, 255, 323
- Освальд Харви — убийца президента Кеннеди 29, 287, 322
- Осоргин Михаил Андреевич — писатель 334
- Охаткин Олег Александрович — ленингр. поэт 34, 44, 55, 341
- Паганини Николо — итал. скрипач 65
- Палавт Борис — адвокат 19
- Палей Павел — журналист, предприниматель 216, 220, 272, 283, 285, 332
- Пальме Улоф — швед. политик 364
- Павин Дмитрий Михайлович — эссеист, эмигр. в 1972 г. (Франция) 120

- Павова Вера Федоровна** — писательница 199, 423
- Паперно Дмитрий Александрович** — пианист, мемуарист, эмигр. в 1976 г. (США) 240, 256, 340
- Парамонов Борис** — эссеист, эмигр. (США) 101, 106, 129, 324, 356, 374
- Пастернак Борис Леонидович** — поэт 43, 315, 364
- Пекуровская Ася** — первая жена Довлатова 13, 60, 392, 435
- Перельман Виктор** — журналист, в эмиграции — глава журнала «Время и мы» 9, 34, 60, 65, 66, 74, 111, 144, 145, 155, 174, 239, 243, 329, 352
- Петров Евгений Петрович** — писатель 379
- Петрунис Сергей Александрович** — поэт, эмигр. в 1978 г. (США) 278
- Пичуль Валентин Саввич** — писатель 245
- Пичхалзе Шота** 19
- Платонов Андрей Платонович** — писатель 32
- Подгурские Марк и Мария** — друзья Ефимовых 110, 207, 310
- Поддубный Иван Максимович** — спортсмен 384
- Полевой Борис Николаевич** — писатель 396
- Половец Александр Борисович** — журналист, эмигр. в 1976 г., возглавлял еженедельник «Панорама» (Лос-Анджелес) 319, 393
- Поляк Григорий Давидович** — литературовед, редактор, эмигр. в 1973 г. 44, 45, 55, 57, 61-63, 65, 68, 70, 76, 79, 85-87, 89, 90, 92, 94, 95, 101, 105, 108, 111, 119, 125, 126, 137, 149, 150, 152, 155, 198, 203, 238, 242, 245-247, 268, 273, 299, 303, 307-309, 332, 334, 339, 340, 347, 349, 398, 407, 409, 417, 430
- Поляков Лев** — ленингр. фотограф, эмигр. (Нью-Йорк) 98
- Полякова Надежда** — ленингр. писательница 282
- Попов Евгений Аватольевич** — моск. писатель 124, 378
- Попов Валерий** — ленингр. писатель 225, 264, 336
- Поповский Марк Александрович** — журналист и историк, эмигр. в 1977 г. (США) 14, 15, 18, 19, 34, 35, 37, 41, 45, 46, 66, 89, 92, 101, 136, 149, 154, 157, 227, 231, 240, 243, 270, 291, 295, 330, 335
- Поремский** — представитель НТС 8
- Пореш** — диссидент 379
- Потапова Лида** — врач, ленингр. приятельница Ефимовых и Довлатовых 328
- Проффер Карл** — глава издательства «Ардис» 7, 9-11, 13-16, 20, 22, 23, 27-29, 31-36, 38-41, 43, 44, 46, 48, 49, 52, 53, 61, 62, 65, 68, 70-73, 76, 78, 79, 88, 91, 92, 94, 97, 100, 110, 115, 116, 122, 124-126, 133, 135, 137, 144, 152-154, 163, 165, 167, 169-172, 175, 179, 181, 185, 186, 201, 219, 223, 233, 258, 261, 262, 268, 272, 273, 282, 285, 289, 292, 296, 313, 314, 316, 318, 319, 334, 335, 340, 409
- Проффер Эллена** — жена К.Проффера 72, 95, 97, 98, 100, 170, 171, 186, 219, 220, 222, 223, 316, 319, 340, 347, 421
- Пчелова Татьяна** — ленингр. приятельница Довлатовых и Ефимовых, в Америке преподавала русский язык в военной школе 52
- Пушкин Александр Сергеевич** — поэт 44, 134, 233, 257, 259, 295, 323
- Рабинович Алик** — ленингр. книжник, эмигр. (США) 57, 386
- Радовецкий Сергей** — церковный деятель 184
- Раион Аркадий Исаакович** — артист 102, 316
- Рандаза Джо** 75
- Рар Л.В.** — директор издательства «Посев» 24, 47
- Распутин Григорий Ефимович** — старец 254
- Ратушнская Ирина Борисовна** — поэтесса, эмигр. в 1986 г. (Англия) 294, 306, 307
- Рафальский (М.Сергеев)** — парижский журналист 9
- Рачко (Ефимова) Мария Михайловна** — жена И.Ефимова, ленингр. литератор, эмигр. в 1978 г. 28, 133
- Рейн Ровальд** — амер. политик 323, 365, 378
- Рейн Евгений Борисович** — поэт 61, 92, 195, 393, 414
- Ремизов Алексей Михайлович** — писатель 43, 44, 345
- Ржевский Леонид Денисович** — писатель (Нью-Йорк) 41, 202, 333, 334, 337, 339, 340
- Рогинский Арсений** — ленингр. диссидент 215, 220, 365
- Розанов Василий Васильевич** — писатель 60, 225
- Розава Мария Васильевна** — жена А.Д.Синявского, издательница, эмигр. в 1973 г. (Франция) 237
- Ромашникова Дора Григорьевна** — музыковед, эмигр. в 1978 г. (США) 285, 356
- Ромашов Пантелеймон Сергеевич** — писатель 423
- Ростропович Мстислав Леопольдович** — музыкант и дирижер 285, 408

- Рубин Евгений** — спортивный журналист, мемуарист, эмигр. (Нью-Йорк) 19, 23, 68-70, 74, 93, 136, 249, 254, 270, 272, 273, 283, 324, 433
- Рубинштейн Наталья** — журналистка 69
- Рудкевич Лев** — представитель «Посева» в Вене 8, 49
- Руссо Жан Жак** — франц. писатель 251, 422
- Рухин** 351
- Ручкин Борис** — ленингр. писатель, эмигр. в 1978 г. 41, 55, 58
- Рускин Григорий Исаакович** — литератор, эмигр. (США) 154, 413, 418
- Рытхей Юрий Сергеевич** — ленингр. писатель 59
- Рэдфорд Роберт** — амер. киноактер 316
- Сагаловский Наум Иосифович** — поэт, эмигр. в 1979 г. (США) 151, 152, 155, 178, 183, 200, 337, 340, 370, 374, 379, 393
- Сахаров Андрей Дмитриевич** — академик, правозащитник 19
- Светлов Михаил** — поэт 252
- Светоний** — римский историк 396
- Свешников Борис** — моск. художник 142, 167, 174
- Свирский Григорий Цезаревич** — моск. писатель, эмигр. в 1972 г. (Израиль, Канада) 252, 276
- Севастьянов** — литератор, ленингр. приятель Довлатова 345
- Севела Эфραίим** — писатель, эмигр. в 1971 (Израиль, США) 157, 195, 270
- Седых Андрей** — глава газеты «Новое русское слово» (Нью-Йорк) 14, 20, 26, 28-32, 34, 40, 41, 44, 46, 48, 50, 61, 70, 75, 97, 101, 149, 154, 155, 202, 203, 214, 242, 249, 267, 268, 271, 273, 278, 286, 343
- Семенов Глеб Сергеевич** — лен. поэт 336
- Серман Илья Захарович** — ленингр. литературовед, эмигр. в 1976 г. (Израиль) 209, 210, 219, 315, 348, 352, 359, 361-363
- Серман Марк** — фотограф, эмигр. в 1976 (Израиль, США) 70, 84, 205, 254, 266, 281, 285, 353
- Силницкая Лариса** — журналистка, издательница (США) 379, 385
- Сименон Жорж** — франц. писатель 196
- Сиявин Игорь Иванович** — художник, эссеист, эмигр. в 1976 г. (США) 55, 106
- Синявский Андрей Донатович** — писатель 54, 120, 136, 155, 171, 213, 225, 229, 230, 254, 307, 310, 312, 379, 393, 396, 398
- Сичкин Борис** — актер, мемуарист, эмигрант 241, 250, 308
- Скачинский Александр Сергеевич** — литератор, эмигр. в 1977 г. (Нью-Йорк) 13, 20, 41
- Скорняков** 105
- Скэммилл Майк** — амер. литератор 323
- Слушкий Борис** — поэт 324
- Смирнов Игорь** — ленингр. литературовед, эмигр. (Германия) 225, 227, 228, 267, 379
- Смит Хелрик** — амер. журналист 158
- Слайдер Том** — амер. тележурналист 46
- Сокирко Виктор Владимирович** — моск. диссидент, выпускал самиздатский журнал «Поиски» 78, 81
- Сokolov Саша** — писатель, эмигр. в 1975 г. (Канада) 291, 314, 318, 342, 345, 385
- Сокольский** — книготорговец 241, 249
- Солженицын Александр Исаевич** — писатель 24, 133, 135, 142, 157, 176, 247, 270, 274, 327, 335, 394, 413
- Соловьев Владимир Исаакович** — журналист, писатель, эмигр. в 1977 г. (Нью-Йорк) 32, 55, 87, 101, 172, 268, 273
- Сологуб Федор Кузьмич** — писатель 161
- Солсбери Гаррисон** — амер. писатель 158, 172, 405
- Сорокин М.** — друг В.Высоцкого 220
- Соснора Виктор Александрович** — поэт 79, 336, 339, 365, 408, 417, 425, 430
- Сотникова** 77
- Сталин Иосиф Виссарионович** — политик 378
- Степулковский** — сотрудник изд. «Overseas Publications» 60
- Столина Мара** — организатор лит. выступлений (Сан-Франциско) 374
- Стронгин Марат** — приятель Довлатова 385
- Струве Глеб Петрович** — литературовед 235
- Субботин** — редактор «Нового русского слова» 46, 101
- Сумеркин Александр Евгеньевич** — литератор, эмигр. в 1977 г. (США) 234, 340
- Суслев Илья Петрович** — моск. писатель, эмигр. в 1974 г. (США) 138, 139, 183, 191, 192, 209, 217, 222, 223, 290, 349
- Табачник Гарри** — литератор, эмигр. в 1973 г. (США) 41, 350
- Таккер Лиза** — амер. переводчица 93, 100
- Таккер Роберт** — амер. историк 93, 100
- Татлян Жак** — франц. артист 57
- Тахалде Иосиф** — журналист 183
- Твардовский Александр Трифонович** — поэт 94
- Тендряков Владимир Федорович** — писатель 254



- Терновский 10**  
**Терц А.** — псевдоним А.Д.Синявского 68  
**Толстой Алексей Николаевич** — писатель 220  
**Толстой Лев Николаевич** — писатель 89, 175, 218, 302, 323, 345, 422  
**Тольд Владимир** — сотрудник «Радио Свобода» 324  
**Тополь Эдуард Владимирович** — писатель, эмигр. в 1978 г. (США) 211, 316, 317  
**Траволта Джон** — амер. киноактер 54  
**Трифонов Юрий Валентинович** — писатель 239, 253, 254, 368  
**Троль Юлия** — журналистка, (Нью-Йорк) 19, 66, 356  
**Троцкий Лев Давидович** — политик 7, 75, 398  
**Тудоровская Елена Александровна** — литературовед, эмигр. в 1977 г. (США) 320  
**Тульчинский Альфред** — журналист 244, 286  
**Туманов** — сотрудник «Радио Свобода» 388, 392  
**Тургенев Иван Сергеевич** — писатель 316  
**Турчин Валентин Федорович** — физик, эссеист, эмигр. в 1977 г. (США) 61, 225, 350  
**Тэффи Надежда Александровна** — писательница 423
- Ульянов Николай** — историк 191  
**Успенская Джоан** — жена К.Кослинского 412  
**Устинов Питер** — англ. артист, писатель 281  
**Утесов Леонид** — певец и актер 102  
**Уфлянд Владимир** — ленингр. поэт 9, 11, 22, 26, 41, 48
- Фаберже Карл** — ювелир 65  
**Федосеев Авятолий Павлович** — эссеист, с 1971 в Англии 120  
**Фельдгаузенский Юрий Георгиевич** — эссеист, эмигр. в 1978 г. (США) 394  
**Финн Дональд** — амер. профессор 210, 214, 215, 220  
**Флеминг Ян** — англ. писатель 197  
**Фолквер Уильям** — амер. писатель 391  
**Фотгев** — представитель издательства «Посев» (Германия) 47  
**Фридман Ая** — амер. переводчица 47, 58, 81, 91, 100, 158, 182, 210, 224, 233, 234, 283, 287, 291, 331, 374, 375
- Хазанов Борис** — писатель, эссеист, эмигр. в 1982 г. (Германия) 32, 386  
**Хайкинд** 286  
**Халиф Лев** — поэт 54, 62
- Хамармер Вера** — сотрудница «Континента» 242  
**Харитонов** — актер 119  
**Хармс Даниил** — поэт 345  
**Хаустов** — ленингр. поэт 282  
**Хвостенко** — поэт 31  
**Хейфец Михаил Рувимович** — ленингр. литератор, эмигр. в 1980 г. (Израиль) 174  
**Хемингуэй Эрнест** — амер. писатель 71, 195  
**Ходасевич Владислав Фелицианович** — поэт 61, 79, 218  
**Холоденко** — ленингр. поэт 94  
**Хрушев Никита Сергеевич** — политик 322
- Цветаева Марина Ивановна** — поэтесса 43, 61, 99, 234, 242  
**Цветков Алексей Петрович** — поэт, эмигр. в 1975 г. 61, 63, 68, 342, 345  
**Цукерман Слава** — юнорежиссер, эмигр. в 1974 г. (Израиль, США) 130
- Чалидзе Валерий Николаевич** — эссеист, издатель, эмигр. в 1972 г. (США) 191, 193, 225, 230  
**Чайков Александр Васильевич** — писатель 79  
**Черкасов Николай** — артист 316  
**Черный Саша** — поэт 423  
**Черток Семен Маркович** — журналист, эмигр. в 1979 г. (Израиль) 256, 278, 281  
**Чехов Антон Павлович** — писатель 24, 245, 423, 436  
**Чехов Михаил** — актер 304  
**Чивер Джон** — амер. писатель 159  
**Чирсков Федор Борисович** — ленингр. писатель 391  
**Чуковский Корней Иванович** — писатель 242
- Шаламов Варлам Тихонович** — писатель 142  
**Шамкович Мила** — сотрудница «Нового русского слова» 203  
**Шapiro Соломон** — друг Довлатова 199, 275, 287, 332, 364, 386  
**Шароль** 278  
**Шарымова Наталья** — ленингр. журналистка, эмигр. (Нью-Йорк) 30, 34, 43, 70, 74, 144, 154, 159, 173, 181, 286, 412  
**Шляховская Элианда** — гл. ред. газеты «Русская мысль» (Париж) 12  
**Шварц Евгений** — драматург 242, 247
- Шварц Бетти** — редактор ленингр. радио 283  
**Шварц Лена** — поэтесса 336  
**Швец Платон** — музыкант 9  
**Шевченко Аркадий Николаевич** — дипломат, с 1978 г. в США 361, 364

- Шекспир Уильям** — англ. драматург 125
- Шемкин Михаил** — художник, эмигр. (США) 103, 108, 118, 142, 194, 220
- Шенкер Лариса** — издатель 368, 370
- Шенкер Илья** — художник 368
- Шерали Виктор** — ленингр. поэт 341
- Шигашов** — ленингр. литератор 291
- Шилдс Брук** — амер. киноактриса 292
- Шифрин В.** — псевдоним Довлатова 149
- Шлисте Юрий** — сотрудник «Радио Свобода» 394
- Шмаков Геннадий Григорьевич** — критик, поэт, эмигр. в 1975 г. (Нью-Йорк) 55, 60, 61, 78, 90
- Шолохов Михаил Александрович** — писатель 32
- Шопенгауэр Артур** — нем. философ 433
- Шостакович Дмитрий Дмитриевич** — композитор 316
- Шоу Бернард** — англ. драматург 321
- Шрагин Борис Иосифович** — эссеист, эмигр. в 1974 г. (США) 130, 155, 163, 225, 230, 237, 240, 243, 254, 312, 323, 328
- Штейн Вероника** — сотрудница Нью-Йоркской организации «International Literary Center» 36, 38, 41, 57, 58, 180, 304
- Штери Лев** — журналист 33, 45, 85, 185
- Штери Людмила Яковлевна** — писательница, журналистка, эмигр. в 1975 г. (Бостон) 27, 40, 54, 67, 78, 81, 101, 103, 106, 108, 128, 129, 169, 185, 197, 212, 213, 220, 223, 245, 264, 319, 327
- Штурман Дора Моисеевна** — историк, эссеистка, эмигр. в 1977 г. (Израиль) 265, 266, 268, 271-273, 275, 343, 413
- Шукин Василий Макарович** — писатель 43
- Эйкалович (игумен Геннадий)** — священнослужитель, эссеист (США) 42, 129, 214, 215
- Эйхенбаум Борис Михайлович** — литературовед 186
- Элькеп Хэйли** — редактор «Ленфильма» 156
- Эткинд Ефим Григорьевич** — литературовед, эмигр. в 1974 г. (Германия) 210, 230, 237, 307, 312
- Эшер Лице** — редактор журнала «Нью-Йоркер» 283, 331
- Юрасов** — сотрудник «Радио Свобода» 129
- Яковлева Татьяна** — возлюбленная В. Маяковского 61
- Яновский Василий Семенович** — писатель 242, 334, 339

На территории США и Канады книги  
издательства "ЗАХАРОВ" оптом и в розницу  
можно приобрести по адресу:

**Petropol, Inc.**  
**1428 Beacon Street**  
**Brookline, MA 02446**  
**(617)232-8820**  
**Интернет магазин:**  
**www. PETROPOL.Com**

**Сергей Довлатов — Игорь Ефимов**

**ЭПИСТОЛЯРНЫЙ РОМАН**

*Художник*  
А.В.Кокорекин

*Верстка*  
К.А.Лачугин

*Корректор*  
А.Е.Танчарова

ISBN 5-8159-0069-9



9 785815 900691

Издатель Захаров  
Лицензия ЛР №065779 от 1 апреля 1998 г.

Адрес: 121069, Столовый переулок, 4, офис 9  
(рядом с Никитскими воротами)

Телефон: 291-1217

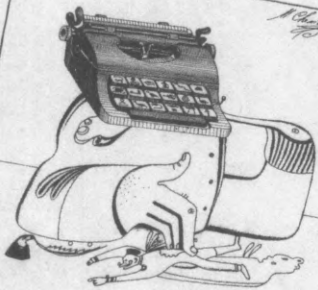
Директор: Ирина Евгеньевна Богат

Подписано в печать 13.11.2000. Формат 84 × 108/32.  
Гарнитура Таймс. Печать высокая. Объем 13,5 п. л.  
Тираж 15 000 экз. Изд. № 101. Заказ № 338.

Отпечатано с готовых диапозитивов  
в Государственном ордена Октябрьской Революции,  
ордена Трудового Красного Знамени Московском  
предприятии «Первая Образцовая типография»  
Министерства Российской Федерации по делам печати,  
телерадиовещания и средств массовых коммуникаций.  
113054, Москва, Валовая, 28

Сергей Довлатов

# СОЛНА



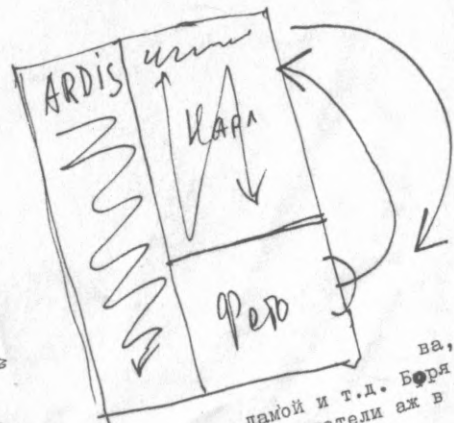
Сергей Довлатов  
СОЛО НА УНДЕРВУДЕ

Владимир Ермаков  
С. Д.  
(. Д.)

"The New American's Press" (2.10.80) 7.0

\* Russian Weekly \*  
Room 701, One Times Square  
New York, New York 10036  
Telephone (212) 840-2048

Дорогой Игорь! Минут в немого-  
скамастфе. Загза вошла. Шудадва 6  
Фине. В пятницу утром - 4,5. как  
задам еще два галем. И сразу  
и. Установка прямо сенсационная  
русских мест замет.  
не коя мест замет.  
назадан" сг различают. А  
"ужасная наша  
перевыс; а где  
Т. 2.



ламой и т.д. Боря Меттер дважды побил машину, он плохо водит, а на-  
ми... Я вас обнимаю. С. Займае артану амет  
Приехали Серманы. В пятницу вечером я к ним зайду. Т.е - завтра.  
Р.С. Как готто Андер 1-й номер, Урша воляк займае артану амет  
инного малашка.

ИМ:

Игорь! Про Вас я обязательно напи-  
шу. Это не долг, а потребность. Просто  
нет времени. Про Крла оказалось  
легче. Мы бегаем с 8 утра до часу ночи  
Доставка /будущая/, материалы деловые, вся  
терминология набора и печати - чужая.  
Вся техника газеты - незнакомая. И еще  
надо править. Все пишут очень плохо. Или  
длинно. Или вообще не пишут, как Шарымова,  
а только звонят и мучают. Сегодня Женя Ру-  
бин упал в обморок в наборном цехе. У него яз-  
ва, а он целый день не ест, мы всё гоняемся за рек-  
лами и т.д. Боря Меттер дважды побил машину, он плохо водит, а на-  
ми... Я вас обнимаю. С. Займае артану амет  
инного малашка.

The New American  
America's only  
Russian language weekly

**НОВЫЙ  
АМЕРИКАНЕЦ**

One Union Square, suite 214  
New York, N. Y. 10003  
Tel. (212) 691-7664

Новый аме  
Еженедельн  
на русск  
2154509

(1981)

14 марта.

Дорогой Игорь!

За Кублановского и, тем более - Ефимова - огромное спасибо. И за Эйка  
ловича, которому Вы дали наш адрес. А также - за Михайлова. Его статья о  
Ленине и нем. деньгах - замечательная.  
В. Некрасов /двойник Успенского, только менее обаятельный/ пишет, что  
"Емельянич" обижен. Что он - раним. А также, что я должен извиниться. Нечт  
фантастическое.  
Игорь и Марина! Читали ли вы у нас о смертной казни? Не могли бы  
ротко отозваться? Это самая актуальная тема в Нью-Йорке.  
Игорь, головки почему-то не идут. Что весьма нас задерживает.  
И последнее, меня выгнали с "Либерти". Повергнув в крайнюю нищету  
перескур. Запретив себе обсуждать ее  
возрослевший романтик. ко мне хорош

Sergei Dowlator  
105-38 63 Dr. apt. 6 S  
Forest Hills, N.Y. 11375  
Tel. (212) 459-7088

рат  
то  
се  
н

4 сент. (видимо, октябрь)

Дорогой Игорь!

Еще раз, теперь уже, так сказать - официально, на бумаге: о гр  
Вам и Марине спасибо, книжка, по-моему, выглядит довольно симпат  
во всяком случае так, как мне хотелось, но даже всеобъемлюще ирс  
ный Бахчанян, сам автор десятков обложек - похвалил и говорит,  
хоже на русский авангард из собрания Костакки.

Ошибка единственная, пропущенная мной, Леной и мамой, на 60-й  
странице: "Америка для нас была подобно Карфагену или Трое..."  
надо - подобна.

Я написал и сегодня буду читать передачу об Арановиче и е  
книге, она мне понравилась, хотя он ничего не нашел - ни барелье  
надгробья, ни - куда девалась Екатерина II.

Обнимаю. Всего доброго.

С. Довлатов

Итак, без черновика. Отсутствие времени стало кошмаром моей жизни. Не сербитесь.

ИГОРЬ  
ЕФИМОВ



*Эпистолярный роман  
с Сергеем Довлатовым*